

Огни Кузбасса

75 лет

№ 5 / 2024

«Огням Кузбасса» – 75 лет!

«Огни Кузбасса», 1995 год

ОБЩЕСТВЕННЫЙ СОВЕТ

Б. В. Бурмистров,
г. Кемерово, председатель
общественного совета

Н. Ф. Иванов,
г. Москва, председатель
Союза писателей России

И. Ф. Федорова,
г. Кемерово, заместитель
председателя Совета по
вопросам попечительства
в социальной
сфере Кемеровской
области – Кузбасса

С. Ю. Куняев,
г. Москва, лауреат
Государственной премии
им. М. Горького, главный
редактор журнала
«Наш современник»

В. Н. Крупин,
г. Москва, первый лауреат
Патриаршей
литературной
премии

Г. Л. Немченко,
г. Москва, лауреат премии
«Прохоровское поле»

Д. Я. Голофаст,
директор по внешним
связям и имущественным
отношениям Кузбасского
филиала ООО «Сибирская
генерирующая компания»

ЖУРНАЛ
ПИСАТЕЛЕЙ
РОССИИ

Огни Кузбасса

ИЗДАЕТСЯ С 1949 ГОДА

№ 5 / 2024

СЕНТЯБРЬ – ОКТЯБРЬ

Литературный журнал
выходит
при поддержке
Министерства культуры
и национальной политики
Кузбасса

Главный
редактор
Д. В. МУРЗИН

Редколлегия:
Сергей ДОНБАЙ
Надежда ДУБРОВСКАЯ
Татьяна ИЛЬДИМИРОВА
Андрей КОРОЛЕВ
Наталья МУРЗИНА
Юлия СЫЧЕВА
Елена ТРУХАН
Дмитрий ФИЛИППЕНКО
Марина ЧЕРТОГОВА
Евгений ЧИРИКОВ
Григорий ШАЛАКИН

Адрес редакции: 650000,
Кемеровская область – Кузбасс,
г. Кемерово, пр. Советский, д. 40,
тел. 8 (3842) 36-85-14

16+

Содержание

ЮБИЛЕЙ

Поздравления	3
Александр Савченко. Вперед и дальше! О черк	4

ПРОЗА

Дмитрий Артис. Дневник добровольца. (Записи второго круга: 16.06.2023 – 01.11.2023)	18
Ольга Ерёмкина. Не страшимся! Роман - хроника. Окончание	65
Александр Хорунжий. Согласитесь, это удобно. Рассказ	102

ПОЭЗИЯ

Юрий Перминов. Окопные свечи	13
Александра Малыгина. Синебровый мотом	62
Елена Трухан. Словно строчки последней дымок... ..	100
Ирина Тюнина. Зовут в небеса журавли... ..	106

45 ЛЕТ ЛИТЕРАТУРНОЙ СТУДИИ «ПРИТОМЬЕ»

Алексей Бурко, Юлия Сычёва, Сергей Чернопяттов, Екатерина Краснова, Надежда Дубровская, Андрей Пятак, Галина Червова, Владимир Коньков, Татьяна Катрич, Николай Игнатьев. Стихи	108
--	-----

ЛИКИ ЗЕМЛЯКОВ

Борис Бурмистров. Моё поколение	113
--	-----

ЗВЁЗДЫ НАД ДОНБАССОМ

Максим Черепанов. Два рассказа. Владимир Софиенко. Два рассказа. Владислав Русанов. Живая вода. Велта Кирякова. Рыжая Победа. Дмитрий Лазарев. Когда поет флейта. Рассказы	120
---	-----

ДРУЖБА ЖУРНАЛОВ

Литературный альманах Республики Коми «Белый бор»	152
Андрей Попов. Жизнь подходит к началу... ..	153
Надежда Мирошниченко. Нас разучили плакать и жалеть... ..	155
Алёна Шомысова. Никого мой сон не задевает... ..	157
Елена Афанасьева. Птица.	159
Петр Столповский. Рассказы	161

КРИТИКА. ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Татьяна Горохова. Красавицы, поэтессы, активистки... (О книгах А. Коржовой, О. Роковой и И. Надировой)	166
---	-----

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЖИЗНЬ

Литературная хроника. Подготовил Д. Мурзин	169
---	-----

Русскому советскому писателю Николаю Алексеевичу Островскому – 120 лет

(1904–1936)

120 лет назад родился Николай Островский — автор великого романа «Как закалялась сталь».

Цитату из романа: «Жизнь даётся человеку один раз, и прожить её надо так, чтобы не было мучительно больно за бесцельно прожитые годы» — помнят все, а вот содержание книги... Меж тем, главный её герой Павка Корчагин, уроженец украинской Шепетовки, в начале XX века в составе Красной Армии сражается с петлюровцами — «задушившими край «жовтоблаkitниками». Когда временно оставленную красными Шепетовку инспектирует лично Петлюра («на голове защитная «керенка», на ней кокарда с эмалевым трузубцем»), въехавшие до него его подручные «приносят и водружают знамя: жёлтое с голубым», оркестр играет «Ще не вмерла Украина», а солдаты кричат «Слава! Слава!». Петлюровцы устраивают погромы, избивая и убивая мужчин и насилая женщин, — как это похоже на сегодняшние репрессии, устраиваемые СБУ на территориях, временно оставленных нашими войсками...

«Как закалялась сталь» — роман во многом автобиографический, в нём нет ничего умозрительно агитационного. И у тех, кто его прочитает или перечитает, не возникнет ни единого вопроса из серии, почему, для чего и справедливо ли русские добровольцы едут сегодня на малую родину Николая Островского с оружием в руках. Так же, как и сам Николай Островский и его Павка Корчагин.

Матвей Раздельный

Коллективу редакции литературного журнала «Огни Кузбасса»

Дорогие друзья!

Сердечно поздравляем вас: издателей, сотрудников и всех авторов одного из лучших литературных журналов России со столь знаменательной датой – 75-летием и счастливо пребываем в искреннем убеждении, что этот красивый во всех смыслах возраст – не причина для всяких сравнений с мишенями, рубежами, процентами. Потому что ваше известное далеко за пределами Кузбасса и Сибири издание куда выше любых избитых слов, привычных фраз и стандартных пожеланий. Любые же трудности всегда только закаляли ваш коллектив и ваши животворные артерии, придавали уверенности в собственных силах. Благодаря в том числе и вам, Россия по-прежнему велика не только своими территориями, но и державной мощью.

Пускай же всё, чего вы добились к этому дню, станет крепкой основой для будущих свершений! Слава и честь вам в этот прекрасный день! Да хранит Господь пути ваши и всегда направляет к Свету!

*Председатель президиума общественного
благотворительного фонда «Возрождение
Тобольска»* **А.Г. Елфимов,**

*Главный редактор альманаха «Тобольск и вся
Сибирь», секретарь Союза писателей России*
Ю.П. Перминов.
г. Тобольск

Дорогая редакция «Огней Кузбасса»! От Фонда В. П. Астафьева, от Красноярского отделения Культурного Фонда РФ и просто как писатель, читатель и автор вашего прекрасного издания – поздравляю один из старейших журналов Сибири с 75-летием! Год этот и впрямь богат на юбилеи: 225 лет Пушкину, 100 – Астафьеву, 95 – Шукшину. Пусть же авторы вашего журнала продолжают с честью нести традиции великой русской литературы и радуют нас своими произведениями. А редакции – здоровья, сил и Божьей помощи!

Михаил Тарковский
пос. Бахта, Красноярский край

Дорогие коллеги, по поручению редакционной коллегии журнала «Новая Немига литературная» и от себя лично поздравляю вас со знаменательной датой – 75-летием со дня выхода в свет первого номера вашего замечательного издания.

Срок, который одолело издание, – от первых номеров «Сталинского Кузбасса» до нынешних выпусков журнала с современным названием, – примерно равен человеческой жизни. За этот отрезок времени положено встать на ноги, повзрослеть, набраться опыта, обрести мудрость... Все эти этапы журнал с честью одолел, являясь на сегодняшний день одним из лучших литературно-художественных журналов не только России, но и всего Русского мира, собирая на своих страницах произведения писателей из разных уголков России и стран русского зарубежья.

Рад, что между нашими изданиями существуют давние творческие контакты, авторы «Огней Кузбасса» публикуются в «Новой Немиге литературной», а я сам с давних пор являюсь автором вашего замечательного издания.

Надеюсь, с годами наше творческое сотрудничество и дружба будут только крепнуть. Еще раз с юбилеем!

Анатолий Аврутин,
*главный редактор журнала «Новая Немига
литературная»,
Минск, Беларусь*

Александр САВЧЕНКО

ВПЕРЕД И ДАЛЬШЕ!

Очерк

Сразу оговорюсь, что эту статью к юбилею журнала «Огни Кузбасса» я написал как новокузнецчанин. Поэтому всеохватывающего обзора журнальных страниц за 75 лет никто у меня не найдет. Другой автор, например, из Мариинска, Кемерова или Ленинска-Кузнецкого, написал бы по-другому, то есть «со своей колокольни». Что вполне естественно...

Итак, о юбилеаре. Наверно, у нас немало людей, которые слышали о журнале «Огни Кузбасса». Это издание давно стало своеобразной визитной карточкой кузбасской литературы. Некоторые читатели «Огней Кузбасса» даже уверены, что журнал стал выходить одновременно с образованием Кемеровской области.

Но вернемся к истории. Снежным февралем 1949 года в ряде магазинов «Книготорга» и в киосках «Союзпечати» нашей области появился новый журнал с броским названием «Сталинский Кузбасс».

Такие издания не появляются случайно. Страна за четыре неполных года еще не успела отойти от последствий разрушительной войны. Советский народ, полный трудовой решимости, восстанавливал свое хозяйство, строились промышленные предприятия, начиналось строительство Сталинградской и Куйбышевской гидроэлектростанций, вместо броневой стали черная металлургия Сибири и Урала выдавала тысячи тонн арматуры и рельсов, шел нескончаемый поток угля с шахт Донбасса и Кузбасса. Люди привыкали к миру, поэтому их магнетически тянуло к живительному слову. В Москве и столицах республик страны начали выходить миллионные тиражи газет и журналов, выпускались сотни различных книг и брошюр. Но все равно этого было мало. Особенно на периферии.

В Кузбассе стремились объединиться в творческие союзы те, кто чувствовал в себе не только писательский зуд, но и силу таланта. Кто-то отсылал свои опусы в столичные города. Кто-то нес написанное в редакцию ближайшей газеты.

Завершался пятый десяток двадцатого века. Страна поднималась с колен. Расправлял плечи

наш край. По многим газетным публикациям было видно, что литературный костяк в Кузбассе окреп. Люди из кемеровского партийного руководства, отвечающие за культуру и литературу, оказались на высоте. Они понимали, что нельзя упускать талантливых литераторов, особенно тех, кто уже проявил свои потенциальные возможности. Было принято решение о создании в областном центре литературного журнала. Название лежало на ладони. Это слово «Кузбасс». Ближайшим прилагательным было другое слово эпохи – «Сталинский». В таком виде ровно 75 лет назад обозначился наш литературно-художественный и общественно-политический альманах «Сталинский Кузбасс».

Ответственные лица в обкоме партии уже успели если не прочитать, то по крайней мере прознать, о чем новый роман «Земля Кузнецкая», написанный тридцатилетним журналистом Александром Волошиным. Роман надо было обнародовать, донести до широкого читателя. А это можно было сделать быстро только в журнальном варианте. Итак, роман был подготовлен для печати в двух номерах нового журнала. Начало его опубликовано в февральском номере, окончание – во втором, в октябре 1949 г.

С выходом первого номера альманаха стало ясно: в Кузбассе есть серьезная литература.

Роман «Земля Кузнецкая» принес автору всеобщую славу. Писатель не был коренным сибиряком, тем более, кузбассовцем. Родился и вырос в Ленинграде, отсюда семья переехала в Новосибирскую область, где прошло детство будущего писателя. По комсомольской путевке поехал на строительство Кузнецкого металлургического завода. Здесь Волошину, не имеющему специального образования, пришлось стать разнорабочим, был он попеременно то грузчиком, то бетонщиком, то землекопом. После переезда в Осинники освоил профессию шахтера, работал забойщиком и запальщиком. Как активного комсомольца, его через некоторое время назначили на должность секретаря Осинниковского горкома ВЛКСМ. В 1934 г. Волошина призывают в ряды РККА. На военной службе А. Волошин окончил отделение Ленинградского коммунистического института журналистики. Демобилизовался и некоторое время жил и работал в шахтерском крае – в Черемхово.

С накопленным литературным багажом будущий писатель ушел на войну, которую прошел рядовым сапером. Был ранен. После Победы А. Волошин решил полностью посвятить свою жизнь журналистике и литературе. Вернулся в Кузбасс, который признал своей второй родиной. Здесь А. Волошин долго и упорно писал, в связи с чем получил возможность работать литсотрудником в различных газетах, включая газету «Кузбасс».

Увидевший свет роман «Земля Кузнецкая» оказался уникальным явлением в советской литературе. Его героями стали люди труда, среди которых было много бывших фронтовиков. После войны они с невиданным энтузиазмом приступили к восстановлению народного хозяйства, стараясь поскорее забыть страшные годы, проведенные на полях сражений. В кратчайшие сроки бывшие фронтовики осваивали мирные профессии. Их руками строились новые города, открывались шахты, возводились заводы, фабрики, мосты, жилые дома, театры, детские сады и библиотеки. Самому себе и всему миру народ доказывал, что война – дело вынужденное, временное, а созидаящая жизнь вечна, и именно ей должен посвятить себя каждый человек.

Истосковавшиеся по мирной жизни люди с радостью и пониманием приняли роман А. Волошина «Земля Кузнецкая». Это было одно из первых масштабных произведений послевоенного времени, удачно написанное на производственную тему. Даже А. Фадеев – величина всесоюзного значения, который пытался написать эпохальный роман на металлургическую тему и которого долгое время консультировал академик И. П. Бардин, – на полпути отказался от своей идеи...

А опубликованный в «Сталинском Кузбассе» роман А. Волошина сразу же стал завоевывать новые высоты. Его срочно напечатали в «Сибирских огнях» в Новосибирске. Чуть позже он увидел свет в московском журнале «Новый мир». И, наконец, он принес автору и всему Кузбассу заслуженную награду – Сталинскую премию.

Газета «Правда» от 9 марта 1950 г. опубликовала Постановление Совета Министров СССР «О присуждении Сталинских премий за выдающиеся работы в области искусства и литературы за 1949 год». Премия второй степени в области литературы (в размере 50 тыс. рублей) была присуждена многим знаменитым в СССР поэтам и писателям – Ф. Гладкову, К. Седых, Э. Казакевичу, А. Барто, С. Михалкову, К. Симонову и другим. Среди лауреатов оказался и наш земляк – писатель Александр Волошин, награжденный за производственный роман «Земля Кузнецкая».

С публикацией волошинского романа, по существу, было положено начало современной литературе о Кузнецком бассейне. Для общественно-политического равновесия в первом номере альманаха редколлегия подобрала материал о наших металлургах. Как же без них! Это они снабжали фронт победным металлом и автоматами, обеспечивали полстраны сверхважной продукцией и во время войны, и после. Самым подходящим материалом оказались опубликованные еще перед войной и частично обновленные воспоминания академика И. П. Бардина о своей героической работе на Куз-

нецкстрое. Естественно, без каких-либо упоминаний о репрессированных соратниках С. Франкфурте, Р. Хитарове, Т. Шкляре, К. Бутенко и др. Это не упрек Ивану Павловичу, а констатация исторического факта – только так в те времена требовалось держать государственную линию.

В 1929–1937 годах, являясь главным инженером Кузнецкстроя, И. П. Бардин, по сути, оказался одним из бессменных руководителей строительства КМК имени И. В. Сталина. Огромное по масштабам строительство было осуществлено в рекордно короткие сроки – за три года. Бардин добился значительного расширения промплощадки предприятия-гиганта и увеличения выпуска продукции с 400 тысяч тонн в год до почти 1,5 миллиона. В 1932 г. за технические разработки и внедрение новых принципов в строительных технологиях он был удостоен звания академика без каких-либо опубликованных научных трудов. Под непосредственным руководством И. П. Бардина в европейской части страны был построен еще один металлургический гигант в Череповце, известный ныне как комбинат «Северсталь»...

Для лирического «аромата» в первый номер альманаха были включены стихи, в том числе поэтические строки Михаила Небогатова.

Можно догадаться, что с двумя начальными выпусками «Сталинский Кузбасс» очень торопился, потому что хотелось быстрее донести до читателя роман Александра Волошина. Поэтому большая часть площади издания была отдана именно «Земле Кузнецкой».

В третьем номере «Сталинского Кузбасса», датированном 1951 годом, читатель увидит драматургическое продолжение генеральной литературной темы. Здесь напечатана пьеса «Высокий накал», ее автор – Иван Балибалов, знаменитый кемеровский историограф.

Все номера альманаха того времени насыщены стихами. Огромная заслуга в становлении поэзии Кузбасса принадлежит поэтам-первопроходцам: А. Косарю, М. Небогатову, В. Измайлову, А. Пинаеву, Е. Буравлеву и другим. Царствие им небесное за совершенные на земле дела!

Со временем на страницах альманаха появились произведения прозаиков: Г. Молостная, В. Рехлова, А. Соболева, а также Н. Савельева, сотрудника Алтайского краевого музея. В числе постоянных авторов был и зачинатель шорской литературы Степан Торбоков.

Многие литераторы нашей области увидели в новом издании свое будущее. К альманаху потянулись пишущие души.

Как всегда, в журналах и альманахах большую роль играют редакторы и хлопотливые «отсеки» – ответственные секретари редколлегий. «Огням Куз-

басса» с этим, в общем, повезло. Цепочка людей, кто руководил выпуском журнала, оказалась в целом такой: А. А. Бабаянц, А. И. Чарушников, А. С. Мазюков, Г. М. Молостнов, А. Н. Волошин, Е. С. Буравлев, В. М. Мазаев, Г. Е. Юров, В. М. Баянов, С. Л. Донбай. Редакторство – это хлопотливое, порой неблагодарное дело. Главный редактор должен обладать собачьим нюхом, изысканным вкусом, повседневной непробиваемостью, исключительным «напорством». И, конечно, литературным талантом.

Наиболее заметными ответственными секретарями за всю историю журнала следует отметить О. П. Павловского, В. В. Махалова, В. Ф. Куропатова, В. Ф. Матвеева, В. Ф. Зубарева, С. Л. Донбая, В. П. Козлова и Д. В. Мурзина. Каждый из них – это крупная литературная фигура: кроме большого и кропотливого вклада в организацию журнала, они постоянно подпитывали общее детище своими талантливыми произведениями.

При самом активном участии перечисленных поэтов и писателей, вложивших свой талант и огонь сердец, создавался, рос, мужал и креп наш журнал.

Итак, первый номер литературно-художественного и общественно-политического альманаха «Сталинский Кузбасс» тиражом 10 тысяч экземпляров вышел в Кемерове в феврале 1949 года. С этой даты фактически началась не только история литературного издания, но и во многом печатная история Кузбасса, так как в каждом выпуске альманаха наряду с литературной жизнью отражались политические и экономические события Кемеровской области.

А время катилось... В марте 1953 г. скончался И. В. Сталин, вскоре после его смерти начался период развенчивания культа личности. Ровно семьдесят лет назад, в 1954 г., альманах «Сталинский Кузбасс» был переименован в «Огни Кузбасса». Он продолжал выходить не чаще двух раз в год. Это зависело от поступления и накопления литературных материалов, достойных публикации. С появлением в 1962 г. Кемеровского отделения Союза писателей РСФСР, альманах стал ежеквартальным изданием.

Вместе с политической оттепелью в стране стали меняться и черты нашей литературы. В ней прорезался интерес к внутреннему миру человека, к его судьбе и душе. Через канву прозы и поэзии авторы пытались узнать, откуда же берутся и живут в народе лучшие человеческие чувства и качества: долготерпение, жертвенность, негибкость, упорство, сердечная доброта, открытость...

Не случайно на страницах альманаха, как макровый цвет в поле, появились новые имена прозаиков и поэтов, приблизивших кузбасскую прозу и поэзию к душе человека и его проблемам. Это были классики кузбасской и сибирской литературы: В. Мазаев, Г. Емельянов, Г. Немченко, В. Махалов, Г. Юров,

В. Чугунов, И. Киселев, В. Матвеев, А. Ябров, П. Майский, В. Куропатов и другие...

В связи с юбилеем журнала в памяти всплывает много событий из прошлых лет – времени ушедшей молодости. И шестидесятые, и семидесятые, да и восьмидесятые годы для многих были наполнены светлыми, жизнерадостными событиями.

Тогда почти в каждом городе Кузбасса возникали литературные студии и клубы. Талантливые литераторы из литобъединений успешно пробивались на страницы «Огней Кузбасса». Это был хороший знак для будущих поэтов и писателей.

В какое-то время эти ребята целым кагалом спешили в Кемерово на очередной молодежный семинар, проходивший под эгидой комсомола и при непосредственном участии Кемеровского отделения Союза писателей и журнала «Огни Кузбасса».

Помню, как творческие ребята из Новокузнецка, Осинников, Междуреченска и Прокопьевска ранней весной ехали на очередной семинар. Я не состоял в местной «Гренаде». Многих литераторов знал только понаслышке и по различным публикациям. Именно тогда в тамбуре вагона познакомился с Любовью Никоновой и Стасом Долговым. Долгие беседы за полночь. Стихи – как хорошая приправа к дружескому разговору. И в Кемерове полный световой день, заполненный молодежной прозой, и на одном дыхании – поэзия! Как во сне, в кругу будущих и состоявшихся членов Союза писателей, среди литературных мэтров и наших кузбасских корифеев... Это незабываемо!

Но, если по делу, то все было серьезней. Помню, я написал повесть «Там, через дорогу». Ее рассмотрели на очередном заседании нашего литпоста. После этого текст повести попал в редакцию журнала. У меня оказалось трое назначенных рецензентов: Г. Емельянов, В. Куропатов и З. Чигарева. Все они дали положительный отзыв и рекомендовали повесть для дальнейшей печати. Я же решил ее улучшить и дополнить. Творческий процесс затянулся до конца 80-х. А вы знаете, какие серьезные события развернулись тогда в стране. Стало уже не до повести...

В сентябре 1981 г., по инициативе новокузнецких литераторов и затем по решению Кемеровской организации Союза писателей РСФСР, был организован «Литературный пост альманаха «Огни Кузбасса»». Руководство этим образованием поручили новоиспеченному члену Союза писателей СССР Павлу Майскому. Мы с ним оказались ровесниками, до этого пятнадцать лет бок о бок проработали в Сибгипроме. Меня Майский (это его псевдоним, настоящая фамилия Мертвецов) назначил секретарем «Литературного поста».

Официально организованный «пост» начал работать как литературная студия КМК. Во-первых,

так вышло, что костяком «поста» оказались люди, близкие к металлургии, более того, тесно связанные с жизнью Кузнецкого меткомбината. В целом же профессии присутствовавших на заседаниях литераторов (а их в отдельные дни собиралось больше полусотни человек) соединялись в пестрый узор: учителя, шахтеры, проектировщики, журналисты, медики, геологи, студенты, представители правоохранительных органов и даже романтики разных специальностей из прилегающих сел.

Во-вторых, решался чисто житейский вопрос. Общественная организация под эгидой комбината имела беспрекословный доступ к его помещениям для проведения встреч, заседаний и других мероприятий. Именно с того времени литераторы города стали собираться в большой аудитории на втором этаже Дворца металлургов КМК в самом центре города, а не искать углы у добрых дядей, как бывало не раз раньше.

В отличие от молодежного объединения «Гренада», в городе появился своего рода клуб уса́тых литераторов, в котором числилось почти семьдесят человек.

Среди других выделялись уже состоявшиеся или потенциальные писатели и поэты: А. Пинаев, В. Афанасьев, М. Беркович, В. Валиулин, Н. Николаевский, А. Раевский, С. Долгов, В. Корсуков, Е. Богданов, Т. Карманова. Если говорить «высокоштыльно», то основная задача «поста» заключалась в поиске творческих дарований и в отборе рукописей для публикаций. А если «приземленно»: творческим людям надо было отвести душу, показать себя, посмотреть на других – то есть попросту разрядиться. Так уж человек устроен.

Собирались примерно по разу в месяц. Имелся план работы, в нем всегда фигурировали встречи с маститыми писателями Кузбасса. Тогда в Новокузнецк регулярно наведывались посланцы «Огней Кузбасса» и другие писатели-кемеровчане: Владимир Мазаев, Геннадий Юров, Валерий Зубарев, Валентин Махалов, Владимир Матвеев, Виль Рудин, Сергей Донбай, Николай Колмогоров, Семен Печеник, Иосиф Куралов, Нина Красова. Однажды побывал известный представитель «иркутской стенки» – писатель, журналист и сценарист Вячеслав Шугаев. Кроме того, приезжали творческие личности и из ближайших городов – осинниковский художник Александр Глазырин, журналист из Прокопьевска Владимир Берязев и другие.

Проект литературного поста журнала «Огни Кузбасса» оказался удачным. За время более чем трехлетней работы у многих литпостовцев в местной, областной и центральной печати было опубликовано немало новых стихов и рассказов. Именно тогда выпустили свои первые книги журналист Н. Николаевский, работник пожарной охраны А. Раевский,

шахтостроитель Ю. Кандыба. В журнале «Байкал» была опубликована повесть журналиста Т. Чернова «В те дни на Востоке» об атамане Семенове. В центральной печати заметно прошли публикации металлурга А. Головкова и геолога В. Корсукова.

Многие литпостовцы с особым желанием и трепетом шли и ехали на встречи с трудящимися Новокузнецка. Среди наиболее активных литераторов, которые неоднократно бывали на заводах города и стройплощадках, в геологических партиях и в бытовках шахтеров, отличились В. Петраш, А. Раевский, С. Долгов, В. Корсуков, Т. Карманова (Николаева), В. Назаров, Т. Чернов, А. Бродский.

В общем, как на боевом посту, с полной мерой ответственности работали в Кузне литераторы, представляющие один из флангов областного журнала «Огни Кузбасса».

Тогда же, в начале восьмидесятых, по инициативе известного кузбасского композитора – ныне члена Союза композиторов России – Михаила Маслова и при непосредственном участии директора шахты «Алардинская» А. И. Шундулиди проводились так называемые «Дни эстетики», больше известные как «Малиновские субботы». Неординарное и долгое время функционирующее мероприятие, сейчас о таком событии можно только неизбыточно мечтать!

...Ранним субботним утром из Новокузнецка в сторону Осинников уходила электричка. На ней к школьникам пос. Малиновки ехали малоприметные творческие личности, а также знаменитости из Новокузнецка, Кемерово и даже из самой Москвы. Среди них были музыканты, художники, скульпторы. Но чаще всего – поэты и писатели.

Я трижды бывал в Малиновке, во время поездок удалось близко познакомиться с несколькими известными писателями, в том числе с тремя Владимиром – Мазаевым, Куропатовым и Матвеевым. Каждый из них имел непосредственное отношение к «Огням Кузбасса». Нередко в состав литературного десанта входил Геннадий Емельянов – тоже частый автор областного альманаха, душа компании, любитель травить анекдоты, а также большой мастер привлекать к себе особое внимание.

Пожалуй, больше всего любили гости, когда их после окончания праздничного мероприятия «арестовывали» родители школьников и увозили на базу отдыха местных шахтеров. Там за огромным столом начинался второй тур сценического действия. Обычно заводилами и ведущими большого застолья были Геннадий Емельянов и Владимир Матвеев.

Но, к сожалению, всё не вечно под луной...

В 1989 году журнал «Огни Кузбасса» был переименован в «Литературный Кузбасс», под этим названием он выходил до 1994 года как издание Кемеровской организации Союза писателей РСФСР.

Менялись политические события в стране, трансформировалось содержание альманахов. Была и черная полоса в жизни кузбасского литературного издания: во время начавшихся политических и экономических реформ из-за финансовых трудностей альманах не выходил два года подряд. И только благодаря инициативе поэта Геннадия Юрова, при поддержке Союза писателей Кузбасса, Администрации и Законодательного собрания Кемеровской области, а также при помощи спонсоров-благотворителей в 1995 году (в год 50-летия нашей великой Победы) журнал «Огни Кузбасса» получил финансовую поддержку и начал новую жизнь.

Тогда же альманаху вернули прежнее название. В связи с существованием двух Кемеровских отделений в Союзе писателей России с 1995 г. по 2004 г. одновременно выходило два издания: альманах «Огни Кузбасса» и журнал художественной литературы «Литературный Кузбасс». В 2003 г. было принято решение о выпуске книжного приложения к «Огням Кузбасса». В его рамках стали печататься прозаические и поэтические сборники отдельных авторов, коллективные сборники молодых авторов и ветеранов, воспоминания, семейные архивы и т.п. Не каждый журнал в нашей стране мог позволить себе такую роскошь!

В 2004 г. альманах «Огни Кузбасса» получил официальную регистрацию и стал полноценным журналом.

Сейчас это «толстый» литературный журнал, который с 2007 г. выходит шесть раз в год, распространяется в библиотеках и учебных заведениях области, а также высылается подписчикам. И еще, помнится, было такое времечко – за публикации авторам полагалась хоть и символический, но денежный гонорар!

Сегодня «Огни Кузбасса» – один из старейших журналов в Сибири, который в течение 75 лет рассказывает читателям области о литературных новинках региона, знакомит со значительными русскими писателями, рассказывает об истории и людях родного края, знакомит с творчеством юных и начинающих литераторов, публикует имена победителей Кузбасских литературных конкурсов и участников литературных студий, печатает произведения не только для взрослых читателей, но и для детей, рассказывает о новых книгах.

Еще во времена, когда альманах имел эпохальное название «Сталинский Кузбасс», читатели начали знакомиться с малоизвестными историческими сведениями о старейших промышленных предприятиях, расположенных на территории Кузбасса. А рассказы о жизни кузбасских аборигенов – шорцев и телеутов – всегда волновали настоящих кузбассовцев... Как не всколыхнуться сердцу, когда начинаешь читать переводы знаменитых далеко за пределами нашего края национальных поэтов и пи-

сателей: С. Торбокова, С. Чиспиякова, С. Тотыша, Н. Бельчегешева, Г. Косточакова, Л. Арбачаковой, Т. Тудегешевой и других...

Большое внимание журнал уделяет самым важным политическим событиям. Задолго до СВО появились публикации «донбасского текста». Это стихи В. Скобцова, И. Нечипоренко и Г. Егоркина. После начала СВО в каждый номер «Огней Кузбасса» включались произведения, посвященные Новороссии. Через журнал читатель познакомился с творчеством А. Ревякиной, М. Ватутиной, А. Долгаревой, Д. Филиппова, Р. Рубанова, О. Старушко, И. Караулова, В. Русанова. Надо полагать, и в дальнейшем журнал продолжит новые публикации.

Теперь в журнале уживаются как маститые авторы, так и совсем юные, начинающие поэты и писатели. Пусть не все они одинаково талантливы, но каждый имеет право на свое слово. Не исключено, что среди сегодняшних авторов взойдет новая литературная звезда, равная по силе талантам Валентина Распутина, Василия Федорова, Василия Шукшина или Александра Вампилова.

Очень показательно, что мы умеем хранить память о лучших писателях и поэтах страны, которые оставили в российской литературе свой неизгладимый след. Почти каждый номер журнала «Огни Кузбасса» открывается страницей памяти об этих замечательных людях. К юбилейным дням рождения публикуются их лучшие произведения.

В какое-то время журнал взял на себя задачу напоминать о нравственности, совести, вечности, пусть не «в лоб», но говорить о заповедях Божьих. Внешне атеистический журнал взывает в своих стихах и прозе к вечным человеческим ценностям. Нельзя не заметить, что многие страницы журнала пронизаны сибирской православной духовностью. Об этом говорят не только публикации священника С. Адодина. Тема сибирской духовности, например, затронута в публицистической повести Ю. Тотыша, в стихотворениях В. Козлова, А. Бельмасова, Е. Елистратовой, Т. Кармановой, Н. Мурзиной, О. Хапиловой и многих других.

Мне не раз приходилось встречаться с поэтами В. Еременко и Л. Никоновой, читать и слушать их стихи, наполненные животворящими, жизнелюбивыми строками. Хочется их перечитывать и запоминать. Без преувеличения можно сказать, что некоторые публикации этих авторов в журнале воспринимаются как очищение, как настоящее посещение православного храма.

Во все времена людей интересовало прошлое родного края. Тысячи людей разными судьбами и дорогами попадали в Кузнецкий край, который постепенно становился для них второй родиной. Поэтому много журнальных страниц посвящено краеведческим материалам, историко-экономиче-

ским очеркам, статьям ученых и хозяйственников, записям путешественников.

В 1960–1970-е годы на базе «Огней Кузбасса» была создана добротная детская литература. Журнал переживал период, когда буквально из номера в номер происходило открытие нового детского писателя. Золотое время породило плеяду творцов, в которую теперь можно внести: Александра Береснева, Эдуарда Гольцмана, Виталия Юречко, Людмилу Фадееву, Аиду Газукину, Владимира Матвеева. Много детских стихов написал С. Долгов, большинство из этих стихотворений вошло в выпущенную им книжку. В первых выпусках альманаха «засветился» весьма одаренный поэт для дошкольников Пётр Белов.

В 1950-е годы к созданию исторических повестей для школьников обращался журналист Виталий Рехлов. В 1958 г. в «Огнях Кузбасса» опубликована его повесть «Рудознавец» о первооткрывателе кузнецкого каменного угля Михайле Волкове. В конце 1960-х годов к написанию детских книг обратился и создатель Кемеровского областного отделения Союза писателей РСФСР Евгений Буравлёв, редактор альманаха «Огни Кузбасса» с 1962-го по 1967 год. Повести Е. Буравлёва и сегодня необходимы для семейного чтения.

Сейчас мир охватило время смартфонов и гаджетов. Дети там по-настоящему тонут, погружаясь в другой, нереальный мир. И им, как никогда, нужны детские врачеватели, которые бы своими талантливыми произведениями возвращали в реальную жизнь... Это к вам вопрос, уважаемые коллеги, все, кто занимается писательством для детей!

«Огни Кузбасса» никогда не замыкались на чисто литературной тематике. Еще не вошло в моду слово «экология», а мотивы неблагополучия окружающей среды уже звучали в публицистических очерках кузбасских авторов. Особенно много и последовательно в защиту родной природы выступал на страницах журнала (да и не только) поэт Геннадий Юров.

Лично мне данная тема очень близка со времен работы в проектно-металлургическом институте. В частности, немало копий было сломано в дискуссиях и спорах с чиновниками разного уровня и с представителями Главгосэкспертизы при защите проектов строительства металлургических предприятий в Новокузнецке. Поэтому на вопрос сегодняшнего строительства ГЭС на реке Томи могу ответить одним словом – «нельзя!»

Отрадно, что «Огни Кузбасса» не закликиваются только на материалах местных авторов и на местной тематике. Постоянно расширяются творческие связи с писателями и журналами из других регионов России. К сотрудничеству приглашаются все, кому дорога Россия, Сибирь и наш Кузбасс. География такого сотрудничества весьма обширна. Проч-

ные творческие связи установились со многими журналами страны. Всех объединяет главное – с помощью печатного слова журналы пытаются сохранить для будущего все то, из чего веками складывалась слава и величие не только державы в целом, но и конкретно каждого края. Давно известно, что не только материальными благами прирастает Сибирь, но и духовными ценностями.

С некоторыми изданиями у нашего журнала завязалась настоящая творческая дружба. Не случайно в конце каждого номера приводится обращение к читателям, в котором указан курс на расширение творческих связей с писателями, а также с журналами других регионов России. В отдельности тиражи этих журналов относительно небольшие, но, если их сложить вместе, сумма добра и света, которую они несут читателю, будет весьма ощутимой.

Принятая редколлегией «Огней Кузбасса» позиция говорит о том, что кемеровский журнал стоит в ряду лучших современных периодических изданий России. И очень жаль, что сегодня такие журналы не поступают в киоски «Роспечати», как это было в советское время, когда читатели могли свободно приобрести, например, «Сибирские огни», «Огни Кузбасса», «Байкал», «Алтай», «Простор» и многие другие.

В Новокузнецке есть книжный магазин «Планета». Конечно, это не тот величественный магазин Книготорга, что в былые времена располагался в начале проспекта Metallургов возле железнодорожного вокзала. Там всеми делами заправлял, словно волшебствовал, известный далеко за пределами Кузбасса юморист, карикатурист и хороший писатель Борис Кобзарь.

Сегодня «Планета» – современный, заполненный уймой красивых книг и различных канцелярских товаров сравнительно небольшой магазин. Он расположен в районе развязочного кольца Левого берега. В магазине есть все, что доказывает: книге жить, она будет вечной!

К сожалению, почти 90% всей книжной красоты – это произведения зарубежных авторов. И тематика далека от нашей будничной жизни и от реализма вообще. Выставлены шикарные и дорогие (ну, почти фолианты) книжечки о жизни олигархов, бродяг, проституток, воров и разных проходимцев... Всякие виды фантастики, детективы, боевики, хоррор, крутые любовные романы, ужасы и мистика... Другой мир, засасывающая в себя сплошная идиллия. Или, наоборот, тот свет, наполненный тленом и сатанизмом. С горечью отмечаю, что все это с потрохами поглощается современными (чаще всего молодыми) людьми. И называется это явление старым словом – «капитализм».

Несколько лет назад в «Планете» существовал небольшой отдел «Кузбасские авторы». Здесь мож-

но было встретить новые книги известных и мало-знакомых писателей и поэтов. В основном из Кемерово и Новокузнецка. Но однажды я не обнаружил того самого отдела. Спрашиваю: «Где наш Кузбасс?» Красивая продавщица уклончиво отвечает: «Не рентабелен!»

И я понял, что капитализм окончательно добрался и к нам, прямо до полок книжной торговли. При такой системе, конечно, я никогда не увижу здесь любимый журнал «Огни Кузбасса».

Хотя не исключено, что господствующий капиталистический строй может накрыть медным тазом с головой и саму книжную «Планету» ... Мол, не рентабельна!

Когда-то, при построении атеистического государства, в СССР были попытки насильно отлучить людей от Бога. К счастью, то время ушло в небытие. Зато сегодня неведомая сила в еще большей степени пытается отлучить народ от настоящей литературы, от размышления над книгой...

Но, как ни крути, журналу «Огни Кузбасса» уже три четверти века! За это время он прошел проверку на живучесть. А живучесть журнала в основном состоит из того, насколько он смело и активно открывает свои страницы для молодых и начинающих авторов.

История говорит, что здесь печатали свои первые произведения многие наши члены Союза писателей СССР и России. Не берусь перечислять всех, к сегодняшнему дню это будет весьма внушительный список. Некоторые из писателей и поэтов стали классиками не только нашей региональной литературы. К сожалению, многих уже нет среди нас. Но тепло их сердец передалось живущим и сохранилось в наших ладонях... Игорь Киселёв, Валентин Махалов, Леонид Гержидович, Николай Колмогоров, Александр Ибрагимов, Любовь Никонова, Геннадий Юров, Александр Катков, Николай Николаевский, Виктор Бокин, Любовь Скорик, Владимир Коньков, Зоя и Геннадий Естамоновы, Татьяна Николаева, Владимир Ширяев, Виктор Коврижных, Василий Попок и многие-многие другие.

Одни авторы начинали с «Огней Кузбасса» и остались верными журналу на долгие годы, точнее, до конца жизни. Другие провели на страницах всю свою сознательную жизнь и не думают порывать творческие связи с любимым журналом... Кто-то из молодых авторов отмечает сегодня свое двадцатилетие. А кому-то из тех, кто одним из первых оказался на страницах нашего журнала, перевалило бы уже за 120! Такая вот интересная математика.

В этом показателе видится непрерываемая ниточка преемственности поколений.

Долголетие «Огней Кузбасса» говорит само за себя. Сегодня журнал продолжает быть востребованным, как и много лет назад. Его знают и читают

далеко за пределами Кемеровской области. Интересно, что это происходит в то время, когда книгу вытесняет виртуальная информация. Журнал последовательно верен живому правдивому слову, он не гонится за дешевыми сенсациями и не выискивает материалы, фальсифицирующие факты, события и людские судьбы. Именно за это многие российские авторы считают за честь оказаться опубликованными на страницах «Огней Кузбасса».

Для кузбасского читателя журнал «Огни Кузбасса» стал своеобразной настольной книгой. Открывая каждый его номер, читатель обязательно открывает для себя новый мир.

«Огни Кузбасса» привлекают читателя не только своим содержанием, но и оформлением. Это не гляцевый журнал, но на его страницах много фотографий, на которых запечатлены живые лица современников. Особенно его украшают цветные репродукции работ кузбасских художников. Журнал систематически рассказывает о художниках Кузбасса, показывает их работы. Раньше это было только на обложках. В современном оформлении издание прекрасно иллюстрируется внутри цветными вклейками.

На протяжении долгого времени «Огни Кузбасса» имеют в Интернете свой сайт. Это отдушина для тех, кто не мог увидеть бумажные страницы журнала. Я не раз отсылал своих друзей в Москве, Питере, Севастополе, Омске, Томске и др. к различным публикациям в нашем журнале.

Обширная и созидательная деятельность нашего журнала оказалась не напрасной. Не случайно «Огни Кузбасса» отмечены престижными литературными премиями, в том числе Всероссийской литературной премией «Белуха» им. Георгия Дмитриевича Гребенщикова в номинации «Лучший журнал, издающийся на русском языке и посвященный российской истории, литературе, культуре, искусству, современной жизни, делам и людям» (Бийск, 25 июля 2009 г.) и Кузбасской литературной премией имени святителя Павла Тобольского (Кузбасская митрополия, Кемерово, 9 декабря 2014 г.).

Несколько слов о распространении журнала. Стало традиционным представление читателям каждого номера журнала. Это происходит в Доме литераторов Кузбасса ныне – Кузбасском центре искусств. Проходят презентации и в других населенных пунктах области. Запомнились встречи новокузнецчан с членами редколлегии журнала В. Мазаевым, А. Зубаревым, С. Донбаем, Д. Мурзиным. Презентации проходили в Доме творческих союзов и в городской библиотеке им. Н. В. Гоголя. Последняя презентация (первого номера за 2024 г.) проходила в музее Ф. М. Достоевского. Ее проводила член редколлегии журнала Е. Д. Трухан.

После презентации «Огни Кузбасса» расходятся по библиотекам, и школьным библиотекам Кузбасса. Поступающего количества экземпляров в наши библиотеки вполне достаточно. Журнал высылается авторам и редакциям, с которыми он сотрудничает и, конечно же, подписчикам (есть и такие!). По традиции свежие номера журнала, еще пахнувшие типографской краской, покупают закоренелые приверженцы «Огней Кузбасса», его поклонники и знатоки местной литературы.

При жизни журнала достигло пика своего расцвета великое государство – Союз Советских Социалистических Республик, в котором многим из нас выпала доля жить, а потом государство распалось. Стрелка часов истории развернулась в другую сторону: социализм сменился капитализмом. Покатилось время, полное потрясений и неопределенностей. Произошел раскол страны на национальные образования. Нагрянула катастрофа девяностых. Мировое пространство, включая Россию, окутал КОВИД. Началась специальная военная операция на Украине...

В этих условиях «Огни Кузбасса» оказались на должной высоте. Кроме регулярного представления лучших произведений поэтов и писателей, журнал провозгласил другие важнейшие направления своей работы. В том числе защиту русского языка, защиту нашей Победы в Великой Отечественной войне, защиту русской литературы, экологическую защиту Земли. Цели достойны хорошего, уверенно-го в себе издания.

Но, насколько известно, защита – это есть оборона. Опыт человечества в спорте, шахматах, в войнах и т. п. показывает, что в обороне победы добиться невозможно.

Значит, градус общественной деятельности журналу следует поднять ещё выше. Журнал должен быть наступательным, более жестким, бескомпромиссным, более напористым. У «Огней Кузбасса» должен формироваться свой, индивидуальный читатель. Именно на него журнал сможет опереться в трудную минуту. Время, когда в одном журнале можно найти все на любой вкус, проходит. Думаю, что если долго подстраиваться под вкусы абсолютно всех читателей, то можно потерять свое лицо...

В последние годы почти все массовые издания упреждают своих авторов и читателей, что редакции не вступают в переписку. Причин несколько. Одна из них – нехватка редакционного персонала... Считаю, что вступать в диалог с потенциальным автором надо обязательно. И для этого стоит привлекать актив журнала, других членов писательского Союза. Это будет для многих наших авторов отличной производственной практикой и стимулом для последующих публикаций.

Предлагаю ввести в журнал рубрику «Мы все в одной жизни». Почти каждый из нас хранит воспо-

минания о встречах с известными людьми, любопытные факты из их жизни. Вынесенные на страницы «Огней Кузбасса» небольшие истории стали бы частицей нашей общей истории, дополнением к биографии многих знаменитостей. Несколько лет назад с участием известного журналиста В. Немирова я пытался организовать такую рубрику в газете «Кузнецкий рабочий». Даже привлек к этому несколько авторов. Прошли воспоминания моих знакомых об их встречах и общении с Ф. Раневской, внуком И. В. Сталина А. Бурдонским, с актрисой Л. Чурсиной, с поэтом Е. Евтушенко и др.

К сожалению, после смерти В. Немирова рубрика постепенно сошла на нет. Знаю, например, что только один Г. Шалакин хранит в своей голове уж если не сотни, то множество десятков таких примеров. Короче, у нас есть люди, которым есть что вспомнить и что рассказать. В рубрике «Книга памяти» недавно были опубликованы интересные «Впечатлизмы» В. Юдельсона. Но это, скорее, жанр мемуарной литературы. А я говорю о разделе, насыщенном только событийными фактами без излишних сантиментов...

Еще хотелось бы, чтоб на страницах «Огней Кузбасса» появилась рубрика типа «Литературные эксперименты», где можно было бы увидеть нетрадиционные для журнала произведения (чаще всего малой формы).

11

Недавно в «Огнях Кузбасса» с большим успехом прошли публикации верлибров москвича Вячеслава Куприянова. А сколько еще незатронутых малых жанров, которые ждут своего часа. Дополнением к традиционной прозе и поэзии на столах и в сундуках кузбасских (и не только) авторов лежат «непричесанные мысли», тавтограммы, тематические палиндромы, поэтические загадки для взрослых и детей, «детский лепет» – практически продолжение творчества К. Чуковского, а также сотни стихотворных логогрифов, метаграмм, самобытных чистоговорков (скороговорок) и т. п.

Уверен, что если «шевелинуть» умом, то на страницах «Огней Кузбасса» объявятся доморощенные Прутковы, Хармсы, Аркановы, Ивановы, Задорновы, Горины и Ежи Лецы.

Хочу заметить, что хороший юмор в наши дни чрезвычайно востребован – так уж складывается не очень простая жизнь. Короткие рассказы, литературные скетчи, авторские анекдоты, куплеты, афоризмы, рифмованные образцы гражданской и политической сатиры пользуются особым спросом. Они в наших загашниках есть. А с другой стороны, всего этого в печати не сыщешь днем с огнем. Таки хочется вспомнить про творческие успехи Маяковского и небедного Демьяна Бедного!

Было когда-то раздольное время замечательных шутников и литературных юмористов. Если в «Лите-

ратурке» гремели «Рога и копыта», то у нас в областной газете «Комсомолец Кузбасса» регулярно выходила рубрика «Рожки да ножки». Это был стык 60-х и 70-х годов. Прошло более пятидесяти лет, и мы сумели все это богатство рассеять и безвозвратно позабыть. Настало время собирать камни!

Хорошо бы редакции журнала обратить внимание на творчество литераторов многих известных в Кузбассе студий, объединений и клубов. Нет необходимости перечислять поименно, их совсем недавно насчитывалось более пятидесяти. Теперь больше, причем почти в каждом из них есть свои самородки и звезды местной величины. Они очень нуждаются в приобщении к настоящей, большой литературе. Произведения многих из литераторов просятся занять законное место в редакционном портфеле «Огней Кузбасса».

Кемеровское отделение Союза писателей России – соучредитель журнала «Огни Кузбасса». Поэтому подавляющее большинство авторов журнала – члены этого Союза. Но в Кузбассе действует ещё Союз российских писателей, а есть просто начинающие авторы, не состоящие в официальных литературных объединениях. Читателям в первую очередь важны художественные достоинства произведения, а членство автора в каком-либо объеди-

нении для читающей братии вторично. Наглядным примером служат журнальные публикации новокузнецанки Натальи Колесовой. Она автор одиннадцати книг, в основном работает в жанре фэнтези, является членом Союза российских писателей.

Да и вообще почти у любого пишущего человека найдется сочиненная вещь, которую было бы не стыдно обнародовать в нашем журнале. Не зря «Литературная газета» ввела у себя рубрику «Антология одного стихотворения». А мы что, лыком шиты?

Впереди у журнала «Огни Кузбасса» еще долгая и насыщенная литературная жизнь, наполненная новыми яркими событиями, которыми всегда славится Кузнецкая земля. В одной из публикаций мне встретился интересный диалог читателя с Сергеем Донбаем – многолетним редактором журнала, аксакалом литературного цеха Кузбасса. На вопрос: «Кому светят «Огни Кузбасса?» знаменитый поэт ответил неожиданно просто и емко: «Читателям и писателям!»

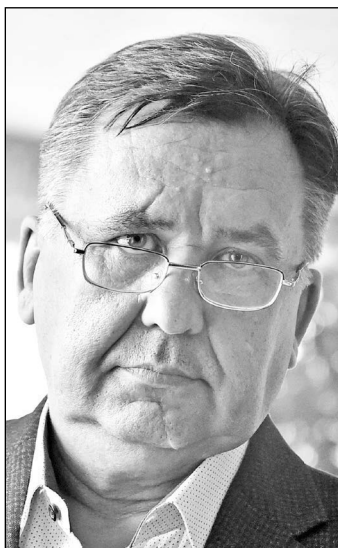
Хотелось бы верить, что и в промежутке от нынешнего юбилея до будущего столетия наш журнал останется именно таким!

г. Новокузнецк

**Юрий
ПЕРМИНОВ**

ОКОПНЫЕ СВЕЧИ

ПРОВОДЫ

*Невесомой прожилкой застыл со вчера
окоёма осеннего прочерк...
На войну провожали Смирнова Петра –
пели песню про синий платочек.*

*Мало-мало мешал мне в груди топоток,
и гармонь – износилась немало.
Молодая жена тербила платок,
молча плакала Петина мама.*

*Мы не ладили с ним, шалопутным,
допрежь –
он мне рэпом выматывал душу,
а вчера – обращался почтительно: «Врежь,
дядя Юра, – сыграй про Катюшу!»*

*Холод сковывал грузные тучи внахлест...
Оттого ль, что мы пели сердечно,
засияли – к полуночи – яблоки звёзд
над посёлком? И груши, конечно.*

*Разом сил не напрясть на любую напасть,
но, даст Бог, одолеем и эту...*

*...И честила родня двоедушную власть,
и пила – за Петра и Победу.*

ВОЗВРАЩЕНИЕ

*Сегодня враз – на утренней заре,
плечом к плечу, ну и хмельные малость –
так мужики запели во дворе,
что в нашем доме спящих не осталось.*

*Кто кофе пьёт, а кто – дымит в окно,
кто ест, а кто – изжогу мучит содой:
дела такие – разные – давно
мы называем внутренней свободой.*

*Вот-вот потянет ситничком с небес,
а здесь, в беседке, родственно горланя,
притайки разматав на чимергес,
вот-вот взовьются соколы орлами!
Я знаю всех поющих – как родных, –
по голосам их различаю даже...*

*И в том кругу молчал один из них –
соседский сын в армейском камуфляже
(впервые за полгода – налегке),
остатним утром ведренного мая
в тяжёлом, обожжённом кулаке
ромашку незатейную сжимая.*

13

Юрий Петрович ПЕРМИНОВ родился 16 мая 1961 г. Поэт, публицист. Главный редактор издательских программ общественного благотворительного фонда «Возрождение Тобольска». Автор семи книг. Публиковался в журналах: «Наш современник», «Москва», «Молодая гвардия», «Роман-журнал XXI век», «Огни Кузбасса», «Родная Ладога», «Сибирские огни», «Алтай», «Простор», «Новая книга России», «Север». Секретарь Союза писателей России. Живёт в Омске.

Снег в кустах просветы конопатит...
Продышаться выйду – и замру:
санки незатейливые катит
Лена из десятой по двору.

Двор как двор – не первый, не последний
незабытый Богом уголок.
В санках – улыбается трёхлетний
поселковый житель-ангелок.

Толкотня на горке и потеха –
озорно проказит ребятня!..

...Сердце раскаляется от эха
с дальне-дальней линии огня.
Чем живём, родные, тем и с вами;
не поврозь к весеннему теплу
выйдем! – Под одними небесами
любим – и на фронте, и в тылу!

Снег в кустах просветы конопатит...
Новый день – житейская глава...

Санки незатейливые катит
двадцатитрёхлетняя вдова.

Кроткой одышкой по ближним дворам
шепещу;
нынешний день – утешительным светом
изряден.
Мало-помалу консервные банки ищу:
Господи, дай мне побольше здоровьишка
на день!

Всякая тропка и в снежную слякоть видна,
мир поселковый – довеку моя «неотложка».
Вечером станет окопной свечой не одна
банка, хотя бы – такая вот, из-под
горошка.

Не раздражает блажливых ворон
толковня,
точно вживаюсь в основы планиды
бродячей.

...Благостным взглядом окинет собака
меня,
будто бы спросит: «Чего тебе надобно,
старче?»

Собраны банки, в посёлке стемнело, уже
надобно с холода взглядом любимой
согреться...

Надобно, чтобы не гасла свеча
в блиндаже –
часть моего не остывшего с возрастом
сердца.

Водицей мутной полнится овраг...
Когда-то здесь, о чём не помнят сами,
чужие люди вдалбливали сваи
под не пойми какой универмаг.

Застыло небо цвета суровья...
Пойду, спрошу у дворника: не вы ли,
товарищ, разрешение на вылет
даёте птицам – в тёплые края?

Ответит мне осанистый Нияз,
что эти птицы – нашенские, то бишь
их даже холодами не озлобишь,
а холода – терпимые у нас.

Мороз лютует... Видимо, не в теме
людских забот с темна и до темна.
Зимую тем, что Бог послал, и с теми,
кто дорог мне в любые времена –
кто жизнь ведёт открытую, земную,
в том смысле, что без фиги за спиной:
я с ними и не то презимую,
ну и они, конечно же, со мной.

Зимует стойко мой навечный город...
Вот разгребу посконных дум завал
и повесную – с теми, кто мне дорог,
и с теми, кто со мной не зимовал.

...и здесь никто не помнит зла,
и верят в то, что власть – от Бога.
Но что в село, что из села –
вконец «убитая» дорога.

К селу бюджет районный крут:
необходим – иначе крышка! –
ремонт, но денег не дают,
поскольку нет в «кубышке» лишка,
долгов – немеряный запас...

Сказал отец Макарий: «Днями – дадут. Но можно и сейчас ходить Господними путями».

Ничего от сердца не отрину,
никого уже не разлюблю...
Догола, до ягоды – рябину
птицы доклевали к февралю.

Погрущу тихонько под гармошку...
Ночь темна, как будто собрала
звёзды Матерь Божия в ладошку,
точно крошки хлеба со стола...

Детский дом вечерующим солнцем
расцвечен,
в мастерской для хозяйственных дел
ребятня
лёт умело и споро окопные свечи
на исходе обычного школьного дня –
с верой в то, что помогут вернуться
живыми
всем – конечно, с победой! –
жестянки-светцы...

А за тысячи вёрст согреваются ими
никому из ребят не чужие отцы...

Хрипят грачи порывам ветра в тон...
Всему свой срок, всему свои масштабы:
Пришла пора изведать счастье в том,
к чему привык за много лет – хотя бы
в том, что площадка детская видна
из двух моих и всех соседних окон,
что к нам не забредала ни одна
шишига злая – даже ненароком;
в том, что я знаю каждый буерак
любой повортки, в том числе собачьей,
что сердце бьётся вроде бы не так,
как муха между рамами, а зряче.

Кто говорит: «Районный колорит», –
тот ни о чём, дурашка, говорит.
Ну, вот и я почти не говорю
о том, как, тучи сталкивая лбами,
полощет ветер сонную зарю,
зевая над околком и домами;

как присоснился радостный снегирь,
а под сосной, души в себе не чая,
сосед-спортсмен играет парой гирь –
легко, но снегирия не замечая;
о том, как Свет – среди людей – возник
по Божьей воле, что ни говорите
о чудесах... Ну кто сейчас из них –
людей – заговорит о «колорите»?..

Хотя с утра, быть может, на волне
весенних чувств (настала, мол, житуха)
мычала колоритная вполне,
гуляющая в рощице Пеструха.

Засыпал бы понемногу –
ночь для отдыха дана,
но у нас – через дорогу –
есть... нездешние дома.

Вот и нынче там, в хоромах,
зычно ухаёт салют...

Домового ли хоронят,
Ведьму ль замуж выдают?..

Нас не видно за стенами,
Каково мы здесь живём...
Из «Сибирской тетради»
Ф.М. Достоевского

Встречаю ночь, сухарик в чай макая;
тарелка с гречей опустошена.
Откуда нынче в доме вот такая –
немотная совсем уж – тишина?

Ну а когда начать беседу не с кем,
легко сердцебиение принять
за те слова, что Фёдор Достоевский
занёс в свою «Сибирскую тетрадь»:
хотя в посёлке трудно с чудесами,
хотя всего негусто с малых дён,
конечно, «Бог, отец небесный, с нами»,
конечно, «мы и здесь не пропадём».

Люблю и, что трудней понять, любим –
и по сей день завидуют пижоны,
мол, дядька, надо быть, простолюдин,
каких полно, а взял царевну в жёны.

Ну, что сказать?.. Черёмуха цвела,
ну а сирень помалу отцветала...
Я до сих пор не знаю, чья стрела
в болотце поселковое упала...

СЕМЕЙНОЕ

Тихой песней душу отведу –
под гармонь... Булга и кривотолки
чаще там, в шумливом городу,
а не в нашем – Солнечном – посёлке:
заманухам противостоя,
здесь живут несладко, но в охотку...

На вечерю жёнушка моя
варит витаминную похлёбку.

Я не верю в то, что сельдерей
на мои подает болячки,
что моложе стану и бодрей
чемпиона местной водокачки,
но – не налюбуюсь на жену!

Замаять заоконная тишает...

Без любимой – дня не проживу!
Ну, а сельдерей – не помешает...

В небе, во сне ли, вчера или ныне –
Ваню увидел, а с ним –
бабушка: встретились души родные –
мама, единственный сын...

Месяц за месяцем – время поминок,
то, что ничем не избыть...

Снова забыл у порога с ботинок
супесь погостную сбить...

По-над рощицей тихой – рассвета
полоска...

И печально, и радостно сердцу, зане
долговечный барак на окраине Омска
в ранний час, будто к старости,
вспомнился мне.

Прорастают, как зёрна, давнишние годы
из былого, которому имя – судьба.
За баракком – вскопали гуртом огороды,
до краёв продышались уже погребя.

Путь-дорога влечётся к небесному крову.
Слава Богу, что память – в попутье
со мной,
что родился в бараке, в котором корову –
на четыре семьи – называли Весной.

В глухих потёмках бродит утро волглое,
ни одного злодея нет окрест...

Жизнь впереди – ещё, возможно, долгая.
Такая, что едва ли надоест.

Вот насушу сухариков, надёжную
обувку на несуетном ходу
приобрету и жизнь начну дорожную
у Матушки-Природы на виду.

...Живу молитвой – солнечной, латающей
сегодняшние пасмурные дни,
своим трудом...

Куда мне дальше кладбища –
извечного – с могилками родни...

...кнута не видишь, такая потьма
Н.В. Гоголь. Мёртвые души

Есть места, где мне и ночью рады,
где я сам к диковинам не глух.
Замарайка. Слушаю рулады,
днём не склонных к пению лягух.

Надо мной немотно дремлет космос –
не идёт ни с кем на разговор.
Млечный Путь в потьму вращается косо,
как ближайший к берегу забор.

Не с его ли – космоса – подачи
неумолчно сердце ладят мне –
в поздний час – рулады лягушачьи
в нашей, тиной пахнущей, потьме?..

Подкреплюсь пустыми щами
(вот – капуста, вот – Иртыш).
То ли дождик обещали,
то ли к пенсии барыш.

Нюют кости к непогоде...
В тучах – небушко, а тут –

во саду ли, в огороде –
кабачки уже цветут.

Как живу? – Да понемножку –
слава Богу, что не вспять...

Правда, нет ли, что картошку
лучше вилами копать?..

Провыл барбос, не зная толком,
о чём, и снова – тишина...

Взошла над Солнечным посёлком
на свет не жадная луна.

От суетох живём далече –
почти что в городе, но там,
где местным стать намного легче,
где честно платят по счетам,
где ни в уме, ни на бумаге
не подбивают барыши,
где... сострадание к бродяге
равно бессмертию души.

**Дмитрий
АРТИС**

ДНЕВНИК ДОБРОВОЛЬЦА*

(записи второго круга:
16.06.2023–01.11.2023)

НА ВОЙНЕ БЕЗ ЛЮБВИ ДЕЛАТЬ НЕЧЕГО

На войне грязно, холодно, противно.

Там убивают.

Там случаются грубые и даже тупые командиры. Там многие приказы кажутся безумными. Ощущение, что тебя кинули на убой и тобой хотят накормить землю, рождается то и дело, и потом долго не покидает.

Не покидает иной раз десятилетиями.

Мы все, кто ещё умеет читать книги, читали мемуары о войне. Особенно о той – Отечественной.

Едва ли мы вправе судить о тех, кто пережил тот ад, но, скрывать не стану – даже в чтении текстов о Второй мировой у меня есть свои предпочтения.

Я не люблю интонацию: «С...и, вы нас предали и продали, будьте прокляты!»

Я люблю интонацию: «А было, ребята, дело так».

Что толку сводить счёты: Господь разберётся.

Хочется разглядеть людей и расслышать го-

лоса. Моралите я сам придумаю, если мне понадобится.

Дневники поэта и добровольца Дмитрия Артиса – про людей и голоса.

Это книга с той самой, нужной мне интонацией: «А было, ребята, дело так».

Наверное, здесь стоит остановиться и коротко рассказать о ком речь.

78 Дмитрий Артис родился 14 июля 1973 года

в Королеве, Московская область.

Корни – белорусские: имеется родная деревушка на реке Крупка, что под Гомелем.

Учился в академии театрального искусства (РАТИ-ГИТИС) и в Литературном институте им. Горького.

Работал в разных театрах, основал собственный.

Писал пьесы. Получал премии.

Выпустил 7 книг стихов: «Мандариновый сад» (2006), «Ко всему прочему» (2010), «Закрытая книга» (2013), «Детский возраст» (2014), «Мелкотемье +» (2018), «Позднее сиротство» (2023), «Он шагает по войне» (2023).

Имел имя и работу. Незадолго до пятидесятилетия ушёл добровольцем воевать.

Дмитрий АРТИС родился в 1973 году в Калининграде (ныне Королев) Московской области. Окончил Российскую академию театрального искусства и Литературный институт имени А.М. Горького. Поэт, драматург, театральный деятель. Печатался в периодических изданиях: «Другие берега», «Современная поэзия», «Российский колокол», «Дети Ра», «Зинзивер», «Литературная газета», «Нева», «Огни Кузбасса». Автор восьми книг. Принимал участие в защите Донбасса. Первый контракт: 78-й моторизованный полк СпН «Север-Ахмат» имени Героя России Ахмата Кадырова. Второй контракт: спецназ «Ахмат» (добровольческий отряд «Ахмат») под командованием Апти Алаудинова. Член Южнорусского союза писателей и Союза писателей Санкт-Петербурга. Живет в Домодедово.

На войне вёл дневник, о котором мы и ведём здесь речь.

В том дневнике у Артиса обитают многочисленные люди, и он их спокойно, но и пристально наблюдает.

Я всех его героев узнал и запомнил, словно знал их. Это и есть признак наивысшего мастерства рассказчика.

Он любит русских людей, всех этих воюющих вместе с ним мужиков, но смотрит на всех трезво. Он их любит, потому что их есть за что любить.

Если не за что любить, спокойно сообщает: «Не всякий русский воин доблестный. Есть среди нас откровенные дебилы».

Если национально озабоченные на этом месте обиделись, сообщу заодно, что под «русским воином» Артис может понимать человека любой национальности.

У него целая галерея российских наций представлена. Цветущая сложность вьявь. Мир – русский, а этнически русских иной раз по три страницы не встретишь. То ногаец, то башкир, то коми, то казах, то татарин, то дагестанцы шумною толпой, то даже иранец, то сам автор с артистической фамилией непонятного происхождения.

Артис почти никогда не повышает голоса. Не давит на жалость. В сущности, не использует пафос и патетику, а там, где это может таковым показаться, просто нехитрые мужицкие выводы, до которых он добрёл сам.

Когда он говорит, что «на войне без любви делать нечего», – это не «поэтическая фраза».

Это – опыт. До него дожить надо.

Обратите внимание, что в этих дневниках почти нет восклицательных знаков. Это первое и зримое отличие от других, попадавшихся мне солдатских и офицерских дневников русско-украинской войны. Там восклицательными знаками всё обставлено. То по три рисуют, то по пять. Мужиков распирают эмоции. Они хотят рассказать, а не умеют.

Артис – умеет.

Он пошёл на войну с театральной (в самом широком смысле) школой за плечами, как в своё время Виктор Некрасов (автор великой книги «В окопах Сталинграда», заложившей основы лейтенантской прозы). Неслучайное совпадение.

Артис не только прижился на войне (в 50 лет, проведя всю сознательную жизнь в театре, это

не так просто) – он сжился с ней, вжился в неё, стал её неотличимой внешне составной частью.

Однако память о том, что такое «типический характер», что такое «конфликт», что такое «ми-зансцена» – сыграла отличную роль, когда Артис начал записывать.

В три строки он даёт объёмный портрет человека. В абзац он вмещает зримый набросок то целой судьбы, то человеческой трагедии. Он владеет искусством формулировки. Он умеет отсекавать личное. Да всё он умеет, что нужно для этого жанра: дневник.

Понятие «жанр» он, кстати, тоже знает, и за рамки выбранного жанра не торопится выходить, хотя мог бы.

Не брать на себя лишнего. Не выдавать себя за кого-то другого. Не кидать понты. Вот Артис.

«Я простой солдат. Самый обычный солдат, каких здесь тысячи. У меня нет прошлого и будущего. Есть позывной, есть только здесь и сейчас, есть приказы, и я должен их выполнять, чего бы мне это ни стоило. Никому особо не рассказываю о себе. Никто не знает, что я литератор. Никто не знает, что я пишу стихи, поэтому никто не просит почитать их».

Настоящий чернорабочий воинского дела, который пережил, который увидел, запомнил и записал.

Спокойно, без восклицательных знаков констатирую: это отлично исполнено.

Дюжина выверенных портретов: если вам интересно узнать, кто воюет на этой войне. Две дюжины точно подслушанных диалогов: если вам интересно узнать, о чём думают и говорят участники этой войны. Россыпь метких наблюдений.

А всё вместе – история.

Так вот внешне незатейливо, но с колоссальным внутренним сдержанным умением пишется история.

Спасибо летописцу. Он сумел.

И не со стороны сумел увидеть и записать, а – изнутри.

На это мало кто решается. Артис пошёл и сделал. Русский мужик.

Здесь бы, к слову, восклицательный знак был бы уместен. Но зачем, и так всё ясно.

Помимо всего прочего, это ещё и самоучитель того, как выживать на войне. Из какого бы времени вы ни читали эту книгу – она вам может пригодиться.

Захар Прилепин

ДНЕВНИК ДОБРОВОЛЬЦА

16 июня, 10:24

Кому-то надо быть в Тавриде, а кому-то — на войне. Наши люди должны быть везде, и пусть каждый окажется там, где почувствует себя нужным.

Лето — странное время года. Хочется на море с любимой женщиной или в лес на шашлыки. А ещё хочется домашнего уюта, любви и счастья.

Домашнего уюта, любви и счастья хочется в любое время года. Но для этого необходимо как минимум два человека. В одиночку не получится.

Поэтому выбор невелик. Либо сидеть на диване и ныть, что никому не нужен, ожидая, когда позовут на какое-нибудь духоподъёмное мероприятие поиграть лицом героя, либо идти туда, где должен быть каждый уважающий себя мужчина (с поправкой, чтобы никого не обидеть!), не обременённый домашними хлопотами.

Слабо понимаю, как существовать в рамках первого варианта.

Да хранит нас Бог!

29 июня, 18:32

На войне каждый новый день проживаешь как первый, понимая, что он может оказаться последним. Негативные эмоции, обиды, которыми буквально за полтора месяца по возвращении наплатила меня гражданка, уже исчезли. Сердце наполнилось благородным светом и любовью.

На войне без любви делать нечего. Любовь к женщине, детям, родителям, любовь к Отечеству. Она движет русским солдатом, даёт ему волю к победе.

Чувства ответственности или долга не всегда работают. Чувства нужные. Но по сравнению с любовью они изрядно проигрывают. Превращают человека в бездушную машину, вынуждают поступать по совести. Обязательства вытесняют потребность. Живёшь по принуждению. С любовью всё иначе. Она даёт силы, а не забирает их.

Я бы не сказал, что любовь — это панацея от всех бед, но были случаи, когда только она помогала. Теперь думаю, что любовь — это и есть Бог, и если человек живёт без любви, то он живёт без Бога. У меня именно так.

Не знаю, как у других. Редко разговариваю об этом с людьми.

30 июня, 20:12

Совершенно неожиданно выдалось свободное время. Вернее, оно выдалось ещё вчера, но немного затянулось и, по всей видимости, продлится до завтрашнего утра. Поэтому на связи, а заодно закину в интернет пару наблюдений.

Добровольческие подразделения уплотнились, если можно так сказать. Слабых звеньев не так много. Парни заходят по второму и третьему кругу, с опытом. Новых мало. Не больше десяти процентов. По крайней мере, там, где я сейчас нахожусь.

Основной контингент можно разбить на две категории: солдаты удачи и патриоты. Но есть сложность. Эти категории настолько перемешаны, что сразу не поймешь, кто из них больше патриотичен, а кто идёт чисто подзаработать. Мыслями питаются друг от друга.

Солдаты удачи, как правило, после отработки контракта загуливают на неделю, спускают деньги и возвращаются на войну. Патриоты вкладывают в семью. И там и там есть исключения.

Но в этот заход я пока не видел парней из третьей категории. Это те, которые попали в долговую яму. Зимой их было много. Надо заметить, должники не сразу открываются. Они долгое время держатся как патриоты или солдаты удачи. Поэтому вывод делать рано.

На первом круге самый молодой парень был о двадцати трёх лет. На втором круге сдружился с пареньком, которому девятнадцать. Назовём его Смайл. Естественно, отношусь к Смайлу как к сыну, и он вроде привязался ко мне.

Смайл закрыл (сдал экзамены) первый курс института и ушёл на войну. Контракт как раз до следующей сессии. На пункт сбора добровольцев приехал с мамой. При всём при этом своей девчонке не сказал, куда уезжает.

Сначала меня это позабавило, а потом подумал, что именно так в его возрасте и надо уходить на войну. Провожать должен самый близкий и дорогой человек. А девчонка... ну, видимо, ещё не доросла до подобного статуса.

Смайл — красивый русский парень. Метр семьдесят пять ростом. Фигура единоборца. Подтянут, вежлив, прост в общении. Невероятно любопытен. В хорошем смысле этого челове-

ского качества. Если что-то не понимает, спрашивает. Если ответ не удовлетворяет, ищет информацию в другом месте.

По-моему, он из тех парней, которые умеют быть преданными. Цель прихода на войну в составе добровольческого подразделения – послужить Отечеству. Спросил: а почему не пошёл на срочку? Сказал, что срочников на войну не пускают, да и у него отсрочка от армии, потому что учится в институте. Неожиданный поворот, да?

Ещё один сослуживец, с кем сблизился, – Ахмед. Тоже новичок.

Неделю назад подошёл ко мне и говорит: «Придумал себе позывной!» – «Какой?» – спрашиваю. «Ахмед-аварец-пулемётчик!» – «Длинноватый позывной», – смеюсь.

Ахмед из Дагестана. Неграмотный. Но словарный запас русского языка на удивление существенный.

Буквы знает, а составлять слоги и слова не умеет.

Рассказал, что в детстве учили, но у него голова от занятий болела, поэтому ничему не научился.

По профессии Ахмед пастух. Пасёт овец, лошадей, баранов. В общем, пасёт всё, что пасут в горах. Старше меня на два-три года. Простодушный и добросердечный. Вспыльчивый. Терпеть не может нацистов. Дед Ахмеда воевал с ними на Второй мировой, а теперь вот он пошёл на войну с нацистами сам. Дед орденоносец.

Ахмед говорит:

– Хочу быть Героем России. Иду я, а на меня смотрят и кричат: «Ахмед – Герой России идёт!» А я гордый, грудь такая (показывает) – колесом, на груди ордена, медали... Только бы не испугаться, когда в меня стрелять начнут. Сам я стрелять не умею. Никогда не держал в руках оружия. Но меня ведь научат? Я научусь. Как они могли (это он про хохлов) пойти воевать с Россией? Наши предки обязались жить в мире с русскими, а они... Продались! Как могли? Не понимаю!

Смайл заполнял контракт за Ахмеда, Ахмед расписывался. Расписываться он умеет.

3 июля

За первые восемнадцать дней поменяли три учебные базы. Подготовка всё жёстче и жёстче. К вечеру валишься с ног.

На первой базе занимались вразвалочку. Полдня – боевая подготовка, полдня – теория. Особо не напрягались.

Жили в полевых палатках, на двадцать человек каждая. Кормили хорошо. Три раза в день. Горячее, салаты, супы, каши, яйца, масло, колбаса...

Вторая база максимально приближена к полевым условиям и находится в нескольких километрах от линии фронта.

Жили в земляных блиндажах, лисьих норах. Жара, ливни, комары, мыши. Питание в основном – бич-пакеты*.

Занятия по двенадцать часов в день в любую погоду.

Полтора литра воды в сутки на человека, даже если жара переваливает за тридцатиградусную отметку.

Третья база уже непосредственно под неуспынным глазом команды полевого командира, которая состоит из инструкторов, прошедших бои вместе с ним.

В шесть утра подъём – и побежали. Теория и практика в одном флаконе. Остановиться можно только к девяти вечера. Живём (вернее, только спим) вольготно. В домах.

Есть вода, газ, свет, душ (дачный вариант), кухня, туалет. Питание полевое. Есть возможность дойти до магазина и купить вкусняшек. Было бы только время и силы.

Теперь уже первый круг начинает казаться детским садом или пионерским лагерем, где основная задача старшего по палате – смотреть за тем, чтобы парни мыли за собой кружки.

Подготовка на первом круге была почти никакой, скажу прямо. Да и форма войны за шесть месяцев сильно изменилась.

Если раньше мы как бы нападали, но в основном сидели в обороне, то сейчас мы как бы защищаемся, но количество штурмов (и самих штурмовых отрядов) увеличилось в разы.

4 июля, записано 5-го

Адище адский. Холод невыносим, но жара оупляет сознание, теряешь связь с реальностью. Бегали в поле до обеда. Один сослуживец с тепловым ударом. У меня начались проблемы с вестибулярным аппаратом. Постоянно теряю равновесие.

Начался день с того, что, выпрыгивая из ма-

* бич-пакеты — лапша быстрого приготовления.

шины, забыл, что мне давно не двадцать, не тридцать и даже не сорок лет. Выпорхнул так, что ударился мыском о какую-то железку, торчавшую из асфальта, и прокатился по нему метров пять. Выбил большой палец на ноге.

Жаловаться стыдно. Пробегал так полдня, стиснув зубы. Падая и снова вставая, падая и вставая. Голова не соображала ничего.

В два часа дня, вернувшись в распорягу и сняв ботинки, обнаружил синюю распухшую ступню. Выпил таблетку пенталгина, чтобы снять боль. Больше ничего обезболивающего с собой не было.

Боль не утихала. Часам к шести решил дойти до медпункта. В начале восьмого отвезли в город на рентген.

К великому счастью, перелома нет. Сильный ушиб. Стало дико стыдно перед врачами, что обратился с такой пустяковиной, и это чувство было страшнее той боли, которую испытывал.

Вернувшись с рентгена, получил от командиров списки с распределением прибывших со мной парней по командам.

Меня ставили старшим по «молодым» (так здесь называют пополнение). Пятерых из прибывших со мной забрали на б. з. (боевое задание). Охрана отбитого объекта на самом передке. Среди пятерых оказались Смайл и Китаец.

Успел обнять их и сказать: «Не ссыте, братья!» Впрочем, они и не думали ссать.

К девяти вечера мир вроде бы успокоился. Решил немного поспать. Последние три дня спать не мог и есть тоже. К десяти вызвали по рации в штаб. Там получил распоряжение выйти с двенадцати ночи до четырёх утра в караул. Меня приписали к комендантской роте.

Начиная с трёх часов немецкая арта работала по объекту, на который вышли мои боевые товарищи. К шести утра 5 июля удалось на пару часов задремать.

Снился стыд и позор, что я, как последняя сволочь, отсиживаюсь в штабе, а мои друзья шкеряются на объекте от вражеской арты.

Надо искать в себе силы, чтобы есть и спать, иначе я долго не протяну.

5 июля

Начинаю гнобить себя. Хорошим это не кончится.

Выполнять поставленные задачи, меньше думать и рефлексировать.

Съел гадский дошик.

6 июля, 04:12

Не рота, а взвод. Комендантский взвод. Это парни, которые следят за внутренним порядком и охраняют распорягу. Помимо прочего. Особенного расслабона на войне не бывает.

Вчера переехал в другой дом, где селится часть взвода. Ахмед-аварец расстроился, что его бросили. Смайл, Китаец, Кубань ушли на своё первое боевое. Я – в комендантский взвод. Ахмед пока ещё не получил распределение. Ворчал, провожая меня. Попытался подбодрить, дескать, я рядом. Но Ахмед всё равно расстроился.

Нога прошла за сутки, несмотря на то, что сидеть дома, чтобы дать ей отдых, не получилось. Надыбали стройматериалы и отвезли парням, которые строят баню и кухню. Говорят, в скором времени появится возможность выходить в Сеть.

Находимся там, где мобильная связь полностью отключена. В целях безопасности. Знаю, что за меня волнуются родные и близкие, но я на войне. Писать каждый день о том, что со мной всё в порядке, возможности нет. Простите.

Настроение боевое.

22 6 июля

Крепко сбитый молодой парень. Ногаец. Постоянно улыбается. Хорошее телосложение, поэтому во дворе дома часто ходит раздетым по пояс. По базе не по форме запрещено. На предплечье две зелёных точки, будто от пули, – входное и выходное отверстия.

Спрашиваю:

– Ранение?

Рассказывает:

– Выходим с боевого. Поле, подстриженная миномётами и автоматами лесополоса, пересечёнка. Бабах – прилёт буквально в трёх метрах от нас. Упали, прижались к земле. Кричу напарнику: «Живой?» – «Да!» – отвечает. «Бежим или лежим?» – «Бежим!» Вскочили, побежали. Слышу – взрыв, оборачиваюсь и вижу: второй прилёт прямо на то место, где мы лежали. Бежим дальше. Развилка. Две тропы. Одна дорога к распоряге длиннее, другая – чуть короче. Почему-то свернули на ту, которая длиннее. Снова кричу напарнику: «Нам надо на другую тропу, там путь короче!» – «Разворачиваемся!» Развернулись, побежали к другой тропе. Опять взрыв. Оборачиваюсь и вижу новый прилёт

на то место, где должны были быть мы, если бы продолжили бежать по прежней тропе. Добегаем до жёлтой зоны, останавливаемся перевести дыхание. Куртка к руке прилипает. Ранило. Поработал пальцами. Сжал в кулак, разжал. Согнул в локте. Двигается. Значит, кость не задета. Врач на базе осмотрел. Осколок прошёл насквозь и застрял на выходе. Достали его. Помазали зелёнкой входную и выходную дырку, перебинтовали. Мы, ногайцы, везучие!

Сегодня снова выходит на боевое.

6–7 июля

Перед выездом на пункт сбора добровольцев зашёл в аптеку, чтобы купить витамины. С ними на войне напряжёнка. Лучше иметь запас. Помогают поддерживать себя в тонусе.

Спросил у аптекарши. Сказала, что есть хорошие витамины для мужчин. Сказала и почему-то лукаво подмигнула. Поначалу не придавал этому значения.

Спросил стоимость. Ответила: «Семьсот, — и добавила: — Но тем, кто покупает эти витамины, дают бесплатно ещё одну пачку других витаминов. Тоже для мужчин!» Опять подмигнула.

Я в своих мыслях, голова занята войной. Хорошо, говорю, давайте. Оплатил, взял. Дома сунул в походный рюкзак.

На первой учебной базе, когда настроение было так себе, решил выпить по одной витаминке из каждой пачки.

Всю ночь снилась китайка. Неземной красоты, и в том виде, в котором женщины больше всего нравятся мужчинам. Такие вещи вытворяла, что неловко в дневник записывать.

Проснулся раскрасневшимся, сел на кровать и начал перебирать бывшие сердечные привязанности, чтобы разобраться, откуда в моих снах появилась китайка. Среди знакомых китайок нет, и ни с одной женщиной этого прекрасного народа у меня не было даже случайной связи.

На второй день снова выпил по одной витаминке. Опять снилась обескураживающая китайка.

Сил, главное, никаких, мысли о войне, а здоровье на полигоне. Но снится китайка, и всё. Хоть головой об стенку бейся или затвор передегивай.

На третий день и третью ночь история повторилась, вернее, уже потроилась. Китайка сводила с ума. И так и этак. Не удержался и сделал с ней всё, что сам хотел, и всё, что она просила.

Утром изумлялся своей дикой подростковой. Накануне пятидесятилетия быть Огогошем не всякому дано.

Путём нехитрых логических умозаключений догадался, что дело в витаминах. Полез в рюкзак посмотреть, что мне подсунула аптекарша.

Так и есть, они самые, для мужчин. Сделано в Китае.

6 июля

Шесть часов в карауле. Стоял в одиночестве. Людей не хватает. Это плохо. Но мне было хорошо.

Самые лучшие шесть часов за последний месяц. Никто не раздражал. Вот оно счастье интроверта на войне.

7 июля

С двенадцати до шести проспал как убитый, а проснулся как только что народившийся. Полдня свободного времени.

Убрался во дворе. Парни притащили щенка, и он разбросал мусор.

Сгонял в магазин. Взял сигарет, батон докторской колбасы (черкизовская), две двухлитровых бутылки кока-колы (здесь кола лучше, чем в Москве), мороженое, сникерсы и... мясо!

Перебои с тушёнкой. Выдали кости цыплёнка в банке, на которой почему-то написано: «Тушёное мясо». Мяса там нет. Одни кости. Тушёные кости. Хотелось нормального человеческого мяса...

Тьфу, ты... Можно подумать, я людоед. Смеюсь. Под нормальным человеческим мясом подразумевается говядина. На худой конец, свинина.

С графиком караула разобрались. Сегодня у меня четыре... Освобожусь к шести вечера. Наемся, напишу чего-нибудь и лягу спать. Если ночью не напрягут, опять выплусь.

Привыкать к хорошему нельзя. По своему опыту знаю, как только привыкаешь, сразу сдёргивают с места.

7 июля

Коренастый парень сорока семи лет. Густая чёрная борода. Нависшие брови. Короткая стрижка. Лоб низкий. Глаза суетные. Либо сверлят, либо испуганно утыкаются в пол. Всегда разный. Этаким старый лис. На плечах воровские звёзды. От звезды к звезде набито: «Повидала горе — полюби меня».

В тюремной шняге и том, как устроен сегодняшний воровской мир, ничего не понимаю. По верхам нахватался, без углубления в тему. Спрашиваю:

- Коронованный?
- В отрицании...

У меня после работы на седьмой эрпегешке проблемы со слухом. А Мартын слова жуёт, говорит невнятно. Вроде он сказал «в отрицании» или «отрицалово» и добавил:

– После того как Путин подписал закон, что можно присесть на пятнадцать лет за одно лишь признание в том, что ты вор в законе, их на гражданке (он выразился именно «на гражданке», хотя имел в виду «на свободе») не осталось. Кто в тюрьме, а кто за границей. Некоторые ходят, детям головы грязнят, пальцами кидают, а сами от титула уже давно отреклись. У меня теперь жена, – закончил Мартын, – и дочка.

Мне трудно воспроизвести речь Мартына. Косноязычен и говорит бедно, поэтому пересказываю своими словами.

Первое, о чём он заговорил со мной, так это о том, что должен был быть помощником коменданта, но прислали бывшего мента с пятнадцатилетним стажем и про самого Мартына тут же забыли. Жаловался так трогательно (глаза бежали), что я прослезился от умиления.

– Да, – причитал Мартын, – бывших ментов не бывает.

Я тогда сходу подумал, что и воров бывших не бывает, только вслух не стал произносить.

Мартын посетовал на то, какая нынче молодёжь пошла невоспитанная, старших не уважает, а заодно вспомнил свою героическую юность, рассказав, как дрались район на район, улица на улицу. Выходили и махали кулаками, не то что сейчас, дескать, хохлы на русских лезут, да не с кулаками, а с какой-то западной артой. Не по-пацански, в общем.

Заодно выложил историю о том, как девчонку провожал в другой район.

Парня, пока был с девчонкой, не трогали (было такое правило). Избивали до полусмерти на выходе из подъезда.

Проводил девочку до двери в квартиру, попрощался и пошёл вниз по лестнице. Спускается, слышит – замок наверху щёлкает, дверь открывается, выходит отец девчонки и зовёт его. Мартын поднимается назад. Отец девчонки спрашивает:

– Зная, что побьют, не побоялся проводить мою дочь?

- Не побоялся...
- Так сильно любишь?
- Да.

– Ну, пойдём к нам, посидишь тогда, пока не разлетятся коршуны.

Вышли на балкон. Отец улыбнулся, показывая на группу молодых парней, поджидающих Мартына:

– Видишь, слетелись.

Эту историю я слышал много раз от парней, которым хотелось блеснуть героической юностью. История входит в состав самых распространённых городских легенд из восьмидесятых тире девяностых. Поэтому больше чем уверен, ничего подобного в жизни Мартына не было. Но мне понравилось, как он в финале своего рассказа выкрутился, когда я чуть было не поймал его на вранье.

– Простояли, – рассказывает, – на балконе полночи, проговорил о том о сём, а когда коршуны устали ждать и разлетелись, отец девчонки моей вызвал по телефону такси, чтобы я спокойно доехал до дома.

На реплике «вызвал такси по телефону» я усмехнулся. Не было в конце восьмидесятых мобильных телефонов, по которым нынешние люди привыкли вызывать такси.

Мартын будто прочитал мои мысли. Глаза покосились влево – придумывает, как выйти из положения.

Он приложил к уху руку, изображая, что держит в ней трубку дискового телефона, а указательным пальцем другой руки сделал круговое движение. Потом кивнул головой и добавил:

– Дисковый телефон. Вызвал такси по дисковому телефону.

Старый лис умеет читать мысли собеседника.

Сегодня после обеда объявили, что Бичу – бывшего мента, которые бывшими не бывают, назначили комендантом, а Бича взял себе в помощники Мартына – вора в законе, которые тоже бывшими не бывают.

Иногда реальная жизнь подносит нам чистые драматургические ходы.

7 июля, вечер

На позициях три двухсотых из моего потока.

Сначала работала арта укронациков, потом было затишье, а в половине пятого начался ураган.

Повалило несколько деревьев на электропровода. Света нет.

При дожде птички не летают, значит, вражеская арта не работает.

Когда ливень порвал небо, вроде успокоился. Парням легче будет. Мокро и грязно, зато живы. И вот новости...

Погиб Китаец. Сказали, что погиб Китаец.

Дали свет.

8 июля, до прихода утра

Бабахает сильно. В одну и в другую сторону.

На второй учебной базе, где мы жили в землянках, один курсант из нашего потока застрелил другого. В шутку приставил к голове автомат и спустил курок. Половины головы как не было.

Не всякий русский воин доблестный. Есть среди нас откровенные дебилы. Не хочется о них говорить. Стереть из памяти, чтобы не было, как той половины головы.

На пункте сбора добровольцев набралось человек восемь. Среди них были Ахмед и Смайл. По приезде на учебную базу мы подружились. Жили в одной палатке.

Потом к нам подселили Китайца, Кубань и Костека. Китаец с Кубанью приехали вместе. Два друга – метель да вьюга. Китаец безбашенный. Кубань головастый. Парни, как плюс и минус, противоположности друг друга. Держались вместе.

Костек из Дагестана. Метр с кепкой. Золотые зубы. В каждой бочке затычка. Глупо шутил и старался быть на виду, чем немало раздражал меня.

Как-то не выдержал и прикрикнул на него:

– Костек, знаешь основное правило солдата, которое спасает ему жизнь?

– Какое?

– Быть незаметным!

– Меня и так никто не замечает!

Через два-три дня к нам присоединился двадцатитрёхлетний Ковбой. Жил он в другой палатке, но подружился со Смайлом – близкий для общения возраст, – поэтому частенько тусил вместе с нами.

С утра на полигоне, после обеда на теории, вечерами молодёжь в качалке, старики – я и Ахмед – на койках, а Китаец с Кубанью – парни среднего возраста – в курилке.

По рации:

– Командир, мы работу закончили...

– Отдыхайте, завтра с утра ещё много дел.

Бабахать перестало. Слышен только утренний собачий лай по располаге. Парни возвращаются по своим домам.

Нет, прилёты ещё есть. Редкие, но есть.

8 июля, утро

Ахмеда поставили на пост. Поскольку он неграмотный, то позывные и номера машин, которые проходят через него, не записывает, а напрямую передаёт по рации в штаб. Помимо этого, он сообщает по рации обо всём, что происходит рядом с его постом. Дежурный в штабе злится. Понимаю, конечно. Только иного выхода нет, людей не хватает.

Идёт уже пятый час работы Ахмеда. Он передаёт по рации:

– В кустах за будкой кто-то шевелится. Наверное, собака. Да, это собака.

– Так пристрели её, чтобы не мешала тебе работать! – в ответ орёт выведенный из себя дежурный по штабу.

– Собаку? Собаку я не могу стрелять, – отвечает Ахмед.

8 июля, вечер

Время в карауле уменьшилось до восьми часов.

Сегодня на дальнем посту. Тут спокойнее, потому опаснее. Мне легче. Мало людей.

Прилетела божья коровка. Села на броник. Ползала, ползала. Взял её, как в детстве, посадил на указательный палец левой руки и поднял вверх. Указательный палец правой руки – на контроле.

«Божья коровка, улети на небо, принеси мне хлеба, чёрного и белого, только не горелого».

Божья коровка не улетала. Спустилась по указательному пальцу вниз, поднялась на средний, потом опять спустилась, перешла на безымянный... так обошла все пальцы. Развернулась и проделала тот же путь в обратную сторону.

Я назвал её Бовка (БОжья короВКА).

Руку положил на автомат. Бовка перемахнула запястье и, смешно пробираясь сквозь волосики на руке, поползла к складкам засученного рукава.

Жара спала. Пасмурно. Воздух тяжёлый.

Бовка перебралась на рукав камуфляжа, немного постояла и скрылась из глаз, убежав на другую сторону руки. Я сидел не шевелясь.

Прилетела вторая божья коровка и также села на броник. Не стал её беспокоить просьбой принести хлебушка.

Божья коровка жила своей жизнью, ползая по броне и прикладу автомата, на который она легко перешагнула, поскольку тот был плотно прижат к груди.

Я назвал её Жьяко (боЖЬЯ КОрровка), на итальянский манер.

Для общей картины не хватало только госпожи Ро (божья коРовка). Но третья коровка никак не прилетала.

Появился шмель. Его жужжание напрягало меня, поэтому снял кепку и отмахнулся.

Наши парни вычислили координаты крупнокалиберного пулемёта укронациков. Вышли одноголазые. Один плюс пять уехали за грибами. Минус два без вести.

На войне лучше не привыкать к сослуживцам. Каждая утрата убивает внутри тебя что-то живое. Стараюсь дистанцироваться. Хорошо и тепло общаюсь со всеми, но при этом держусь на расстоянии. С божьими коровками хорошо дружить. Они похожи друг на друга.

Теперь для меня все божьи коровки будут Бовками или Жьяко. Так в моей голове каждая из них будет жить вечно.

В следующий раз (пусть это будет в новом году!) поймаю божью коровку, посажу на ладонь и буду разглядывать, чтобы понять, кто она: Бовка или Жьяко. А если повезёт, то и госпожу Ро увижу. Толстенную-претолстенную, с бессчётным количеством чёрных пятнышек на малиновых (пусть будут малиновые!) крылышках.

Если принять за данность, что вечность существует, пока живёт человек, а каждого человека зовут Огогошем, то Огогош вечен, как Бовка, Жьяко и госпожа Ро.

9 июля, четыре утра

Всю ночь лил дождь. Под утро перестал.

Проснулся в час ночи. К двум на пост. Надо не спеша собраться. Сижу под навесом во дворе, пью кофе, курю.

К половине второго из своей конуры вылез Фома-два.

– Не спится? – спрашивает.

Я чуть не поперхнулся.

– Спится. Только на работу пора. Тебе тоже.

– У меня подозрение на пневмонию. Завтра с утра на больничку еду. Можно кофе?

Фома-два, не дождавшись ответа, берёт мою чашку и делает из неё глоток.

– Теперь и у меня будет пневмония, – говорю.

– Я не знаю, что такое пневмония.

– Это воспаление лёгких. От него умирают чаще, чем от пули на войне.

– А-а-а, – растягивает Фома и делает ещё один глоток из моей чашки.

Фома-два – потому что в подразделении есть ещё один Фома. Тут двойников много. Малой, Малой-два-три-четыре-тридцать. Добрый, Старый, Кот и т. д. – все с номерами.

Фома продолжает светскую беседу, допивая мой кофе:

– Мне тоже на пост?

– Да.

– А куда?

Открываю телефон, на который фотографировал расписание.

– На дальний.

– У тебя неправильное расписание. Мне не туда.

– Правильное. Туда.

Не было ещё ни одного дня, чтобы Фома пришёл на пост вовремя и на тот, на который нужно прийти. Он уже неделю ходит как лунатик. Еле передвигается. Уговорил его вчера сходить к медикам. Отказывался, ссылаясь на то, что ему теперь уже ничем не помочь. По правде говоря, он меня пугает. Разговаривает сам с собой, смотрит в пустоту или сквозь собеседника, будто не видя его, ходит медленно. Похож на зомби.

– У меня на войне псориаз прошёл, – продолжает Фома. – Что такое псориаз, я знаю. Это большая перхоть на голове. Её отковыриваешь, но она потом снова нарастает.

Меня начинает подташнивать. Надеваю броник, плащ, беру автомат. Фома тоже одевается. Включает фонарик, и мы выходим на улицу.

Я меняю Чапу. Чапа еле стоит на ногах от усталости. Мокрый насквозь. Мы здороваемся и тут же прощаемся. Чапа уходит. Фома стоит рядом.

– Тебе на дальний, – подталкиваю Фому в направлении его поста.

Фома недоумевает:

– Я ведь только что тебя сменил. Почему ты опять пришёл?

– На дальний, Фома, тебе на дальний, – будто не замечая того, что Фома бредит, повторяю.

Фома разворачивается и уходит.

Здесь больных нет. Больные на больничке. В располаге, даже если у тебя смертельная агония, ты всё равно здоров.

9 июля

Мартын внешне похож на персонажа советского фильма «Дети капитана Гранта». Того, который говорил: «О нет, я не Негоро! Я капитан Себастьян Перейра!» Серьги в ухе не хватает.

Получив должность помощника коменданта, застегнул камуфляж на всю молнию. Носит под мышкой папку. Задирает подбородок и поджимает губы.

Достаточно представить себе Себастьяна Перейра с папкой под мышкой (вроде Огурцова из фильма «Карнавальная ночь») – и можно умереть со смеху.

Услышал, как Мартын ругается на Ахмеда:

– Ты тупой!

– Мы тут все тупые. Острые – на объекте, – заступился я за Ахмеда.

Объект – Сердце Дракона. Основная движуха на нашем участке фронта происходит именно там.

Мартын понял, на что намекаю. Сжался в комочек, стал маленьким и безобидным. Немного попятился назад, потом резко развернулся и, будто растворившись в воздухе, исчез из моего поля зрения.

9 июля, день

Льёт дождь. Поспал пару часов и выспался. Света нет. Вышел во двор. Атмосфера гнетущая.

Прошла информация, что пропавшие без вести могли попасть в плен.

Водитель уазика разворачивался и наехал колесом на мину. Машину разметало в клочья. Его нашли в семидесяти метрах от места взрыва. Оторвало руку и обе ноги.

Пошёл посмотреть расписание нарядов к домику коменданта и не обнаружил своего позывного. По дороге назад встретил Бичу, спросил – почему? Сказал, отдохни. Попросил поставить меня и дать возможность отлежаться Фоме-два.

Стихи ушли. В голове ни строчки. Уже давно. Так долго никогда не молчал. Чтобы не сойти с ума, решил вести дневник. Он даёт иллюзию собеседника.

Дневник никто не прочтёт. Если не выживу. От этого легче загонять буквы в слова, а слова в предложения. Вероятность выживания мала. Смерти не боюсь.

Боюсь, что физически не потяну нагрузок и подведу парней... свои высокие идеалы. Боюсь сломаться.

Я видел на этой войне сломанных людей. Печальное зрелище.

9 июля, вечер

Драматургии не случилось. Назначили нового коменданта. Бича вернулся в помощники, а Мартын остался не у дел. Папка заброшена под кровать. Камуфляж расстёгнут.

Водитель уазика, у которого оторвало ноги, скончался. Позывной Танцор.

Сто дней на войне. 91 день – первый круг и 9 дней – второй.

Дневник начал вести неделю назад. Он заполнил пустоту, образовавшуюся в отсутствии связи с большой землёй.

Жалею о том, что раньше не додумался. Дневник увлекает. Снимает напряжение.

Пару недель, пока занимался на первой и второй учебных базах, оставался без телефона. Ничего не записывал. Надо восстановить пробел.

Будут всплывать воспоминания из первого круга, запишу здесь.

10 июля, день

Без происшествий. Отоспался, отработал, перекусил, зашил дыры на камуфляже, который покупал в Москве, готовясь к выезду. Есть ещё один. Его выдавали на первой учебной базе. Держу про запас. Не надеваю.

На второй круг выдали всё то же самое, что выдавалось на первый. Вместо бушлата – куртка. Добавилась фляга для воды, и разгрузка намного лучше. Та, которую получали зимой, рвалась в первый же день. Снимали с неё карманы для магазинов и перекидывали на броник. Броник носили поверх бушлата.

Получая бушлат, просил выдать 50–52-й размер. Был пошире. Сейчас 48-й в самый раз. Мне выдали 56-й. Зачем, говорю, мне 56-й, если у меня 52-й? Ответили, дескать, бушлат нужен такого размера, чтобы в студёную ночь и себя можно было накрыть, и коня. Жаль только, что коня не выдали.

В том бушлате через неделю заблудился. Сильно похудел. Ходил, как Филиппок в отцовской шубе, пока не купил нужного размера.

Резиновых сапог в этот раз не выдавали. Из обуви только кроссовки «Лёва»* – мультикам. Как ни странно, подошли. Хожу, не снимая. Зи-

* «Лёва» — так называли у нас тактические кроссовки фирмы «Lowa».

мой давали такие же. Не сумел привыкнуть. За неделю ступня превратилась в сплошную кровяную мозоль. Сейчас в кроссовках нога чувствует себя хорошо. Есть берцы, лёгкие. Покупал вместе с камуфляжем.

10 июля, под вечер

Организму нужно две недели на адаптацию. Потом становится легче. Привыкаю. Гоню мысли о домашнем уюте, чтобы не так тоскливо было. Возможность позвонить на большую землю есть. Надо подойти к командирам, попросить. Просить не хочется. Да и звонить тоже. Сомневаюсь, что разговор с большой землёй даст мне сил. Наоборот, могу расклеиться.

После караула вздремнул на часик. Вышел во двор, там Калуга сидит и бормочет: «Ангел-хранитель, ангел-хранитель...»

Штаны задраны до колен. Ноги распухшие. Костяшек не видать. Несколько дней назад на полигоне схватил тепловой удар. Плюс тридцать жара, мы в тяжёлой броне, плюс БК. Он оставил на базе кепку, бегал в шлеме. На перекурах снимал шлем, чтобы не так жарко было. Результат налицо. Вернее, на голове. Отрабатывали эвакуацию на реальном трёхсотом.

– Ничего себе, – говорю, – как у тебя ноги распухли.

– Бухал на гражданке... поэтому, наверное.

По Калуге видно, что был не дурак выпить. Под глазами мешки. Лицо застыло в похмельной гримасе. Щёки отвисшие.

– Я бухал, – продолжает. – Ну, как бухал? После работы вечером. Немного, потому что утром вставать. На выходных пил нормально так. Все выходные пил. Потом опять пил, немного. После работы. Почку посадил. Печень. Ноги опухают. Но я разве виноват, что у меня ноги опухают?

– Освободили от б. з.?

– Да. Бухал я на гражданке. Теперь ходить не могу. Вернусь – пить не буду. Ангела-хранителя нельзя подводить и гробить себя почём зря. Понимаешь, Огогош, такая жизнь. Работа тяжёлая, денег мало, перспектив никаких. Живём с женой сами не знаем зачем. Но зачем-то ведь живём? И ангел-хранитель у меня есть, оказывается.

– И я вчера про него думал. Но может, – кивнул на небо, – нас берегут для чего-то более страшного.

– Берегут для чего-то более страшного? –

Калуга повторил за мной и побледнел. – Пойду лягу, ноги вверх подниму – может, опухоль спадёт.

10 июля, вечер

Страх. Взял его, будто вещь какую, и разделил на три части, важные для спокойного существования. Определил для каждой своё место в голове. Боюсь: подвести, сломаться, бессмысленно погибнуть.

Стоп. Зная (хорошо, предполагая), какое количество людей молится за меня, погибать – подло. Даже со смыслом. Всё равно что подвести их.

Первый и последний страх положил на одну полочку. Так надёжнее.

11 июля, обед

С утра слышу выходы. Ба-бах – и тишина, ба-бах – и тишина, ба-бах... так только наша арта работает.

Напротив поста на углу забора сидела трёхцветная кошка. Морда рыжая, ухо чёрное, грудка белая. Долго сидела и зевала, показывая розовый, как тельце младенчика, язычок. Летом на войне мало белого цвета. Полевые цветы и кошка грудка с серым оттенком. Зимой было чуть больше. Особенно если под утро выпадал снег. К полудню, правда, и он темнел.

В декабре, семнадцатого числа, я приехал на пункт сбора добровольцев, а уже девятнадцатого был там, где должен быть любой уважающий себя мужчина, – за ленточкой. Так начинался мой первый круг.

Дорога тяжёлая. Самолёт. Четырнадцать часов на КамАЗе. Машины забивались основательно. Не продохнуть. Зима. Ветер. Без горячей воды и еды. На базу приехали в четвёртом часу утра. Вывалились из машины и разбрелись по баракам. Нашёл, где упасть, упал и тут же уснул.

Начало второго круга далось легче. В самолёте и в КамАЗе дышали свободнее. Без бушлатов парни тоньше. На ночь остановились в старом общежитии. Отпустили в магазин. Естественно, парни купили водку, нажрались и подрались.

Приехала военная полиция. Нас построили. Пьяных вывели. В том числе Китайца. До утра их никто не видел.

Утром Китаец появился с просветлённым взглядом, будто сменил религию и стал кришна-

итом. Стянул с себя штаны и показал бордовые ляжки. Засмеялся. «Задница – говорит, – у меня такая же, можете поверить на слово!» Мы поверили. Легко отделался.

Кубань смотрел на своего друга и качал головой.

В районе пяти утра отвезли на промзону, где выдали оружие. Китаец сидел и смотрел на свой автомат, как смотрит юноша на возлюбленную. «Надо подписать, – говорит, – чтобы не потерять!» – «На первом круге, – подсказываю Китайцу, – парни своим автоматам давали женские имена – имена любимых».

Китаец достал нож и вырезал на прикладе: «Валя и Катя». Жена и дочь.

Бабахать перестало. Прогремел гром. Кошка прыгнула с забора и скрылась за углом. Полил дождь. Я забился под навес, чтобы не промокнуть.

Дождь мне нравится больше жары и холода. Если есть навес, конечно. Под навесом, впрочем, и жара с холодом не так страшны.

11 июля, день

Меняется ощущение и понимание времени.

Сон урывками, да и тот прерывистый, как у алкоголика. Нужно быть постоянно готовым к команде: «Пять минут на сборы». Выматывает. Хотя и к этому привыкаешь.

Человек – такое животное, которое приспосабливается к любым условиям жизни. Если бы этого не было, мы бы давно вымерли.

Приехал хозяин дома, в котором живут солдаты. С семьёй. Парней перекинули к нам. Тесно. Неудобно. Но сейчас не до удобств. Вижу хороший знак в том, что мирняк возвращается.

Нахожусь вне информационного поля, не знаю, что происходит за пределами располаг.

Моя маленькая война – это мой маленький кусочек земли, на котором стою. Холю его и лелею. Он – мой.

Если мирняк возвращается, значит, чувствует безопасность, значит, я хорошо работаю. Мы хорошо работаем.

11–12 июля, ночь

Отваги мало. Необходимо хорошее здоровье. Голова должна стоять на крепких плечах, иначе, какой бы умной ни была, отвалится. Это война, детка. Здесь красивые парни с оружием в руках перекраивают мир, погрязший в нищете, подлости и разврате.

12 июля, раннее утро

С поста вернулся сияющий Дикий. Счастливый. Улыбка до ушей. Продефилировал до чайника, налил чашечку кофе, сел рядом.

– Что-то случилось? – спрашиваю.

– Я работяга, – отвечает, – а меня в наряды гоняют. Люблю физический труд. В пятнадцатилетнем возрасте фуры с цементом разгружал, а что сейчас?

Дикий лет на десять младше меня или около того. Среднего роста, подтянутый. Кавказец с европейскими чертами лица. Борода седая. Говорит, что борода всегда была такой. На боевые после ранения не пускают. На штурме повредил колено. Осколок. Просился к одноглазым. Отказали, объяснив, что не потянет нагрузку. Ходил печальный. А тут, смотрю, что-то развеселило его.

– Стул под караульным навесом уж больно странный. Стоишь, ни в одном глазу. Сидишься на него и сразу вырубает.

– Уснул в карауле?

– Стул такой. Спать не хотел. Но сел на него и уснул. Знал, что комендант прошёл в одну сторону и должен с минуты на минуту вернуться, а всё равно сел и отключился. Чувствую, кто-то мой автомат потянул. Открываю глаза, комендант стоит.

– Это залёт, Дикий.

– Страшный залёт!

– Что тебе будет?

– С постов снимают. Завтра поеду лес валить. Нужна машина брёвен. Вот это настоящая работа!

12 июля, как бы обед

Кубань запятисотился. Прошёл зелёную зону и жёлтую. На красную зону не вышел. Испугался. Вернули с боевого.

Видел его утром. За ночь превратился в другого человека. Лицо земляного цвета. Глаза пустые. Щёки впавшие. Кожа прозрачная. Уменьшился раза в два. Сразу не узнать.

Сломался парень.

12 июля, к вечеру

После того как получили оружие, разбили по группам. Кому необходима была дополнительная подготовка, убил («убыл» – слово из местного лексикона) на вторую учебную базу. Нашей компании дополнительная подготовка была необходима.

На второй учебной базе недолго занимались. Приехал полевой командир. Ему нужно было двадцать пять человек. Построил курсантов и спросил: «Кто пойдёт?» Ленин вышел из строя: «Я!» Ленин – это позывной. Отличный парень.

Больше никто не горел желанием выходить. Солдаты поговаривали, что жёстко работает. Большие потери в отряде.

Полевой командир спросил ещё раз: «Кто?» Вышли Китаец и Кубань. Полигон утомил. Захотелось настоящей войны. «Кто?» Вышли Ахмед, Смайл, Ковбой и я. Не оставлять же парней без присмотра.

За нами потянулся весь учебный взвод общим составом как раз двадцать пять человек. Так мы оказались там, где оказались.

12 июля, поздний вечер

День прошёл спокойно. Фоновые прилёты. Дикого отправили на другую базу.

Хочется спать. Период адаптации прошёл успешно. Две недели на драйве. Наступило время накопленной усталости. Слишком спокойно для того, чтобы чувствовать в себе уверенность. В себе и в завтрашнем дне.

Гражданские принесли молодой картошки. Мартын приготовил отменный ужин. Вернувшись с поста, съел две тарелки. Похвалил его. Мартын тут же расправил крылья и задрал нос. Ребёнок.

Хотел побольше написать. Есть о чём. Только глаза закрываются. Завтра, всё завтра. Размеренная жизнь на войне настораживает. Ждётся подвоха.

13 июля, раннее утро

Не высыпаюсь. Сильная слабость. Съел четыре яблока с дерева. Эффект отрицательный. Подобен вражеской арте. Залповый огонь. Наши работают чище, одиночными.

В периоды затишья парни собираются за чашкой чая и рассказывают друг другу солдатские страшилки с таким видом, будто истории происходили с ними или с близкими знакомыми. Но многие истории (с вариациями) я слышал ещё на первом круге.

Две топовые.

Красавица заманила в хату солдата. Наутро нашли солдата с отрезанной головой.

Бабушка угостила солдата молоком. На следующий день солдат умер от отравления.

Есть истории посложней.

Когда добровольцы выезжают за ленточку, колонна машин разделяется. Солдат развозят по разным базам. Среди парней начинает ходить страшилка: ту часть колонны, которая выдвинулась в другом направлении, разбила вражеская арта.

Аналог этой истории слышал на первом круге. Мы уже похоронили парней, помянули газировкой, а через неделю встретили в полном составе на полигоне.

13 июля, утро-день

На базе мышей мало. Местные коты работают штурмовиками. Зачищают углы двойками, тройками и пятёрками.

Зимой коты не спасали. Их не было. Мыши ходили по блиндажу, как у себя дома, и ни в чём себе не отказывали. Еду подвешивали, чтобы обезопасить. Мыши добивались. Парни под финал уже не реагировали на них. Иногда сами подкармливали.

В нашем дзоте жила одна. Серая с серебристым отливом. И я приносил ей горстку крупы или кусочек сыра.

Кубань плюс два убыли в другую располагу с вещами. О Смайле и Ковбое ничего не слышно. Солдатское радио молчит. Сам не спрашиваю. Не дай бог услышу плохие новости. Ахмед пропадает.

По настроению солдат ощущается большое переселение. Но парни планомерно выезжают на б. з. и приезжают с него. Жизнь идёт своим чередом. Может показаться, что ничего не происходит, но происходит многое.

Завтра у меня юбилей. Пока никому не говорил о нём. Стараюсь больше молчать и слушать. Я и в мирной жизни не был особо разговорчивым.

Местный житель принёс ведёрко яблок. Мытых. Говорит, лучше яблоки грызть, чем воду пить. Только бы не просквозило через пятую точку. Надо быть аккуратным с едой. Не набегаешь.

Яблоки вкусные.

13 июля, вечер

Ахмед уходит на б. з.

В караул перестали ставить. Страшно тупит. Грамоты не знает. Фиксировать прибывших-убывших не может. По всякой ерунде штаб дёргает.

Расстраивался, нервничал, ходил неприкаянный. Когда взяли в боевую группу, повеселел. Сегодня выдвигается.

Есть вероятность, что ночью вернутся Ковбой и Смайл.

Включаю режим энергосбережения. Минимум лишних движений.

Башкир вырыл яму на нуле в нескольких метрах от блиндажа и ходит туда спать.

– Башкир, ты почему в блиндаже не спишь?

– Там нет никаких условий!

14 июля, раннее утро

День рождения. Юбилей. Пятьдесят. Кто бы мог подумать! Вчера меня парни древним назвали.

В начале июня предложили* отметить юбилей в Колонном зале Дома союзов. Праздничный концерт, поздравление Президента, все дела.

Я спросил: фуршет будет? Сказали, что будет. Девочки в белых блузках, шампанское, бутеры на рапирах, фрукты, сладкое.

Заманчиво, конечно. Но я выбрал войну и будущее моих детей. Праздничный концерт с фуршетом можно будет после победы погулять.

Ночью помкомманданта разбудил и сказал, что в караул с утра не выхожу. Меня убрали из комендантского взвода. Хотел спросить: за что? Вовремя остановился. Идиотский вопрос. Не за что, а потому что. Потому что завтра в бой.

Завтра будет завтра. Сегодня юбилей, вкусняшки и газировка.

14 июля, день

Заставляю себя писать. Состояние разбитое. Звонить никому не хочу. Будет ещё хуже. Попробую сам справиться. Как обычно.

Сходил с утра в магазин. Купил парням колбасы, газировку и вкусняшек. Сам поел. Дома никого не было. Парни по постам.

Мартын с утра поздравил с ДР и подарил часы на цепочке – без цепочки и батареек. Целых три штуки в подарочной упаковке. Где он их взял, понятия не имею. Стажил, наверное.

Хочу спать. Заснуть не могу. Либо меня от дня рождения колбасит, либо от другого. Понятно отчего. От курева голова болит.

Поменял линзы на всякий случай. Может так

* никто не предлагал (авт)

получиться, что иной возможности не будет. Пока шёл в магазин, ударился большим пальцем – большим. Непруха за непрухой.

К медикам больше не пойду. Подумают, что к пятисотым пристраиваюсь. Не хочу, чтобы мне было когда-нибудь стыдно за себя.

14 июля, день

Завтра день отдыха. Выход близок. Лишь бы нога не подвела. Затяну получше берцем. А там на адреналине проскачу.

Сделали уборку в доме. Перемыли посуду, почистили столы, подмели землю с полов.

Мартын опять кашеварил. Сварил макароны с тушёнкой. Вкус омерзительный. Не стал ничего говорить. На безрыбье и рак – щука. Залил майонезом и съел.

Фома-два выправляется. Перестал пугать меня. Да, я нездоровых людей пугаюсь. Не знаешь, что от них ждать и что у них на уме. Но последние пару дней Фома ведёт себя достаточно адекватно, на мой взгляд, если только я сам за эти пару дней не потерял адекватность.

14 июля, вечер

На полигоне, когда формировали боевые группы, внимательно за всеми наблюдал. Мы были в полном снаряжении. В тяжёлых доспехах. Еле поворотливые. Жара страшная. Смотрю, а Китаец прыткий такой, порхает мотыльком и так и сяк старается, чтобы взяли его. Вот, думаю, парень с моторчиком. Животик пивной, а ноги крепкие, и тело выносливое. После полигона Китаец признался, что плиты из разгрузки вытащил.

14–15 июля, ночь

Китаец живой. Вернулся с б. з. Зашёл и поздравил меня с днём рождения. Я в ауте. Не понимаю, как этот мир устроен. Перебор для моей душевной организации. Подробности завтра. Сегодня ничего писать не буду. Надо переварить.

15 июля, утро

Деньрожденческая хандра прошла. Чувствую себя более-менее. Беспокоит зрение. Ещё хуже видеть стал. Буквы расплываются, двоются. Печатаю с трудом. Палец на ноге ноет. Скорее всего, выбита кость. Не посмотрел рентген свой. Врачи странные. Если выбита, могли и вправить, чтобы прошло быстрее. Зря ел яблоки.

Зайду к медику, возьму что-нибудь закрепляющее и спрошу про палец. Только бы он командиру не передал мои жалобы. Может подумать, что закосить хочу. Напротив, я в боевой готовности. Лишь бы здоровье не подкачало. У меня ещё есть в пороховницах порох. Немного, но есть.

15 июля

К медику не пойду.

15 июля, день к вечеру

Дают отдохнуть, а кажется, что о тебе забывают и ты никому не нужен. Смотришь, как парни пашут, и возникает чувство предательства. Будто взвалил на них ношу свою.

День спокойный. Меня никто не беспокоил, не донимал разговорами. После случая с Китайцем опасаюсь слушать, так называемое, солдатское радио. Это ведь надо было такому произойти! Десять дней горевал по приятелю, а он жив-здоров.

Случилось вот что. Костек сел на уши Ахмеду и начал пересказывать солдатские страшилки. Рассказал, что часть колонны, которая отделилась от нас, подверглась атаке беспилотников. Никто не выжил. Потом рассказал, какой адище охранять Сердце Дракона и ходить на штурмы. Потом упомянул Китайца. Китаец к тому времени уже вышел на Дракона в одной из пятёрок.

У Ахмеда в голове перемешалась информация, и он выдал мне пережёванную кашу в виде того, что Китайцу снесло голову беспилотником.

Солдатское радио – жуткая штука. Только без него скучно будет.

15 июля, вечер

Думал, что сегодня-завтра уйду. Пока оставили. Ушли две пятёрки плюс миномётчики. Меня прикрепили к новой команде (скажем так, опытных) штурмовиков.

У парней на счету от тридцати до пятидесяти боевых за полтора-два месяца. Я в группе самый «молодой» – неопытный – и самый старый – по возрасту.

Разместили командой в одном доме. Мне переезжать не пришлось. Наоборот, подселили в дом, где я живу.

Дом хороший, большой. Пустовал. Раньше в нём жил украинский полицейский. (На чердаке нашли форму гаишника.) Три комнаты плюс кух-

ня. Холодильник, морозильник, газовая плита. Перед домом веранда и асфальтированная дорожка.

Парни спрашивают:

– Откуда здесь асфальт? В деревне нет асфальтированных дорог, а здесь прямо во дворе положили.

– Дом гаишника, – говорю, – вышел на трассу, жезлом махнул, и во дворе асфальтированные дорожки.

Смеются. Парни славные. Будем приглядываться друг к другу.

16 июля, утро

Седой, Дагестан. Настоящий абрек. Каких показывают в кино. Голова чисто выбрита. Большая чёрная борода. Невысокий (метр семьдесят с копейками), но коренастый. Горячий. Не жалуется, а возмущается.

Возмущается, что наша арта криво работает. Миномётчики не умеют правильно выставлять координаты и поэтому попадают по своим. Нашу огневую поддержку назвал «беременной», потому что она страдает недолётами.

Седой несколько раз был контужен. На одно ухо плохо слышит. Говорит, что из-за этого с трудом различает по звуку местоположение вражеских птичек. Слух раскоординирован. Моно вместо стерео.

Ругается на бывалых за то, что пугают молодых. Молодых надо поддерживать, говорит, учить правильно реагировать на прилёты, а не пугать. «Из-за этого, – отрезал, – Кубань запятисотился».

Так же Седой гневно прошёлся по медикам. Жёстко. Парней, сказал, не лечат, в госпиталях не оставляют. Осколки вытащат магнитом, порвут мышцы, смажут зелёной и снова отправляют на базу. Раны гниют. В строю много «не боевых» парней.

Рявкнул на собаку, которая разлеглась в кресле под навесом.

Собаку притащил Мартын. Серая, с рыжеватым оттенком, дворняга. Пугливая. Подобрал где-то. Пожалел.

У собаки нет имени. Её называют по-разному. Кто Люськой, кто Белкой, а кто просто Сучкой.

Она рычит на солдатские ботинки и по ночам, когда все спят, вытаскивает их из дома и грызёт. За это ей влетает. Мартын старается защищать, но у него слабо получается.

– На передке рыжие псы наших парней, кото-

рых не смогли вытащить, обглаживают, — злобно ворчит Седой.

Заметил, что парни, побывавшие на передке, собак терпеть не могут. (Мартын там не был.)

Сава, ещё один боец из пятёрки, вчера вечером, когда перетаскивал вещи, тоже не хило рывкнул на несчастного пса:

— Собака — грязное животное. Кошка — не грязное.

На первом круге собак не видел. Мы жили сначала на ферме, потом в полях. Здесь деревня. Собачья вотчина. Хотя кошек тоже много. Они держатся обособленно. Друг на друга не прыгают, но и дружить не дружат.

Реплики Седого уложились в пять минут. Говорил резко и горячо. Я в это время наливал кофе, чтобы выпить, как подобает старым аристократам, с первой утренней сигаретой. Свою речь Седой зафиналил протяжным зевком — дескать, пойду досплю.

Накипело, подумал. Нужна была разрядка. Он позавчера только вернулся.

16 июля

Давинчи. Отец иранец. В отца. На костяшке левой ноги набито солнце с расходящимися лучами. Внутри солнца свастика.

- Сколько тебе? — спрашивает.
- Пятьдесят. Два дня назад исполнилось.
- Ровно. Мне тоже ровно. Сорок пять в феврале.
- Зимний. Зимние крепкие.
- Я бы не сказал, что крепкий. Когда родился, сразу воспалением лёгких заболел.
- А где родился?
- В Самаре. Жаль, что не в Иране.

16 июля, вечер

Надо правильно собраться, когда идёшь на б. з. Много нюансов.

Б. з. — это чудовище. Дракон, которого бояться, но всё равно ходят на него. Потому что богатыри. Рыцари. Доблестные русские воины.

Б. з., бз, бззззз... Будь ты о семи пядей во лбу, и всё равно всего не предугадаешь. Может случиться всякое. Но есть основное.

Тяжёлые и долгие переходы. Иногда бегом по открытой местности под вражеским огнём. Не иногда. В нашем случае — всегда. Поэтому необходимо брать минимум. Чтобы раньше времени не обессилеть. Быть подвижным и лёгким.

Лёгким точно не получится. Броня плюс БК, каска, автомат — уже килограммов на тридцать тянут. Если не больше. Немного еды и воды. Еду хорошо заменяет сникерс. С одного сникерса на целый день энергии. Что ещё нужно? Нательный крестик и молитва на устах.

17 июля, ближе к полудню

Ожидание утомляет. Неизвестность раздражает. Ещё на первом круге заметил.

Солдат в неведении. Ему в любой момент могут объявить пятиминутную боевую готовность. На выход.

Живём в постоянном напряжении, на которое накладывается информация солдатского радио. Солдатское радио никого не жалеет. Оно беспощадное. Потому стараюсь поменьше слушать его.

Не могу найти небольшой рюкзак на б. з. У меня с собой два больших. Не предусмотрел. Я многое не предусмотрел. Война другая. Зимой войны почти не чувствовал. Взрывы, смерти, двухсотые, трёхсотые, танки, миномёты... но в воздухе войны не было. Сейчас каждая песчинка на дороге, каждая травинка на обочине пропитаны войной.

Калуга вчера ушёл на б. з. Странно было слышать. Его оставляли в комендантском взводе. Здоровье так себе. Сказали, что напросился. Не верится, чтобы Калуга сам, по своей воле, решился. Он казался мне слабовольным. На войне люди познаются не по словам. По поступкам. Хорошо, что в нашей стране есть такие парни.

17 июля, день заканчивается

Сон дурной снился.

Слышу по рации:

- Командир-командир такому-то.
- Слушаю, такой-то.
- Не сказали, что ветер поменяется. Нашу группу накроет.
- Ха-ха-ха, новую соберём!
- Принято!

При этом разговоре командир покупал мороженое в «Пятёрочке». Ничего тупее во снах не видел.

Первый сон с намёком на войну. Вернее, про войну. До этого сны гражданские снились. Цветные. Яркие. Где всё как будто по-настоящему.

В первое время просыпался и долго не понимал, где нахожусь. Казалось, что дома. А война, наоборот, приснилась.

Бовка прилетал. Шёл с общего сбора, остановился на посту. Мартын в карауле. Стрельнул у меня сигарету и говорит:

– По тебе божья коровка бегают.

– Пусть бегают, это Бовка. Жьяко госпожу Ро ублажает. – Развернулся и пошёл к дому. Почувствовал спиной, как Мартын посмотрел вслед и покрутил пальцем у виска. Подумал, наверное, что я чокнулся. Я бы тоже так подумал.

17 июля, почти ночь

Самый прекрасный вечер за последний месяц. Уютный, домашний.

Вернулись с б. з. Смайл и Ковбой. Довольные, счастливые. Для них война – это захватывающая игрушка. Реалити-шоу. Они на драйве, азарт и молодость.

Смайл похвастался, что изучил пулемёт и гранатомёт. Говорит, поправился, пока был на передке. Хороший повар ходил с ними.

Бомбили часто, но парни живы и здоровы. Я с гордостью смотрел на них и слушал рассказы о боевых буднях молодых ребят.

Полдня грузили мины и снаряды. Вывозили боеприпасы на вторую базу. Цели не знаю. Не интересовался.

Ближе к вечеру нашу пятёрку переселили в отдельный дом, чтобы комендачи не мешали притираться.

Дом отличный. Парни заняли каждый по комнате. Сава лёг в гостиной на двухместном матрасе. Ярус, Седой и Давинчи заняли крайние небольшие комнатки, где помещается по кровати. Я решил уйти во флигель. Люблю уединение.

Вечером пришли в гости молодые ребята. Смайл, Ковбой и ещё один двадцатипятилетний парень из нашего потока. Не помню позывного. Ему двадцать пять, а уже четверо детей. Жену, сказал, брал с одним и ещё троих пацанят на рожал. Погодки. Вот молодёжь у нас даёт!

Сидели, пили чай, болтали о жизни, о войне, мире и любви. Спокойный разговор без дебильных шуток. Настоящий, мужской. Таких разговоров мне не хватало на первом круге.

Компания собралась тогда отвязная, и в основном занимались тем, что подтрунивали друг над другом. Иногда с перебором. Живых мужских разговоров не было.

Может, потому что не так жёстко было. Сейчас всё-таки иначе. Война злее стала, оттого парни по-иному смотрят на происходящее и общаются друг с другом по-иному.

– Давинчи, почему такой позывной?

– Рисую по камню. Портреты, слова пишу всякие добрые.

– Портреты на надгробных камнях?

– Да, уже двадцать три года на кладбище работаю. Зимой могилы копаю, потому что надгробий никто не заказывает, а весну-лето-зиму рисую портреты.

Давинчи один вырастил дочь. Жена повесилась. Причину не спрашивал. Я не спрашиваю, когда не говорят. Если человек сам не рассказывает, то не хочет говорить. Обсуждать тему и лезть к нему с лишними расспросами – всё одно что ковырять старые раны.

В одиннадцатом часу вечера парни расползлись по норам.

Передал через Смайла две тысячи Китайцу. Оказывается, Кубань скипнул и забрал с собой деньги. Его в том числе. Печально. А ещё какие-то две недели назад Китаец и Кубань были не разлей вода.

18 июля, утро

Придерживаюсь правила трёх «нет».

В моих записях нет привязки к местности.

В моих записях нет позывных командного состава.

В моих записях нет рассказов о поставленных и выполненных боевых задачах.

18 июля, утро

Размеренный солдатский быт. Встал рано. Выпил благородный кофе с сигаретой. Постирался.

Трусы, носки, футболки. Не столько грязные, сколько вонючие. Пропитанные потом. Камуфляж руками не отстирать. Он почти чёрный. Машинка есть. Позже постираю.

Стиральная машина в доме такая же, как была в моём детстве. С барабаном на дне. Наливаешь в машину воды, включаешь и бельё крутится, пытаюсь очиститься от грязи.

Мама каждую субботу её включала. Если память не изменяет, то называлась она «Чайка». После того как бельё прокрутится, мама меняла воду и снова включала барабан. Ополаскивала.

Потом выжимала через два плотно прижатых друг к другу ролика, обтянутых резиной. Сбоку ручка, как на мясорубке. Её надо было крутить, пропуская бельё между роликами.

Здесь роликов нет. Один корпус. Но для полевых условий – более чем достаточно.

Сава сидел в сторонке и слушал утреннюю молитву. Мусульманин. По-моему, слезился. Я не приглядывался, но краем глаза видел, как он протирает рукой глаза, будто смахивает слёзы.

Давинчи убрал со стола следы вчерашнего чаепития. Ярус вышел, покурив сигарету и со словами «пойду ещё посплю» ушёл в дом. Седой не показывался. Спит.

18 июля, вечер

Напряжённый день. Утром приехала машина с едой. Разгрузили. Только вернулись в дом, нашу команду вызвали. Перекусить не успели.

«Поработаем в лесу», — сказал командир.

На боевое или по грибы — понятно по форме. Обычно говорят, форма лёгкая или по-боевому. От формы понимаешь, какая работа предстоит.

Поработали. Живы и здоровы.

На обратном пути заехали на место гибели Танцора. Поставили стелу с полумесяцем на макровке. Танцор мусульманин. Восемьдесят девятого года рождения. Для меня совсем мальчишка. Сделали салют воинской чести. По три одиночных в воздух.

Выяснилось, что подорвался не на нашей mine, как я раньше думал, а на фугасной. ДРГ Укрорейха отработала. Нашли лёжку, помои и место, где свиньи испражнялись.

Вернулись уставшие. Я нарезал конины, Сава принялся готовить. Как поем, сразу лягу спать. Устал немного. Парни крепкие. Сложно ни в чём не уступать. Но я стараюсь.

18 июля, вечер

Я простой солдат. Самый обычный солдат, каких тысячи. У меня нет прошлого и будущего. Есть позывной, есть только здесь и сейчас, есть приказы, и я должен их выполнять, чего бы мне это ни стоило.

Никому особо не рассказываю о себе. Никто не знает, что я литератор. Никто не знает, что я пишу стихи, поэтому никто не просит почитать их. Какое счастье — не надо ни с кем разговаривать о литературе, что-то доказывать и объяснять!

Огонь в груди, максимальная мобилизация организма и никаких соплей. Есть поставленные задачи. Их надо выполнять. Всё.

18 июля, почти ночь

Мы встали на тропу войны с людьми, которые только силу признают. Они считают слабо-

стью любое проявление благородства и готовы лизать сапоги, которые бьют, кусая руку, которая кормит.

В белых перчатках эту войну не выиграть.

19 июля, утро

Проснулся в пять. Парни ещё спали. Добрался до нужника, вернулся. Вскипятит чайник. Выпил мерзкий кофе с сигаретой. Вода оставляет желать лучшего. Ноют связки на обеих руках. В девять опять в лес поедом. Работать. В народе говорят: работа не волк, в лес не убежит. Неправду говорят. Работа — это волк, и, как правило, она живёт в лесу.

В голове со вчерашнего вечера мысли о том, что мы, боясь допустить в стране тридцать седьмой год, вляпались в перманентную войну, которая тащит за собой смерти лучших из лучших. Иной раз кажется, что надо было чуть раньше проредить сволочей, вместо того чтобы теперь отправлять на войну истинных детей Отечества.

Физически слаб. Вчера мало ел. От усталости челюсть не жевала. Проглотил пару кусков конины и завалился спать.

Хорошо бы сегодня вечером облиться водой. Руки от пота и грязи липкие. Нога ведёт себя хорошо. Почти не болит. Монотонный звон в ушах давно не мешает. Наоборот, помогает отключаться от страшной реальности.

19 июля, поздний вечер

Благодаря дневнику появляется оголтелая воля к жизни. Не думал, что так сработает.

Вернулись в девятом часу вечера. Работали не в лесу, а в промзоне. Работа включала в себя танец с выходом. Пяточка-носок, подпрыгнули и снова пяточка-носок. Музыки не было. Танцевали без неё.

Продержался день на сникерсе с колой. Дома по приезду съел банку свиной тушёнки. Вокруг братья мусульмане, такого не кушают, поэтому могу есть в три горла, ни с кем не делясь.

У Яруса появился нервный тик. К вечеру лицо вздрагивает в режиме «постоянно». Взгляд растерянный. Он почти не улыбается. Редко-редко ловлю его взгляд, который будто оживает, но снова лицо передёргивается. Мне кажется, он подмигивает мне, а на самом деле... не будем о печальном.

Нет, будем. Хочется выговориться. Хотя бы в пустоту.

Если я пишу, что мы живы и здоровы, то не стоит радостно хлопать в ладоши. Живы

и здоровы относительно двухсотых. Не раненые, не погибшие. Руки-ноги всего лишь от усталости отказывают. Не более того.

Больше ничего писать не буду.

19 июля, тот же поздний вечер, почти ночь

Забыл записать смешное.

На первой учебной базе инструктор говорил: «Не пейте из чужих фляг и свою никому не давайте! Мало ли кто чем болен...» Смешной инструктор. Не знает, что такое жажда! Не знает, что на войне все больны всем, – пока живы, естественно. Не болеют только мёртвые. Но признавать свои болячки – это всё одно что давать им волю. Поэтому болеют не болея и делятся друг с другом не только водой. Иначе не выжить. Любую болезнь можно вылечить. Не лечится только смерть.

20 июля, десять утра

Событий много. Не для телефона.

20 июля, день

Выход вечером. Дождя не ожидается. Это плохо. Чувствую себя сносно. Это хорошо. Почти ничего не беспокоит. Мандраж ровно такой же, как перед выходом на сцену. Может, чуть меньше. Приятный мандраж. К вечеру, скорее всего, адреналин добавится. Мозг включится на полную. Писать буду. Телефон с собой. Повербанк, который порекомендовал купить старший сын, тоже с собой. Заряжается от солнца. Есть механическая зарядка. Ручку надо крутить, ха-ха. Заодно и проверим. Рюкзак собран для длительной прогулки. Лишнего старался не брать. Идти долго, бегать много. Лишний вес только мешает.

Давинчи молодец. С утра рычал, сейчас вроде успокоился. Мобилизовался. Седой шляется непонятно где. Не вижу, как он собирается. Сава ворчал (у него больное колено, говорит, что нога отнимается). У Яруса (или всё-таки Ярса? Что с моим слухом?) сильный тик, глаза красные. И всё же он максимально собран, насколько это возможно для такого состояния.

20 июля, день

Виделся с Кубанью. Он с автоботами теперь. То, что Кубань запятисотился, не обсуждали. Неловко давить на парня. Он потерянный. Сказал

ему, что у Китайца нет денег. Кубань передал ему пятачок.

На базе зашёл к Китайцу. Его вчера гоняли на полигоне. Куда-то готовят. Вернее, к чему-то. Отдал деньги. Небольшая, но всё-таки забота о своих боевых товарищах не пропадает. Они ко мне относятся как к отцу. Я и по возрасту им в папки гоюсь.

Китаец растерянный, но добросовестный. Война за три недели вывела из него пацанство. В глазах виден детский испуг. Мальчишка. Не сломался бы. Командиры видят добросовестного бойца и начинают его в самую жёсть отправлять.

20 июля, вечер

Получили паёк на выход. Упаковались. Полная готовность за полчаса до машины. Сидим, ждём.

Яруса вызвали по радиации к медикам. Осмотрели. Запретили выход. Завтра повезут к невропатологам.

В команде осталось четверо. За пять минут до выхода командир дал отбой группе. Замену найти не успели.

36

Группа идёт по сумеркам, когда чубатые птички не так отчётливо видят. Либо ранним утром, либо вечером. Днём и ночью никто не ходит.

Чубатые птички – глаза нациков.

Выход перенесли на завтра. Точно неясно, идём утром или вечером.

Я не чувствую волнения. То есть совершенно. Спокоен и холоден.

Сделали летний салат (огурцы, помидоры, лук, чеснок). Съели.

Сегодня самая подходящая погода для выхода. Назревает дождь, а по дождю идти безопасно. У нациков нет глаз.

Согрел себе воду для душа. Если уж не вышли, так хоть вымоюсь. Последние пару дней так бегали, что приходил уставшим и сил не было помыться.

20 июля, ночь

– Студент, в каком институте учишься?

– Мм... Не скажу, вдруг уйдёт инфа...

– Уйдёт, конечно!

21 июля

Всю ночь лил дождь. Несколько раз просыпался то ли от грозы, то ли от бабахов. В дождь

не бабахают. Значит, от грозы. Раскатистой грозы, похожей на залповый огонь из тысячи орудий.

Сильно болит голова. Перекурил вчера, наверное, или давление на погоду. Вчера так упаковался, что забыл куда сунул таблетки от головы. Жгут и турникет вижу, а простых таблеток от головы – нет.

Яруса перевели в комендантский взвод. Савва уходит спать в другой дом. У него там приятель. Здесь нас трое. Два в доме, один во флигеле. Во флигеле – это я так для красоты называю летнюю кухню – сплю собственной персоной. В доме – Давинчи и Седой.

Дождя уже нет, а гром гремит и гремит, или это уже не гром?

Новостей никаких. Ждём команды.

21 июля, день

На низком старте вторые сутки.

Давинчи почистил автомат.

Пока разбирал, обматерил весь белый свет. Нельзя на дорогу поминать Божью Матерь с брашною вперемежку. Но я не останавливал. Старался не слушать, да и не хотелось конфликтовать перед выходом.

Помог ему открутить огнегаситель. Не поддавался. Вставили сверло в дыры. Я держал ножницами блокатор и сам автомат, а Давинчи молотком по сверлу бил. С горем пополам открутили.

Ушёл к себе во флигель, слышу, опять матерится и зовёт меня. Автомат почистил, начал собирать, а крышка в пазы не встаёт. Кричу: погнулась, наверное.

Вспомнил, как на первом круге такая же история была с Ошем. Он долбанул по крышке, желая выпендриться – с огоньком захлопнуть, а крышка вместо того, чтобы войти в пазы, погнулась. Тогда чуть ли не весь взвод пыхтел над автоматом, чтобы вогнать крышку, куда надо. Она никак не поддавалась. Я лежал на ящиках от боеприпасов и хохотал. Забавная была сцена.

Вышел к Давинчи и спокойно закрыл крышку автомата. Без огонька. Это я себя похвалил, больше некому.

Сделал мешочек для денег и для телефона, чтобы повесить на шею. Не хотелось бы потерять. Оставить на базе некому. На Дракона ходим по кругу. Мало шансов пересечься. Плюс никто не застрахован от... Да, никто.

21 июля, глубокая ночь

В пути. За пару часов до выхода к нам в группу добавили Малыша. Огромный парень с грустными глазами. У него третий круг. Пулемётчик. Не единожды ранен. Нас опять пятеро.

– Прикольный позывной – Огогош! Сам придумал?

– Да, это личное.

– А что значит?

– Ну вроде того, что я ещё ого-го!

– Прикольно...

– А кто тебе придумал позывной?

Малыш задумался. Взгляд погас. Он будто ушёл в себя, выпал из реальности на несколько секунд. Вдруг тряхнул головой и улыбнулся:

– У меня был пулемёт. Я его малышом называл. Приду забирать пулемёт на боевое и кричу: «Где мой малыш? Дайте мне моего малыша!» Поэтому парни меня стали Малышом называть. А на второй круг я уже сам взял себе позывной Малыш.

22 июля, двенадцать дня

На точке. В пасти Дракона. Здесь бы точнее звучало: в Кишках Дракона.

37
Время на дорогу больше десяти часов, включая привалы и трёхчасовой сон. Могло быть чуть меньше. Накануне лил дождь, дорогу разнесло, и водитель высадил нас, не довезя до места обычной выброски. Лишние три тысячи шестьсот шагов плюс вынужденный привал на сон и надоедливые птички.

Первую половину дороги считал шаги, чтобы легче было идти. После короткого сна (уснуть не удалось) в сыром блиндаже на голой земле стало не до счёта шагов. В голове только одно: надо дойти, надо дойти. Дыхалки нет никакой. Из горла хрип, вместо вдоха и выдоха.

У Седого в красной зоне отказали ноги. Сказал, сердце зашкалило. Его вернули на базу. Нас осталось четверо.

Проблема в том, что у Седого была еда. У нас в рюкзаках её мало. А надо как минимум две недели продержаться. Тут рядом зетовцы, думаю, что голодать не будем. Надеюсь.

Ночью, пока ещё не рассвело, шли по бурелому. Саданулса большой ногой о сваленное дерево. Ни черта не видел тропы.

Последнюю часть дороги – метров пятьсот (может, триста, я плохо соображал) – бежали гуськом. С рюкзаками, в броне, с БК. Сомнитель-

ное удовольствие. Больная нога начала ныть, а горло ещё больше хрипеть.

Утренняя стрелкотня и обмен миномётными выстрелами стихали часам к одиннадцати. Хочется спать и есть. Да, хочется принять горячую ванну и завалиться под титьки (или на титьки) любимой женщины.

22 июля, вечер

Если в пасти Дракона жарко, то в его Кишках довольно-таки холодно. Об этом не рассказывают в сказках и былинах, не поют в балладах. Молчат об этом легенды.

Там холодно и темно. Пахнет отвратительно не только испражнениями самого Дракона, но и отходами жизнедеятельности доблестных воинов.

В Кишки Дракона не пробиваются солнечные лучи, воздух спёртый. Там не растут яблоки и груши, виноград и крыжовник, малина и смородина, как на базе, откуда доблестные воины выходят побеждать Дракона.

23 июля, вечер

Этот мир напоминает декорации к фильмам про постапокалипсис.

Бетонные и железные трубы, арматура, торчащая из разломленной, будто шоколадка, плиты, консервные банки, пустые бутылки из-под воды, разложенные боеприпасы, мины, шмели, эрпегешки, солдатские рюкзаки и люди с кровоточащим оскалом, несмешными шутками, уставшие, измождённые, злые.

В фильмах бывают женщины. Тут женщин нет, и это придаёт здешнему миру гибельную незавершённость. Но было бы странным видеть женщин среди местных руин, загаженных войной, обсиженных мухами и обгрызенных мышами.

С едой проблем нет. Зетовцы готовят по три раза на дню и передают нам горячее. Принесли конфет и шоколадок. Сигарет у меня с собой много.

Важными салфетками протираю лицо. Есть беспокойство за глаза. Такая грязь не пойдёт им на пользу.

Давинчи с Малышом в метрах двадцати пяти от меня. Видел парней за сутки один раз. Не ползаешь друг к другу.

Я сижу с Савой. Сава утомляет. Всё время бормочет про Аллаха и про то, что всё будет хорошо. Когда постоянно слышишь реплику о том,

что всё будет хорошо, вера в благоприятный исход замыливается.

Ноги отекают. Спину ломит. Представляю, что будет через пару недель и как тяжело будем выходить.

23 июля, вечер

– Столько времени на войне и до сих пор не убил ни одного хохла? – возмущается Сава.

– Не люблю таких вопросов. Спроси меня лучше, скольких я защитил.

– Скольких?

– Вернёшься домой, загугли численность населения нашей страны и умножь на два. Это будет ответом на вопрос.

– Почему на два?

– Исхожу из принципа: чем больше, тем лучше. – Смеюсь.

23 июля, почти ночь

Надвигается сильный ливень с грозой. Пользуясь ножом и пустой консервной банкой, поставили плотину, чтобы ночью нашу лёжку не смыло водой.

Наковыряли глину, песок, битые кирпичи. Час проливного дождя удержит. Будет идти дальше – поплывём, и лежать придётся в воде.

Ба-бах, ба-бах, ба-бах... Это наши лупят по нацикам. Ответки пока нет.

Недалеко от позиции Давинчи и Малыша прилетало с утра. Осколки встретились с бетонными плитами и осыпались, никого не задев.

Темнеет быстро. Вонь ужасная.

23–24 июля, глубокая ночь

Дождя не было. Были две птички и вражеские миномёты. Работали по нам. 12–15 взрывов. Изрыли весь квадрат. Попали по нашей крышке гроба. Крышка выдержала.

Сава натянул шлемак, сидел и молился своему Богу. Я уже был в шлемаке. Тоже сказал «Господи, помилуй!» несколько раз и перекрестился. Биение сердца не участилось. Приходится делать вид, что я боюсь, как все, иначе примут за сумасшедшего.

После первого круга Летучий сказал, что ему войны не хватило. Пусть приезжает на второй круг к нам. Тут войны хоть попой кушай. Хватит на всех.

Через час после миномётов Сава отрубился. Храпел так, что все укропы разбежались. Смеюсь. Пришлось разбудить его и попросить сме-

нить меня на посту. Теперь моя очередь храпом пугать укропов.

Растянулся на своей подстилке, и первое, что услышал от Савы, было:

– Дыши тише!

24 июля, девять утра

Всего трое суток прошло, а раздражение от присутствующих рядом зашкаливает. Подбешиваем друг друга. Хочется матюкнуться.

Сава не даёт отдохнуть, сидит, ворчит ночь напролёт, будит, ноет. Невыносимо.

Терпеть свою боль – ещё куда ни шло, но терпеть чужое нытьё – терпения не хватает. Кругом взрывы, стрелкотня, а тут сидит нытик и пересказывает свои болячки.

Не выношу ноющих парней. Ноющие девчата вызывают жалость (низкое чувство, кстати, мало имеющее отношение к любви), а ноющие парни – брезгливость. До тошноты.

24 июля, ближе к вечеру

Шёл первый круг. Зацепились словами с Летучим. Он тащил обязанности замкомвзвода. Тему уже не помню. По-моему, дело касалось организации караула: как нужно вести себя в разных ситуациях (приезжающие машины, нападение, ДРГ и проч.).

Зацепились конкретно. Летучий обозвал меня паникёром. Тут же был отправлен в персональное путешествие. Дело чуть до драки не дошло. Посланный Летучий заорал:

– Ты не пойдёшь на боевое! Я тебе даже патроны подтаскивать не доверю!

Детский сад, в общем. Парни растащили. После того случая разговаривал с Пионером. Он сказал, дескать, мы бережём тебя, поэтому не пускаем на боевые. Нас много, а ты такой один. Воспринял как унижение. Хотел быть как все. Наверное, поэтому никому сейчас – на втором круге – ничего о себе не рассказываю, чтобы не выделяться.

Еда заканчивается. У зетовцев тоже. Наш рюкзак с едой, который остался у Седого, находится в жёлтой зоне. Чтобы дойти до неё, нужно пробежать метров 350–400 по красной, которую контролируют нацистские миномёты и снайперы. 350–400 метров бегом (гуськом) под огнём за едой. Туда и с рюкзаком обратно. Так же гуськом. Бегом. Туда и с рюкзаком обратно. Туда и обратно.

Парни кричат, что на такое только Огогош способен. Он ни на что не жалуется. Остальные с больными ногами.

Кто пойдёт? Самый молодой и самый глупый, то есть самый старый и самый умный. Огогош! Вот и стал я крайним, обычным, простым: таким бойцом, которого можно послать на верную смерть за батоном колбасы и банкой тушёнки.

Ну что, Дмитрий Юрьевич, утешил своё самолюбие? Теперь твоя душенька довольна? Да, Господи, прости и помилуй раба Твоего грешного...

25 июля, раннее утро

Мозг отмораживается. С трудом строю фразы, поэтому меньше и меньше пишу. Заставляю себя, чтобы не деградировать и сознание оставалось чистым.

На привале со сном выползал из блиндажа. Час ночи. Лесополоса подстрижена огнём. Торчат обожжённые стволы деревьев, трупный запах забивает нос, а небо чистое-чистое. Звёздная россыпь. Мощное, бесстрашное небо.

Смотришь на него, любишься и вдруг замечаешь, что звезда, которая висит низко, начинает двигаться. Слышишь неприятный звук, похожий на жужжание навозной мухи или гигантского комара. Птичка.

Страх нет, есть осознание ничтожности человека перед небом, несущим успокоение для глаз и смерть. В блиндаж не пошёл прятаться. Лежал на двух сложенных вместе брёвнах и смотрел на небо. Редкое умиротворение.

Часто пишу о том, что страха нет. Видимо, это беспокоит меня. Хорошо бы щёлкнуть пальцем и – р-р-раз! – я всего боюсь! Страх бережёт, охраняет, не позволяет совершать глупости.

25 июля, день

Сава сменил. Уполз подальше, чтобы вздремнуть часок-другой. С головой в спальник. Лежу, мечтаю, ловлю сон. Два прилёта по крышке гроба. Ба-бах, ба-бах... Открываю глаза, темнота. Пошевелил пальцами рук и ног. В порядке. Только темно, ничего не видно.

Думаю, Саву завалило, надо ползти откапывать. А потом вспоминаю, что я в спальнике, поэтому темно. Вытаскиваю голову, смотрю, Сава надо мной стоит и протягивает кусок колбасы с печеночкой (забыл, как называется, галета, что ли). «Тебя, – говорит, – подкармливать надо!» Беру, киваю, ем. Сава продолжает: «Иглу подранило...»

Игла – молодой парень, зетовец. Неусидчивый. Всё время где-то носится. Лазит по разбом-

бленным блиндажам, собирает автоматы, пулемёты, гранаты, мины. У него на нуле уже целый арсенал. Недавно забежал к нам. Кивнул на одноразовые тарелки:

— Это я принёс. Тарелки, ложки. Удобно принимать пищу? Я тут всё изучил, везде был, всё знаю. Меня осколками несколько раз задевало. Я не обращаюсь к медикам. Расковыриваю болячки, чтобы гной выходил. Вот... — Игла задрал футболку и повернулся спиной, показать болячки. Спина в чёрных точках величиной с пятаки.

Закурил, пока слушал Саву. Мимо нас провели парня с перевязанной головой и рукой. В крови. На Иглу не похож. Кто-то другой.

— Кто? — спросил у Савы.

— Наш. «Ноги».

Позывной Камень. За несколько минут до прилёта приносил воду. Раньше бегал без брони. Первый раз надел и затрёхсотило. «Ноги». «Ногами» здесь называют парней, которые переправляют через красную зону бойцов, а также приносят еду и воду. Они хорошо ориентируются на местности, выносливые, зоркие и быстрые. Бегают без касок, оружия и брони. Расчёт на скорость.

Слышу по рации. Вызывают эвакуационную группу. Идти может сам, но задета голова и глаз. Зарылся в спальник. У меня ещё есть час на сон.

26 июля, день

Без происшествий. Привычная стрелкотня, танчики, птички.

На последнем полигоне инструктор, узнав, что я вышел на второй круг, спросил:

— Ты Рэмбо или тот, который боится, но делает?

Рэмбами называют богатых на язык парней. Они рассказывают истории о том, что легко расправятся с врагом, как только увидят его. На словах способны дуло танка в узел завязать. Как правило, у них дорогая форма, на автоматах примочки (коллиматор, подствольник, лихой ремень), красивый броник, модная каска, на ногах крутые берцы. Рэмбы часто звонят своим женщинам и гордо рассказывают о том, какие они бесстрашные воины. Любят фотографироваться. На деле при первой же опасности прячутся в дальних окопах, носа не показывают, от штурмов косят, на посту спят или сидят в телефоне. К этой категории солдат я точно не имею никакого отношения.

Парни, которые боятся, но делают свою работу, — это, на мой взгляд, цвет русского воин-

ства. Они гордые, вспыльчивые (и в то же время спокойные), аккуратные, молчаливые. Открываются только тем, кому полностью доверяют. Страх или детский испуг, который можно (иногда!) поймать во взгляде, спрятан где-то там глубоко внутри. Цвет русского воинства не стесняется говорить о нём. Парни не отлынивают от работ, выполняют поставленные задачи, в бой идут первыми. При наличии страха я бы мог отнести себя к этой категории парней. Только нет его. Страх нет. Я не боюсь, стараюсь выполнять поставленные задачи, но мне физически тяжело. Правда, я в этом никому не признаюсь. Гордость не позволяет.

Услышав вопрос инструктора, глупо улыбнулся и ответил:

— Я тот, который боится...

26 июля, ждём обеда

Сава ночью не давал спать. Я храпел, он меня будил со словами: «Птичек за храпом не слышно!» В конце концов выругался и пообещал разбить ему голову прикладом.

Прерывистый сон убивает. Можно урывками хоть десять часов спать, не выспишься. А вот пятичасового глубокого сна, чтобы восполнить жизненные силы, хватает.

Сава ещё немного поворчал, но больше меня не трогал. Сна всё равно не было. Утром встал разбитым. Пришёл Малыш. Сава ему начал жаловаться:

— Скажи, Малыш, надо же будить, если человек храпит?

— Все храпят.

— Но будить надо?

— Меня один раз, как его, разбудили, и я пообещал бросить гранату, если, как его, подобное, как его, повторится. Больше не будили...

— А как же птички?

— Да по фиг, они, как его, храп не слышат...

26 июля, после обеда

Малыш спустился к нам, попросил вскипятить воду и засыпать заваркой. «Чифирь, — говорит, — выпью». Воду и заварку принёс. Газ у них с Давинчи закончился. Я вскипятил кружку, засыпал заваркой, размешал патроном 5,45 и подał наверх Малышу. Сава, только что проснувшийся, увидел:

— Что это? — кричит.

— Парням чифирь сделал.

— Из нашего чая?

– Нет, чай у них свой.
 – Из нашей воды?
 – Вода у них своя. Газа только нет.
 – Из нашего газа? Нельзя никому ничего давать. Вот завтра увидишь!
 – Что увижу?
 – Ты ничего не знаешь, как тут устроено?
 – Не первый день на войне, Сава, и знаю, что если завтра у меня ничего не будет, то мне ничего не дадут. Но это не повод курвиться.

– Я попросил у них мёда, сказали, что нет, а я ведь видел, что Давинчи клал в рюкзак банку мёда! Мёда у них нет. Есть мёд, а ты им газ дал...

Парни на войне подсаживаются на чифирь и энергетики. Я почему-то ни то ни другое пить не могу. Не нравится. Баночку колы – с удовольствием, простой чай, кофе – люблю.

На первом круге порвал резиновые сапоги, которые нам выдавали на учебной базе. Ходить было не в чем. У казаха с позывным Гум была пара про запас. Он предложил мне взять сапоги, бросив реплику: «Будешь должен!» Я отказался, подумал, что лучше ходить по морозу босиком, чем в должниках. Да и не вязалась эта реплика с моим пониманием боевого братства.

Дней через десять пошли морозы. Стало туго. На нас были летние камуфляжи и вся та же резина на ногах. Попросил команду волонтеров прислать нам зимние берцы и тёплую одежду. Не прошло и недели, как наш взвод получил подарки. Поблагодарили все, кроме Гума. Он просто взял свой размер и ходил в нём. Тогда присланные подарки многим сохранили жизнь и здоровье.

Есть такая порода людей. Вроде хорошие, но с гнильцой. Во взводе шутили про Гума, дескать, казах без понтов – беспонтовый казах. Хорошо, когда, кроме понтов, есть в человеке ещё что-то. Но в казахе больше ничего не было. К сожалению.

Под конец контракта на Восьмое марта решил сфоткаться на память. Девчонкам в телеграм-канале себя показать красивого. Взял у Гума шеврон. Сам я шевроны никогда не покупал и не носил. Не люблю. Ходишь как ёлка под Новый год. Мне нравится строгое однообразие. На войне. В мирной жизни краски люблю. Девчонки ярких обожаю. А вот на войне тяготее к серости.

Сфоткался и забыл сразу отдать. Закрутился. На следующий день прибежал к нам в блиндаж Гум и устроил истерику, что Огогош его

не уважает, потому что не отдаёт шеврон. Это выглядело настолько низко и кошмарно, что я чуть ли не потерял веру в людей на войне. Да, веру в то самое сакраментальное боевое братство.

Сава сделал себе чифирь. Предложил мне. Я выпил пару глотков за компанию. Гадость, конечно.

27 июля, полдень

С утра постреляли, поймали тишину и пару прилётов. Нацики рыхлят нашу тропу.

Сава проявил верх чести и благородства. Угощал зетовцев кофе со сгущёнкой. Кофе и сгущёнку сами зетовцы нам принесли пару дней назад. Хорошие парни. Подкидывают шоколад и прочие прелести для желудка.

Судя по тому, как часто бегаю с пакетиком, чтобы справить естественную нужду, ем слишком много, но мне кажется, что почти ничего не ем.

Игла мелькал. Подраненный. С парой новых дырок. Неугомонный. Говорит быстро, тараторкой, что-то рассказывает и снова исчезает. Ругается, как чёрт.

Малыш с Давинчи ползали смотреть, где лежат тела наших бойцов, оставшихся на поле боя после штурма. Надо выносить.

Когда братья вернулись, выпили вместе кофе, поговорили о женщинах. Здесь почему-то редко говорят о женщинах. Война отнимает много сил.

Малыш спросил у Савы, какие женщины лучше: ингушки или чеченки? Сава сказал, что лучше осетинки, потому что полностью выжимают. Малыш засмеялся. Говорит, я не про это, про красоту. Какие красивее? Сава ответил, что все красивые.

Нашли с Савой пару автоматов. Почистили, привели в боеготовность. Простая жизнь простых солдат.

Хочется выжить. Сегодня поймал себя на мысли, что хочется выжить. Как это будет здорово, если я выживу!

27 июля, к вечеру

Повербанк так себе. Механическую ручку заколебёшься крутить, чтобы зарядить. Солнца мало. Ловишь луч, он быстро уходит. За полдня на пять процентов зарядил. Ладно, и это хлеб.

Телефон стараюсь не включать. Только если захочется с самим собой поговорить. Мне не хва-

тает собеседника здесь. Равного себе. Равным себе могу быть только я. Вот и разговариваю сам с собой.

Один из симптомов шизофрении. Но есть нюанс. Шизофреники разговаривают сами с собой вслух. Я разговариваю сам с собой про себя. Чтобы никто не слышал. Значит, я всё ещё психически здоров. Но и здесь есть нюанс. Ха-ха-ха.

27 июля, вечер

На промзоне нашёл томик стихотворений Блока в жёлтой обложке. Даст Бог вернуться с боевого, почитаю. Соскучился по стихам. На первый круг брал с собой книжки Долгаревой и Тепловой. На второй круг решил ничего не брать. Душа требовала отстраниться от литературного процесса, забыть на время о существовании поэзии, чтобы перестать смотреть на окружающее пространство через призму высоких нравственных идеалов. Меня пугало, что я во всём видел прекрасное. Даже в ужасающем хаосе войны мне виделись не разруха, не гибель, а перерождение, обновление. Романтичная натура и мальчишество способствовали тому. А мне хотелось реальной жизни. Снять наконец-таки розовые очки и увидеть собственными глазами происходящее. Собственными, живыми. Но вот в чём загвоздка. Отстранившись от поэзии, отбросив в сторону розовые очки, я так и не увидел того ужаса, о котором говорят напуганные войной люди. Мне нравится быть здесь. Чувствую себя нужным. Будто лечу со снежной горы на санках. Дух захватывает. Ветер бьёт в лицо. Сердце колотится от восторга. Вернусь, обязательно перечитаю Блока. Блок великий. Есть промысел Божий, что я нашёл книжку с его стихами. Открою наугад. Забавно будет прочитать первое попавшееся стихотворение. О чём будет оно? О чём? Хорошо бы о любви. Мне жутко не хватает любви.

28 июля, десять утра

Льёт дождь. Миномётный обстрел сменили грозные раскаты. Вспышки молнии пробиваются сквозь щели. Порвёт нашу плотину, поплывём.

Сава и Давинчи с утра спорили, кто из них больше командир, притом что никто из них командиром быть не хочет. Мне проще, я в железной маске простого солдата. Никогда не любил любого проявления власти. Власть обременяет.

В ней отсутствие свободы. А я всё-таки до мозга костей свободолюбивый человек.

Нахождение в обществе предполагает выстраивание иерархии. Борьбу за власть. Скорее всего, отсюда берут начало корни моей интровертности. Одиночка по природе не борется за власть или с нею. Он сам себе хозяин и слуга. Сам себе раб и господин.

Заканчиваются газ и бензин. Вернее, закончились. Рации потихонечку отмирают одна за другой. Солнца нет. Телефон не подзарядить. Будет сложно, если исчезнет возможность что-то записывать. Это последнее пристанище, которое помогает выживать.

На первом круге, когда было тяжело и парни начинали поднывать, цитировал вслух присягу: «С достоинством переносить тяготы и лишения воинской службы...» Это разряжало атмосферу. В ответ на цитату слышался смех.

Сейчас настолько велики тяготы и лишения, что никакого достоинства не хватит. Будет звучать как издевательство. Поэтому вслух не произношу. Повторяю про себя. Пользуюсь как личным (понятным только мне одному) заклинанием.

Сигареты есть. На неделю хватит. Внутренне спокоен.

28 июля, день

Дождь накрапывает. Плотина держится. Шесть прилётов. РПГ. По тропе. Хохлы отрабатывают свои тридцать сребреников. Мы держимся. Держались и будем держаться. Не посраим Отечества.

28 июля, полпятого

На секунду подумал, что война закончилась, и... снова началось. Это никогда не закончится. Войну надо принять как неизменного спутника, с которым идёшь по жизни, теряя друзей, руки, ноги и, наконец, голову. Смирение и принятие – верные союзники.

28 июля, девять вечера

Плотина дала трещину, но мы успели перебраться чуть выше и немного спустить собравшуюся воду. Попускать кораблики, как в детстве. Чуть выше – больше комаров.

Дождь перестаёт. Не факт, что снова не начнётся. О сводках Гидрометцентра можно мечтать.

День относительно тихий. Работали РПГ с

нашей стороны (зетовцы пускали), и то же самое со стороны нациков. «Ноги» принесли воду, бензин, газ. Могли обойтись и без таких подарков.

Пока есть сигареты, живётся достаточно легко в любых условиях. Когда сигареты закончатся, будем пытаться жить так же легко, чего бы нам это ни стоило.

Уже неделю в Кишках Дракона. Терпимо. Работаем.

Информационный голод смущает. Но я начинаю привыкать к нему. Уже месяц не знаю, что происходит в мире. На войне в том числе. Ограничен местом дислокации.

Знаю только то, что происходит у нас. У нас переменчивая движуха. Ощутимых побед и поражений нет. Хотя... неделю толком не знаю, что творится на базе. Мы на задании. Оторваны полностью. Рации для работы. Не спросишь: «Как там у вас дела, парни?»

Переживаю за новых друзей. Как они? Всё ли в порядке? Часто вспоминаю парней из первого круга. Особенно тех, кто нашёл в себе силы выйти на второй. Есть о чём думать. Поэтому скучать не приходится.

29 июля, тёмная ночь

Хохол, тикай! Отныне места тебе не будет на земле Русской!

29 июля, утро относительное

Выглядывает солнце. Надеюсь, успеем подсушиться. Вторая ночь в луже мало вдохновляет.

За неделю, пока лазили по Кишкам Дракона, отросли ногти. Стали женского размера. Не ломаются. С кальцием, значит, у меня всё хорошо.

Сава просит по ночам дежурить с ним вместе. Но, когда проходит его смена и наступает моя, жалуется на плохое самочувствие и сваливает. Во всём остальном — заботливый напарник. Чай сделает, воду принесёт, шоколад раздобудет. Ведёт себя как истинный брат. Правда, помогает со словами: «Живёшь ты с моей помощью по-королевски!» При этом лучший кусок себе оставляет. Вчера назвал его хитрым ингушом.

— Нет, — возмутился Сава, — я не хитрый, я добрый и заботливый! Тебе самое вкусное остаётся!

По гороскопу он Близнец. Прямо как мой родной брат. В манере поведения есть что-то общее. Постоянная игра в жертву.

Давинчи предложил сходить с ним вместе за погибшим бойцом. Опасности нет, боец полу-

чил ранение в бок и смог спуститься в коммуникационную трубу, которая защищает от снайперов и миномётов. Дойти не сложно. Но я отказался. Ноги от слабости дрожат. Не хочется быть обузой. Надо немного оправиться после сна в луже. Давинчи пойдёт с зетовцами.

Закидываю записи в телегу. Без отправки, потому что Сети нет. Думал, Сеть появится и записи уйдут. Сейчас глянул, оказывается, не все записи сохраняются. Хорошо, что я дублировал на телефоне в ворде и нумеровал. Даст Бог выжить, почитаю, что я тут понаписал.

29 июля, вечер, начало девятого

Приходится быть мастером на все руки, понимая, что руки не из того места растут. Делать вид, что всё умею, у меня неплохо получается.

Солдатской труд тяжёлый, не говорю о том, что опасный. Это и так понятно. Мало уметь нажимать пальцем на спусковой крючок. С такой мелочью любой справится. Надо уметь готовить, стирать, штопать. Мало разбираться в минах, гранатах и пулемётах. Надо уметь водить и ремонтировать машины, в том числе хотя бы лёгкую бронетехнику. Мало попадать точно в цель. Надо ещё освоить медицину. Электроэнергия, водоснабжение лежат на плечах простого солдата.

На войне нет специальных служб, которые занимаются обслуживанием бойцов. Боец обслуживает себя сам. Привезти, разгрузить, расставить. Из ничего сделать двухъярусные кровати, сложить печку, нарубить дров. Табурет, стол, рукомойник, навес, парус для сбора дождевой воды.

Вырыть окоп, блиндаж, лисью нору, накрыть брёвнами, хвойными ветками, присыпать землёй. Всё на плечах простого солдата.

Написал про дрова и вспомнил историю из первого круга.

Взяли нас шестерых солдат перевезти доски, так скажем, из одного места в другое.

Мы — новобранцы — только прибыли на базу, толком ничего не понимали. На дворе декабрь. На нас летние камуфляжи, резиновые сапоги. Многие без перчаток.

Сели в «КамАЗ». Ну дело же пустяковое: бросить в машину доски, а потом выгрузить их. Неладное что-то почувствовали, когда нас на этом «КамАЗе» возили туда-сюда часа три, будто забыв, что мы сидим в кузове.

В конце концов остановились, высадили, показали количество досок и скомандовали погрузку. Плохо разбираюсь в кубах, но мы загрузили машину полностью. Доверху. До тента оставалось сантиметров тридцать. Нам скомандовали в машину.

Ругаясь на чём свет стоит, голодные, холодные, уставшие, полезли в машину, протискиваясь между досками и тентом. Легли штабелями. Так нас возили ещё пару часов. Наконец машина остановилась. Мы вылезли и начали разгружать.

У Исая случилась истерика. Представьте себе гигантского парня с сорок седьмым размером ноги, который терпел это издевательство, а потом не выдержал и чуть не прихлопнул кулаком по темечку старшего, того, который ездил с нами, хорошо устроившись в кабине. Тогда Исай сказал: «Я пришёл сюда хохлов уму-разуму учить (выразился он жёстче, естественно), а не доски грузить!»

Фразу подхватило солдатские радио, и уже через неделю я услышал, как её переиначили. Теперь из уст в уста передавалось так:

«Разъярённый Исай кричал: «Я спецназовец, а не дровосек!»

Такая вот история. К слову пришлось. Но больше всего в ней напрягало меня не то, что солдат за людей не считают, а то, что наша работа смахивала на мародёрство. Я тогда бросил реплику, дескать, бог с ними, с трудностями. Лишь бы не воровство и мародёрство. А такое на войне случается, чего греха таить.

Мне тогда ответили, что доски для блиндажей. Но что-то слабо верилось. Особенно после того, как водитель «КамАЗа» – чеченец – сказал нам, новобранцам, что на этой войне надо быть немного хитрым.

«Немного хитрые» – настоящее зло этой войны. Они хуже зачуханного хохла, которого притащили под дулом автомата на фронт и научили нажимать на спусковой крючок. Но о плохом не буду. Выговорю в другой раз. Слишком болезненная тема. Для меня.

Начал за здоровье, кончил за упокой. Смеюсь. Хотел восхититься солдатом, а получилось как-то не очень. Ну да ладно. В общем, солдатский труд тяжёлый. Вот о чём я хотел. Остальное лишнее.

30 июля, скоро полдень

Неожиданно тихое утро. Редкие прилёты и выходы нашей арты. Ласковое солнце. Непоседливый ветерок. Воскресенье.

Начинают возникать и буравить мозг мысли о возвращении на базу по Тропе ярости. Так называют узенькую тропинку, ведущую к жёлтой сравнительно безопасной зоне.

Сложный путь. 350–400 метров. Можно многое отдать, лишь бы реже выходить на Тропу ярости под миномётный и пулемётный обстрел нацистских формирований.

Когда у меня спрашивают: «Как дела?» – отвечаю: «Как на войне...» Ответ забавляет спрашивающего, и его рот кривится в доброжелательной улыбке.

К слову «вернёмся» обязательно добавляется «даст Бог».

30 июля, за полдень

Зетовцы.* Поджарые, жилистые парни. Беззубые улыбки, впавшие щёки. Выносливые, как волки, быстрые. Ростом ниже среднего. Дыхание хриплое. Многим на вид под шестьдесят, но, скорее, вокруг сорока – сорока пяти.

Среди них Вологда – высокий, мясистый, молодой – кажется белой вороной, попавшей в чужую стаю. Но его неприкрыто уважают. Потому что «пашет». Растерянный, уставший взгляд. Лишь иногда скользит в глазах злоба.

Увидел мышь. Бросил в неё камешком. Мышь не отреагировала. Второй, третий камень. Мышь занимается своими делами.

– Дрянь контуженная, – заключает Вологда, спрашивает у меня повербанк и, взяв его, уползает к генератору, чтобы поставить на зарядку.

Вологда отвечает за электроэнергию и еду. Местный повар, сославшись на температуру, запятисотился на базу. Вологда, ни слова не говоря, взял на себя его обязанности.

Вернулся с рюкзаком.

– Его хозяин, – кивнул на рюкзак, – погиб.

На рюкзаке выведено: «Монолит». Рюкзак нашего подразделения. Нам такие выдавали на первой учебной базе. Тут же припоминаю рослого, широкогрудого красавца с позывным Монолит. Он ушёл с учебной базы дней на 10–12 раньше меня.

Запомнились его блаженные глаза. В курилке наши взгляды случайно пересеклись. Больше ничего о нём не знаю. Близко не общались.

30 июля, вечер

Чтобы парни меньше ныли, говорю, что зи-

* Зетовцы — бойцы штурмовых отрядов, привлеченные на контракт из мест лишения свободы.

мой было сложнее. Рассказываю. По моим рассказам кажется, что действительно было сложнее. Жути нагнать умею.

Кассетные прилетели. Только что. Бабахнуло по крышке гроба отменно. Забыл, о чём хотел написать.

31 июля, утро

Десять дней ползаем по Кишкам Дракона. Жизнь на карачках. Найти бы подушку для нытья, чтобы выплакаться. Не то место. Здесь такого днём с огнём не найти. Дня нет. Огня тоже. В груди что-то теплится? Теплится. Это худое, ни на что не годное сердце, нужное только мне.

Начинаем пованивать. Почистил зубы щёткой без воды и пасты. Вода с песком. Пройдётся по зубам, как наждачной бумагой. Сменил носки. Ногам легче, но не настолько, чтобы радоваться. Усталость дикая. Сигареты заканчиваются. Всё. Стоп. Поныл и будя.

31 июля, всё ещё утро

Сава растянулся на подстилке. Лежит, молится своему Богу. Мышь залезла к нему на грудь, сидит, умывается, лапками морду трёт.

Сава выпучил глаза:

– Я живой, живой, а она уже пришла!

В Саве непонятно каким образом сочетаются трусость и отвага, жестокость и доброта душевная. Выплакал с утра пораньше мне в ухо:

– У меня сейчас ближе тебя никого нет!

– Крепись, брат Сава, бог даст, ненадолго.

31 июля, отобедали-с

Хохлы собираются устроить движуху в нашем квадрате. Спокойно готовимся. Почистили автоматы, проверили магазины, протёрли каждый патрон. Разложили запасные магазины по огневым точкам плюс ящики с дополнительным БК. Просмотрели готовность РПГ, «морковок». Перебрали гранаты, вставили запалы. Смахнули пыль с пулемёта. Зарядили. Подготовили ленты. Пообедали. Вологда вкусный суп смастерил. Жить можно.

31 июля, ночь

Задача выполнена. Можно было бы назад выдвигаться. Но обещают недельный хохло-срач, поэтому, скорее всего, будем всё это время здесь торчать, чтобы участок не оголять.

В целом, терпимо. Человек привыкает ко всему. Проверено. На личном опыте.

Удалось адаптироваться за первые пять дней. Потом жил по накатанной. Скучать не приходилось. Сейчас движухи будет поменьше, пока хохлы не пойдут. Встали на режим ожидания.

Мало информации. Её практически нет.

Попросили передать с Ногами таблетки. Спазмалгон, если не ошибаюсь. Мышцы забиты. Бежать не сможем. А бежать нужно будет.

Последние дня три мало стреляют. Меньше, чем поначалу. Взрывы редкие. Привык, наверное, вот и не замечаю. Замечаю, только если совсем рядом ложатся. Рядом – два-три снаряда в день. Не больше.

Привык настолько, что организм расслабился и прошлой ночью снилась женщина. Сны с женщинами люблю. Чувствую себя здоровым и молодым парнем. Да-да, «называйте меня Огогош, потому что ещё о-го-го я!» Смеюсь. Звонко.

1 августа, приятное утро

Нашёл место, где можно безопасно распрямиться. Встал под робкий луч солнца. Пар из рта идёт. Стою, пуская колечки, щёлкаю челюстью.

Так в детстве: стащишь у взрослых сигарету, неумело прикуришь и пускаешь дым, пытаешься нарисовать кружочек.

Сделал зарядку. Размял суставы. Поскрипел. Вернулся к Саве чай пить и слушать его ворчание. Пока тихо, дышишь полной грудью, не сдерживаясь.

1 августа, за полдень

Стоило произнести, что тишина задолбала, так началось. Огнище. Чуть глушануло. Земля ходуном ходит. Сава ворчит, ругается, молится, а меня смех разбирает. Дебильная реакция.

2 августа, начало десятого

Насыщенные сутки. Времени не было записывать.

Вчера вечером птичка сбросила яичко. Попала в бетонную плиту, которая прикрывала меня. Взрыв в полутора-двух метрах. Самого взрыва не слышал. Оглушило. Сначала увидел падающее яйцо, потом вспышку и после неё дым. Сава был позади. За долю секунды он отскочил метров на пять. Меня осыпало бетонной стружкой. Осколки прошли мимо. Боженька отвёл от меня беду. В ушах только до сих пор позванивает.

После прилётов грянул раскатистый гром. Вспышки молнии и проливной дождь. Бомбёжка прекратилась.

Ночью сообщили по радию, что будут выводить команду. Под утро вышли. Перед дорогой съел таблетку пенталгина. Тело болело, а путь не близкий. Таблетка помогла не чувствовать боль. Но дышалка у меня всё равно никакая. До хрипа. С горем пополам добежали. Ни единого выстрела. Спасибо дождю. Правда, по шею в грязи.

Прошли километра три, наверное, и остановились на отдых в заброшенном блиндаже. Вылезло солнце. Немного подсушили одежду. Эвакуационная машина боится близко подъезжать после случая с Танцором. Ждали команду на выход к трассе. Часам к шести вечера сообщили, что можно выходить. Пешком три-четыре километра. Зелёная зона. Шли спокойно.

У ближайшего блокпоста нас подхватила эвакуационная машина, и через минут пятнадцать-двадцать были уже на базе у себя в домике.

Скинули одежду и пошли в баню. У нас на базе есть баня с парилкой. Одно удовольствие. Долго там не сидел, потому что уставший. Но грязь с себя соскоблил, всю без остатка. Довольный, дальше некуда.

Вернувшись в домик, замочил одежду. Завтра с утра встану и постираю.

Настроение отличное. Я справился. Голову несколько раз отрубало, боялся сломаться. Физически мне тяжело. Очень.

Спать!

3 августа, около девяти утра

Постирался. Купил берцы, перчатки. Месяц без перчаток проходил. Руки изуродовал. Уходя, покупал себе без пальцев. Когда приехали туда, куда приехали, отдал Костеку. Он уходил в первых рядах на Дракона. Своих у него не было.

Сава ещё стирается. Малыш и Давинчи пошли в магазин.

Как ни странно, утром тело не болело. Видно, баня хорошо кости пропарила. Надо что-то с дышалкой делать. Задыхаюсь. С проблемой боли помогают справиться таблетки. А что делать с дышалкой, не знаю. Курить бросать желания нет. Бросить могу, по щелчку. Желания нет. Последнее удовольствие. Потому что.

Хочу газировку.

3 августа, около десяти утра

Открыл томик Александра Блока на стихотворении «Ну что же? Устало заломлены слабые руки...» О любви, о жизни и смерти. О вечности. Обо мне. Обо всех. О нас.

3 августа, утро

Ярус привёз воды. Нам первым. Заполнил все ёмкости. Он теперь водовозом работает на базе. Ему три недели осталось до конца контракта. Нервного тика не заметил. Заходил Седой. Его в другую команду определили.

Здорово, когда тебя встречают на базе, как будто ты прошёл мыслимые и немыслимые круги ада. Парни знают, что такое б. з. Встречают с радостью, что живые. Печалются, если кого-то двухсотит или трёхсотит. Трёхсотит – не очень печалются. Ну, если ранение так себе. Наоборот, завидуют, что боец отдохнёт в госпитале.

На базе отдыхать не дают даже после б. з. Сразу в караул, в лес или на промзону. Денёк на стирку и магазины, а дальше – снова в путь, до седьмого пота. Покой нам только снится.

3 августа, в течение дня

– Привет, воин! – Это Мартын, увидев меня, идущего из магазина. – Как ты?

– Как на войне.

– Страшно было?

– Пипец как страшно! Писался и какался каждую секунду! Еле живым ноги унёс.

– Правда?

– Да! Руки до сих пор дрожат. И не только руки. Видишь, колени ходуном ходят, – говорю, делая пару танцевальных движений.

– Воин!

Мартын на Дракона не ходит. В комендачах отсиживается. От тюрьмы прячется или срок погашает. Точно не знаю. Всем говорит, что его по состоянию здоровья не пускают. Только он здоров как бык. На вид.

– Огогоша! – Это Фома-два. Улыбается. – Рад тебя видеть живым и здоровым!

– Я тоже. – Смеюсь.

– Ты случайно туалетной бумаги не купил? Меня поселили в дом с мусульманами. Бумаги не бывает.

– Купил два рулона.

– Дай один.

– Бери.

Увидел Сургута. Сургут – боец из нашего на-

бора. Не помню, говорил о нём или нет. Мощный парень. Высокий, мускулистый, из работяг. Не красавец, но внешность приятная. Он до моего ухода берцы искал. Для б. з. Я тогда пожалел и свои, купленные в Москве, не отдал. Они мне велики. Неудобными оказались.

На б. з. совесть меня заела. Самому ведь не нужны, а боевому товарищу не дал. Поэтому по возвращении первое, о чём заговорил с Сургутом, – берцы.

– Берцы нашёл себе?

– Нет, вот кеды купил, денег на большее нет.

– У меня на твою ногу как раз. Новые. Муха не совокуплялась!

Зашли ко мне во флигель. Сургут померил. Как раз.

– Сколько? – спрашивает.

– Это подарок. Облегчённые, ногу хорошо держат, подошва литая. Кожа крепкая.

– Скажи сколько, зп получу, отдам. Прямо крутые берцы! Нога в них хорошо сидит.

– Даст Бог, вернёмся, счёт в ресторане оплатишь. Ок?

– Ок!

3 августа

Глянул некоторые записи. Публикую, не перечитывая. Т9 – подлец. Кто придумал его, тот желает смерти русскому языку. Если в слове ошибка, то смысл ещё можно уловить. Если над словом с ошибкой поработал Т9, то смыслу пиши пропало*.

3 августа, к вечеру

Пока нас не было, в подразделении появились свои птичники. Опытные ребята. Не по первому кругу вышли. Как же медленно мы запрягаем!

Птичники должны были появиться полтора года назад по всей линии фронта. А мы всё строим крупногабаритную и дорогостоящую военную технику, которую потом на складах держим, боясь поцарапать.

Привели в порядок оружие, с которым бегали на Дракона. Запачкалось. Смеюсь. Продумали оборону своего участка на базе. От командования прошла инфа, что ДРГ рядом гуляет. Пропали на блокпостах.

Полистал свою телегу и ватсап. Там информация месячной давности. Разговоры, поцелуй-

чики, сердечки, дела какие-то... Вспомнил и подумал обо всех друзьях и об одной женщине особенно.

Бедненькая, она, наверное, плакает сейчас, беспокоясь за меня. Пока не могу выйти на связь, да и не хочу отвлекать себя, расслаблять. Закисну сразу. Тосковать начну. Думать не о том, о чём нужно думать.

Даст Бог вернуться, приеду и каждую слезинку поцелую.

4 августа, вторая половина дня

До часу дня занимались тактической медициной. Слышу курс, наверное, в сотый раз, и чем больше слышу, тем чаще туплю. Уже на второй учебной базе начал понимать.

Каждый инструктор толкует чуть по-своему, в результате путаешься, уходишь в себя и перестаёшь воспринимать (тем более усваивать) информацию.

Это как на курсах поваров. Один говорит, что нужно пять граммов соли, другой – шесть, третий – четыре, восьмой – двенадцать. Слушаешь, кладёшь по вкусу и считаешь себя не способным к обучению тупым поваром. Смеюсь.

Я никогда не был на курсах поваров! Но сравнение удачное, на мой отупевший взгляд. Смеюсь залиvistо.

Отдохнуть после б. з. дали одни сутки. Хватило на то, чтобы постираться. Впереди снова полигон и б. з. Дракон – зверь опасный, но мы его победим, и все принцессы мира будут нашими.

На занятиях по медицине называли нас дерьмовыми (мягко сказать) штурмовиками. Выразились крепче. Не суть. Кто бы сомневался. Когда тебе полтос, то, как ни молодись, возраст берёт своё.

Выживаешь на внутренней силе, на упрямстве и гордости. Не гордыне, а гордости. Гордыня имеет разрушительную силу. Гордость – другое.

Гордость проявляется в терпении, в стойкости. В смирении. Гордость помогает не пасть духом, удержаться на ногах. Достоинство принять величие эпохи, даже если жернова происходящего перемалывают кости.

4 августа, вторая половина

Слабость. Руки трясутся. Не трясутся – дрожат. От слабости.

Малыш свалился с температурой.

* при подготовке к печати исправлено автором.

Настроение скачет. От ровного до упаднического. Жара. На меня жара плохо действует. Расклеиваюсь. Раздражаюсь на пустом месте. Пытаюсь спрятаться ото всех.

Придумываю себе дела, лишь бы уединиться и никого не видеть. Мой внутренний интроверт требует своего величественного одиночества, которого здесь нет. Никогда не бывает.

Просвета не вижу. Дыхание тяжёлое. Хочу есть, но есть ничего не могу.

Включил радио на телефоне. Послушать новости. Впервые за время отрыва от большой земли. Новости такие же, как были полтора месяца назад. То есть никакие.

4 августа, всё ещё вторая

Не нить!

4 августа, вечер

На б. з. произошло нечто невероятное. Сразу хотел записать, но для начала решил переварить случившееся. Потому что это из разряда чудес, которых не бывает.

Заходили мы из полумрака в темноту после пробежки под пулемётным и миномётным обстрелом. Дыхание у меня закончилось. Казалось, ещё чуть-чуть и сдохну, не принеся пользы Отечеству.

Запрыгнув в темноту, сел на бетонную плиту, положил рядом автомат и харкнул собравшейся у глотки мокротой. Парни, которых меняли, один за другим выскочили из темноты в полумрак — мы зашли, они вышли — и быстро исчезли из вида.

Отдышавшись, протянул правую руку к автомату. Его не было. На том месте, куда положил его, рядом с собой, его не было. Я пошарил левой рукой и наткнулся на чужой автомат.

Понятно, подумал, кто-то из парней, которых меняли, прихватил мой автомат, а свой оставил мне. Вернусь на базу — разберёмся. Автомат был снят с предохранителя, а патрон загнан в ствол.

Я спокойно отстегнул магазин, перещёлкнул затвором. Пуля выскочила. Вставил её в магазин. Сделал пустой щелчок, поставил на предохранитель и присоединил магазин.

Две недели, пока выполняли поставленную задачу, думал о своём автомате. Где он, в чьих руках и как я его буду искать? Потеря личного оружия — сильнейшее нарушение.

Готовился ко всем небесным карам. Ругал себя, проклинал, ненавидел. Боже, я пережил

переоценку себя! Я не был в те дни героем-добровольцем. Был законченным идиотом, который за автоматом уследить не может.

Когда выходили — из темноты в полумрак — произошла ещё более странная ситуация. Точно помню, что перед выходом проверил автомат. Он стоял на предохранителе. Из рук автомат не выпускал.

Я уверен, что в моих руках чужой автомат на предохранителе. Пробегаем красную зону, сбавляем ход ноги, смотрю на автомат, а он снят с предохранителя. В моих руках чужой автомат, снятый с предохранителя. Начинаю подозревать, что сильно контузило. В голове одно, в реальности другое.

Малыш кричит: «Я в темноте с кем-то поменялся автоматами! Выскочил с чужим...» Отвечаю: «Мой автомат прихватили парни, которых мы сменили, а сейчас я снова с кем-то поменялся автоматами. Я полный идиот и не понимаю, что происходит и как это происходит!»

Малыш посмотрел на автомат, который был у меня и сказал, что это не его оружие, но он знает, что оно одного из зетовцев, поскольку подписано и на нём несколько зарубок.

Получалось, что у нас двоих чужие автоматы.

Малыш предложил обменяться. Я отдал ему тот, который был у меня, зетовский, а он отдал мне свой, который, по нашим предположениям, был одного из парней, которые выскакивали из Кишки, когда мы заходили.

Пока сидели в блиндаже и ждали команды эвакуации, зетовцы принесли автомат Малыша, а свой забрали.

Давинчи спросил меня, как я теперь буду искать свой, зная, что он не подписан, дескать, номер помнишь? Нет, говорю, номера не помню. Год 84, и на ремне написано: «Белый» — видимо, позывной бывшего владельца.

В голове моей крутилось нечто ужасное. Я думал, как и с какими словами буду подходить к командиру, чтобы доложить о случившемся и о том, что я полный идиот на букву «м», потому что про... ну, понятно, потерял личное оружие.

А где, говорит Давинчи, на ремне? Вот здесь, говорю, на ремне, рядом с пряжкой. Снимаю с шеи автомат, показываю на пряжку и вижу надпись: «Белый».

В этот момент я присел, потому что у меня в руках был мой автомат. Мой!

Казнь, суд и удар в челюсть от командира изменились в одну секунду. Настроение поднялось, вернулись силы. До эвакуационной машины я уже скакал на радостях вприпрыжку, а парни только удивлялись, откуда у меня столько нерастраченной энергии.

Явно ведь, вмешалось божественное провидение.

5 августа, утро

Зимой было мучительно ждать парней, ушедших на Дракона. Сидели кружком, лужгали семечки, разговоры не шли. Одно переживание: как там наши? Летом ходим по кругу. Вернулся, чуть отдохнул – день-два, и начинается мучительное ожидание команды: твой выход, боец!

5 августа, день

Подстригся.

Напряжённое состояние. Жара. Мысли не идут. Требуется абсолютная тишина.

5 августа, после ужина

Пошёл на ужин в таверну и встретил там Ахмеда. Редко туда хожу. Дома еда есть. А тут потянуло прям.

Иду, думаю, что месяц Ахмеда не видел. Со-
скутился. Он умеет заставить улыбнуться. Иду – и раз! – Ахмед собственной персоной. Он вернулся от Дракона, когда я ушёл к нему. Поэтому не пересеклись. Наконец-то встретились. Обнялись по-братски. Сели ужинать.

Рассказал мне Ахмед о своих приключениях, посмеялись от души. Два раза, говорит, засыпало землёй, оба раза прощался с жизнью, но парни откапывали. То, как Ахмед рассказывает, надо слышать. Тонко, с юмором и простодушием. Всегда честен и открыт.

Ахмед немного похудел, но всё такой же боевой. Огонь!

6 августа, утро раннее

Вышел во двор. Курю, пью кофе. Проснулся Малыш. Сел рядом с книжкой. Книжка о загробной жизни. Открыл, читает. Переводит взгляд на меня:

– Мне нравится, что я начал читать. Это, как его, развивает мышление. Раньше, как его, читал взахлёб, а потом перестал. Сейчас уже третья или, как его, четвёртая книжка. Диалог ещё развивается.

Кивнул ему. Сколько сам книжек прочитал, а разговариваю с людьми с трудом. Бе да ме.

Вслух фразы строить не умею. У меня разговоры в голове происходят. Я их редко озвучиваю.

– После последнего б. з., – продолжил Малыш, – плохо отхожу. Тело, как его, ломит.

Снова кивнул в знак согласия. Я вчера начал приседаниями заниматься. Ноги подтянуть и дышалку привести в порядок. Пока не очень. После пятидесятого приседания задыхаюсь.

Утром и вечером хорошо себя чувствую. Жары нет. Днём превращаюсь в варёную муху. Солнце не радостно обжигает. Чистого воздуха мало. Дышать нечем.

Два дня назад ВОГом задело нашего снайпера. Эвакуация не понадобилась. Лёгкий. Осколки по ногам. Вроде сам выбрался, как мне сказали.

Для моей психофизики снайпером работать – самое то. Абсолютное одиночество. Быть незаметным – люблю больше всего на свете. Зрение подвело. Плохо вижу. Иначе пошёл бы в снайперы.

Зрение – моё слабое место. В детстве много читал. Испортил. Коммуналка. Семья в одной комнате. Ночью выключается свет и спим. Когда спать не хотелось, брал фонарик, залезал под одеяло и читал. Был ещё случай, когда во дворе играли в хоккей и мне шайбой в глаз попало. Тоже сказало. Но я никому никогда не говорил, что плохо вижу.

После восьмого класса пошёл поступать в цирковое училище на отделение клоунады. Хотел стать клоуном. Таким, как Енгибаров. Или лучше. Тоньше и мощнее. Мне кажется, я был бы великим клоуном. Не взяли из-за проблем со зрением. Всему виной книжки или хоккей, в который играют настоящие мужчины. Смеюсь.

6 августа, после обеда

Малыш приготовил вкусный обед. Картошка, курица, морковь, лук, чеснок, щавель. Щавель с огорода. Остальное куплено на солдатские гроши. В таверну солдаты не ходят. На мой взгляд, с ней глупая затея вышла. Одно дело приготовить еду на пять человек, а другое – на большое количество. Невозможно есть. Командиры, скорее всего, пытаются экономить. Пайки теперь не выдают. В результате солдаты питаются на свои.

С едой зимой было лучше, несмотря на то, что, как нам говорили, Минобороны месяц не могло поставить нас на довольствие. Еду

привозили постоянно. Хорошая тушёнка, конина, ножки Буша были. Когда не хватало мяса, Калаш ходил на жирного зайца. Ош с Кочевником разделявали его и варили мясной супец.

Здесь зайцев нет. С мясом катастрофа. Для меня ситуация критична. Потому что по природе мясоед. Не могу жить (существовать) без мяса. Сладкого тоже мало. Единственное спасение — местные магазины и рынки. У кого есть деньги, будет сыт. Но деньги есть не у всех, потому что проблемы со связью. Интернета нет. Обналичить невозможно (возможно с трудом за 7–10 %), а рынок и магазины работают за наличные. Никак иначе.

Еду, одежду, экипировку — солдат покупает сам, при этом командиры помельче позволяют себе упрекать простого солдата в том, что он пришёл на войну срубить бабла. Верх невежества.

Никак не могу понять, почему нам выдают тяжелейшие каски или те, которые полегче, но времён Второй мировой, которые не держатся на голове и сползают на глаза, перекрывая обзор. Броня тяжёлая и неэффективная. Есть же лёгкая и прочная. Обувь ужасающая. Больные ноги у всех. Парни сами покупают ночники* и теплаки**. Сами!

Я не пишу о ситуации по всей линии фронта. Только о том, с чем сталкивался.

6 августа, к вечеру

Слушаю радио. Говорят о наших победах и потерях нацистов, дескать, взято такое-то количество опорников и уничтожена рота нацистов. Но сколько полегло наших парней за эти опорники и роту нацистов, не говорят ни слова. Не понимаю. Я мало чего понимаю.

Спрашиваю у Малыша:

— Почему так происходит?

— Не знаю. Я в госпитале после ранения давал подписку не говорить о наших потерях.

Он тоже не понимает. Это данность.

7 августа, утро

Вчера вечером думал: встану с утра, надену броню, возьму автомат и пробегусь, чтобы мышцы не застаивались.

На жаре нас никуда не водят (занятий на полигоне нет). Сидим по домам. За ноги пережи-

* ночник — прибор ночного видения.

** теплак — тепловизор. Устройство за наблюдением распределения температуры исследуемой поверхности.

ваю. Могут не потянуть нагрузку «выхода». Поэтому занимаюсь приседаниями. В день по несколько подходов. Хотя бы так.

Утром встал и тело ломит. Не до пробежки. Опять ограничился приседаниями. Стараюсь дисциплинировать себя. Но природная лень берёт своё.

7 августа, десять тридцать утра

Инстинкт самосохранения работает. Пересилил природную лень. Дал хорошую физическую нагрузку на тело. Принял холодный душ. Стало легко и спокойно.

Относительно спокойно. Мандраж есть. Боюсь не справиться с поставленными задачами. Мандраж не такой критичный. Тяжесть ответственности, не более того.

Бахает слишком близко к базе. Уши плохо воспринимают звук. Не могу разобрать — выход или заход. Прилёт, в смысле.

7 августа, после обеда

Поругался на таверну, и она тут же исправилась. Рутул — он заведует поварской частью — раздобыл где-то баранину. Сава пошёл ему помогать, и они на пару сварганили замечательный суп.

Второе брать не стал. Там свалывшаяся гречка, а дома Малыш, утратив веру в способности таверны, сделал ещё один обед. Место для него хватит. В моём узеньком животе.

7 августа, к ночи

Сверчки голосистые. Стрекохут во всё своё насекомое горло, радуются вечерней прохладе, зелёной траве, вкусной пище и тёплому дому.

Беззаботные. Не знают, что находятся вместе со мной на войне, где каждая секунда тишины ценится на вес золота. А может, и нет никаких сверчков? Это у меня в ушах стрекочет от пережитого и переживаемого.

Бовка и Жьяко на глаза не показываются. Давно. После возвращения не видел их. Свои дела у парней. Некогда навещать меня.

Госпожа Ро так и осталась загадкой. Кто она? Чем занимается? Придумать могу. Но хочется немного всамделишного, настоящего. Чтобы фантазии было от чего оттолкнуться.

8 августа, раннее утро

Уснуть долго не мог и проснулся рано. Сны странные снятся. Сумбурные, где всё переме-

шивается со всем. Утром тяжесть неимоверная от них. Толковать невозможно, да и вряд ли перескажешь. Будто рассыпанная мозаика, пазлы от разных картинок. Не стыкуются между собой.

Сделал зарядку, разбудил тело. Парни потихоньку вылезают из своих нор. Хромающие, скрипящие. Двор наполняется стонами и вздохами. Мы не говорим о патриотизме, о чувстве Родины, о женщинах. Чаще о боли, которая здесь, как наваждение, преследует каждого.

Малыш с пробитыми ногами и животом, с вырезанными кишками. Тело усыпано ранами от осколков.

Контуженный Сава, который при каждом взрыве закрывает руками уши, потому что начинают боли в голове. Колено перетянута жгутом.

Молчаливый Давинчи никогда не говорит о том, как ему больно. Но, глядя на него, легко представить демонов, грызущих его тело. Поначалу он был разговорчивее. Сейчас уходит в себя чаще.

Разговоры сводятся к работе. О том, как и что лучше приготовить на выход. Говорим о еде и сигаретах. Иногда о детях. С Давинчи. Сава и Малыш бездетные.

Литературы здесь нет. В том виде, в котором привыкли видеть её на большой земле. На страницах книг. Само существование здесь – это и есть литература. Её высшее проявление.

8 августа, 16:25

Солдатское радио принесло инфу о том, что Кубань просится назад, на основную базу, чтобы ходить на боевые.

На своём первом выходе он бросил оружие и отказался идти в пасть к Дракону. Его отправляли на работы к автоботам. Как раз там его видел, когда брал деньги для Китайца.

Радио говорит, что совесть замучила. Стыдно. Такое бывает. Мы не всегда знаем, как поведёт себя мозг в экстремальной ситуации. Отвага и горячее сердце вроде у всех. Но происходит щелчок в голове и может случиться всякое.

Ступор, отказывают ноги, сердце бешено колотится, дыхание сбивается так, что кажется, будто задыхаешься от недостатка воздуха. Трусостью вряд ли назовёшь. Мы не знаем себя, мы не знаем, как организм реагирует на опасность.

Мы добровольцы. Не профессиональные бойцы с багажом в десяток войн, а простые лю-

ди, которые не смогли сидеть дома на диване, понимая, в какой опасности Отечество, будущее детей.

Мы вышли на войну с теми, кто торгует могилами наших предков.

9 августа, утро

Думаю о себе как о человеке, который находится дома и представляет себя солдатом, сидящим в окопе под миномётным обстрелом нацистов.

9 августа, всё ещё утро

Ровно неделю нам дали отдохнуть после похода на Дракона. Не дёргали на посты, работы и полигон. Нечто странное. Были только занятия по тактической медицине.

Мы по большей части молчим. Редко разговариваем. Каждый в своих мыслях. Иногда перекинемся словом-двумя и опять погружаемся в себя. Внутри нас (меня – уж точно) ревет море. Снаружи мы спокойные, слегка медлительные и ленивые.

Зарядку не делал. Общая атмосфера ослабла. Но я всё-таки найду силы хотя бы немного поприсесть, чтобы ноги не отмирали.

За ноги я меньше волнуюсь. Больше переживаю за дыхалку. Что-то не то с лёгкими.

9 августа, к обеду

Правило трёх «нет» мешает высказываться о том, что происходит на нашем участке фронта. Нет, нет, нет. Жарко.

Сава сместил на кухне Рутула. Хитрый ингуш. Рутула перевели к нам. В команду пенсионеров, как пошутил Давинчи.

9 августа, после обеда

Чем сложнее ситуация на нашем участке фронта, тем проще темы, о которых пишу. Мои записи тянут на триумф беззаботности и отвлечённости от войны. Но это кажущееся. В действительности я наполнен войной до краёв. Она опустошает меня. Хочет свалить, чтобы я безропотным агнцем пал на алтарь и сложил ручки. Меня просто так не возьмёшь. Ещё повоюю.

Сава приготовил в очередной раз отличное первое. На второе в очередной раз подал свалывающую гречку, которую никто не ест.

На обеде видел неунывающего дагестанца Костека. Жизнерадостные метр пятьдесят роста. На первой учебной базе он каждый день бе-

гал по плацу в полном одиночестве. Над ним посмеивались. Сейчас он имеет право посмеяться над нами. Никому не хватает быстрых ног и крепкой дышалки.

Костек отметил, что я сильно похудел. Видел бы он меня осенью прошлого года. Восемьдесят пять кило живого веса. В нынешние дни не больше шестидесяти пяти. Если на первом круге я скинул двенадцать кило, то за месяц второго к ним добавилось ещё столько же.

Костек, видимо, чтобы подбодрить меня, решил добавить к своей реплике то, что я в результате помолодел. Сам это чувствую. Глянул на себя в зеркало. Несмотря на впавшие щёки, морщины на лице разгладились. Лет пятнадцать минус. Вместе с ненужными килограммами. Добавилось бы вместо всего этого добра здоровье, я бы меньше переживал.

10 августа, раннее утро

У нас есть свой Ленин и свой Сталин. Парни с такими позывными. На первой учебной базе кто-то хотел назваться Путиным, но тамошние командиры позывной не одобрили.

Ленин и Сталин не похожи на своих прототипов. Если постараться, то можно, конечно, найти близкие, еле улавливаемые черты во внешности или свойстве характера. Если очень и очень постараться.

Ленин небольшого росточка. Худощавый, но жилистый. Движения быстрые. Глаз с надменной хитрецей. С удивлением смотрел на него, когда грузили тяжёлые снаряды. Ленин с лёгкостью поднимал их. Ни от каких работ не отлынивает. На Драконе пошёл в первых рядах. Обязателен, собран. Красноречия не хватает. Этим проигрывает реальному Ленину.

В первый день, когда только приехали на основную базу, Фома-два забыл свой автомат на летней кухне. Ленин так распереживался, что потом часа два чуть ли не слёзю просил боевого товарища лучше относиться к своему оружию: «Ну пожалуйста, не делай так больше, ну пожалуйста...»

Реальный Ленин блеснул бы ораторским искусством и выдал бы хорошо отточенную речь, услышав которую Фома-два никогда бы не выпустил из рук оружие. Он бы в обнимку с автоматом в баню бегал.

Сава жалуется на Сталина, что тот ходит и твердит одно и то же: «Надо на штурм, надо на штурм...» Сава не хочет на штурм. Они у нас

по большей части без огневой поддержки и слишком сильно напоминают мясные. Да и пользы от них мало.

Берём опорник, и по нему начинают работать вражеские миномёты. Поэтому приходится оставлять забранные позиции, чтобы сохранить жизни. Закрепиться без больших потерь невозможно. У нациков свои опорники пристреляны. Даже если в одиночку зайдёшь и там будет с дюжину хохлов, то лучше не задерживаться. Нацикам всё равно, что в опорниках ещё есть немного своих. Они за одного русского с десятком хохлов могут положить. Известно ведь, до кого последнего воюем.

Хохлы закончатся, будем воевать до последнего поляка. Потом до последнего финна. А там, глядишь, страны Балтии подтянутся, и будем воевать до последнего прибалта. Война долгая. Дураков, которых бессовестный Запад гонит под русскую мясорубку, много.

Сава жалуется, Сталин не унимается. Реальный Сталин меньше бы уговаривал, а создал бы условия (политинтриги, кадровые перестановки, идеология) в подразделении, при которых сложно было бы не пойти на штурм.

Сталин среднего роста, взгляд цепкий. Собираемся в промзону. Я повесил за спину небольшой кожаный рюкзак, в который помещается бутылка воды и пара сникерсов. Специально брал с собой на войну. Для штурмов удобный. Не мешает. Сталин увидел рюкзак и тут же по-своему оценил: «Хорошая мародёрка!»

Мародёрками называют рюкзаки для мелких трофеев. Первый и единственный трофей, который решился прихватить с собой, — это книга стихотворений Блока. Больше я ни к чему в силу характера (не мной положено, не мной будет взято) никогда не притрагивался.

10 августа, три часа дня

Не выхожу из своего укромного убежища. Весь день. Флигель, как его называю, становится родным. Рассмотрел каждую трещинку на стене, каждую паутинку в углу, каждое пятнышко на потолке, оставленное просочившимся сквозь крышу дождём. Рацию выключил, чтобы суэта военной жизни не проникала в моё жилище. Если вдруг понадобится, придут за мной. Иногда включаю радио. Слушаю, как по новостям наши доблестные берут один за другим опорники, вздыхаю. Выключаю и снова рассматриваю узоры жизни на стенах флигеля. Пытаюсь рассла-

биться. Не получается. Напряжение не спадает. Может, к лучшему. Расслабишься – и потом трудно будет собраться.

10 августа, вечер

На общем построении попросили замазать или стереть надписи на стенах в домах, если таковые оставляли. Ну вроде таких: «Здесь был Вася, число, месяц, год».

Уделили особое внимание позывным. Ни в коем случае нигде. Понятия не имею, зачем такая предосторожность. Ладно, если чисто из порядочности, дескать, не надо гадить там, где живёте. Так ведь и не гадим. Везде порядок. Не для этого. Сделали акцент на позывных.

Я веду дневник в двух форматах. Закидываю в телегу и оставляю в облаке. Но пока Сети нет, записи лежат в телефоне. Никуда не уходят. До конца срока службы (Боже милостивый, на тебя уповаю), если ничего такого необычного не случится, то выставлять на всеобщее обозрение не планирую.

Во-первых, из чувства безопасности. Не только личной. Нашего подразделения в том числе. В записях может проскочить то, чего нельзя знать неприятелю. Пусть я стараюсь не писать лишнего, но лучше перебдеть.

Во-вторых, Сети всё равно нет. И вряд ли она случится.

В-третьих... в-третьих, я пишу исключительно для себя. Это моя терапия. Мне так легче переносить «тяготы и лишения». Поэтому вообще не вижу смысла давать кому-то читать. Тут личное.

В телеге начал записывать потому, что там было привычнее. Да и не додумался сразу о том, что на телефоне есть вордовский файл в облачной папке. Иногда подтормаживаю. Смеюсь.

11 августа, утро

Ночью сосед из мирняка выпил растворителя. Запой. Голосил пока не рассвело. Утром Давинчи сказал, что выходим на Дракона. Вечером. Точка другая. Самое Сердце поганого. Бежать ещё дальше.

Собрался. Менял линзы, дрожали руки. Один глаз нормально. Быстро получилось. Второй завозился. Не снял одну линзу и надел прямо на неё вторую. Долго не понимал, почему плохо вижу. Снял, смотрю – две. Выдохнул. Старую выбросил, надел новую.

Кажется, испытываю страх.

11 августа, к полудню

Помкоманданта Бича говорит, что в Сердце Дракона, куда сегодня выходим, один двухсотый из молодых с позывным на С. Боже милостивый, спаси и сохрани. Только не Смайл! Он же совсем ребёнок!

11 августа, полдень

К смертельной опасности привыкнуть нельзя. Только кажется: чем дальше, тем проще. Думаешь, если организм с одним справился, то справится и с другим. Но это как спираль. Каждый новый круг сложнее предыдущего. Бросаться в пучину неизведанного легко, а вот делать шаг навстречу явной опасности... трудно. Мужество. Необходимо настоящее мужество. Сила и здоровье. Боженка милостивый, позволь совладать со всем.

11 августа, 15:30

Проливной дождь с грозой. Давинчи говорит, что надо сейчас идти. Можно проскочить без выстрела. Команды пока не было. Ждём. Машина близко не подвезёт.

Два варианта. Идти под дождём километров десять*. Не идти, а плыть по грязи. Второй вариант – дойти до леса и ближайшего блиндажа. Переночевать и выдвинуться рывком на точку.

Оба варианта тяжёлые. В любом случае выйдем по команде.

12 августа, полдень

Дождь не вовремя пролился. Размыл дороги. А когда вышли – прекратился. Двойное неудобство. Грязь и обстрел. Вышли вчетвером. Вместо Савы Рутул.

В начале пути думал, что сломаюсь. Дыхание подводило. В лесопосадке остановились у зетовцев. Вспотел сильно. По лицу струёй пот. Вытер его и случайно смахнул линзу. Ослеп на один глаз. Запасные есть. Будет возможность, надену.

Зетовцы напоили нас кофе, и будто второе дыхание открылось. С одним зетовцем (Фаза) махнулся касками наудачу. Он рассказал забавную историю про позывные.

«Один парень назвался Нерпой. Я у него, – говорит Фаза, – спрашиваю: „Тюлень?“ Он отвечает: „Почему тюлень? Нерпа – это хищник по

* Расстояния в дневнике сознательно искажены (авт.)

типу льва, пантеры, тигра!“ – „Понятно, тюлень...“«. Ухохотаться.

Посидели с зетовцами часок, отдышались и выдвинулись дальше. В последнем блиндаже посидели до утра и пошли на рывок. Я за два часа до рывка выпил по таблетке спазмалгона и пенталгина.

Пока шёл, опять задел палец на ноге о пень – шли в темноте. Грязь по колено. Канавы, воронки, поваленные деревья.

У Малыша отказали ноги. Он остановился посередине пути. До Сердца Дракона добежали втроем. Здесь наши. В том числе Китаец и Ленин. Парни полезли обниматься, увидев меня. Они крутые!

Смайл не на этом объекте. Бича что-то напутал. Да и не могу я поверить в то, что Смайл погиб. Здесь информации о нём нет. Узнаю по возвращении на базу. По всей видимости, в Сердце Дракона мы будем недели две.

По прибытии на точку сразу вышел на работу. Чуть отдышался – и вперёд.

13 августа, утро

Сутки на ногах. Днём наша арта и арта Укррейха перекидывались снарядами. Над нами летало и свистело. Мало понятно, в какую сторону. Понимаешь по взрывам.

Если Сердце Дракона трясётся, значит, по нам. Если вдалеке бахает, значит, не по нам. По нам могут и наши беременными снарядами. Бывает.

Вечером мобики заметили нациков в ближайшей лесопосадке и передали по рации. По тревоге заняли посты и огневые точки. Успел надеть линзу. Вроде обошлось.

Сердце Дракона – важный стратегический рубеж. Пока он под нами, Дракон не так буйствует.

Почувствовал недомогание. Под утро. Двое суток мокрый. Просушиться нет возможности.

Сегодня с утра подошло подкрепление.

Среди парней Костек, Прочерк и Сургут. Выпили чаю, поболтали и сразу стало тепло и хорошо. Недомогание как рукой сняло.

13 августа, утро

Писать буду реже. Нет возможности заряжать телефон. А мы здесь надолго. Надо экономить заряд.

13 августа, около четырёх дня

Раньше здесь был повар, который из ничего делал вкусную пищу. Теперь повара нет. Еды то-

же. Мы пришли с Рутулом. Он на базе на кухне работал какое-то время. Говорит, давайте приготавливаю. Ок, отвечаю. Помыл ему посуду для готовки. Что только не сделаешь, когда желудок скворчит. Рутул так себе готовит. Малыш лучше. Жаль, что он соскочил. Можно было бы рассчитывать на вкусную пищу. Теперь вряд ли, и всё же надеюсь.

13 августа, около пяти

Повар есть. Он спал. Долго спал. Не тот, которого все хвалили, другой. Но есть. Шанс хорошо поужинать увеличился моментально. Позывной такой же, как у зетовца из лесопосадки, с которым я обменялся шлемаками.

Китаец, Ленин, Зима вышли.

13 августа, 17:00

Повар развёл костёр, чтобы приготовить еду, и задымил пространство. Здесь и без того дышать нечем.

Сердце Дракона изнутри жёлтое. Стены, потолок, трубы. Железные шкафы, которыми мы забаррикадированы, тоже жёлтого цвета. Грязно-жёлтого. Видимо, бывший хозяин с ума сходил от этого цвета. Скрывает ржавчину.

Я не люблю жёлтый цвет. Мне дурно от него и оттого, что нет воздуха. На войне воздуха нет нигде. Каждые полчаса высмаркиваю тонны грязи. На зубах песок. Глаза, сколько ни протираю, запылены. Смотрю на мир сквозь дымку.

Здесь есть котёнок. Маленький. Наверное, милый. Брезгую дотрагиваться. Скорее всего, липкий от грязи, копоты и жира. От мышей не спасает. Мал ещё.

Перед уходом на Дракона разбираю вещи во флигеле. В углу стоял пакет. Там были носки, майки... Всякая ерунда. Вытряхнул посмотреть. Вместе с вещами выпал шеврон с позывным. Монолит. Погибший на штурме боец жил в моём флигеле.

14 августа, вторая половина

Ночь отработал, день отработал. Ещё до вечера буду работать. Надеюсь, следующей ночью отдохну.

Котёнок оказался трёхцветным. В темноте сразу не увидел. Он милый и совсем не липкий. Грязный, да, но я тоже грязный. Второй трёхцветный кот за последнее время. На счастье, говорят.

Котёнок сначала тыкался в меня на лёжке, а когда я ушёл на пост, прибежал ко мне. Скрашил целое утро. Мурлыкал, тёрся. Само воплощение нежности. Назвал его Трёшкой. Потому что три цвета: белый, рыжий, чёрный.

Завалил мешками на посту дыры от вражеской арты. Потом давал команду на выход зетовцам, которые сегодня кошмарили немцев. В Сердце Дракона нациков называют немцами. Дань традиции.

После того как откошмарили немцев, ждали, когда начнут кошмарить нас. Не дождались. Я уполз спать.

Ощущение, что мы находимся в средневековой крепости и нас осаждают германцы в рыцарских латах. Крестonosцы. А мы такие нормальные русские парни, которые защищают свои дома. Феерично.

Похоже, я температуру. У местного медика нет аспирина, что естественно. Температура – это гражданские проблемы. Спросил пару таблеток у Сургута. Он принёс. Говорит, для тебя что угодно достанем. Спрашивай.

По-моему, парни относятся ко мне хорошо. А я по древней привычке ищу даже в этом подвох.

Рутул отварил макароны с тушёнкой. Первый раз за четыре дня нормально поел. Две тарелки баланды (вчера и позавчера) не в счёт, то есть абсолютно. Их будто не было. Ещё с аппетитом съел пол-лимона. Не поморщился. Витамин С нужен.

15 августа, к полудню

Немцы до двенадцати ночи кошмарили чубатым танчиком, и стало тихо. Отключился до пяти утра. С утра в караул. До вечера.

Трёшка нашёл себе рыжего приятеля и проводит с ним время. Играют. Сфоткал их. Неожиданно наблюдать в хаосе войны беззаботных котят, которым нет дела до проблем человеческих.

Здесь бегают рыжий пёс. Мордой похож на лисицу. Это на него были обозлены Седой и Сава. Говорили, что его пристрелили. Но это не так. Зетовцы взяли его к себе и кормят нормальной пищей, чтобы он трупы по округе не обгладывал. Сжалились. Пёс в осколках и с перебитой ногой.

Мартын, по всей видимости, убит домой. У него контракт закончился. Я на б. з., поэтому не попрощались. Здесь, в Сердце Дракона, тоже

есть парень с воровскими звёздами. На плечах и коленях. Но местный – боец. Он в группе быстрого реагирования.

Утро прошло спокойно. Мы занимаемся хозяйством и постами, немцы, наверное, тоже. Подходы к Сердцу заминированы. Надо только блюсти любые попытки штурмов. Чувствую себя здесь в большей безопасности, чем в Кишках. Но до расслабона далеко.

Таблетка аспирина помогла. Ноги не болят, значит, температуры нет.

Рутул планирует заниматься кухней и прочей хозяйственной суетой. Может, количество приёмов пищи увеличится. Дай-то Бог!

15 августа, 19:59

По нам не били. Весь день. Работала только наша арта. Радует.

Рутул, Костек, Нерпа и Немо (зетовец) показали пример отваги и выносливости. Рутул восхитил. Я думал он повар-такой-повар, а он как рванул сегодня со словами: «За Родину!» – что я в осадок выпал.

Суть описывать не буду. Но если произойдёт задуманное, то мы на несколько десятков километров (гиперболизирую!) ушатаем линию фронта.

Говорю парням, что за такой героизм им положены медали.

– Нам медалей не дают, – вздыхает Немо, растопырив глаза.

Он похож на одноимённую рыбку из мультика.

– Мне медали не нужны. Вернуться бы живым, – говорит Рутул.

– Закрою контракт, куплю машину, вино и дурри, поеду в горы, лягу и буду курить. – Это мечтает Нерпа, а Костек просто смеётся.

Солдатское радио принесло инфу о том, что Китаец, Ленин и Зима, вернувшись с б. з., поехали в город, напились и начали барагозить. Их поймали, скрутили, вернули на базу, навалили пряников и снова отправили на б. з. (на другую точку, не на ту, где я сейчас). Горе-Китаец. Ему одной истории с алкоголем было мало. Опять вляпался.

Пока писал, пару раз по нам шандарахнули натовские приспешники.

Арес (старший у зетовцев) беспокоится о том, что я больше всех занят:

– Тебя эксплуатируют!

– Меня? – смеюсь. – Парни за меня горой.

Просто хочу быть нужным, поэтому пашу как проклятый.

– А я хочу домой. Дома уже семь лет не был.

16 августа, 11:36

По нам работал миномёт. Плотно. Зашкерились, переждали.

Трёшка полдня где-то шаландается. Я провёл время с Рыжим. Рыжий меня любит в отличие от Трёшки. Трёшка не любит. Оторву ему уши за это. Ласково оторву.

Разболелся зуб мудрости. Хотел его вырвать перед уходом на войну, да пожалел дурака. Оставил. Вот и расплачиваюсь теперь. Хорошо, что обезбол есть.

Немо рассказал о своих кентах и брате. Все либо Герои России, либо представлены к званию за невысказанные подвиги.

Кто-то в одиночку взял девяносто двух немцев в плен, кто-то разбомбил колонну бронетехники, а кто-то за четыре круга на войне заработал около пятидесяти лямов с учётом денежных выплат за подбитые танки, птички, ранения и проч. Слушать приятно, даже если понимаешь, что Немо заливает.

Настроение среднее. Постоянная движуха не даёт заикливаться на мыслях о смерти.

О доме и любимых людях думать не могу. Расклеюсь.

Нехилый прилёт...

16 августа, 18:47

Время замедляется. На войне оно растягивается до невероятных размеров. Минута длится вечность. Неудобство дневника в том, что приходится отбивать числа. Они даже не шевелятся.

Так или иначе, лето на излёте. Скоро осень.

Рыжий не отходит от меня. Он огненно-рыжий. Цветом в осень. Красавец. Чище Трёшки, потому что постоянно лижется. И меня тоже облизывает.

Удалось поесть два раза. Два раза вчера и два раза сегодня. Двухразовое питание – это уже счастье.

Зетовцы рванули на эвакуацию. Вытаскивать погибших бойцов. Арес и Сава (позывной местного парня с воровскими звёздами). Их никто не просил. Сами. Сказали, что, кроме них, никто не вытащит и нормально не похоронит.

С зетовцами удобно работать. Сильно развит инстинкт самосохранения. Подскажут, раз-

яснят, помогут. Разложат по полочкам, если заступишь. Без крика и ругани. Без наезда. Грамотно.

Арес с благородной осанкой, подвижный, широкоплечий. По нему и не скажешь, что до войны сидел семь лет в камере четыре на два. Сава похож на быка из девяностых, когда ходит в спортивных штанах. Переодевшись побоевому, смахивает на киборга из фантастических фильмов про звёздные войны.

17 августа, 11:11

Я работаю в одиночку, отдалённо от парней. По двенадцать, иногда больше, часов в сутки. Вчера около восьми вечера слышу Рутула:

– Дяха, вы покушали?

Он ко мне на «вы» обращается из уважения к возрасту. «Дяха», видимо, обращение у дагестанцев.

– Нет, – отвечаю.

Рутул принёс тарелку густого горохового супа с тушёной.

– Ешьте! Солдат должен по три раза в день питаться, по режиму, иначе он воевать не сможет.

Суп зашёл за милую душу. Поблагодарил.

– Добавку хотите? – поинтересовался Рутул.

– Не отказался бы.

Рутул принёс ещё одну тарелку. Она ушла вслед за первой с такой же скоростью.

– Чай будете? Сколько сахара?

– Ложку...

– Так мало?

– Сахар надо экономить. Хорошо, положи две.

– Дяха, пока я здесь, вы будете хорошо питаться! Как положено солдату, а не так, как здесь кормят.

17 августа, 11:22

В четыре утра рыжий пёс встал у клапана и начал истошно гавкать. Мы подскочили, как по тревоге. Пёс ни на кого здесь голоса не поднимает. С котами и кошками не дружит, но и не цапается. Значит, чужие пожаловали. Местный Фаза отработал ситуацию из пулемёта. Вслепую.

Когда-то гуси спасли Рим. Сегодня ночью рыжий пёс, которого парни приютили, обогрели и накормили, простив прегрешения, предупредил нас об опасности.

С четырёх утра на ногах. В районе десяти Рутул принёс гречку. Я отказался, сказав, что по-

ем после одиннадцати, когда освобожусь на пару часиков. Побоялся, что в туалет прихватит, а в туалет ходить на войне – особое приключение. Иногда не ешь не потому, что не хочется или еды мало, а потому, что нет возможности сходить по-большому.

Сменился на пару часов. Поел. Гречка вкусная. Даже слишком.

Зуб ноет, и в ушах свистит. В остальном – норма. Попробую отключиться на пару часов.

17 августа, 20:45

Рутул ушёл на войну, поспорив с приятелем. Поспорили на барашка. Хватит смелости – барашек Рутула, не хватит – приятеля. Домашним общил только после того, как подписал контракт.

– Дяха, вы где работали до войны?

– Нигде...

– Пенсионер?

– Нет.

– Я работал лифтом. Строят новый дом, мы берём подряд и ставим там лифты. В одиннадцать дня приходили, два часа работали, потом два часа обедали и снова два часа работали. Я вам оставлю телефон. Устрою вас на работу лифтом. Ничего сложного. Нужно только гайки крутить.

18 августа, 12:27

Наши птички отвоёвывают воздушное пространство над Сердцем Дракона.

Практика показала, что если на один выстрел отвечать десятью, то количество обстрелов наших позиций снижается.

Рутул с утра принёс горячий суп с мясом. Полегло теплом. Удивительное существо человек. В часы смертельной опасности способен наполнить пространство домашним уютом.

Сразу провалился в бездну воспоминаний. Больше всего думал о детях. Непутёвый попался им отец. Вечно страждущий, ищущий, бегущий, пропадающий.

Хочется сказать, несмотря на все выкрутасы, я очень сильно люблю своих детей. Думаю только о них. Без них моя жизнь, со всеми её победами, не имела бы никакого смысла.

Даст Бог вернуться, накажу старшему, чтобы внуков мне делал побыстрее. Внутренне готов к смирению, тишине и проявлению заботы. Буду кормить их, попки мыть и всячески развлекать.

18 августа, 16:09

О том, что затишье, писать не буду, потому что, как только о нём пишу, тут же начинается буря. Бурю я люблю. Но здесь я не один, а, кроме меня, её больше никто не любит.

На первом круге, помню, была передислокация с одного направления на другое. Привезли нас, разместились в блиндаже. Я зашёл и сказал: «Слишком хорошо, чтобы мы долго пробыли здесь...» На следующий день нас перекинули на другую позицию.

Ночь переспали в новом блиндаже, я встал, потянулся и сказал: «Слишком хорошо, чтобы мы долго пробыли здесь...» Не прошло и трёх дней, как снова перекинули на другую позицию.

Зашли в третий блиндаж, я осмотрелся, набрал в рот воздуха, чтобы в очередной раз произнести заветную фразу, но парни остановили: чуть ли не хором заорали: «Молчи, Огогош, молчи!» Я смолчал. Больше нас никуда не перекидывали.

Переброски – хлопотное занятие. На первом круге не было ничего более мучительно идиотского, чем бесконечные переезды с одной позиции на другую.

57

19 августа, семь утра

В Сердце Дракона зашёл Рамзан. Медик. Называет себя боевым (или военным) санитаром. Потому что постоянно гоняет на передок. Вытаскивает трёхсотых. Оказывает помощь лёгким. Говорит, устал на базе. Там одни нытики. Приходят в таверну и ноют, что мало мяса.

В этом месте я покраснел. Узнал себя. Только я никогда не ныл. Вслух. Про себя печалился, да, недоумевал. Вслух никогда не жаловался. Моё покраснение никто не заметил. Были в абсолютной темноте.

Рамзан в прошлом единоборец. Неплохой стрелок. Решил сгонять к нам, проведать. У нас пока, тьфу-тьфу-тьфу, раненых нет. Убитых тоже. Держимся. Наша арта хорошо помогает. Жужжание птичек стало радовать. Наши ведь.

Станный итог контрнаступления немцев. Чем больше они наступают, тем дальше откатываются. Тешу себя надеждой, что к концу моего контракта (Боженька, сохрани мне жизнь!) в Сердце Дракона можно будет заходить прогулочным шагом.

19 августа, 19:13

Стрелковый бой. Мелкий. Так, чтобы покошмарить друг друга. Мы из крепости, они по крепости. У немцев ротация. Им надо отчитаться перед своими хозяевами за отстрелянные патроны.

Вышел Рамзан. В топовом шлемаке, в крутой броне, обвешанный магазинами. Автомат с прищечками.

«Откуда у вас тут пострелять можно? Да у вас неоткуда здесь стрелять!» – сказал и ушёл.

Сегодня Рутул, Немо и Зелёный геройствовали. Продолжали работу над начатым.

Рыжий с Трёшкой второй день не появляются. Печалька.

19 августа, 21:11

Один пленный. Сдался сам. Мальчишка. По виду домашний ребёнок. Правду говорят, когда хохол умнеет, он становится русским. Это был умный хохол.

Мальчишка полз к нам, размахивая белой тряпкой. Немцы заметили его и открыли огонь на поражение. Мы прикрыли ответным. «Быстрее, быстрее, – кричим, – голову ниже пригни!» Мальчишка обделался от страха, но продолжал ползти. Глаза, как у сумасшедшего, большие, неморгающие.

20 августа, 07:53

Ротация двух команд прошла без единого выстрела. Парни в Сердце Дракона зашли спокойно. Дембеля вышли. Им через пять дней домой. Новая команда принесла вкусняшек. Мне достался кусочек сникерса. По сладкому соскучился. Долго держал его под языком, смаковал.

Рутул в шесть утра налил тарелку горячего супа. Это блаженство. Кто бы мог подумать, что горячий суп в шесть утра может доставить столько удовольствия человеку не с похмелья, не со страшного бодуна, а вполне себе цельного и здорового, полного веры в победу русского оружия.

Появилась Трёшка. Это девочка. Сразу не удосужился посмотреть. По характеру можно было понять. Ластится. Рыжего не было пока. Надеюсь, скоро придёт.

Давинчи говорит быть на фоксе, нас вроде тоже скоро сменят.

«Да мы только зашли!» – смеюсь. «Мы уже здесь девять дней...» – ворчит. Я бы ещё дней на

десять остался. Хоть какая-то движуха. Веселее, чем сидеть в раскладе, мух на потолке считать и трястись от страха, ожидая, когда отправят на Дракона.

Наша арта радуется. Боже, спаси и сохрани её, добавь меткости каждому снаряду!

20 августа, к полудню

Набрался смелости, подошёл к Рамзану. Боялся услышать плохие новости о Смайле. Рамзан – ближний медицинский круг. Он в курсе здоровья всех доблестных воинов подразделения. Можно сказать, что инфы из первых уст.

Бича, естественно, всё перепутал. Не двухсотый, а трёхсотый. Не Смайл, а Сёма. Осколком пробило локтевую артерию. Рядом оказался Зелёный. Командира пятёрки – Сергеича – поблизости не было. Молодые, Смайл и Ковбой, замешкались. Зелёный быстро отреагировал. Перетянул Сёму, чтобы «не вытек». Сейчас парень в госпитале. Здоровью ничего не угрожает.

Выдохнул. Смайл в порядке.

Появился Рыжий. Сквозь пробоину в стене проникает солнце. Луч ложится округлым пятном на пол. Рыжий пролез, помяукал, сделал несколько прыжков в нашу с Трёшкой сторону. Трёшка подорвалась к нему. Метров за пять друг от друга они сбавили ход. Когда сблизились, потёрлись мордами, будто поцеловались, развернулись и медленно дошли до солнечного пятна, где улеглись рядышком и начали прихорашиваться – умываться.

20 августа, 12:42

Пианист (зетовец). Меняет меня на посту. Типаж тихого троечника. Ничем не приметный. Уж не знаю, каким боком он вляпался в историю войны, вернее, история его жизни срослась с местами не столь отдалёнными, а потом, как следствие, с войной, но – так или иначе – он здесь. Служит Отечеству. Пальцами правой руки перебирает, будто играет на пианино. Нервный тик. Или привычка, подобная тому, как некоторые дети в минуты волнения теребят пуговицу на рубашке. Во время прилётов пальцы замирают.

– Пианист – это потому, что раньше играл на пианино?

– Нет.

Вопрос был глупый, если увидеть, будто сработанные топором, пальцы Пианиста. Скорее всего, лагерная погрехуха стала позывным.

Спрашивает:

– Обед был, делали?

– Да. Не поел? Принести?

– Не надо за мной ухаживать!

– Пианист, это называется братская помощь, а не ухаживание. – Смеюсь. – А с моей стороны вообще отеческая. У меня старший сын – твой ровесник.

– Не надо.

Подхожу через час узнать, всё ли в порядке.

Опять спрашивает:

– А чай горячий есть?

– Да.

– Принеси, пожалуйста. – Краснеет и протягивает кружку.

Принёс. Поблагодарил фразой «от души».

20 августа, 18:01

Парни из союзников развлекались. Бросили на немецкую позицию пару гранат со слезоточивым газом. Нас не предупредили.

Сижу на посту, смотрю в дырку на немцев и чувствую горечь на языке. Думаю, что за хрень? Глаза слезятся и щёки щиплет. Передал по радиации, что нас травят.

Буквально через пару минут прибежал Арес. Принёс противогаз. «Надень, лицо не три. Газ пройдёт, протрёшь глаза влажной салфеткой».

Остатки газа с ветром до нас дотянулись.

21 августа, 09:15

На первом круге приучил себя к тому, что надо быть постоянно собранным, готовым в пять минут выйти по команде.

Сегодня, в половине шестого утра, в Сердце Дракона прибежали «ноги». Была команда снять нашу группу с объекта. Ротация.

Уже без пятнадцати шесть мы были на низком старте у клапана. Без пяти шесть стартовали, пробежали за пятнадцать минут красную зону, а по жёлтой пошли быстрым шагом. Вышли из жёлтой зоны к нашим блиндажам, минут пять отдохнули и пошли по зелёной.

Дождя накануне не было, поэтому машина подошла максимально близко. В результате к семи утра уже были на базе. Скорость впечатляющая. Тот отрезок пути, который мы обычно с привалами, прячась от миномётного и пулемётного обстрела, от снайперов и птичек, проходили за три часа, одолели за тридцать минут.

Спасибо нашей арте. За десять дней насыпала немцам так, что они теперь сами боятся

нос высунуть из окопа, чтобы по нам, как по зайцам в тире, пострелять.

Два месяца на этом участке. Разительная разница. Теперь немцы в той ситуации, в которой были мы ещё какие-то две недели назад. Нынче у них адище адский.

Вернувшись на базу, скинул с себя одежду и побежал в баню. Пропарился основательно. На базе появилась автоматическая стиральная машина. Поставил стирать вещи. Это райская жизнь, а не война.

Сегодня добегу до магазина. Сразу приготовлю «тревожный чемоданчик». Лекарство, сигареты, сникерс. Надо быть готовым. Горжусь собой. Уступаю, конечно, нашим двадцатипятилетним жеребцам, но слабину не даю.

21 августа, вечер

Удалил записи, которые оставлял в телеге в ожидании Сети.

21 августа, вечер

Странное возвращение. На базе изменилась атмосфера. Вижу обозлённых людей. Нет приветливых улыбок. Дикая напряжённость.

Дембеля перестали быть дембелями. Оказалось, что они подписывали два контракта. Сначала первый на три месяца. Потом товарищи из Минобороны сказали, что надо переписать контракт на четыре. Вышел указ о минимальном сроке службы. Парни переписали контракт, поставив срок четыре месяца.

На войне мозг солдата разжигается от постоянного адреналина и взрывов. Парни служили с полной уверенностью, что спустя три месяца поедут домой. Не тут-то было. Их не отпустили, что естественно. Вчера командир напомнил им, что остался месяц службы. Крыша съехала окончательно. Ситуация, по сути, смешная. Но дело, напомним, происходит на войне.

Фома-два на постоянной в штабе. Прямо там и живёт. Хорошо устроился. Некоторые командиры поменялись. Куда девались старые – не знаю. Мало интересно. Самый главный остался. Он мне нравится. Подтянут, подвижен, спокоен. Из обычных штурмовиков, из самого низа до командира отряда дослужился. На передке, в отличие от штабных, бывает и в штурмы с нами ходит.

По базе долбанули из подствольника. ДРГ. Потерь нет. Прибежал испуганный Рутул, надел шлемак и броник. Сказал, что была команда

всем сидеть по домам в полной боевой готовности.

Мы с Давинчи оделись и встали на огневые позиции, которые у нас приготовлены для охраны своего дома. Вдали слышались пулемётные и автоматные очереди. Вскоре база погрузилась в полную тишину.

Через полчаса Давинчи вышел со двора узнать обстановку. В броне и каске. На него посмотрели как на идиота, типа чего, испугался? Давинчи вернулся, выматерился и скинул с себя броню. Рутул паникёр. ДРГ поймали.

Напряжение в воздухе сильное. В Сердце Дракона чувствовал себя спокойнее. Хотя там стократно опаснее. Буквально в тридцати – пятидесяти метрах от немецких позиций. Под прицелом.

Днём сходил в магазин, закупился сигаретами и сникерсами. Зашёл в аптеку за таблетками и витаминами. Собрал рюкзак для выхода на Дракона. Лучше быть заранее готовым. Так легче. Мне.

22 августа, десять утра

Долго не мог уснуть. Гонял мысли о доме, о родных и близких, о любимых и не очень. До трёх ночи. В здешних условиях и в тех обстоятельствах, в которых нахожусь, для меня внове. Обычно ложусь и сразу вырубаясь. Дорога от Дракона до базы была лёгкой, – видимо, не так устал.

Проспал до девяти. Сны не помню. Но что-то снилось. Вроде расслабился, внутреннего напряжения нет. Парни отмечают, что я самый спокойный среди них.

К нам в команду добавились Костек и Про черк. Переехали в наш дом. Прочерк лёг на место Малыша, а Костек в гостиной на диван. В доме остался Сава. Он как бы не в нашей команде: на кухне кашеварит, но просит, чтобы не гнали его. Дескать, я вам сахар буду приносить, колбаску. Не хочет от нас уходить. С Давинчи они постоянно цапаются, но тут Сава как шёлковый стал. Когда свободен, придёт, поставит себе молитву на телефоне, слушает и бормочет что-то под нос. Прочерк – спокойный работяга. Играет на телефоне в слова. Костек шумный. Разговаривает громко.

Давинчи вчера первый раз за последний месяц улыбнулся. Ходил хмурым раньше, вечно кпятился. Сейчас ровен. В глазах появилась искра жизни. Это произошло, когда к нам «бывший

дембель» Змей забегал и говорил, что их обманывают и не увольняют. Я несколько раз подряд объяснял Змею, что никто не обманывает. Вы, говорю, сами себя три месяца обманывали. Подписали контракт на четыре месяца, а жили в полной уверенности, что на дембель уйдёте через три. Объяснял по-мальчишески горячо. Давинчи не выдержал и остановил меня, тепло улыбнувшись: «Все всё поняли, Огогош!» Я в ответ тоже улыбнулся, замолчал и ушёл к себе во флигель.

Заходил Седой. Он сбрил бороду, голова обросла. Образ киношного абрека куда-то исчез. Стал похож на обычного человека. Рассказывал мне о том, как это страшно, когда по тебе из танка стреляют. Можно подумать, я не знаю и никогда в глаза танка не видел.

Парни договорились, что их отвезут в город, где можно обналичить с карты деньги. У меня пока есть, да и тысяч двадцать раздал в долг. Вернут, надеюсь, и до конца контракта, если Бог позволит жить, хватит.

22 августа, полтретьего дня

Думал, дадут отдохнуть после похода на Дракона хотя бы пару дней. Вяло встретил утро, напился кофе, сделал пятьдесят приседаний, чтобы ноги не расслаблялись, выдохнул и тут же вызвали по радейке грузить еду, а потом снаряды. Не так сложно, конечно. Ладно, проехали.

Загрузили грибы в «Урал», перекурили, и я пошёл к Саве в таверну поглощать обед. Съел две тарелки супа, набил живот, вернулся во флигель и лёг отдыхать. Света нет. Прекрасная половина дня рядового солдата доблестных русских войск.

По располлаге снуют потерянные «бывшие» дембеля, не знают, что им делать в сложившейся ситуации. У некоторых есть выписка из приказа, что они на три месяца. Но отпускать их не планируют.

Неразбериха с бумагами сильно отражается на боевом духе бойцов.

Штабным – статистика, нам – реальность. Надо понимать, что за каждой цифрой стоит человеческая жизнь – жизнь добровольца, верного защитника Отечества.

Надеюсь, сегодня больше никуда не дёрнут.

22 августа, 18:22

Днём попытался поспать, не получилось. Мысли буравят голову, не дают покоя. Мысли

обычные, не сказал бы, что угнетающие. Так, о смысле жизни... чушь всякая, в общем. Просто их много, они наслаиваются друг на друга и не дают возможности расслабить голову, забыться.

Сообщили, что выводят трёх трёхсотых из Сердца Дракона. Что там случилось, непонятно. Лёгкие. Госпиталь. Либо накат был, либо посылали на спецзадание. Один двухсотый. Нашей группе сказали быть на фоксе. Скорее всего, завтра выйдем.

Война. Жаловаться не будешь. Это мой выбор. Иначе не мог.

23 августа, восемь утра

Удалось поспать, и вроде выспался. То, что ломит спину, не в счёт. К боли на войне привыкаешь и почти не реагируешь на неё. Ноги держат, и слава Создателю.

Спросил у Давинчи – он старший группы, поэтому в курсе событий, – выходим ли сегодня? «Не беги впереди паровоза, – ответил, – мы только вернулись». Ночью ушла группа, в которую Сургут. Он тоже только вернулся. С нами.

Вчерашнее событие с потерей парней подкосило. Казалось бы, двигаемся в правильном направлении и в последнее время без существенных жертв во имя Отечества. Но... даже не хочется узнавать подробности.

Включил радио, слушаю. По радио у нас всё хорошо. Вот и буду жить с этой мыслью.

23 августа, обед

Рутула и Костека отвезли в город, где можно снять деньги с карточки. Парни сняли и шиканули. Рутул купил рыбу, овощей, зелень, чеснок. Костек прошёлся по сладостям плюс мороженое «Киви».

С утра загрузили машину бутылками с водой и пустыми ящиками от оружия. Пришли домой, и Рутул начал кашеварить. Пожарил рыбу. Наивкуснейшую. Запах по всей базе. Костек нарезал овощей.

В гости зашли Бича и Сталин. Сели во дворике под навесом и плотно отобедали. Блаженство в чистом виде. Давно не ощущал такого мощного прилива жизненных сил.

– На б. з. пойдём, рыбу возьму, пожарю там, – говорит Рутул. – Пусть немцы слюни пускают и завидуют.

23 августа, ужин

Очень смешно. Человек на войне, а только и делает, что о еде пишет. Не о залпе тысячи орудий, когда смешались кони, люди, а о вкусной и здоровой пище.

В общем, поужинали под пустой, ни к чему не обязывающий солдатский трёп. Харчо из банок. Добавили картошки, чтобы погуще было. Харчо с картошкой – это что-то новенькое. Желудок принял с удовольствием.

День прошёл спокойно, бессобытийно. Тело отдохнуло. Сносно. Малыша и Савы нет, поэтому исчезли разговоры о том, что и у кого болит. Никто не кричит, не жалуется. Сава в таверне, Малыш у артиллеристов.

Созревает виноград на участке. Подходят сливы. Яблоки и груши в полном соку. Фруктами обеспечены. Чтоб я так жил ещё лет сто – сто писят!

У птичников пополнение. У нас его нет и пока не планируется. Вернее, скажу так: я ничего о нём не слышал. Говорят, наборы сейчас небольшие. Предположить не могу, с чем это связано. Либо сезонное, либо ещё что.

Положение на нашем направлении стабильно тяжёлое. Так сообщают по радио. Я оценки дать не могу, потому что многого не знаю. Вижу, дела идут лучше по сравнению с тем, что было два месяца назад.

Вопрос с дембелями не решён. Они до двадцать пятого числа в подвешенном состоянии. Хорошо бы парней отпустили. Устали они.

(Окончание следует)

**Александра
МАЛЫГИНА**

СИНЕБРОВЫЙ МОМОТ

*В Харлово жизнь текла сама собой:
В ограде куры бегали гурьбой,
В сарае поросята подрастали,
Коровы непременно шли домой,
Как только тени в сумерки сплетались.*

*Там темнота казалась мне живой,
Клубился дымом пёс сторожевой,
Гремя то цепью, то железной чашкой,
Лениво слушая пустой собачий вой
И отвечая нехотя, с натяжкой.*

*Лилось в ведро парное молоко,
Топилась баня, в небе далеко
Алмазной сыпью звёзды проступали...
Вмещался мир в игольное ушко,
И были нам неведомы печали.*

*Ничего мне не оставляй,
Ни харловской клубники, ни
Краснощёковских дней в тени,
Ни Камышенки, ни Ини,
Даже заводи Чарыша –
Не хочу теперь ни шиша –*

*Даже хлесткий собачий лай
Забирай.*

*Над Вострухою зреет ночь,
Звёзды кучей малой горят –
Электрический виноград,
Так гирлянды клубком хранят –
Мне теперь туда нет пути,
Только гуще траве расти,
Невозможно чужое прочь
Превозмочь.*

*Не уймётся сердечный бой,
Я однажды вернусь, клянусь,
В эту чертополошью грусть,
С головой в неё окунусь.
Боже правый, помилуй нас,
И калитку в урочный час
Там на кладбище под горой
Приоткрой.*

*Смотрю в колодец – чёрную дыру,
Что стало с домом, с баней, по утру
С бельём развешанным, в надежде
на жару?
Осталось ли хоть что-то от сарая?*

Вернись со мной в тот невозможный год,
Где жив ещё наш чёрно-белый кот,
Где мы ещё не знаем, что нас ждёт,
Сморозину неспешно собирая.

Цикорий, мальвы, одуванчики –
Июль так щедр на цветы...
А где-то умирают мальчики
Необычайной красоты.
Не у прудов сидят нарциссами,
Вздыхая не о той любви,
А под дубами, кипарисами
В своей и не своей крови...
Мне очень-очень верить хочется,
Что, несмотря на гарь и дым,
Где перестрелок шум разносится,
И вой сирен неутомим,
Взамен предсмертной околесицы,
Кошмаров про войну и плен
Им снятся ласковые сверстницы
В летучих юбках до колен.
Не смерть в медсестринском халатике,
а жизнь, да кто там разберёт?
Глядят невинные солдатики
В цикориевый небосвод.

Как будто в больничной палате
Открытой оставили дверь,
И доктор в крахмальном халате
Прекрасно нам виден теперь:
С больным говорит между делом
И в карточку пишет слова,
Чтоб смерть его не разглядела,
Чтоб жизнь разглядела сперва.
И две эти странные гости
Стоят у врача за спиной,
И белый халат словно мостик
От этой вселенной до той.

Ложится снег, кругом бело,
Невинно, что венчаться впору.
Садится ночь на помело
И облетает мирный город.

Студенты в свете фонарей,
Как будто зарядившись током,
Изображают бунтарей
И наизусть читают Блока.

И снег скрипит, не зная зла,
Сжимаясь, съёживаясь, тая,
И вот не так уж и бела
Утоптанная мостовая.

Конечно, нужно о другом –
О важном, сумрачном, далеком,
Но снег кругом, и ночь кругом,
И так неловко перед Блоком.

Господи милостивый, ответь,
Ради чего я должна смотреть –
Мальчики младше меня на треть
Вместо любви изучают смерть.

Сложно ученье, но лёгок бой –
Падаешь навзничь, а над тобой
Ласточки прямо к передовой
Носят ведёрки с живой водой.

Пулю схлопочешь, а боли нет,
Только струится небесный свет,
И под твои двадцать с лишним лет –
Белой чертой самолётный след.

Так не бывает, я знаю, но
Как бы мне воду суметь в вино...
Можно желанье? Всего одно:
Пусть это будет не жизнь – кино.

Пусть расцветает весенний сад,
Мальчики едут домой назад,
Чтоб про орехи и виноград
Нам рассказать.
Не про этот ад.

Мёртвые птицы летают хвостом вперёд,
С жадностью кормят, а не едят червей.
Если такая птица откроет рот –
Не сомневайся, смерть у твоих дверей.
Чтобы от мёртвой птицы не знать беды,
Просто найди её спящую на земле,
Выкопай ямку, капни святой воды,
Брось ей ранеток и позабудь о зле.
Если же птица ночью придёт во сне,
Будет просить, мол, выкопай, обогрей,
Как же мне людям рассказывать о весне?
Не поддавайся, глупый, проснись скорей.

*Что это в воздухе после грозы?
В мокрой листве тополиной,
Потяжелевшей от влаги в разы,
Отзвуки песни старинной:*

*Будто над зыбкой, губу закусив,
В хрупком безмолвии комнат
Мама мурлычет знакомый мотив,
Слов не пытаюсь припомнить.*

*Страх потревожить дитя до поры
В тихом мычании тает.
Камушком катится солнце с горы
И в сосняке пропадает.*

*После грозы воздух пьётся легко,
Сердце в повадке звериной
Рвётся на звук далеко-далеко,
Будто ушедшее зримо.*

*На отколовшейся льдине кровати
В царстве Морфея дрейфуешь безмолвно,
Хочется бури, спокойно некстати,
Где они, сильные синие волны?*

*Где они, сонмы подводных чудовищ,
Алчущих крови искателей славы
Или затерянных в море сокровищ?
Нет ничего – только море и скалы.*

*Так вот и крутишься, будто в болезни,
Мысли тасуя под пологом ночи,
Сон так мучителен и бесполезен,
Но просыпаться не хочешь.*

*Вот город мой – под толстым слоем снега
Он крепко спит, ему не снятся сны.
Зима приходит в срок и непременно с неба,
Выбеливая до голубизны
Окрестные поля, дворы, проспекты,
крыши,
Карнизы, козырьки (продолжи этот ряд),
Цветами изо льда она на окна дышит –
Да будет сад!*

*А это я – дворами на троллейбус:
Искрится снег, дома стеной к стене.
Есенинское «успокойся и не требуй»
Сливовой косточкой пророчено во мне.
Прозрачная луна ещё скользит по краю,
Топчу чужих следов затейливый пунктир
И про себя как мантру повторяю:
«Да будет мир!»*

*Синебровый момот, синебровый момот –
Можжевельником имя его отдаёт.
В Мексиканских лесах беззаботно живёт,
Носит яркие перья волшебный момот.
Не слышал о войне и какой сейчас год,
Так беспечен, так чист длиннохвостый
момот.
Говорят, кто узрит этой птицы полёт,
никогда, никогда, никогда не умрёт.
Над моею страной вороньё третий год
Вьёт чернильные гнёзда и яйца несёт.
Существует ли он – синебровый момот –
Мне покоя которую ночь не даёт.*

**Ольга
ЕРЁМИНА**

НЕ СТРАШИМСЯ!*

Роман-хроника

30 мая 1609 года

Клементьевский лагерь

Люди Сапеги поймали беглеца из монастыря – застали его в селе Клементьевском, у сговорчивой бабы. Он клялся, что здешний, но взяли его, так как за зиму всех оставшихся клементаевских назубок выучили.

Сказывал крестьянин, что зовут его Иван Дмитриев, что дом его крайний к Московской дороге, что не вынес он осадного сидения. Поволокли к Сапеге на допрос.

Сапега сам дознавать не захотел – осточертело ему это сидение! Пусть палач работает. Даром, что ли, его кормят. А секретарь пишет.

И секретарь писал: «А дума и мысль у воевод, которые сидят в монастыре: кому Москва сдастся, тому и монастырь. А на вылазки не выходят часто потому, что все больны цингой... А воевода Алексей Голохвастов неможет: ноги у него отнялись цингою. А из дворян многие немогут, и стригутся в чернецы и помирают.

А из Москвы к ним в монастырь пришли два

* Окончание. Начало см. в №№ 3, 4

65

человека с грамотами в те поры, как поймали у них с грамотами московских ходоков Июдку Фёдорова с товарищами. А впредь к Москве хотят отпускать в те поры, как оденется лес...

А стрельцов ныне всего с двадцать, и те все немогут. А воинских детей боярских сто с два. А казаков, которые пришли с Сухим Останковым, и тех казаков осталось всего сорок, а те все померли.

А пороху и запасов всяких, сказывают: много, слышал у своей братии...

А на стене ж в ночи караул живёт...

А пришли в монастырь из села из Семенчина деревни Лодыгина три мужика. А вестей сказали, что к ним будет в монастырь помощь – сила из Суздаля, из Владимира, из Ярославля. Да монастырския же вотчины крестьяне из Туракова Тишка да из села Резанцова Тишка ж. А вести сказали те ж, что будет к ним сила из Суздаля, Володимера. Да про Лисовского сказали, что пошёл под Володимер.

А мор великий. На худой день хоронят человек пятьдесят, а на иной положат и сто. А лошади мрут же, потому что сена нет. А старых старцев осталось братьев с сорок, а те все померли».

ЕРЁМИНА Ольга Александровна родилась 17 марта 1970 в Ивановской области. Жила с родителями в Тольятти, затем в Калуге. Окончила факультет русского языка и литературы Калужского государственного педагогического института (КГПУ) имени К. Э. Циолковского. Российская писательница, поэт, филолог-литературовед, педагог-методист. Автор множества работ по литературоведению и методике преподавания русского языка и литературы в школе. Автор книги «Котёл Господень», соавтор книги «Александр Тихонов. Легенда мирового биатлона» (совместно с А. Тихоновым), соавтор (совместно с Н. Н. Смирновым) исторического романа «Сказание об Иргень» и биографии фантаста и ученого И. А. Ефремова. Автор-составитель и редактор книги «Переписка Ивана Антоновича Ефремова». Лауреат АБС-премии (2017). Живёт в Москве.

Сапега, слушая бубнёж своего секретаря, вдруг вспылал:

– Тот занемог, этот занемог! А сдаваться не хотят! Почему? На что они надеются? На обещания Шуйского? Брехун, каких мало. На врагов своих – шведов? На этого своего... как его... келаря?.. Ну не могут же они взаправду верить, что Святая Троица спустится с неба и навоз в хлебы превратит? Или Езус опавшие листья – в рыб? Как дети малые: Господь поможет! Никто не поможет, не спасёт... Ишь какие! В ночи караул на стенах живёт! Пёсьи куи, а не караул! Хамы!

Гетман не сдерживал поток брани, но подспудно понимал – он опускает себя, бранясь так перед секретарём. И одновременно думал: если вправду идёт помощь, если шведы соединятся с теми силами, которые вдруг (по словам гонцов Лисовского) объявились под Костромой, придётся ему, Сапеге, уходить ни с чем. Брать, брать эту кубышку, как только Лисовский вернётся, и прочь из этой подлой земли!

Троице-Сергиева обитель

К вечеру хлынул дождь. Похолодало. Митрию сильно хотелось спать. Он залез под тулуп, пытаюсь согреться, думал о Маше Брёховой, об усопшем Иринархе – с какой лаской тот смотрел на Машу! О родителях, ощущая, что почти забыл их: отец казался ему похожим на Рошу, а лицо матери расплывалось в его воспоминаниях в тёплое пятно. О сестре – она казалась теперь похожей на Машу-сироту.

Дождь не утихал всю ночь, шуршал по крыше, струился потоками по площадям, смывая под гору мусор и грязь. И в полусне привиделось Мите то, что узрел он однажды: стена в церкви, мастер только что разровнял на ней свежую штукатурку – и вот подходит знаменщик, самый главный человек в росписи фресковой, и тонкой острой палочкой – твёрдыми чёткими движениями, даже не задумываясь, будто наяву видит, – наносит на стену точные линии фигур, одежд, рук и ликов. Вот нимбы начертил! Дальше шли мастера, наносившие краску на одежды, руки и лики, но знаменщик – он связывал воедино пространство и рисунок, он будто проявлял то, что уже существовало, не видимое до поры обычным людям.

Так Митрий вдруг узрел: Троицкий монастырь на взгорке, с одной стороны Сапега с Лисовским стоят, а издали – но к Троице – неуклонно движутся двумя крылами сила из Новгорода и сила

из Костромы. Крестьяне же сказывали, что помощь идёт! Знаменщик прочертил – прямо к сердцу, и сердце это – Троица. Митрий, будто переселившись в Сапегу, понял: тот не отступит от стен, пока не возьмёт монастырь! Не крепость ему нужна, а богатства, в ней заключённые: золотые и серебряные сосуды с камнями, оклады иконные и книжные, раки с мощами.

Митя даже подскочил на своей постели: значит, предстоит новое сражение! То-то он замечал все последние дни, как всё более многолюдным становится лагерь Лисовского, как тянутся по подсыхающим дорогам телеги и бредёт уставшая пехота.

После заутрени не утерпел – сказал об этом Роше.

– Не глупее тебя будем, – прищурившись на солнце, ответил воевода.

Июнь 1609 года

Казаки атамана Останкова отправились купаться на пруд под охраной своих вооружённых товарищей. Круто ныряли в непрогретую воду, отфыркивались и принимались тереть свои тела пучками травы и веток, хохотали и по мужски подшучивали друг над другом, задирали хмуро сидевшего на коне Сухана:

– Атаман! Когда бабы купаться пойдут, нас в караул поставь!

Митрий увязался с казаками – баню не топили давно, берегли дрова, а мыться хотелось – страсть. Всё тело зудело и просило воды да венника. Застеснявшись, полез было в воду в портках, но казаки засмеяли:

– Глянь! Со своими портками расстаться не может, как наш Долгоруков с Мартышем! Скидай!

На поверхности вода была чуть тёпленькой, а в глубине – стужа: речка Кончура с родников начало берёт, из груди земной. Митя несколько раз окунулся с головой, поскрёб тело, как мочалом, собственным портами и, выскочив на берег, растянулся на траве, разложив рядом выжатую одежду.

В безоблачном небе журчали жаворонки. Зелень шелестела, поднимаясь вокруг стеной, и стена эта внезапно отгородила Митрия от боевой осени, морозной зимы и томительной смертной весны. Неужто это он бежал с саблей в руке, догоняя удиравших врагов? Неужто он рубил, и скакал, и мёрз, и грузил на сани умерших?

Да нет же, это лишь страшный сон.

Исчезли крики казаков, исчезло прошлое, исчез даже жаворонок над головой – остались только травы и небо, зелень и лазурь. И когда Митрий уже готов был, будто соль в воде, раствориться в небесной чаше, на разогретое тело вдруг брызнуло холодом.

Митрий с трудом открыл глаза: над ним высился Сухан:

– Вольно ж тебе мечтать! Знамо дело, व्यюноша. Подымайся, ваша очередь караулить.

Митя встал, показав красную худую спину с отпечатками трав, и быстро оделся.

Сухан с товарищами разболокся и с высоко-го берега – ласточкой – прямо в глубину.

Но нежился он недолго. На горе Волкуше поднялась пыль, показались всадники – пришлось выскакивать из воды и убираться в крепость.

На вылазки не отваживались: слишком мало оставалось стрельцов да казаков, крестьян да братии, чтобы рисковать людьми. Лишь суровая необходимость заставляла отправляться за дровами. 16 июня, когда травы в рост вошли, учинили вылазку за травой на Княжье поле – косили, и сгребали, и на возы метали все, не считаясь с чинами, лишь бы быстрее управиться. И после пытались выезжать, но с большой опаскою: врагов то становилось больше, то они вновь куда-то исчезали. Города вокруг жили своей жизнью: где-то впускали поляков, где-то били их и изгоняли, навлекая на себя карательные отряды; но в монастыре только смутно ощущали это брожение, сосредотачиваясь на своих внутренних потребностях: на необходимости есть, пить, кормить оставшуюся скотину и коней и вновь есть: вот же утроба человеческая – всё никак насытиться не может! Каждый день ей пищу подавай.

Митрий ликовал: Маша Брёхова согласилась прийти после вечерни в садик за царским дворцом. Садик сохранили: сама царевна-инокиня не дала рубить на дрова яблони. И теперь Митя никак не мог дожидаться конца службы, повторяя слова общей молитвы, но в душе молясь о другом: чтобы ничто не помешало Маше увидеться с ним.

И вот пришла.

Он уже прижимал её тёплое тело к себе, уже искал её губы, как рядом раздался треск ветки под ногой. Влюблённые замерли. Смолк соловей

за стеной. Шаги прозвучали совсем рядом – и некий человек скрылся за яблонями.

– Стой! – приказал Митрий Маше. Она испуганно замерла.

Митрий неслышно прокрался вслед за человеком, приткнувшись к яблоневому стволу – и услышал громкой шёпот. Человек влез в печуру подошвенного боя и говорил с кем-то – востовой различал отдельные польские слова:

– Йутро... армат... атак...

Мартьяш!

Кровь кинулась к голове, загрохотало сердце. Сапегин трубач кричал, что он не поляк, а венгр, клялся Долгорукому в верности, ругал Сапегу последними словами, рассказал обо всех планах поляков – и вот он оказался предателем! Вот что значит – пригреть на груди змею! Говорил Алексей Иванович – не верь перемёту! А Роща поверил – видно, уж очень хотел поверить. И вот теперь...

Сердце, казалось, стучало прямо в ушах. Митрий решил: он дождался, пока Мартьяш закончит разговор и отойдёт от стены, и напрыгнул на него со спины.

Трубач был сильным, сытым, но ярость придала Мите сил – и Мартьяш упал, споткнувшись в темноте.

– Братцы! – что есть мочи закричал Митя, – братцы, ко мне!

От Житничной башни и от Конюшенных ворот на шум уже бежали караульные. Мартьяш вывернулся, ударил Митрия в скулу, рванулся, но его тут же сбили с ног подоспевшие казаки.

Громко ругаясь, казаки повели Мартьяша к Долгорукову.

Трубач отпирался: дескать, натуру люблю, соловья слушал! Но под огненными пытками признался: хотел у пушек забить запалы, а порох прижечь, и на стены впустить панов – орудия повредить, а прочим указал срок приступа.

Долгоруков зубами скрежетал с досады: он ведь оказался легковым, врага возле сердца держал! Видать, прав был Голохвастый. Верить нельзя никому! Только самому себе. Каждый шаг – в бездну. Господи, когда же конец мучениям?!

На другой вечер Митрий, едва пришед в царевнин сад, заметил светлое платье Маши – она бросилась ему на шею, плача и часто целуя его щёки:

– Милый! Митенька! Как же так?

Платок сполз с её головы, и Митя тихо гладил волосы, бездумно повторяя:

– Ну что ты, что ты...

А соловей за крепостной стеной пел без устали. И душистая ночь сладкой волной разливалась по лесам и лугам.

Торопец

Воевода князь Михаил Васильевич Скопин со шведским войском в 15 тысяч человек, собрав 3 тысячи новгородцев, двинулся из Новгорода на Москву. Чтобы поляки во главе с паном Кернозицким, стоявшие в Русе, не ударили сбоку, он послал на южный берег Ильмень-озера отряд панцирной пехоты подполковника Эверета Горна и дворянскую конницу во главе с воеводой Фёдором Чулковым. Кернозицкий не стал ввязываться в бой и отступил из Русы к Торопцу: там была деревянная крепость.

27 июня под Торопцем Горн и Чулков нагнали пана. Его гусары и казаки словно в страшном сне увидели панцирную пехоту, как нож в масло врезающуюся в сборное воинство, дрогнули и побежали вслед за Кернозицким к стенам Нёби-на монастыря. Однако там они ненадолго задержались, побросали пушки и поскакали прочь по единственной дороге, что вела на мост через речку Торопу, меж озёр – и в гору.

Торопчане с поклоном вышли встречать дворянина Фёдора Чулкова. Сказывали, что силой были приведены к присяге Тушинскому вору, и сразу отложились от царька. В соседние Холм, Зубцов, Невель, Осташков, Ржев и Старицу поспешили гонцы с вестью о победе.

Добрались гонцы и до Торжка, куда медленно двигался Скопин-Шуйский.

Молодой полководец не чувствовал уверенности в войске, которое оказалось под его рукой. Он надеялся на регулярные обученные полки. Но шведский король схитрил: хорошее войско ему нужно было самому – воевать с Польшей за Ливонию. И в Московию он послал ландскнехтов, которых его вербовщики насобирали по всей Европе: тут были и финны, и шотландцы, и англичане, и французы, и голландцы, и немцы всех мастей. Друг с другом они общались на ужасающей смеси языков. Горстка шведских офицеров на эту ораву – как долго она сможет удерживать дисциплину? Полки генерала Горна и полковника Зомме – безусловно, надёжны. Но природных шведов среди всего сброда едва ли одна пятая часть.

Командовал корпусом генерал Якоб Понтуссон Делагарди, которого русские звали Пунтусом. Был он босорыл, над крупным подбородком и алыми губами загибались вверх пшеничные усы, тянулись к гладко выбритым щекам. Длинный, утолщённый книзу нос нависал над усами. Большие карие глаза под короткими бровями казались бесстыжими. Даже на походе носил он отложной кружевной воротник на камзоле, золочёный пояс и шпагу с золочёным эфесом.

Торжок

Молод был лихой полковник Александр Зборовский, молод и горяч. Однажды он сам своей рукой поворотил историю, когда схватил под уздечку коня, вёзшего в Польшу карету Марины Мнишек, и привёз царицу в Тушинский лагерь. Красив, наряден и отважен полковник.

Только что разбил он старицкое ополчение, посад ограбил, замок сжёг.

И вот скачет он вместе с князем Григорием Шаховским во главе трёх тысяч воинов, чтобы повернуть историю вновь – перехватить шведско-русский авангард под командованием Головина и Эверта Горна под Торжком. Успеть бы взять город! Тогда дело в шляпе.

Но Торжок, оказывается, неожиданно сложно взять: население обширного посада сбежалось в крепость, что стоит на крутом холме, со всех сторон окружённом рекой, оврагами и рвом; столь круты откосы, что никакая конница и близко не подойдёт. Да и пушки у русских имеются – овраги и посад под прицелом.

Зажечь город удалось – но пожар быстро потушили.

Разведка доносит, что авангард противника уже близко. Пехота на лёгких судах по Тверце сплавляется, конница берегом идёт.

Супротив крепости, на другом высоком берегу – поле. Там построил пан Зборовский свои силы: три тысячи поляков против двух тысяч русских и шведов. Началась битва.

Три роты тяжёлой панцирной конницы двинулись одновременно – кто устоит против такой силы?

Генерал Горн поставил наёмников глубокой фалангой, длинные копья, упёршиеся в землю, сдержали конный натиск. А затем фаланга начала медленно продвигаться вперёд.

Но на фланге беда! Третья польская рота сумела смять лёгкую русскую и шведскую конницу. Завязалась отчаянная рубка.

И тут на поле появился отряд торжокского воеводы Корнилы Чеглокова: не должен молодой воевода сидеть в крепости, когда кипит бой!

Тут заспорили Шаховской и Зборовский. Князь велел трубить отступление, а полковник рвался в бой. Но разум был на стороне Шаховского, и Зборовский скрипя зубами протрубил отход.

Пришлось убегать к Твери, чтобы там соединиться с большими силами и не дать русским и наёмным шведам переправиться через Волгу.

К Торжку подтянулось всё войско Скопина-Шуйского. Воеводы обсуждали первое столкновение с поляками. Оказалось, глубокое построение и длинные мощные копыя – дело нужное! Нам бы тоже такой строй учинить! Всем воеводам – и Пунтусу, и Горну, и Валуеву – было не более тридцати лет. Скопину ещё двадцати четырёх не исполнилось! Все были молоды, храбры и решительны.

Правда, русских сил в войске оказалось мало. Но тут к Торжку подошёл князь Яков Бярятинский с трёхтысячным отрядом смоленского ополчения – воевода Смоленска боярин Михаил Борисович Шеин хорошо понимал, где сейчас решается судьба русской земли, и прислал людей опытных, отлично знающих, что такое воевать с поляком.

Ипатьевский монастырь

Жеребцов стоял перед крестьянами, которых казаки строили по-военному, в линию. Крестьяне вроде бы строились, но тут же незаметно разбивали порядок, перемещались, располагались как-то вразброд. Они были недовольны тем, что их согнали сюда, и поглядывали на берег Костромы, где стояли их челны.

– Братья! – голос воеводы покрыл гул голов. Стало тихо. – Братья! Ныне время покоса. А вас свели сюда. Здесь, в Ипацком монастыре, засели воровские люди. С ними вор воевода Вельяминов. Не этот ли Вельяминов по весне полтора года костромских семейств в Волге утопил? Не он ли город ограбил?

Народ загудел, соглашаясь.

– На том берегу, – Жеребцов указал на высокий правый берег Волги, – вновь Лисовский стоит, на нашу сторону перелезть ищет. Не он ли Галич дотла сжёг, жён и детей живота лишил? Ныне он Кинешму разорил, город в пепел обратил, Решму потоптал и пожёг, на подмогу Вельяминову прикатил. Знаю, косить пора! Но ежели

мы воровское яйцо в гнезде не раздавим, вылупится стервятник, наши гнёзда разорит – ни двора, ни сена не останется.

Крестьяне закачались, переминаясь с ноги на ногу. Многие кивали, понимая.

– Чаво надоть? Ты дело говори! – выкрикнул один, в рубахе с расшитым воротом, в новых лаптях и чистых онучах. На него обернулись.

– Копать надо! Для того и велел заступы взять. С косьбой бабы управятся.

Как мягкая глина, поддавалась толпа. Уже разбивали её сотники, ставили десятских, и по набитым колышкам начинали копать землю.

Давыд Васильевич решил обвести осадным рвом всю обитель. Крестьяне, поняв задачу, копали без устали – землю кидали в сторону монастыря, образуя вал, который предохранял их же от пальбы со стен.

В первый день со стен в копающих палили часто, ранили двух кретьян. Сибирские казаки отстреливались. Но на второй день палить стало бессмысленно: вал сберегал копающих от пуль. А стрелять из пушек в монастыре не спешили – запас пороха им не восполнить. Берегли.

Люди Строганова признали, где собран наготовленный лес, вызвались поплыть вверх по Костроме, пригнать тот лес да построить надолбы. В три дня обернулись. Надолбы учинили меж валом и монастырём, к ним узкие ходы прорыли зигзагами, и стрелами стреляли, и палили из укрытия по врагам на стенах.

Воевода Никита Дмитриевич Вельяминов, старый знакомец Жеребцова, был не промах. За монастырские стены он свёз всё добро, взятое с убитых семейств, костромскую казну и запасы муки и овса, мяса вяленого да рыбы. Ему надолго хватит. Измором не возьмёшь. Приступом – людей потеряем много, а ныне каждый умелый воин на счету. Остаётся одно – благословлять щедрость Строгановых, приславших порошу столько, что не одну, а все стены монастырские подорвать хватит.

Из осадного рва повели три подкопа – да не прямо, а коленцами. В который зелье заложат – про то Жеребцов не сказывал никому. Ежели который враги с помощью слухов обнаружат, так время не пропадёт.

Старшим над всеми поставил вернувшегося со своей ватагой архангелогородца Груздя.

Пока копали, воевода велел казакам сказывать его больным. Сам же, взяв десяток самых верных туруханских охотников да груз малый, но

тяжёлый, на двух лёгких стругах вёслами победил вверх по Волге. Шесть сотен вёрст – это ли расстояние? Гребли бесперебойно, а в ветер и парус ставили. В десять дней до Твери добежали.

Июль 1609 года

Троице-Сергиева обитель

Ласточки носились над Троицкой обителью – ловили мошек, стремительно пролетали мимо своих гнёзд, на миг задерживались, цепляясь лапками за край гнезда, где разевали розовые рты, окаймлённые жёлтыми полосками клювов, прожорливые птенцы. Совали в очередной клюв мошку – и тут же мчались на свою летнюю охоту. И не было им дела до того, что затевается вокруг крепостных стен.

Симеон подолгу следил за ласточками. Скоро уж выпорхнут из гнёзд птенцы, станет их в небе несметно – и начнут хороводы в воздухе водить. И невдомёк им, птицам Божиим, что на земле сумятица творится.

Крестьяне подмонастырские, что в начале осады стояли наособицу – каждая деревня своим станом, – теперь перемешались, сбились в кучу. Да немного их и осталось. Бабы обстирывали порой не своих мужей, а тех, кто жив остался. Стрельцов государевых да казаков и так было меньше, чем крестьян, а теперь и вовсе мало стало.

Зато вокруг Троицы народу с каждым днём всё прибывало. Ляхи, литва, казаки, комаринцы, севрюки, донцы, московские изменники – кого только не было! Этот разношёрстный сброд занял все уцелевшие избы, все шатры и шалаши. На дорогах усилились заставы, вновь появились разобранные было бревенчатые туры. В лагере лисовчиков и на Княжьем поле стучали топоры – там строили осадные лестницы, проломные ступы и щиты. На Красную гору привезли откуда-то огромную пушку – теперь её голодное жерло смотрело на Троицкий собор.

Вновь осаждённым стало невозможно выйти за ворота. Хорошо хоть – травы успели по ложкам накосить, кони да оставшиеся коровы не голодали.

В монастыре готовились отразить новый приступ. Языки рассказывали о бое на Ходынском поле. Выходило, что Роман Ружинский гуляй-город взял и пехоту побил, но князь Василий Фёдорович Мосальский в бок ему конницу по-

спал и до реки погнал. И несдобровать бы Ружинскому, коли б не атаман Иван Заруцкий со своими казаками. Они Москву из ружей остановили. Теперь Ружинский на Заруцкого зол.

Это хорошо, думал Долгоруков. Враги меж собой враждуют – нам на благо. А мы к приступу готовимся.

Стрельцы и казаки расчищали подошвенные бойницы. Монахи расковыряли мостовую, тащили камни на стены. Повыгребли из очагов всю золу, ссыпали в плетёные корзины – расставили эти корзины с совками по всем стенам, сколько хватило. Бабы в ступах толкли известь, по кошёлкам сыпали, разносили на башни. Из всех погребов, откуда возможно, выкатывали порошковые бочки, тащили на стены. Пара золотарей особыми ковшами на длинных ручках черпала из нужников испражнения, лила в ведра. Эти ведра выливали в расставленные равномерно бочки. Доламывали то, что можно было ещё сломать, – готовили дрова, чтобы кипятить воду, вар смешивать с калом и поливать врагов.

Опасаясь лазутчиков, тщательно караулили оставшийся порох.

Митрий бегал с утра до ночи, разнося распоряжения.

Алексей Иванович Голохвастый горевал от бессилия: он занемог сильнее прежнего, ноги не держали, в погожие дни его постель выносили на улицу, на солнце – не терпел он больше полумрака келейного. К нему, лежащему, подходили оставшиеся из его отряда казаки, беседовали с ним.

Взяв на вылазке языков, расспросив их, толковали в обители о том, что Скопин движется от Новгорода, что в Костроме Жеребцов осаждают Ипатьевский монастырь, и гадали: как-то дальше дело повернётся? Пока отряды царька не ввязались в битвы со Скопиным и Жеребцовым, спешат они, вороги, захватить монастырь: как бельмо на глазу, не даёт он латынцам покою.

Долгоруков совещался с Голохвастым, как расставить людей, коих не осталось и трети от осеннего. Порешили: старшину Ивана Ходырева поставить на Красных воротах, да с ним стал бы конюшенной старец Офонасий Ощерин; Сухана Останкова на стену промежду Конюшенных ворот и Солёных башни, да с ним правого крылоса головщика Паисея Литвинова. От башни Водяных ворот до погреба поставить сотника Микулу Волжинского, да с ним левого крылоса головщик Гурей Шишкин.

– То вы на крылосах пели, а ныне вся обитель – ваша церковь. На Конюшенных воротах запоят «Слава тебе, Боже!», так на Водяных откликнутся «Алилуйя!» – благословляя певчих, ласково говорил Иоасаф.

Игумен исхудал, резкие морщины прошли по щекам сверху вниз, и лик его стал суров и милостив одновременно, как лик на иконе Преподобного Сергия.

Сына своего Роща поставил на утлом месте стены между Конюшенными воротами и Житничной башней, а сам определил себе место на утлой же стене у Пивного двора. Огорчился, что нет сил и людей расчистить и углубить рвы вдоль стены со стороны Служней слободы, выкопанные поздней осенью. Да и не пускали враги в рвы.

Седьмого июля вновь, как осенью перед приступом, в станах Сапеги и Лисовского трубили в трубы. Великий шум стоял до полудня. Позже появились литовские люди верхами, скакали вокруг города, махали саблями. Иные расчищали места, устанавливали пушки и пищали. К вечеру вновь задудели, понеслись по окрестным полям, размахивая знамёнами. Некоторые, гарцуя, подъезжали под самые ворота, хвастали тем, что сожгли города многие. Казаки атамана Останкова особенно забористо бранились в ответ – хотелось выманить врагов на разговор, побольше узнать о том, что происходит на земле русской.

Тёплый летний день угасал. На заре пал туман, зажглись на горах вокруг монастыря костры, стало тихо.

Сильно пахло свежим дёгтем: изготовившиеся к бою намазали шеи да щёки, дабы не зажрали комары. Запах нужников висел над всеми стенами – ничего, приговаривали осаждённые, дождь – он всё смоеет. Лишь бы выстоять.

Мужчины и женщины, расставленные по пряслам, молчали. Только от Конюшенных ворот вдруг донёсся хохот. Там жёг-приплясывал Гаранька-каменотёс:

– И возговорят тогда монаси: а как мы от осады отстанем, так на пuste жить не станем, и в анбаре простору прибавим: рожь да ячмень в солоды обрастим да пива наварим, бражки нацедим, вина накупим. Учнём крестьянам наряжать колокола отвязать, да велим на торг провожать да на вино променять! А как мы строгого архимандрита избудем да доброго добудем, который горазд лёжа вино и пиво пить, а к церкви бы по-

реже ходил да нас бы, богомольцев, почаще на погреб посылал, так мы учнём радеть, а ему, архимандриту, добра хотеть!

Казаки отирали слёзы, выступившие от смеха:

– Вот потеха!

– Жарь ещё, рыжий!

Гаранька, в посконной рубахе, с бердышом в руке, сверкая жёлтым глазом, продолжал, приотпывая правой ногой:

– Да он же, архимандрит, нам, богомольцам, изгону чинит: когда ясти прикажет, а на стол поставят репу пареную да редьку вяленую, кисель да посконная каша на вязовой ложке, шти мартовские, а в братины квас наливают да на стол поставляют. Вот нам, богомольцам, несладко: шти да хрен, да чашник Ефрем. По нашему бы слову архимандрит ходил, так лучше бы для постных дней вязига да икра, белая рыбица тельная да две паровые, да ушка стерляжья, да трои бы пироги, да двои блины: одне бы с маслом, а другие с мёдом, да пшонная бы каша и кисель с патокою, да пиво бы мартовское, да перевраной бы мёд.

– Ишь губу-то раскатали! – рыкнул атаман Сухой Останков. Но беззлобно: в голосе смех слышался. – Гаранька, где твоё место?

– Здесь! – звонко, с дурашливой готовностью ответил парень.

– Здесь... – проворчал Сухой. – Ты один стоять должен, а народу тьму округ себя собрал.

– Дак я ж их не сгонял, сами они...

– По местам разоидись!

Казаки, ухмыляясь, расходились, приговаривая:

– Уха стерляжья да ляжка говяжья... Дожить бы!

Неслышно текло время. Вот в летнем небе зажглись неясные звёзды, лишь на севере светлая полоса тлела, не исчезая, а приступа всё не было. Внезапно стало явно: сумерки живут, шевелятся, движутся. Это в полном молчании, аки аспиды, подползали к стенам окаянные, таща с собой рубленные щиты, лестницы, туры да проломные ступы.

Маша Брёхова стояла рядом с Митрием на Пивном дворе, недалеко от воеводы. Она взяла милого за руку, сжала крепко:

– Митя, мне страшно.

У вестового у самого от томительного ожидания холодело под сердцем, но он крепко обнял девушку за плечи, сказал ласково:

– Не бойся, родная! Господь с нами.

В этот миг зажглись огни на Волкуше и Красной горе, громыхнули разом орудия – свист и гром раздался, содрогнулись стены и башни. Содрогнулись, но не обрушились.

В ответ донеслось согласное пение: это Иоасаф и все немощные собрались в Троицком соборе на молитву, вознося голоса свои к преподобным чудотворцам Сергию и Никону.

Криками, воплями отозвалось вокруг: множество врагов устремилось на обитель со всех сторон. Укрываясь щитами, тащили лестницы и стенобитные приспособления.

Из подошвенных бойниц били пушки и пищали, из щелей кололи копьями и тыкали палками, не давая приставлять лестницы, со стен метали камни, лили вар с нечистотами, сыпали золу.

Маша, увидев перед собой оскаленную харю, сначала отшатнулась, но от крика Митрия очнулась: захватила совком золу и, улучив мгновение, швырнула золу прямо в харю. Завыло, закричало за стеной. Страх прошёл, и Маша даже своими руками толкнула приставленную к стене лестницу. Та оказалась тяжёлой – лишь пошевелилась. Митрий пришёл на помощь, упёрся в перекладину бердышом, с силой толкнул. Маша сражалась. Когда же кончилась под рукой зола, сыпала из весть в скверные глаза озверевших врагов.

И как раз у Пивного двора додрались воры к острожку, что пригорожен у колодезя для воды, и зажгли сруб отводной башни, и прислонили уже лестницы.

Полоса зари, перетекая по небосклону, сдвинулась на восток и расширилась. В предрассветном мареве увидели от Водяной башни головщик Гурей Шишкин и сотник Микула Волжинский, что вот-вот перелезут враги на стены, и кинулись с города на Пивной двор. За Гурием побежал монастырский служка Гриша Рязанов, а с Микулою немногие стрельцы да два казака Сухово приказу.

Дружно ударили, и воров от острога отбили, и огонь залили. Митрий, достав саблю, за Микулой Волжинским бросился вслед убегающим врагам и уже занёс руку, чтобы рубить, как услышал крик:

– Смилуйся!

Длиннобородый мужик в тегиле кинулся на колени, вздевая руки:

– Пощади!

В запале Митрий проскочил мимо, и мужика того погнали в город подоспевшие стрельцы.

На всех стенах битва кипела. Лишь когда солнце раскалило землю, тогда изнемогли бьющиеся – и откатились назад нападавшие, а монастырские помчали всугон – и тридцать пленных взяли – панов и русских изменников. Коих догнали, коих, не могущих вылезти, из рвов достали. Сами же все отошли здоровыми, втащив щиты, лестницы и прочее годное.

И была в обители радость великая. И воссылал Иоасаф хвалы всецедрому милостивому Богу и Пресвятой Богородице.

Пленных к ручным жерновам приставили, и работали они на братию и на всё воинство троичское до конца осады, до ухода окаянных.

Вечером в царском саду, где уже не слышно было соловья, но крепко пахло смородиновым листом, плакала Маша, упав грудью на землю, дрожала от нагнавшего её страха. Рядом на коленах стоял удивлённый Митя и растерянно приговаривал:

– Ну что ты, ведь всё прошло, кончилось. Уже победили!

– Да-а, – рыдала Маша, – у него рожа свирепая! Так на меня и смотрит!

Из-за деревьев слышались шаги – на плач пришла царевнина сенная девушка Соломонида Ржевская.

Митрий проговорил, поводя плечами:

– Дела... Весь день не плакала – а тут слёзы.

– А ты что? – скороговоркой спросила Соломонида.

– Я вот утешаю...

– Ну и дурак! – коротко бросила она. Обняла плечи Маши, запела: – Идём, матушка, домой, водицы попьёшь, умоешься. Страсть – она ить догоняет, во тьме настигает. Идём, милая.

Наутро зашумел по стенам ливень, смывая кровь и нечистоты, готовя мир к новой битве.

Роспись переславцев, бывших на приступе под Троице-Сергиевым монастырем с гетманом Сапегою

Дворяне и дети боярские:

Матвей Иванов сын Болшева, убит.

Таир Редриков, ранен из пищали в голову.

Томило Андреев сын Егосов, голова у него с города прошиблена камнем.

Богдан Замятнин сын Айгустов, правая рука расшиблена камнем.

Офонасий Тимофеев сын Винков, голова у него с города прошиблена каменею.

Григорий Елизарьев сын Ананьин, ранен из затинной в правую ногу.

Охотники:

Прокофей Жуков, ранен из самопала по голове вскользь.

Савелий Жуков, ранен из самопала в правую ногу да в руку.

Немчин Кашпир Липа, ранен из самопала по лицу и по носу ко правой стороне.

Никитцкого монастыря служка Салтан Третьяков, ранен из пищали.

Служка ж Иванка Федоров сын Шелохов, убит до смерти.

Того ж Никитцкого монастыря четыре человека крестьян ранены, а пять человек крестьян убиты до смерти.

Даниловского монастыря вотчины, что в Переславле, села Самарова да деревни Загорья да деревни Кичибухина убито пятнадцать человек крестьян.

Да Федоровского монастыря вотчины Слободки убито пять человек крестьян.

Пречистой Богородицы Горицкого монастыря вотчины села Веслева с деревнями убито десять человек крестьян.

Села Осурова с деревнями убито крестьян два человека, а третий ранен.

Дворяне и дети боярские, которые у приступа были и служили явственно:

Литвин Михаилло Михайлов сын Радышевский.

Осип Булатов сын Измайлов.

Ондрей Петров сын Трусов.

Василий Колесов.

Володимер Савлуков.

Степан Кучин.

Степан Семенов сын Зайцов.

Ондрей Семенов сын Григорьев.

Максим Дементьев сын Редриков.

Дмитрей Богданов сын Редриков.

Иван Козодавлев.

Иван Родивонов.

Борис Замятнин сын Родивонов.

Василий Григорьев сын Кулешин.

Богдан Яковлев сын Володков.

Первой Иванов сын Бекетов.

Крик да Нечай да Докучай Петровы дети Княжна.

Дружина Юрьев сын Татаринов.

Улан Татаринов.

Дмитрей Михайлов сын Остафьев.

Кирилл Семенов сын Протопопов.

Тверь

Пан Александр Зборовский не тянул время: он был действительно уверен, что Пунтус Делагарди согласится перейти на сторону блестящих сторонников царя Димитрия. К тому же и поляки, и шведы – католики, и почему бы ревностным католикам не объединиться против еретиков, именующих себя православными?

Поляков, отошедших от Торжка к Твери, вместе с остатками отряда Кернозицкого оказалось около пяти тысяч. У Скопина-Шуйского было почти вдвое больше: полторы сотни новгородских, да три тысячи смоленские во главе с Яковом Барятинским, да наёмники. Ну, мужицкое ополчение можно не считать, воевать против гусар могут лишь гусары. Но Пунтус может представлять опасность.

Дудели трубы, развевались вымпелы, строились полки, и в атаку на нелепых необученных мужиков заходила одетая в латы конница! Так видел сражение под Тверью Зборовский.

До города оставалось около десяти вёрст.

11 июля на ровном поле, засеянном овсом, полки построились. Блестели железные, с загнутыми вверх краями шапки наёмников.

Конница приготовилась к атаке – и вдруг шведские полки раздались, обнаружив несколько пушек, и дружный залп встретил сорвавшуюся с места конницу. Ядро попало в коня Зборовского, конь упал, придавив всадника. Откуда ни возьмись – сбоку, из лесочка, вихрем налетели лёгкие смоленские всадники, промчались, заходя в тыл, и один успел достать пикой лежащего Зборовского. Задел серьёзно, и ежели бы не сила и молодость пана, полетела б его душа к Господу.

Чему быть? Не вем.

Только налетела с запада чёрная туча, вихрь взметнулся на дороге, затрещали, переламываясь, сосны на холме, пахнуло крапивой, и первые крупные капли упали в тёплую пыль. День обратился в ночь.

Вслед за ветровалом разверзлись хляби небесные, гром гремел, сверкало так, что православные не успевали креститься.

Битва рассыпалась. Воины разбежались, прятавшись кто куда.

Буря утихла нескоро, но до самого полудня следующего дня поливал землю ровный серый

дождь. Пан Александр Зборовский стонал в своём шатре. Воинство его смешалось.

В этот день и добрался до Скопина Жеребцов.

Скопин и шведские командиры не стали ожидать, пока люди Зборовского оправятся: 13 июля на рассвете ударили по полякам, смяли их ряды – тушинцы, не ввязываясь в упорную схватку, подхватив своего командира, спешно отступили за городскую стену Твери.

Решающую роль в сражении, на удивление Жеребцова, сыграли выборные полки новгородцев, которые уже три месяца обучал швед Кристиер Зомме. Маленького роста, узколицый, с серо-голубыми глазами, с тремя глубокими морщинами через весь лоб, с рыжеватой короткой бородкой и рыжими бровями, он был не похож на других шведов – рослых, светловолосых, крупнолицых, с сильными челюстями и глубоко посаженными глазами под прямыми бровями. Ум и смекалка светились у него во взоре.

Полковник быстро освоил азы русского языка, офицеры и пикинёры его полка показывали, что надо делать, он сам чертил углём по доске, и русские старшины его понимали – и умели донести до стрельцов, что от них требуется. Вооружённые пиками, они действовали слаженно и чётко.

Михаил Васильевич Скопин помнил Жеребцова с детства – воевода часто бывал на Москве. Перед отбытием в Туруханск Давыд Васильевич надолго задержался в столице, тщательно оговаривал посылку припасов и порохового зелья в края сибирские. Тогда Скопин уже ходил в бой на сторонников первого лжецаревича, знал запах крови и вкус битвы.

Молод, молод князь-воевода. По знатности его стяги впереди. По опыту – Давыд Васильевич старший.

Жеребцов в схватку не лез и своих охотников не пускал. После битвы явился к Михаилу Васильевичу, вызвал его на берег Волги – дабы ни за каким пологом длинные уши не спрятались. Тут и признался, что привёз из Сольвычегодска по просьбе Строгановых серебро для расплаты с наёмниками.

– Неужто? – выдохнул Скопин – и крепко обнял старшего товарища. – Спас ты меня, Давыд Васильевич, выручил! Теперь повоюем!

– Так-то оно так. Однако Акир Премудрый рек: не рожон – не сын, не окуплен – не холоп, не вскормя – ворога не видать, – внезапно помрачнев, сказал воевода.

– Ты это к чему, Давыд Васильевич? – князь развеселился и не хотел понимать Жеребцова.

– К тому, что никогда шведы не были нам товарищами. Вечный бой с ними. Не на них бы эти деньги пустить, а своих людей одеть-обуть, оружие им доставить. Плохи дела на Руси – татары крымские вновь на нашу землю лезут. Сказывают – уже к Серпухову пробираются. Сёла огнём сжигают, народ в полон тащат.

– Что ты, что ты! – Скопин был горд победой и не хотел слышать о беде, – видел, как бились шведы нонеча?! Аки воины Цезарева.

Жеребцов склонил голову, сказал коротко:

– Я своё послушание выполнил.

Позже, в шатре, совещались втроем с Пунтусом. Победа над Зборовским была неполной – из Тверской крепости тот мог наносить урон Скопину и союзникам, но переправе через Волгу он уже не мог помешать. Договорились действовать сообща: Скопин со шведами возьмёт Тверь, переправится и двинется на судах и конно вниз по Волге. Жеребцов птицей долетит до Костромы, возьмёт Ипатьевский монастырь и повернёт со своим ополчением вверх по Волге на соединение со Скопиным.

Встретиться условились на середине пути, в Никольском Калязинском монастыре. Место окружено болотами, дорога одна – со стороны Углича, её перенять легко. От поляков безопасно. Соединившись же, идти на Троицу да на Москву.

Едва уговорившись, Давыд Васильевич ринулся назад, в Кострому.

Ипатьевский монастырь

Груздь встретил Жеребцова радостно – Лисовский от Костромы ушёл, вокруг монастыря протянулся широкий ров и внушительный вал, подземные ходы довели до самых стен. Один подкоп люди Вельяминова услышали, встречный из башни прокопали и ход обрушили. О двух иных не ведают. Ходы неглубокие, узкие – вода близко. Глубоко поведёшь – затопит.

Крестьян Груздь распустил, заплатив серебром, как оговорено.

Строгановы ещё припасу прислали. Только вот одно тревожит: не додумали мы! Ежели ход прямой, то те, кто пойдёт вервь запалить, убежать успеют. А мы ходы коленом повели, так из крепости их обнаружить труднее, но ведь и убежать не удастся!

Закручинился Давыд Васильевич: ведь и правда, не додумали! Как же быть-то? А долго

возиться с Ипатьевским уже нельзя: надо спешить под Калязин.

На чужой роток не накинешь платок – об этой беде в войске толковали уже все: и казаки, и стрельцы, и ополченцы. Когда Жеребцов проходил мимо, замолкали вопросительно.

Пора, пора было взрывать стену. Но Давыд Васильевич медлил: немало смертей видел он на своём веку, но всегда, отдавая приказ, надеялся он, что человек останется жив. А теперь приказ означал верную гибель.

На третий день после обедни в избу на монастырском посаде, где стоял воевода, явились два костромских служилых человека – Костюша Мезенцев и Николай Костыгин: тёмные волосы, рано поседевшие бороды, горящие глаза, чистые рубахи. Перекрестились истово в сумраке избы на Спасов лик. В пояс поклонились воеводе. За ними следом вступил священник церкви Собора Пресвятой Богородицы с храмовой иконой в руках.

Николай Костыгин коротко сказал:

– Мы подождём вервь огненную.

– Исповедались и причастились еси, готовы мученические венцы принять! – торжественно молвил священник.

– Что ти принесём, Мать Божия? Ты, Мати, Сына своего принесла в жертву! Неужто мы той жертвы недостойны будем? – тихо произнёс Костюша.

Жеребцов перекрестился:

– Господи, прости грехи наши!

Обнял служилых, крепко сжал.

– Быть посему! Ночью приступ! – приказал: – Позвать сотских старшин!

И ахнул взрыв, распалась, рассыпалась северная стена, покосились надвратные церкви, трещины пошли по стенам величественного Троицкого собора. Рванулись в светлое небо души православных – Костюши Мезенцева и Николая Костыгина – рванулись и растаяли.

Двинулись на приступ стрельцы да казаки, служилые люди да крестьяне. Не устояли изменники, сдались Жеребцову.

Как закончился бой, настало время оглядеться. Прибывшие издалека бродили по обители, роняя шапки, дивясь величию Троицкого собора и богатому убранству его – годуновскому данью. Три каменных храма, каменная звонница и кельи, даже гробовые палаты каменны – не многие прежде видали такое богатство. Особен-

но удивляли золотые ворота – травление по меди. Иные щупали, нимбы святых пальцами тёрли – не стиралось золото. Вот мастера искусные!

Ипатьевский монастырь – годуновское гнездо. Дмитрий Иванович Годунов, постельничий Ивана Васильевича, дядя царя Бориса – ныне как инок Дионисий покоится в любимой своей обители.

Давыд Васильевич Жеребцов знал когда-то боярина Годунова – но тогда и близко к нему подойти было нельзя, а ныне вот стоит он подле его могилы – и дума одна: все прахом будем. Скоро ли упокоиться придётся? И где? Найдёт ли вдова могилу? Долго молился в тишине. Под безмолвными сводами усыпальницы разгладились морщины воеводы, и на загорелом лице, над переносицей, заметны стали две белые вертикальные полосы на лбу – как брови в напряжении сводил, так и загорело.

Мангазейский воевода не засиделся в монастыре. Через день, приняв костромичей в своё ополчение, двинулся он на Калязин.

Путь на Калязин

Пунтус Делагарди попытался было приступить взять Тверской кремль, где засели паны, но вскоре стало ясно, что нет смысла терять людей, штурмывая крепкие стены. Главная задача – соединиться с Жеребцовым. Летучие отряды, посланные на правый берег Волги, сообщили, что из Тушина и из-под Троицкого монастыря навстречу Скопину посланы сильные отряды.

Оставаясь на левом берегу, конница с опаской двинулась вдоль Волги; для пехоты изыскали суда – Скопин платил чистой монетой.

На первой же ночёвке к Пунтусу явился командир финского отряда и заявил, что его люди устали. Что русская земля слишком велика. Что они хотят получить жалованье вперёд.

Делагарди знал, что серебро у Скопина есть, и они уговорились, что войско получит сполна, когда прибудет в Калязин.

Но финны требовали сейчас.

Якоб Понтуссон был дипломатом, он сумел уговорить командира финнов продолжать путь.

Волга быстро несла лоды и дощаники, и это испугало не только финнов, но и французский, и немецкий отряды. Уже на второй день два последних неожиданно причалили к берегу и пальнули из мушкета в воздух, обращая на себя внимание. Оба отряда высадились на берег. Иные, заинтересованные происходящим, тоже приста-

вали. Движение каравана остановилось. Пехота волновалась, не понимая, что происходит.

Представители французских мушкетёров и немецких алебардистов отправились на холм, где ждал объяснения Делагарди. Он уже послал гонца к князю Скопину-Шуйскому, ушедшему вперёд, с известием и просьбой выдать деньги сейчас.

Так и есть. Они требуют деньги вперёд.

– Вечером! – отрезал Пунтус.

– Мы дальше не пойдём. Деньги нам нужны сейчас.

Делагарди обещал. И Скопин не обманул – он прислал две тысячи ефимков и коней офицерам.

Но едва наёмники получили серебро, как развернулись и двинулись назад. К французам и немцам присоединились финны, затем части голландцев и шотландцев, и даже шведы, верные шведы начали говорить о том, чтобы вернуться назад. Офицеров пугало, что минута уже половина лета, что скоро начнётся осень, а они углубляются всё более в дебри этой необъятной страны, и всё дальше остаётся их родная Швеция, и неизвестно, когда они смогут вернуться – и вернуться ли.

Если бы Якоб был на корабле, он бы тотчас же пристрелил зачинщиков. Но тут зачинщиками казались все, все шумели одинаково громко, возбуждённые неизвестностью.

Генерал не знал, что предпринять: идти за Скопиным, будучи генералом без войска, или возглавить путь назад, признав потерю влияния на своих солдат. Отправив Скопину горькое письмо, он вместе со своим поредевшим корпусом начал отходить к Торжку.

Жители при приближении наёмников угоняли скот в леса, уводили на болота и заимки жён и дочерей, даже за деньги не уступали ничего – ни еды для солдат, ни сена для коней. Оказалось, что дезертиры, проходившие здесь недавно, стремились вознаградить себя за труды – угоняли скотину, насиловали женщин, забирали всё, что могли унести.

Стремясь сохранить дисциплину в корпусе, Делагарди дошёл до города Валдая – там убедил корпус остановиться. Если это можно было назвать корпусом, ибо в нём не насчитать было и тысячи двухсот человек. Из пятнадцати тысяч начавших поход! Это был позор.

Только полковник Кристер Зомме, превыше всего ставивший честь и слово офицера, остал-

ся с Михаилом Васильевичем. Отряд, которым он командовал, не поддавался панике: все 250 конных и 720 пеших его людей остались со своим командиром.

С ними и с обученными им новгородскими выборными полками он и дошёл до Калязина.

Август 1609 года

Троице-Сергиева обитель

Житничный старец Симеон в одном исподнем сидел на высоком пороге своей кельи, прислонившись к косяку и блаженно жмурясь на солнце. По деревянному гильбищу верхнего яруса он развесил свои пожитки – ношеную лисью шубу, стёганое одеяло, мытую рясу. Вытряхнул из постилахи прошлогоднее искрошенное сено и теперь прокаливал её на солнце, чтобы потом набить свежим сенцом.

Солнце жгло, дул лёгкий прохладный ветерок, по синему небу плыли, меняя обличия, облака, и не было мига блаженней и прекрасней, чем полуденная тишина обители. Забылись на мгновение осадная зима, вошь и чесотка, цинга и страх. Только небо, только облака и летнее тепло.

– Дядя Симеон! – раздался рядом голос Митрия. Надо же, как неслышно он подошёл. Ещё бы! Босиком-то всяк тихим будет.

– Что тебе, чадо? – откликнулся Симеон. Открыл глаза, упёрся взглядом в подол льняной рубахи, посмотрел на лицо Митрия и усмехнулся: – Хотя какое же ты чадо! Усы уж растут, да и в плечах раздался. На пользу тебе пошло осадное-то сидение!

– Да уж какое сидение! С утра до ночи по слову князя Григория Борисовича бегаю! – засмеялся вестовой.

– Какое сидение? А под яблоней! Что, думаешь, не ведаю? Все о том знают. Да ведь простого Маша роду-то. Что твои батюшка с матушкой скажут?

– Батюшка с матушкой сироту приголубят! – уверенно сказал Митрий. – Лишь бы живы были.

– Дай-то Бог. Сам-то пошто пожаловал?

– Да вот... Непонятно мне...

– Ты уж прямо говори, не выкручивай! – старец Симеон выпрямился, лоб прорезала глубокая морщина.

– Тихо вкруг обители. Слишком уж тихо.

– Это ты верно заметил. Тишина ныне не в чести. Так что мыслишь?

– Я с вечера Иринарха вспоминал – упокой, Господи, его душу! – и будто туча чёрная надвинулась на обитель, весь свет закрыла, а потом её будто молния рассекла!

Старец глубоко кивнул:

– Неспроста! Это тебе Иринарх знак подаёт!

– Что сей знак показывает, батюшка?

– Знать хочешь... Это славно. Да сядь ты, не засти солнце. От так-то лучше.

Симеон, внезапно разволновавшись, встал и прошёл вдоль келейной стены, забыв, что он в исподнем. Плечи его расправились, глаза вспыхнули – ни дать ни взять воевода!

– Вот тебя тишина печалит. А меня то тревожит, что царёк всё ещё в Тушине стоит. Древо без корней, без вершины – пошто по сю пору не упало? Али бури не гуляли? И бури бушевали, и молонья была – а царь воровской стоит! Стало быть, подпирают его крепко со всех сторон.

– Кто же подпирает? – перебил Митрий.

Симеон гневно взглянул на него: не зная броду, не суйся в воду!

– Первое дело – свои бояре: Салтыков да Романов, сиречь патриарх Филарет. Они за него думу думали, указы рассылали – им и ответ держать, коли разобьёт Скопин Тушинского царька. Второе дело – ляхские пань: они царька из грязи вынули, мирянам явили да своими поместьями за него заручились. Сколько они своим воякам деньжищ должны – страшно сосчитать! Ведь коли не выдадут они войску деньги – их свои же на части разорвут. Им кровь из носу надо царька на Москву посадить, дабы руки свои жадные в государеву казну запустить. Две подпорки ныне у вора Тушинского – должок да дрожание поджилки. А тут на Волге Жеребцов объявился, да Скопин встречу ему движется!

Митрий уже не смел перебивать, проникая своей мыслью в мысль старца.

– Девки вон в рощу сбегали, грибов принесли! Вкусна похлёбка с грибами! Но не смотри, что ныне пусто вокруг. Допрежь новой битвы со Скопным к нам вернутся злодеи, на обитель кинутся. Сабли острят, ружья чистят. Девоч своих утешных побросали, из поместий захваченных поубегали. А коли повалят Троицу, так и не пойдут к Волге – всё добро растащат и к своим бабам ляхским побегут. Тут не до дружка – до своего брюшка.

– А как же царёк?

– На что им тогда царёк? Пикой в бок – да и в яму поганую! – Симеон смачно плюнул на траву и перекрестился. – Как перед бурей-то бывает

затишье обманное, так и теперь ни ветерка. Но восстанет уже туча чёрная, грядёт последний бой!

Симеон внезапно остановился, ссутулился, обессиленно опустил на порог.

– Устал я, иди!

– Прости, отче. Ещё спросить хочу.

– Ну? – сердито сказал чернец.

– Вот ведь у Христа все человеки – дети Христовы. Стало быть, все равны. Только вот братия ест и пьёт слаще, чем стрельцы да казаки, а крестьяне да бабы – так те лишь толстую кашу едят, и ту не каждый день. Все ведь в одной осаде сидим! Пошто так?

– Эх, сыночек, верно ты говоришь. Иоасаф наш, батюшка, то же молвит старцам, что из знатных родов. Так они ему отвечают: ты, мол, в нашем монастыре игуменом недавно, а у нас так заведено. Мы и так с Николина дня калачей не видали, ржаной хлеб едим, а ты нас лишним куском попрекаешь! Мы, дескать, с богатыми вкладами в обитель явились, а эти голодранцы, чернь, и без кваса, и без пива проживут! Кто выживет, тот крепче будет!

– Но ведь это нечестно!

– Эха! А где ты на земле честь-то видал? К Господу попадёшь – у него о чести и спрашивай. А пока на земле мы – вместе горькую чашу пьём, а сладость порознь вкушаем. Да нечего о том много ковырять!

Митрий повесил голову, закручинился:

– Пошто Господь гнев свой являет? Пошто вот это всё – детишки помирают, казни, насилия? Отвернулся от нас...

Симеон вспыхнул:

– Как это – отвернулся? На всё воля Господня! Даёт он нам через страдания от греха очиститься. Чтобы человеки вновь его возлюбили. К свету повернулись. И литва – не враги нам, но лишь овцы заблудшие...

Чернец повернулся в сторону двора, лицо его, только что грозное, разгладилось, осветилось:

– Ты ступай, милый. Вон девица твоя по воду идёт – поклоны низки, вопросы тихи, ответы мягки, приветы сладки. Добра, благочинна. Токмо о душе своей не забывай!

Митрий, углядев в солнечных бликах Машу, скоро поклонился Симеону и помчался через двор.

Вновь шумнее стало окрест обители, многочисленнее. Прибывали воровские отряды. К воро-

там крепости подходили русские изменники, вели речи прелестные: дескать, мы немецких людей и князя Скопина побили, а воевод его захватили, и сам князь Михаил Ваильевич бил челом на всей воле панской.

И дворяне подъезжали, старшин кликали, спрашивали:

– Не мы ли были с Фёдором Шереметевым? И вот все мы здесь. На что вы надеетесь? На силу понизовскую? Да откуда ей взяться? Мы же узнали своего государевича и верно ему служим. Царь Дмитрий Иванович нас пред собой послал. Покоритесь же ему! А коли не покоритесь, придёт он под монастырь со всею силой и уж тогда вашего челобитья не примет!

– Что же он за год-то до нас из Тушина дойти не сподобился? Неужто ножками скорбен? Мы его давно ждём, так и передайте! – задирали со стены Фёдор Карцов.

– Фёдор, а Фёдор! – кричали ему снизу, узнав. – Коли придёшь к нам, так твоего поместья не тронем. А коли останешься, так всё до нитки разорим, по ветру пустим.

– Ах вы бляди румяные! – кричал Карцов, – давно не слыхал я шипу змеино!

Стрельцы и казаки со страстью наблюдали за перебранкой, сопровождая слова ядрёными послесловиями.

Когда же подъехали к воротам Михаил Глебович Салтыков и тушинский дьяк Иван Грамотин, вызывая на разговор знатных троицких людей, брань стихла. В тишине открылись ворота, выехал на коне сам воевода Григорий Борисович Долгоруков с сыном. Грозно смотрел он на воеводу Салтыкова.

Салтыков говорил, прельщая:

– Покорись, Григорий Борисович. И Москва уже покорилась, и царь Василий с боярами у нас в руках.

Грозно ответил Роща:

– У тебя ещё молоко на губах не обсохло, когда я государю природному служил. Всё ли сказал ты мне?

– Одумайся, воевода, чего ты жалеешь? Нас тысячи, а у вас здоровых два десятка осталось. Покорись!

– Царю небесному покорюсь я. Ступайте прочь, пока из пушки не пальнули!

Развернулись отец с сыном – прочь поскакали, к воротам, махнув рукой пушкарям. Насилу Салтыков утёк.

6 августа гетман Сапега объезжал монастырь с полковниками и ротмистрами. Он третьего дня прибыл от Дмитрова, где караулил якобы посланную от Москвы рать. Не дождался – вернулся к Троице. Притягивала она его своей недоступностью, манила богатством, скрытым за семью печатями. А тут ещё пан Зборовский из-под Твери пожаловал – едва от удара оправился, сразу прискакал. Задирали этот щенок гетмана – насмехался:

– Что стоит ваше бездельное стояние вокруг лукошка? Что стоит лукошко то взять да всех ворон в нём передавить?

– У ворон тех когти ястреба! – отвечал гневно Лисовский.

– Да ты разве цыплёнок? – насмехался Зборовский.

Лисовский вспыхнул:

– Кто-то сам едва из-под Твери ноги унёс!

Зборовский криво ухмыльнулся:

– Так там шведы были! Настоящее войско! А здесь – воронье монастырское!

Лисовский схватился за саблю. Гетман резко остановил их:

– Дома, в Польше, будете друг с другом ратиться. Теперь не до брани: теперь – либо пан, либо пропал! Неужто вы того ещё не поняли?

Ноздри Лисовского бешено раздувались, но он усилием воли сдержал гнев.

Сапега хладнокровно, более не глядя на двух Александров, распределял, при какой стене и башне кому стоять, в каком порядке приступать к стенам и сколько человек будет приставлять лестницы. Решено было приступ начать за три часа до рассвета, а идти только панам и жолнёрам, отправив в обоз чернь – слуг и пахолков, они делу лишь вредят. В виде исключения оставили в войске казаков Лисовского.

Ночи стали темнее и длиннее.

7 августа, в канун Госпожина заговенья, в полночь Сапега выехал из своего стана. В тишине расставлял он войска, приказав выступать в одно и то же время. Командирам внушал он: ударит пушка первый раз – смотрите на Волкушу, покажется ли там огонь. Ежели горит, нападать открыто. Не горит – начинать движение как можно тише, подходя к стенам. При втором выстреле поступать так же. При третьем всем вдруг броситься на стены!

В монастыре ждали наизготовку, как и месяц назад. Стояли крепко на стенах у Пивного двора

и Конюшенных ворот, где утлые прясла. Вздвигнув от первого громового выстрела, замерли, ожидая сигнала. Ядро засвистело – и вдруг крик раздался такой, что все содрогнулись. Раздался – и затих: ядро в женщину попало, убило намерть. От этого-то крику всколыхнулись, зашумели враги, не сумев дождаться следующего сигнала, и побежали в беспорядке к стенам. Напрасно командиры кричали: «Стоять!»

У Пивного двора уже завязался бой, а подле других стен ждали второго и третьего сигнала. Одновременной атаки со всех сторон не получилось. Обуреваемые злобой и жадой денег, враги лезли на рожон, не разбирая. Отразив натиск у Пивного двора, защитники перебежали на другие стены – и отбивались там до самого свету. К восходу солнца стало ясно, что приступ отбит и все на стенах целы, лишь крестьянская жёнка мертва.

От усталости, от напряжения дрожали руки и ноги. Воины валились в сон, где стояли. Не верилось, что отбились столь малыми силами.

Пан Николай Мархоцкий в «Истории Московской войны» записал: «Тем временем мы с паном Сапегой пробовали взять штурмом монастырь Св. Троицы, который он всё ещё держал в осаде. Мы рассчитывали вместе с Сапегой, а значит и с большими силами, пойти на Скопина, но вместо этого только потеряли людей, загубив их на штурмах. Оставив под Троицей часть войск, отошли мы ни с чем».

Калязин

С Петрова дня стояла сушь, и Волга обмелела: на переправе от Макарьева монастыря к Калязину воды было колёсам по ступицу. Грузёные телеги переезжали легко, кони переходили с седоками, осторожно ставя ноги.

Супротив монастыря впадала в Волгу малая речка Жабня, закладывала петлю. Справа от её устья, защищённый впадающей в Жабню Пудой, стоял маленький Калязин городок. Он казался весьма скромным по сравнению с красавцем монастырём, обнесённым крепкими, хотя и деревянными стенами. В крайнем случае можно было вполне обороняться и в монастыре, последним оплотом могла остаться трапезная палата со Сретенской церковью, построенная ещё при великом князе Василии Ивановиче, почти 80 лет назад: её мощные каменные стены и узкие окна более походили на крепостные.

Жеребцов, проходя от Костромы до Твери, останавливался в Макарьевской обители под видом богомольца, хотя в монастыре стояли поляки. Приложился к серебряной раке Святого Макария, испросил благословения у игумена. Тот узнал воеводу, не раз прежде бывавшего здесь, пригласил в свою келью и тихо сказал, что во имя Святой Троицы даст войску приют и опору. Только прежде – поганых прогнать. Хоть и малым числом стоят они, а досаждают. Мал клоп, да вонюч.

Да свои посадские тоже вот вору присягнули. Теперь отложившийся от вора Углич желают к присяге склонить. На деле же завидуют богатому соседу.

И вот Скопин, пришедший к Калязину раньше Жеребцова, вошёл в монастырь: поляки Яна Микулинского при приближении войска сбежали.

Хотя, если посчитать, народу у Скопина было не так много: смоленская поместная конница числом неполных три тысячи, новгородцев тысяча с небольшим да менее тысячи в полку Зомме. Считай, около пяти. Достаточно, чтобы испугать пана Микулинского, но маловато, чтобы противостоять Сапеге.

79

Кристер Зомме ждал Жеребцова: железным представлялся ему человек, прошедший за два месяца две тысячи вёрст по снегу, в мороз. Спокойный, уверенный вид его и неспешные движения приковывали внимание. Казался он Зомме более надёжным, чем соотечественник Понтуссон Делагарди.

В Калязине дали людям и коням отдых. Чинили телеги, топили бани, стирали, купали коней в Волге. Кто-то из наёмников успел отыскать брошенных поляками при бегстве обозных девок. Посадские к своим бабам не подпускали, так не всё же мужику поститься.

Скопин не забывал рассылать разъезды. Но Жеребцов разъезды обманул, по Волге прибыл – как встарь, судовой ратью. По Заволжью шли его люди верхами, где можно, скупали лошадей, гнали табуны к Калязину. Но коней ещё дождаться надо. А поляки – вот они, под боком.

С Жеребцовым прибыло почти две тысячи сибирских и архангельских стрельцов да казаков – все люди бывалые, опытные, оружие держать умеют. Да по дороге пристало нечитано: и сольвычегодцы, и устюжане, и холмогорцы, и галичане, и костромичи, и ярославцы – кого только не было! Воевода сбивал их в сотни – под Ипатьевским монастырём порядок был, а как

двинулись вверх по Волге, так и рассыпались. Вновь надо разряжать.

Разъезды донесли: Сапега с присоединившимися к нему отрядами тушинцев двинулся от Троицкого монастыря по нагорной дороге в сторону Углича. От Углицкой дороги, от села Высокова, своротка есть на Калязин, – видать, проведали о нас, скоро будут.

Князь Михаил Скопин, воеводы Семён Головин и Давыд Жеребцов, князь Яков Барятинский, воевода Григорий Валуев и полковник Зомме переправились через Волгу, выехали на холм против Макарьева монастыря, куда подходила дорога со стороны Углича. Жители именовали тот холм Свистухой – ветер, дескать, свистит здесь так, что не только лешего помянешь. Объехали поля, расстилавшиеся по сторонам дороги, – крестьяне сжали озимые, и ни высокая трава, ни колосья не помешали бы здесь лошадям.

Вдоль Волги, под горой, стояло село Пирогово – избы, амбары и баньки. Город был на левой стороне Жабни. Монастырь – за Волгой. Простор.

Однако поле со стороны Углича расстилается на пологом спуске холма – значит, атакующие соблюют темп. И слева глубокий овраг, по дну которого течёт ручей.

– Надо городок рубить. Гуляй-город, – ни к кому не обращаясь, кинул Жеребцов.

– У каждой стряпки свои порядки! – вызывающе глядя на Зомме, сказал Валуев, широколицый и губастый, как гриб валуй.

– В каждой избушке свои погремушки! – откликнулся Семён Головин.

– Что есть гуляй-город? – спросил, подняв одну бровь, полковник Зомме – три долгие морщины резче обозначились на лбу.

– Табор. Телеги кругом составлены, на них укреплены щиты. Внутри пехота, – веско ответил Скопин. А про себя подумал: держать круговую оборону хорошо тогда, когда есть запасный полк – и стоит он в засаде. Здесь подмога может подоспеть из монастыря на судах.

– Но враг может обойти табор! Хотя... тут Волга, тут вода, как её... Да, Жабня.

– Этому врагу нас обходить не надо. Этому надо нас уничтожить! – ответил Давыд Васильевич.

Голос Жеребцова был тих, словно он видел нечто, не доступное другим. Потом очнулся, сбросил с себя наваждение, твёрдо произнёс:

– Отец мой с князем Воротынским при Моло-

дах с крымчаками сражался. Гуляй-город строили – конница татарская вся об него разбилась.

– Стало быть, опять топор – наше главное оружие? – засмеялся Григорий Валуев.

– А пищаль и ваш мушкет, – Жеребцов кивнул в сторону Зомме, – второе. Против конницы лучше нет!

И день, и другой свозили телеги на Свистуху. И у монастырских забрали, и у крестьян, и у калязинских мужиков. Не хватало! Две сотни не собирать. Тогда решили с напольной стороны на телегах щиты поставить, а со стороны воды чередовать телеги и щиты в землю.

Топоры стучали целыми днями – хоть и взяли у купцов готового тёсу, всё ж не хватало, распускали на доски брёвна. Когда калязинцы жертвовали на святое дело часть своих построек, работа пошла быстрее.

Кузнецы ковали наконечники для пик. Крестьяне ставили вокруг гуляй-города рогатки и копали ямы.

Зомме горячо взялся обучать воевод и старшин голландскому бою. Строил рядами, квадратами, учил упирать пики в землю, давать проход мушкетёрам для стрельбы. Приговаривал:

– Принц Мориц Оранский говорит: каждый командир должен учиться!

Старшины удивлённо поглядывали сверху вниз на маленького полковника, но приказы выполняли старательно.

Наступило Успение Богородицы, 25 августа, и ночи уже становились холоднее, и ласточки покинули свои гнёзда и улетели прочь.

И вот разъезды донесли: враги уже близко. Идёт пехота, а конница впереди и позади.

Григорий Валуев с казаками вызвался подразнить конницу. Отдохнувшие лошади быстро вынесли всадников на Углицкую дорогу. Воевода дал передовому отряду поляков приблизиться. Никто во всём войске не умел так ругаться, как Валуев, – это знали все. Не дай бог попасть ему на язык!

Поляки были слабы на ругань, вспыхивали порохом. Вот и сейчас молодые – видать, дворяне – рванули за казаками. Казаки скакали к Жабне, но перед топким местом резко повернули вправо, к гуляй-городу. Ляхи не успели повернуть – влетели в топь. Ноги коней по бабки ушли в землю, иные гусары вылетели из седёл, и Валуев не отказал себе в удовольствии остановиться на пригорке и позадирать ляхов.

Игумен Макарьева монастыря Иоасаф благословил войско.

Назавтра быть бою!

...Наготовить в гуляй-городе побольше воды — вёдра, бочки, шайки. Пить надо будет всем — и людям, и лошадям.

К полудню 28 августа польские полки построились. Паны Ян Пётр Сапега, Марк Вилямовский, Юзеф Будило, Александр Зборовский, Ян Микулинский, Костенецкий с запорожскими казаками, Ланцкоронский, Лисовский с донскими казаками — итого 12 тысяч конных копейщиков, да прислуга с ними.

Однако русские не выходили на честный бой — они спрятались за щитами в лагере, и только конница злоязыкого Валуева проскакала перед войском и, обогнув деревянный городок, скрылась.

— Шабле в длонь! — прокричал Сапега. Голос его сорвался на визг.

Гусары обняли ладонями рукоятки сабель, выхватили клинки.

Едва конница поляков подскочила близко к городку, из-за щитов грянул залп. Кони повалились, иные понесли.

Сапега скомандовал приступ.

Через нарытые ямы, через рогатки шла пехота: жолнёры и пахолки, казаки и русские изменники. Спешенные копейщики. Сзади на конях передвигались паны, готовые отразить внезапную атаку конницы.

Из-за щитов вновь раздались дружные выстрелы. И ещё раз.

Пехота подходила к щитам — и встречала удары пик из щелей и отверстий. Из городка в упор били из мушкетов и рушниц. И люди не выдерживали — откатывались.

Второй раз настойчиво погнался Сапега людей на приступ. И упорно — третий. И упрямо — четвёртый. И — упёрто — пятый. Приближался вечер. После шестого приступа, когда измученная пехота побежала, со стороны Волги выскочили всадники, ринулись на врага. Пехота падала. Сапега бросился прочь по Углицкой дороге.

Пятнадцать вёрст преследовали русские всадники удирающих панов. Уже в полной темноте вернулись к Калязину.

Победу не праздновали — сторожились: как бы враги не вернулись поутру!

Но взошло солнце, и стало ясно: Сапеги и след простыл.

Тогда отпраздновали — нажарили мяса, выкупили у монастыря запасы пива и устроили пир.

Теперь требовалось тщательно всё обдумать и решить, как действовать дальше. Да и о насущном не забыть: уж на берёзе жёлтый лист явился, а где и целые пряди пожелтели. Людей надо перед зимой одеть-обуть. Ясно, что быстрым новым походом не будет.

ЧАСТЬ III. ПЕРЕЛОМ

Осень 1609 года

Жеребцов

Нет, неспроста упорство и затем быстрое отступление Сапеги показались странными Жеребцову и другим воеводам. Что-то случилось в Тушинском лагере, какая-то весть внесла в него сумятицу. Из-за этой вести так лихорадочно бросал полки в бой Сапега, не слушая увещаний панов. Из-за этой вести поляки опрোметью бросились назад, в табор под Троицей и в Тушино. Но что это была за весть — воеводы князя Скопина до поры не знали.

Однако надо было решать, что предпринять дальше. Главная цель — Москва, но слишком много по Руси гуляет поляков и литовских людей, тут требуется идти с опаской. Начать с малого. И пусть этим малым будет Переяславль-Залесский.

Далее две крепости: Александрова слобода и Троицкий монастырь.

Александр Ярославич, рекомый Невским, как из родного Переяславля на Новгород ходил? По Нерли-реке, что вытекает из Плещеева озера и бежит до самой Волги. Всего-то чуть более сотни вёрст. Устье же Нерли рядом с Калязиным, близ деревни Скнятино. Уж чего-чего, а судов ныне подле Калязина собралось с избытком: и тверские, и костромские — все по Нерли пройдут. Конница же двинется вслед отступившим полякам по дороге, которая, огибая болота с востока, делает большой крюк.

Пехотой можно бы даже догнать Сапегу: он не знал короткого пути по реке, двинулся через Нагорье, и его сподручно перехватить!

Однако князь Скопин-Шуйский не мог тут же оставить Калязин и пуститься в погоню за Сапегой. По уговору с царём Михаил Иванович должен был дожидаться Пунтуса, к которому он дважды посылал с уверением, что договор о передаче Швеции русской крепости Корела остаётся в

силе, что царь щедро оплатит его услуги. Сам царь Шуйский также спал на Валдаи умоляющие письма. Ни царь, ни воевода не знали, что у Пунтуса из войска в 15 тысяч осталось лишь тысяча двести человек!

Воды Нерли вскипели от вёсел и шестов. Пожалуй, за пять столетий со времён Александра Ярославича не видели они столько судов сразу! Вечерами загорались по берегам костры, казаки ловили бреднями рыбу, крестьянские девки тащили воинам грибы и бруснику.

Над рекой летели станицы журавлей, с удивлением оглядывали свои потревоженные угодья, где останавливались они обычно на кормёжку.

Достигнув Сомина озера, судовая рать сделала последнюю ночёвку: после неё остановиться уж было негде – берега топки.

Утром 11 сентября струги вылетели из протоки на простор Плещеева озера. Попутный ветер подтолкнул в спину – и скоро впереди замаячила главка деревянной церкви Сорока мучеников Севастийских на устье Трубежа.

Жеребцов и Головин изгоном взяли город, выбив из него отряд, верный тушинскому царьку. Многие поляки и казаки попали в плен.

Лисовский двигался последним в составе отрядов Сапеги, когда гетман скрытно вызвал его к себе: Сапега опасался, что могут быть и перебежчики, которые разгласят его приказы.

Скопина, как стало теперь ясно гетману, нельзя было оставлять без присмотра. Из Калязина на Москву идёт слишком много дорог, и самая удобная из них, хоть и не самая короткая, – через Ростов. Гетман выделил пану Александру две тысячи донских казаков и триста черкасских.

Лисовский заночевал за кирпичными стенами Никитского монастыря на северной окраине Переяславля, за речкой Трубеж. Только ему приготовили ужин, только на стол поставили – как учинилась тревога.

Пан видел с вершины горы, как внизу, вокруг стен Переяславля, началось движение. Из ворот выскочил отряд оставшихся там сапежинцев и помчался в сторону монастыря. Лисовский поднял своих, развернул убегающих – и вместе они наскочили на Переяславльский замок! Переправились через Трубеж выше крепости, зашли с напольной стороны...

Но что могут сделать всадники против отлично построенной крепости, окружённой рвом? Только ярость и злоба гнали врагов. Несколько

залпов из пищалей – и лисовчики откатились назад, бросая убитых и раненых.

Опять Жеребцов! В третий раз он переходит дорогу лично ему, пану Александру Лисовскому! Кострома – раз, Калязин – два, Переяславль – три. До кеды, о, курва?

Дорога на Троицу для Лисовского была перерезана. Пришлось двигаться на Ростов, удаляясь от лагеря на Клементьевском поле. Но по пятам за ним шли сибирские казаки Жеребцова, и Лисовский, опасаясь, что его могут попросту осадить в Ростове, не задержался там и ушёл в Суздаль. Оттуда он вместе с паном Просовецким совершил набег на Владимир, но города не взял и в Суздаль возвратился.

Жеребцов спокойно хлебал уху в воеводских палатах против белокаменного храма Спаса Преображения, поставленного тогда, когда Александр Невский ещё не родился. Наевшись, он посоветовался с Головиным и распорядился, чтобы все суда отправили назад, вниз по течению Нерли, чтобы пехота Скопина могла повторить проделанный путь.

Из Переяславля Давыд Васильевич посылал во все стороны людей, разведывая, где стоят поляки и литва, изгоняя, выбивая их отовсюду и свозя в город съестные припасы. Приказывал не грабить народ, а покупать, благо деньги Строгановых ещё не кончились.

В сторону Александровой слободы по дороге приказал рубить острожки малые – так, чтобы от всадников люди там укрыться смогли и спокойно отстреливаться. В Сибири как заведено? Пришёл на новую землю – первым делом руби острог. Так и здесь. Поленился – голову потерял. Потому главное наше оружие – не копье да пищаль, а топор плотницкий.

По острожкам людей посадили – пути стечь.

Троице-Сергиева обитель

По окончании осады келарь троцкий Авраамий Палицын записал о событиях сентября:

«Богоборцы же, польские и литовские люди, а также русские изменники, когда потерпели поражение от русских людей, а скорее от Бога, убегая из-под Калязина монастыря, пленили многие волости, села и деревни Ростовского, Дмитровского, Переяславского и Слободского уездов, и множество всякого скота награбили и, издеваясь над голодными городскими людьми, сидев-

шими в осаде в обители чудотворца Сергия, выпускали большие стада по запрудной стороне по Красной горе и на Клементьевском поле и тем соблазняли осажденных людей из города сделать вылазку, чтобы те отъехали от города... По прежней их злой хитрости опять выпустили они свой скот в прежденазванное место. Троицкие же сидельцы, потихоньку выехав из города на конях Благовещенским оврагом, стражу литовскую побили и, захватив стада их, погнали к городу. Пешие же люди, выйдя с Пивного двора, так и погнали скот в город...»

Скопин-Шуйский

Григорий Валуев, оставшийся с князем Скопиным, убедил воеводу и старшин на хитрость пуститься. Пунтуса Делагарди ждут со стороны Твери, с Волги. Надобно раздуть ложный слух, что объединённое войско пойдёт на Москву от устья Дубны через Дмитров. Это заставит царь-ка выделить часть сил на охрану Дмитровской дороги.

Отправить надобно стрельцов да детей боярских – десятка три, чтобы крестьянам наказывали – собираться со всех окружных волостей да деревень да починить как можно скорее мосты по Дмитровской дороге на Москву. Трубить об этом поручении как можно громче на всех постоянных дворах да сказывать, что послано-де за этим поручением несколько сотен детей боярских.

И Сапега купился. Отправил часть сил караулить Дмитровскую дорогу.

Делагарди же сидел на Валдае и, похоже, собирался там зимовать, хотя сам царь (не зная, что корпус почти весь разбежался) слал к нему гонцов, ещё раз подтверждая передачу Швеции города Корелы и других волостей.

Михаил Васильевич Скопин, хоть и молод был, понимал, как заставить Пунтуса действовать. В письме к шведу он подробно описал победу доблестного войска под Калязиным и заслуги полковника Зомме. Между строк жирными буквами читалось: ежели ты, Пунтус, под Калязин тотчас не прибудешь, то шведский король узнает о доблести Зомме, а ты окажешься у разбитого корыта. И слава, и добыча, и награда достанутся другим.

К концу сентября, пройдя форсированным маршем расстояние от Валдая до Калязина, Делагарди встретился с русским воеводой на берегах Волги. Всего 1200 человек было у Пунтуса,

но даже малое обученное войско – всегда кста-ти.

Вот и слава богу, что их так немного, думал Скопин. А то поди прокорми! Особенно нынешней зимой, когда урожая собрали вдвое меньше противу прежнего – половина полей непахана из-за сумятицы, народ толком не сеял, не жал, не косил.

Остывала вода в Волге, инеем покрывались по утрам берега Нерли. Взмывали с полей подкормившиеся перед перелётом станицы журавлей, воронкой взвихривали небо, вытягивались в клинья. Летели над землёй низко, спускаясь к Нерли, словно любопытствуя: что это за утицы великой стаей на полдень движутся?

На присланных Жеребцовым судах мигом домчались до Переяславля – люди мангазейского воеводы озаботились: и дров на стоянках наготовили, и кормов запасли.

Жеребцов обнялся с князем Михайлом Васильевичем, но не сказал, что заждался. Пошто огонь в душе раздувать, и так ясно: быть сече великой, да не одной.

К 16 октября отряды соединённых сил во главе со Скопиным-Шуйским выбили гарнизон поляков из Александровой слободы, ставшей теперь оплотом войск Михаила Васильевича.

Едва закрепились, как смоляне, посланные в разъезд, обнаружили на Суздальской дороге крупный отряд. Это полк пана Стравинского двигался из Суздаля через Александрову слободу в стан Сапеги, не подозревая, что слобода занята князем Скопиным. Дали бой. Стравинскому удалось прорваться, потеряв часть обоза.

Сапега и Ружинский

Тушинский лагерь гудел. Когда паны Сапега, Вилямовский, Микулинский и прочие, убежавшие с Волги после поражения под Калязиным, прибыли в столицу царика, тогда стало известно главное: Сигизмунд, король польский, обвинил Москву в заключении договора со шведами, так как Польша на тот момент находилась со Швецией в состоянии войны, объявил войну московскому царю и осадил Смоленск. Коронный гетман Жолкевский, который более всех иных выступал против войны с Московией и ратовал за унию между Польшей и Россией, всё же принуждён был выступить в поход.

Толковали все: и паны, и пахолки. Кричали, что лучше бы вернуться на службу к Сигизмунду! Разнёсся слух, что польский король сможет

заплатить наёмникам те деньги, которые задолжал Тушинский царик. Польское рыцарство не желало больше добывать Скопина с немцами! Что, если труд, который паны предпринимали в течение нескольких лет, со вступлением короля обратится в ничто? Не лучше ли служить королю? Войско волновалось, слуги переставали работать, отряды – слушаться.

12 сентября Сигизмунд все силы свои бросил на штурм Смоленской крепости. Ему даже удалось разрушить Авраамиевы ворота, но именно там сосредоточил свои отряды воевода Шеин, и приступ был отбит.

Способна ли устоять одна крепость без поддержки из Москвы против всего войска польского?

Однако что о Смоленске размышлять, если здесь Скопин уже насаждает?

Роман Ружинский был в ярости от неудач, преследовавших его. Год простоял он в Тушинском лагере – и если сначала всё шло в гору, то потом удача отвернулась от него. Он понял это тем летним днём, когда в жару он решил не надевать на бой тяжёлую кирасу, – именно тогда русская стрела прошла ему бок! Выстрел был силён, и стрела вонзилась так глубоко, что остриё пришлось вытаскивать насквозь через поясницу. У гетмана хватило мужества с такой раной верхом приехать в лагерь. Но с тех пор он уже не мог находиться в седле: тело сильно немело. Трудно было даже лежать – больно, мучительно больно.

Из Польши привёз он девуку – горничную своей жены. Она ухаживала за ним, обмывала рану, перевязывала узкими лентами полотно, любовалась его чёрными бровями, выразительным лицом с тонким носом и резко очерченными губами, гладила волнистые чёрные волосы. В бредовом забытии он не видел ту, что ухаживала за ним, – он видел некрасивое, искажённое страхом лицо Марины Мнишек, когда он остановил её карету и назвал её царицей. Он ненавидел теперь её и самого себя. Ненавидел польского короля – шведа Сигизмунда, которого москвичи звали по-варварски Жигимонтом, ненавидел царика, на которого сделал ставку, – и теперь не хотел признать, что проиграл.

Сигизмунд поступил как политик: открылась возможность – и он сразу сделал попытку вернуть лакомый кусочек – Смоленск. А эта шваль, пьянь – царевич Димитрий! Хотя бы один решительный поступок с его стороны! Он, Роман, за-

ложил своё имение, чтобы найти долю! И вот – ни имения, ни денег, ни славы. Ему тридцать пять лет! Жить бы да жить! А тут ещё откуда ни возьмись появились сильные русские отряды!

И вдруг Ружинскому доносят, что царик вызвал к себе во дворец пана Миколая Меховецкого. Это он, Меховецкий, придумал миф о том, что царевич Димитрий спасся. Это он придумал вернуть Маринку! Пан во всём виноват! Пока он, Роман, воевал, этот авантюрист отсиживался в облюбованном поместье!

Гнев охватил Ружинского. Он ворвался в царские покои – и увидел двоих, вольготно развалившихся за столом, полным яств. Меховецкий, заметив саблю в руках Романа, выкатил глаза, испуганно затрясся.

– Встань! – рявкнул Ружинский. Чёрные брови его взлетели.

Меховецкий прирос к скамье.

– Встань, паскуда, тебе говорю!

Меховецкий вдруг вскочил и, путаясь в полах кафтана, спотыкаясь, побежал к двери. Взметнулась сабля – и пан Миколай, заливаясь кровью, рухнул к ногам Ружинского.

– Ты мне ответишь! – пролепетал царик.

– Что? – взревел Ружинский в бешенстве. –

Это ты вздумал мне угрожать? Ещё слово – и... – воздух взвизгнул, лезвие разрубило столешницу.

Желая обуздать чувства, Роман Ружинский на другой день поехал на Ходынское поле – ввязаться бы в схватку, чтобы кипела кровь, чтобы мчаться, рубить и побеждать. Но вязкая, тягучая бездеятельность охватила войска. Чаши весов застыли, не зная, на какую сторону опускаться. Но такое положение не может длиться долго!

На рассвете 20 октября прискакал в лагерь Сапеги трубач от пана Тромчевского с известием, что русские мятежники и немцы, подкравшись к Александровой слободе, напали на четыре расквартированные там роты во главе с Тромчевским, которым гетман приказал оставаться в слободе для безопасных переездов в Суздаль и свободного отыскивания там припасов для войска.

Год назад два гетмана – Ружинский и Сапега – разошлись по двум разным лагерям, чтобы не мешать друг другу разорять русскую землю. Но ворон ворону глаз не выклюет, и решили они объединиться, чтобы, как досаждающую муху, прихлопнуть невесть откуда взявшиеся отряды русских и шведов, засевших ныне в Александровой слободе, под самым боком у Клементьев-

ского лагеря. Слобода отлично укреплена ещё царём Иваном Васильевичем, там и жилья, и конюшен довольно. Теперь в богатую продовольствием Суздальскую землю не проедешь, а окрест Москвы ни сена не сыщешь, ни зерна – всё разграблено.

В войске говорили, что Скопин пошёл вверх, а царю счастье изменило. Слуги слушались плохо и норовили сбежать. Их останавливало лишь одно: окажись они в одиночестве среди этой враждебной земли, крестьяне растерзают их, как они больше года терзали этих людей.

К концу октября Тушино почти опустело: все, кто мог воевать, отправились во главе с Ружинским под Александрову слободу. Клементьевский лагерь и стан лисовчиков двинулись туда же.

Запруженная у стен слободы Шерна враз обмелела – тысячи разномастных коней и обозных лошадей пили воду из неё.

Паны приготовились к приступу, по воровской традиции – ночному.

Стены слободы ниже, чем у Троицкого монастыря, башни попроще. Но не крестьяне собрались в нём. Хоть пушек немного, да другого оружия довольно.

Митрий

21 октября казаки Сухана Останкова провели у товарищей своих казаков, присягнувших тушинскому царю и, стало быть, оказавшихся по иную сторону монастырской стены, что князь Михаил изгнал из Переяславля литовцев и русских изменников, мостя дорогу трупами нечестивых вплоть до Александровой слободы.

Сошлись вместе архимандрит Иоасаф и воеводы – постановили: послать к князю Михаилу Васильевичу от Дома чудотворца, прося с молением о помощи, ибо изнемогли уже люди: более года длится осадное сидение.

Кому ехать? Долго судили – и разошлись, не решив: утро вечера мудренее.

Житничный старец Симеон явился к Иоасафу, в пол поклонился, принял благословение. Говорил, что посылать надо не отряд – отряд переймут, а направить бы одного лишь Григория Борисовича вестового: он юн, да смышлён и ловок, и пути знает. Архимандрит не возражал. Только не могли Симеон с архимандритом сговориться: давать Митрию грамоту али не давать. Ежели пустого схватят, сможет отговориться, а с грамотой ждёт его пытка и смерть.

Однако без грамоты Скопин может ему и не поверить: мало ли лазутчиков ныне?

Наутро Иоасаф предложил Роше послать его вестового. Князь-воевода согласился: и ловок, и здоров, ужом проскользнёт.

Конька ему дали крепкого, но не завидного.

Митрий исповедался, причастился, простился с невестой своей Машей Брёховой, которая зашила ему грамоту в подол армяка, – и в ночь, одевшись по-мужицки, отправился в Александрову слободу. Тридцать вёрст – невелик путь, но опасен. Однако Господь послал ночь светлую, лунную, и не так страшно было на знакомой дорожке.

Его переняли на берегу Шерны люди Жеребцова, ввели в слободу. Князь Михаил Васильевич Скопин ещё почивал, и вестового привели напрямик к Давыду Васильевичу.

– Чьих ты будешь? – первым делом стросил Жеребцов, крутя в руках добытую из распоротого шва грамоту.

Узнав, что Митрий родом из Углича, нахмурился:

– Нету ныне твоего Углича. В мае Лисовский и Микулинский его две недели осаждали – взять не могли. Ивана Пашина слышал? Он, Иуда, предал, ворота открыл. Нету града Углича. Пепелище.

Митя внезапно зарыдал без слёз – будто залял. Воевода мотнул головой – и слуга поставил перед юношей чарку мёду:

– Пей! Легче будет. Ныне все мы сироты.

Жеребцов расспрашивал гостя до самой обедни. По месяцам, по дням – всю осаду. Углем на столешнице Митрий чертил, где лагерь Сапеги, где лисовчиков, где стоят батареи на Красной горе. О Долгорукове и Голохвастом, о том, как прошёл в монастырь отряд Сухана Останкова, да сколько пушек на стенах, да сколько пороха и припасов осталось. Особо – о царевне Ксении Годуновой, суть инокиня Ольга.

– А старцы, кои из знатных, всё грамоты государю шлют. Чёрный народ голодом мрёт, а старцы плачутся: дескать, на братью ныне только по две ествы в день, а питья на братью во всё лето – мёду и пива не давали. Дескать, солоду не стало – квасу поставить: воду на трапезу подавать! А колачей, жалуются, с чудотворцевой памяти в рот не клали. Да ходили старцы в покои Иоасафа и лаяли его словами паскудными, что неимушим хлеб раздаёт.

Митрий опустил от стыда голову, а когда осмелился поднять, воевода смотрел на него пристально и цепко, будто прицеливался.

– Игумена лаяли? – тихо переспросил Давыд Васильевич. – А он что?

– Он милость являл. Просящих без помощи не оставлял.

Жеребцов коротко кивнул, продолжил:

– А стрельцы да казаки как питаются?

– Скуднее, чем старцы, да простой народ во все отощал. Зимы не переживёт.

– Во Христе, говоришь, все братья... – сощурился, будто от боли, Давыд Васильевич. – Что ещё скажешь?

Пожалуй, за всю свою жизнь вестовой не говорил так много и так долго. Голос Давыда Васильевича звучал мягко, неспешно, и потому для Мити неожиданностью было, когда он резко произнёс, подводя итоги:

– Пока останешься здесь, при мне. Вместе придём в обитель.

Вечеру долго сидели воеводы, совет держали.

На другой день после обедни, собрав старшин, с кем пришёл от Костромы, сказал Жеребцов веско:

– Хочу, други мои, пройти до Троицы, к измученным в осаде стрельцам и казакам. Дому чудотворца нашего Сергия помощь подать. Нестроение их мирское уладить. Вы уже слышали: рядом стан Сапеги, тысячи воров покушаются на русскую землю. В тушинском стане разлад. Сколько продлится наше сидение – одному Господу известно. Потому возьму с собой только тех, кто волей своею доброй решит за веру православную пострадать. Отобьём Троицу – а там, глядишь, соберёмся да и погоним нечестивых голиком с русской земли.

Не колебались старшины, не долго думали стрельцы да казаки. Как один отозвались на призыв своего вождя. И отобрал воевода шесть сотен лучших воинов и три сотни слуг.

Зомме

Кристер Зомме нашёл в Давыде Васильевиче внимательного слушателя. В Калязине, ожидая Пунтуса, он с жаром рассказывал о своём кумире – принце Морице Оранском, который мечом отстоял своё государство от великого противника. Толмач спеша переводил:

– Главное, говорит, цифирная наука и жизнь еллинская. Еллины, мол, в войне горазды были

и книги умные написали – как побеждать способнее. Оранский этот всех людей в своём государстве обучать взялся – ежели война, каждый своё место знает: кто ямы и рвы копает, кто острожки и рогатки ставит, кто продовольствие подвозит, кто из мушкетов стреляет, кто пики держит. А пика эта тяжёлая, длиной семь аршин. Такой поди управься! Не день, не два учиться надо. И строй в одну черту – в середине с пиками, по бокам с мушкетами. И воеводы полковые знали бы, как в дело идти, и не ждали, пока их пикой в зад кольнут!

Толмач хмыкнул.

Жеребцов слушал с сомнением, но мысль его жадно применяла новое к знакомому.

– Ну, острожки – это и мы на Мангазее ставим. Ещё великий князь Василий Иванович так продвигался, с Речью Посполитой воюя: сначала в верховьях рек люди лес валили, потом стрельцы шли, а лес за ними по реке – и тут же острог ставили. Литва с поляками о те остроги билась – и назад отходила.

– Большой острог – хорошо! Малый острог – тоже хорошо, – улыбался Зомме.

– Словно рыба кость в горле: мала, а не вытащишь.

– Заступ – главное оружие войны! Так говорил принц Оранский. Каждый солдат должен лопату с собой носить, чтобы быстро укрытие ископать, – продолжал толмач.

– Ну, у нас, скорее, не лопату, а топор! – отвечал Давыд Васильевич. – Издавна засеки рубили – татар от границ отодвигали. Хотя и ямы волчьи – как же без них!

– Топор – хорошо! – кивал Зомме. – Лесу много! Русский топор любит! Что есть волчьи ямы?

Ну, сошлись воины натурами.

Потому-то, как только заняли Александрову слободу, принялись воеводы строить укрепления вокруг стен: рыли рвы, рубили у дорог, ведущих в слободу, острожки, ставили рогатки.

Якоб Понтуссон, пришедший к слободе последним, усмехался, глядя на копошение под стенами.

Зомме старался не разговаривать с Делагарди: он ощущал острое презрение к этому нарядному болтуну, не сумевшему удержать и десятой доли вверенного ему корпуса. Оба знали, что Делагарди под Тверью не все полученные от Скопина деньги раздал кнехтам, решил придержать – и потерял честь, сбежав вслед за своими

мародёрами на Валдай. Если он не сумел справиться с подчинёнными ему людьми, значит, должен был один идти и защищать честь своей страны, подписавшей договор!

Генерал же думал, что именно такие фанатики, как Зомме, могут сорвать его блистательную карьеру, что Зомме не промолчит дипломатично перед королём, а выложит всё как есть.

В тот момент, когда шведский генерал попал из-под Твери, презрение окатило Зомме. С тех пор рядом им было неуместно.

Посланные к Клементьевскому лагерю донесли, что 26 октября к Сапеге прибыл Ружинский со своими казаками. Совокупившись, двинулись они на слободу.

Сапега послал гонца к Лисовскому – велел устно напомнить ему день казни четырёх казаков Сухана: как он спас Лисовского от гнева рассвирепевшей толпы. «Я тебе должен!» – сказал тогда пан Александр. Пришло время возвращать долг – вести свой отряд на Александрову слободу. Но Лисовский исчез – как в воду канул.

29 октября Сапега с Ружинским пошли приступом на укрепления Александровой. До стен ещё надо было добраться – перед ними было и накопано, и туров наставлено. Русские и шведы стреляли из укрытий. Поперёк дороги стоял строй пикинёров с мушкетёрами по бокам. Это были русские – узнавались по длинным бородам. Сам Зомме стоял среди них с пикой, упёртой в землю, встречая конницу: русские должны видеть, что такой строй, если он не дрогнет, сможет сдержать навал!

И когда на них понеслись ошетиленные копьями всадники, Зомме закричал:

– Стоять!

Ахнули мушкеты, упали всадники, строй пехоты дрогнул, но выстоял, приняв на пики не успевших отвернуть лошадей!

Целый день поляки, литовские люди и казаки подъезжали на всём скаку к крепости – и принуждены были соскакивать с коней и биться пешими. Положили людей много, а пользы – ничуть.

Зомме был ранен в бедро. Пуля на излёте скользнула по латам и отскочила в ногу. Лекарь достал пулю, но рана кровоточила.

Неделю стояли Сапега и Ружинский под Александровой слободой. Обошли её со всех сторон, прощупывали укрепления, пытались нападать и так и эдак – и понимали, что увязли они, как стрела в войлоке. Ружинский выходил из се-

бя. Особенно бесило его, что он не мог сам принять участие в бою: простреленный летом бок не давал покоя, рана не заживала.

4 ноября был объявлен решительный приступ. Враги лезли через укрепления с ожесточением, кое-где им удалось даже добраться до самих стен – но силы иссякли, порыв пропал, и Сапега с Ружинским вынуждены были отступить. Постоянная мысль о том, что в Тушине без него всё может нарушиться, не давала пану Роману покоя. Вновь заканчивались порох и припасы. И гетманы отступили.

В слободе на совете воевод Зомме, морща лоб, настаивал на преследовании отступающих войск. Сейчас, и никак иначе, необходимо напасть на них, пока они идут в походном порядке, пока не засели вновь в своих укрепленных лагерях! Можно быстро освободить и Троицкий монастырь, и Москву!

Якоб Понтуссон Делагарди придерживался иного мнения: он утверждал, что сил у Скопина вместе со всеми его отрядами не хватит на то, чтобы разгромить столь опытных военачальников – Сапегу и Ружинского. Что можно потерять слишком много людей. Что в тылу, в Суздале, находится Лисовский, от которого всегда можно ожидать удара в спину.

Зомме, кривясь не только от боли в бедре, излагал свои доводы, обращаясь главным образом к самому старшему и самому опытному русскому – к Жеребцову. И это сильно задевало князя Скопина. Он положил не преследовать отступавших, однако отпустить Давыда Васильевича с его людьми в Троицкий монастырь.

Весть о победе Скопина над поляками быстро распространилась по всем городам и весям. Под Александровой слободой взяли казака – он называл себя вестником. При нём нашли грамоту, писанную к князю Скопину-Шуйскому от думного дворянина Прокопия Ляпунова, из рязанских детей боярских. Много в жизни намутил Ляпунов. В грамоте сей величал он Михаила Васильевича не князем, а царём, поздравляя его с царством.

– Видно, пьян был Прокопий, царём меня величая, – брезгливо откинув грамоту, произнёс молодой князь.

– Э, нет, ты достоин царского венца! – лгисто промолвил Пунтус, незаметно подобрав и разгладив грамоту.

Плелась сеть паучья.

Перед уходом Жеребцова Зомме пришёл к нему проститься. Без толмача. Глядя снизу вверх, говорил, с трудом подбирая русские слова.

– Ты уйти – и я уйти в Швецию. Рана болеть.

– Точно рана? – покачав головой, переспросил Давыд Васильевич.

– Рана! – Зомме приложил руку к сердцу. – Так бабы воевать.

– Не унывай, брат! Везде есть лизоблюды и крючкотворы!

– Как ты сказать? Лизо... что?

– Эх, нет толмача... Как тебе объяснить?

Вместе хохотали над попытками воеводы объясниться.

– Спасибо тебе, друг, за науку! – словно оторвав что-то, сказал воевода. Крепко обнял шведа: – Прощай!

– Адью, камрат! Прощай!

Жеребцов

Когда Давыд Васильевич заложил Строгановым меховую мангазейскую казну, серебро со своей личной доли он выделил особо. И вот настало время развязать мошну. На свои средства он покупал продовольствие, телеги, снаряжал обоз. Послал людей по всем ближним и дальним весям – найти побольше луку и чеснока, репы купить и моркови, капусты да огурцов солёных. Это сейчас для обители самая нужная еда.

Крестьяне даже за серебро не хотели отдавать припасов: самим нужно. Словом Христовым молили их – ради спасения Троицы от полной гибели. Лишь тогда на усадьбах расставлялись – иной с возом, а иной со связкой золотого лука, лилового чеснока, с кадушкой огурцов али дюжиной кочанов.

Вовремя подоспела в Александрову слободу посылка от Строгановых – соль и зелье пороховое. Добыли свинца.

Князь Михаил Васильевич Скопин был согласен с тем, что нельзя мешкать с отправкой помощи в Троицу. Но тратить свои деньги? Монаси не бедные, у них волостей едва ли не больше, чем у самого царя, да и приказчиков – слуг монастырских – поболее будет, чем самих чернецов.

Купят они, всё себе купят, соглашался Жеребцов. Только потом. А сейчас у них беда, и простой народ мрёт, и сил уже не осталось, всех выручать надо.

Ладно вышло: до того, как подступили под слободу силы Сапеги и Ружинского, успел мангазейский воевода собрать припас. И теперь на плечах Сапеги в один день дошёл он до Троицы – и встал перед Красными воротами Митрий-вестовой, узнали его монастырские и сразу поверили, что явилось спасение, и открылись ворота, впуская воинов и обоз.

Маша Брёхова, измученная неизвестностью, бросилась к Митрию – и при всех, как жена, обняла его. И строгий игумен Иоасаф со слезами на глазах благословил вернувшегося.

Войско торжественно стало на Троицкой площади, против него – все монастырские жители. Вышел Иоасаф в полном облачении со всем собором, и благословил воинство, и отслужил благодарственный молебен.

После молебна воеводы собрались на совет в палатах игумена.

– Вы, воеводы, – кивнул Жеребцов на сидящих, – своё дело сделали, обитель от разорения спасли и в борьбе неравной изнемогли. От воеводы Михаила Васильевича Скопина-Шуйского я поставлен отныне – обитель до самого истребления неприятеля блюсти. Приказываю: переписать все сословия в единый список – и монахов, и слуг, и стрельцов, и казаков, да всех жёнок и робят учесть. Определить всем равное жильё под крышей, да чтобы с печами. Все запасы монастырские я беру в своё ведомство. Да вот мой воевода архангельский Груздь займётся: всем равное продовольствие назначить. Что чернецам, что крестьянам. И дров всем равно давать. А ежели кто из старцев недоволен будет, так пусть пожалует ко мне на правёж.

Долгоруков вопросительно взглянул на Иоасафа, но тот, гордо подняв голову, медленно и согласно кивнул.

На другой же день воевода отрядил устюжан и мангазейцев за дровами. И ездили в Благовещенский овраг по дрова постоянно, если дождей не было, до самого снега, и по снегу на санях ежедневно.

Сам же Давыд Васильевич с Груздём да приставшим к нему Митрием явились к старцу Макарию, что келарские дела вёл. И забрали у него счётные книги и ключи. И повелел воевода все монастырские запасы показывать. И взял он из рук старца Макария двадцать четвертей ржи, двести четвертей сухарей, да в хлебне муки ржаной сорок четвертей, да овса семь тысяч семьсот семьдесят шесть четвертей.

Жеребцов молча качал головой: столько запасов, что хватит всё войско Скопина прокормить, а укрывшиеся в обители крестьяне с голоду пухнут.

Старец Макарий уныло жаловался, мол, конная мельница испорчена, и лесу нет, и починить нечем. Да молоть некому, ибо пленные, трудившиеся на ручных жерновах, почти все перемерли.

Да старцы монастырские роптали, приходили они к архимандриту и ругали его, что позволил Жеребцову монастырскими запасами распорядиться, над ними, честными старцами, насилие учинил.

— Господи, вразуми близоруких! — молил Иоасаф. — Кажется им, что припасов осталось лишь на седмицу. Яви чудо, чтобы хватило припасов на всё осадное сидение!

И добыли лесу, и починили конную мельницу.

И стали молоть в день только три осмины ржи или овса, пекли же в день по четыре квашни, а в квашне — пять четвертей. И к тем хлебам каждый день брали на трапезу сухарей — по десять-одиннадцать четвертей. Мясо же в дни разговения поровну давали — скотину, что загнали в ворота ещё в сентябре, постепенно резали.

Да Иоасаф своим иждивением заботился о самых бедных и нищих — ни один страждущий не уходил от него с пустыми руками.

Неожиданно явилась к Жеребцову Маша Брёхова да просила дать ей и девкам охрану: знают, мол, они, где в лесу калина да клюква созрели, а без ягод вновь цинга может начаться. Подивился воевода мудрости девичьей и дал ей два десятка казаков. Собрала Маша девок да баб, и выбирались они о ясной погоде по ягоды.

Старец Симеон, описывая происходящее в письме к келарю Авраамии, рассказывал о главном: как Жеребцов учинил у Троицы осадным людям многую помощь и свободу от тесноты литовских людей, многие острожки под литовскими людьми велел поставить и стать в них конным и пешим, и великую тесноту тем литовским людям учинил.

Однако не для того Давыд Васильевич в Троицу шёл, чтобы возле мельницы сидеть. Он возобновил вылазки из крепости, и в ноябре его отряды прошли на полночь на тридцать вёрст и отбили у тушинцев большое село Константиново, через которое из Александровой слободы вёл кратчайший путь на Волгу, выдвинулись ещё на пятнадцать вёрст и освободили от врагов Заболотье и все окрестные деревни.

В Константинове Жеребцов задержался на пару дней — и дождался, когда через село прошёл на Волгу отряд полковника Кристера Зомме. Сполна расплатившись со своими людьми, Зомме объявил им о своём решении вернуться домой для лечения. Все раненые и часть здоровых отправились с ним — постановили: на всех дорогах неспокойно, солдаты должны охранять своего командира.

В Константинове Давыд Васильевич простился с Зомме — теперь уже навсегда.

Воевода Семён Головин стал лагерем на Киржачской дороге, в селе Ботово, подле Гремячего ключа, освящённого Сергием Радонежским. С высокого холма местность была как на ладони, и напрасно пытался Сапега разгромить лагерь Головина, чтобы обеспечить свободное движение к Киржачу, к Стромынской дороге.

По этой самой Стромынке в середине ноября в Александрову слободу прибыли из Москвы отряды князей Ивана Семёновича Куракина и Бориса Михайловича Лыкова-Оболенского. Из Владимира пришёл Фёдор Иванович Шереметев. Скопин отправил отряды под Ростов и Кашин. Тушинцев оттуда выбили, и они пробирались к Москве просёлками, окончательно превратившись в грабителей.

Однако рать, отправленная под Суздаль на пана Лисовского, потерпела поражение. Красавец Лисовский слыл счастливчиком. Теперь он издали следил за тушинскими распрями, не влезая в них, и люди его, и кони были сыты на приволье Суздальской земли.

Силы Сапеги таяли. Люди его, смущаемые вестями из тушинского лагеря, всё менее хотели умирать на чужой земле.

Позже, много позже коронный гетман Станислав Жолкевский, размышляя над рукописью «Начало и успех Московской войны», напишет: «...Скопин очень теснил наших, построением укреплений отрезал им привоз съестных припасов, а в особенности тем, кои с Сапегою стояли под Троицею; они несколько раз покушались под Колязиным монастырём и подле Александровой слободы, но, прикрываемый укреплениями, Скопин отражал их, избегая сражения, и стеснял их своими новыми укреплениями. Укрепления сии были наподобие отдельных укреплений или замков, каковой хитрости москвитян научил Зомме. Ибо в поле наши были им страшны; за этими же укреплениями, с которыми наши не знали,

что делать, москвитяне были совершенно без-опасны; делая беспрестанно из них вылазки на копейщиков, не давали нашим никуда вы-ходить».

Ружинский

Роман Ружинский спешил вернуться из-под стен Александровой слободы в тушинский ла-герь. Ему казалось, что он единственный, кто ещё держит сторонников Димитрия в своих ру-ках. Без него всё рассыплется прахом. Пораже-ние под стенами Александровой слободы отзы-валось ноющей болью, сливавшейся с неутולי-мым страданием от пробитого стрелой бока. Королевские послы, прибывшие от Сигизмунда, каждый день держали совет с боярином Салты-ковым и патриархом Романовым, неизменно кончавшийся попойкой.

Первой вестью в Тушине было прибытие в царьков дворец пана Адама Вишневецкого. Ме-ховецкий придумал второго Димитрия, Адам Вишневецкий – первого. Теперь Адам и царик, за-першись вдвоём, пьют горькую. Как долго? Да по-читай с того дня, как вы, пане, отбыли к Сапеге.

Тот самый Вишневецкий, упрекавший его, Романа, что он перекрестился из православия в католичество! Православный...

Вновь ярость неукротимой волной затопила голову. В руках оказалась палка. Ружинский вы-ставил дверь. Он охаживал палкой пьяного пана Вишневецкого, пока та не переломилась. Обло-мок швырнул в царика, который успел схватить-ся за ручку двери. Роман, задыхаясь от боли в боку, дал ему выбежать на улицу и спрятаться в клеть подле дворца, выпил всё, что оставалось на столе, и, мгновенно опьянев и чувствуя, как холодающе мертвеет рука, едва добрёл до своих покоев.

Воинство шаталось, разбредалось, слухи хо-дили один чуднее другого. Сам Ружинский, на-пившись раз, стал пить каждый день: ему каза-лось, что так боль, мучившая его всё сильнее, отступала. На просьбы царика дать ему лоша-дей или разрешить прогулки отвечал яростным отказом, совсем перестал выделять средства на питание Лжедмитрия. Однако приказал усилить караулы вокруг всего лагеря.

14 декабря прибыли из-под Смоленска коро-левские послы. Сигизмунд поручил им перема-нить войско тушинского царика на сторону коро-ля, привезти под Смоленск. Это добавило тол-ков и пересудов.

Однажды царик исчез. Едва весть разнес-лась по лагерю, как толпы наёмников бросились грабить дворец. Ружинский приказал обыскать обоз и повозки королевских послов, но там царя не нашлось – ни живого, ни мёртвого.

Пан Тышкевич вышел со своим полком про-тив Ружинского, обвиняя Романа в убийстве ца-рика. Люди Тышкевича начали без команды па-лить по палаткам Ружинского, пытались про-рваться к войсковому обозу. С огромным трудом сторонники Ружинского сумели не допустить разграбления обоза.

Царик, однако, был жив. Лёжа на телеге под грудой тёса, он сумел выехать из лагеря, бро-сив царицу Марину, и добрался до Калуги. От-туда он в грамотах обвинял Ружинского в поку-шении и требовал его отстранения от должно-сти гетмана.

Отряды донских казаков, верные своей при-сяге Лжедмитрию, вопреки воле атамана Заруц-кого решили уйти в Калугу. Заруцкий бросился за помощью к Ружинскому. Хоругви Ружинского ударили в тыл не ожидающим вероломства ка-закам и истребили две тысячи человек.

Варилась каша крутенька.

Январь 1610 года

Сапега

Замечь, замечь. Буря снежная. Рождество близко.

Водка на клюкве. От неё не так болит голова, как от иных русских водок.

Ян Пётр Сапега. Сапега Пётр Ян. Хитрый лис. Вот тебе и сорок. Что дальше? А?

Швырнул в угол стопку.

Твёрдым шагом приблизился к ложу. Выгнал из-под одеяла дебелую грудастую девку, что гре-ла постель.

Девка фыркнула, обиженно ушла.

Упал как подкошенный. В голове звенело – будто струйка фонтана.

Опять фонтан. Падуя. Белые стены. Черно-кудрая дочка аптекаря. Ей поручил отец выко-пать драгоценный корень мандрагоры. Она вы-копала два. Приготовила настойку. Ей так хоте-лось присушить этого зеленоглазого славянина!

Он выпил настойку корня-человечка за один раз. Ощутил мужскую ярость и не отпускал апте-карскую дочку, пока она, измученная, не уполз-ла. Впал в забытё. Его качала морская волна – долго-долго качала, влекла за собой, не отпуска-

ла, и он, потеряв разум и волю, готов был делать всё, что ему прикажут.

Как это случилось? Почему он до сих пор здесь, под Троицей? Корень какой мандрагоры подсунули им всем, когда они, одурманенные, собрались на Москву ставить царя?

Как ему опротивели эти заснеженные поля! Что же мешает уйти? Жадность...

Падуя. Кольцо стен. Стены растут, растут вверх – это анатомический театр. Профессор со скальпелем. Вскрытие трупа.

Внезапная тошнота подкатила: вспомнил, как год назад пытали троцкого гонца. Раскалённым тазом накрывали его живот, посадив туда крыс. И крысы, спасаясь, насквозь прогрызали плоть!..

Крысы. Они сами – крысы. Этот медлительный круглолицый Скопин накрыл их всех раскалённым медным тазом. Это они прогрызают сейчас свою собственную плоть, чтобы найти путь к спасению. Мечется по Тушинскому стану Ружинский. Себе на уме Лисовский, белые перья на его шлеме пообломались. Оба они – щенки. Он-то, как он-то дал себя завлечь в этот балаган?

Троицы теперь не взять. Жеребец и близко не подпустит.

Надежда одна – что Сигизмунд примет его сотни-хоругви к себе на службу. Он, Сапега, послал к Ружинскому с требованием, чтобы с королевскими послами велись об этом переговоры.

Крысы прогрызают плоть.

Кого ты хочешь обмануть? Себя?

У короля нет лишних денег. Даже если появятся, вокруг него сотни жаждущих урвать кусок пожирнее. Король – фанатичный католик. Он, Сапега, не сменил веру, как Ружинский. Он православный. Стало быть, с Сигизмундом ему не по пути.

Но из-под Троицы пора уходить.

14 января в четвёртом часу ночи пришёл в Троицкий Сергиев монастырь Григорий Леонтьевич Валуев, а с ним пятьсот мужей, и все с оружием.

Жеребцов со своими воинами был наготове. У Красных и Каличьих ворот и у Пивного двора стояли отряды Долгорукова, Голохвастого, Останкова – все воины, что остались в живых. Они ждали решающей битвы.

Едва рассвело, вышли они разом из всех ворот, разом напали на все роты, стоящие вокруг крепости, зажгли литовские станы. Бились на Келаревом пруду, на Красной горе и на Волкуше.

Сапега принял бой. Он построил верные ему хоругви на Клементьевском поле. Но конница не могла успешно атаковать по снегу, боевые порядки пехоты редели от густого русского ружейного огня.

Многие московские бойцы в этот день испили чашу смертную, но вдвое больше пало воинов Сапеги.

И разошлись войска по своим станам.

Буря снежная, замечь, замечь – хоронила неподобных.

Через неделю, едва утихла непогода, Сапега со всеми своими хоругвями навсегда покинул Клементьевский лагерь.

Жеребцов

Жеребцов отправил двух самых ретивых старшин из троицких сидельцев – Ходырева и Карцова с сотней казаков – следить, куда двинулся Сапега. Вернувшись через неделю, они доложили, что Сапега резво до Дмитрова добежал и там укрепился.

Тогда Иоасаф продиктовал грамоту старцу Симеону, и послали к государю старца Макария Куровского со святой водой и посланием.

Не промедлив, явился из Москвы спряпчий Василий Фёдоров, сын Янов. По наказу государеву говорил он первую речь Давиду Васильевичу Жеребцову и подал ему золотой. Вторую речь говорил окольному князю Григорью Борисовичу Роще Долгорукову, подал ему золотой тож, и третью речь – Алексею Ивановичу Голохвастому.

И служили молебн, и устроили пир. И помнили на том пиру всех погибших.

И записал Авраамий Палицын: «Всего же у Живоначальной Троицы в осаде умерло старцев, и ратных людей было побито, и умерло от осадной немощи слуг, и служебных людей, стрельцов, казаков, пушкарей, застенных бойцов, галичан, даточных людей и прислуги две тысячи сто двадцать пять человек, не считая женского пола, недорослей, маломощных и старых...

Блаженны и вы, скончавшиеся в Доме чудотворца и имеющие смелость к нему обращаться!»

В феврале же, после бегства тушинского царька в Калугу и отхода Сапеги в Дмитров, пришёл в Троицу из Александровой слободы со всем воинством князь Михаил Васильевич Скопин-Шуйский, и кончились на том бедствия Троицкие.

ЭПИЛОГ

Князь Роман Кириллович Ружинский, гетман Тушинского лагеря, после бегства царька в Калугу, поражения Сапеги в Дмитрове и отхода его к литовскому рубежу сжёг Тушинский лагерь и ушёл к Волоку-Ламскому. У него оставалось три с половиной тысячи польских воинов, желающих идти служить королю, и три с половиной сотни казаков. Остальные разбрелись.

Ружинский хотел задержать полк Руцкого, стоявший в Иосифо-Волоцком монастыре, и поехал его уговаривать.

«Во время встречи люди Руцкого, не поддавшись на уговоры, ухватились за оружие, рассердившись на князя Ружинского из-за какого-то ничтожного повода. Он тоже не стерпел. Те, кто был с Ружинским, едва увели его, утихомирив бунт. При этом Ружинский где-то на каменной лестнице упал на простреленный бок. Вскоре после этого он, частью из-за меланхолии, ибо терзался мыслями о том случае, а частью из-за ушиба, заболел и впал в горячку», — так описывает произошедшее Миколай Мархоцкий в «Истории Московской войны».

Проболев неделю, 4 апреля 1610 года Роман Ружинский умер в Иосифо-Волоцком монастыре.

В марте 1610 года князь Михаил Васильевич Скопин-Шуйский торжественно вступил в освобождённую от блокады Москву победителем. Государь принял его и иных воевод с почестями и одарил богатыми подарками. Начались пиры, на которых бояре чаще всего пили за здоровье молодого полководца. На одном из таких пиров он принял чашу из рук Екатерины Шуйской, царской невестки, дочери Малюты Скуратова. Выпил. Тотчас князю стало плохо, кровь хлынула носом. 3 мая, через неделю, Михаила Васильевича не стало. Москва была потрясена смертью своего освободителя.

Шуйский лицемерно плакал на похоронах родственника, вслух говоря, что умер Скопин с перепою. Но народная молва была неумолимой: отравили!

Вместе со Скопиным-Шуйским прибыла в Москву царевна Ксения Борисовна Годунова, сиречь инокиня Ольга. Обосновалась она в Новодевичьем монастыре, который вскоре был взят казаками Первого ополчения под предводи-

тельством Ивана Мартыновича Заруцкого. Казаки, как свидетельствует источник, ограбили царевну донага.

Пан Лисовский в феврале 1610 года, оставив свои отряды во главе с атаманом Андреем Просовецким в спокойном Суздале, налегке поскакал под Смоленск, к Сигизмунду. Там король лично снял с изгнанника инфамию — позволил ему вернуться на родину и служить своему королю. Но прежде, чем служить королю, Лисовский хотел вернуть должок русскому воеводе, который четырежды оставил его с носом. Пан прискакал в Суздаль, где узнал, что Жеребцов, вероятнее всего, находится в Калязине. С малыми силами.

Царь Василий Шуйский между московскими пирами напомнил Жеребцову, что тот всё ещё остаётся мангазейским воеводой, и недвусмысленно посоветовал отправиться на место службы. Жеребцов намёк понял и прошёл с товарищами на Волгу, собираясь двигаться на Кострому и далее на север.

В апреле Лисовский с Просовецким разграбили многострадальный Ростов и 2 мая вышли к Калязинскому монастырю.

92

В обители у Жеребцова было всего тридцать воинов. В жестокой схватке погибли настоятель обители, все монахи, воины и сам воевода Давыд Васильевич Жеребцов. Монастырь сгорел. Мощи преподобного Макария Калязинского враги вынули из раки и разбросали по пепелищу, серебряную раку — вклад Бориса Годунова — разрубили на части и увезли.

Так в начале мая были убиты два вождя народно-освободительного движения — князь Скопин и воевода Жеребцов. Лишь год прошёл с того дня, когда Давыд Васильевич выбил поляков из Костромы, начав очищать русскую землю. Однако ныне польский король Сигизмунд III осаждал Смоленск, готовил поход на Москву. Польская интервенция только начиналась.

Довольный мщением, Лисовский повернул на запад, через Тверь дошёл до Торопца, затем через Великие Луки метнулся на Псков. Кровавый след стелился за ним.

Марья, вдова Давыда Васильевича Жеребцова, «осталась з детми своими с четырьмя дочерми з девками с Марьицею, да с Федоркою, да с Матрёнкою, да с Марфицею». Била челом она государю Василию Шуйскому, что ввозную гра-

моту на поместье похитили литовские люди. Царь подтвердил права вдовы на поместье.

Имя ржевского дворянина, воеводы Мангазейского Давыда Васильевича Жеребцова включено в синодики Костромского Богоявленского и Троицкого Макарьева монастырей на вечное поминовение.

Воевода Григорий Леонтьевич Валуев в июне 1610 года с шеститысячным отрядом освободил от поляков Можайск и занял село Царёво Займище на Большой Смоленской дороге. Тут он выстроил острог и стал поджидать войско под командованием Дмитрия Шуйского и Делагарди, которое двигалось из Москвы на помощь Смоленску. Но раньше к Царёву Займищу подступил с запада коронный гетман Жолкевский с силами, в два раза превышающими силы Валуева, и осадил острог.

23 июня 1610 года войско из Москвы остановилось под селом Клушино в 12 верстах от Царёва Займища. Жолкевский ночью прошёл лесными дорогами и напал на русскую часть войска. Началась упорная битва.

Однако отряды наёмников не вступали в сражение. Накануне ландскнехты едва не взбунтовались, требуя денег. Шведский полководец Якоб Понтуссон Делагарди получил от царя огромную сумму, но не спешил расплачиваться, ожидая, что после битвы войско поредеет. Прямо на поле битвы наёмники подняли бунт, разграбили русские обозы и ушли под знамёна Жолкевского. Пунтус предал русских, перешёл к шведам и роздал им деньги, выданные Шуйским. Шведский корпус перестал существовать. Русская часть войска была разбита.

После этого Делагарди прожил ещё 42 года.

Осаждённый в Царёвом Займище Валуев после вести о гибели войска вынужден был сдаться Жолкевскому. Позже он присягнул Романову, служил воеводой в Ельце, Вязьме и Астрахани. Умер в 1626 году.

После снятия осады с Троицкого монастыря архимандрит Иоасаф, не желая оставаться в одной обители с теми старцами, что хулили его за помощь неимущим, вернулся в Пафнутьев Боровский монастырь. Эта обитель, как и Троицкая, была к тому времени мощной крепостью с каменными стенами и башнями. В июле 1610 года к ней подступило войско Тушинского царька, шедшее под командованием гетмана Яна Петра Сапеги из Калуги на Москву.

Архимандрит Иоасаф убедил братию и воеводу сесть в осаду. В обитель и за палисад, окружавший её, набилось много крестьян. Но 3 июля 1610 года монастырь был взят приступом. Иоасаф погиб. Православная церковь почитает его как священномученика.

Хорунжий Будила, участник штурма, записал в своём дневнике: «5 июля войско шло к Москве через Боровский монастырь, лежащий на расстоянии польской мили от Боровска. Монастырь этот был каменный и довольно сильно укреплённый, кругом его была глубокая вода и окопы. Когда русские не хотели сдаться, то наше войско решилось не отходить, пока не добудет их. Поэтому того же вышесказанного числа наши послали отряд на штурм, который осаждённые три раза отбили. Наше войско, стоявшее в готовности около этого монастыря, увидев, что осаждённые бьются крепко и осаждающие несут потери, по данному знаку со всех сторон ринулось с великим криком и, прилетев к стенам на конях, соскочило с коней и сначала ворвалось за палисадник. Русские, перепугавшись от этого грома, побежали в каменный монастырь, за которыми наши сейчас же вскочили на стены, не дав русским ни развернуться, ни запереть ворота, и в ярости всех до одного вырезали».

Братская могила в монастыре почитается и поныне.

27 июля 1610 года царь Василий Иванович Шуйский после поражения русского войска под Клушином от коронного гетмана Жолкевского был свергнут с престола и насильно пострижен в монахи. В сентябре того же года бояре выдали Шуйского Жолкевскому. Бывшего царя привезли под Смоленск, где он присягнул королю Сигизмунду. Умер Шуйский в заключении 12 сентября 1612 года.

Поражение под Клушином стало спусковым крючком для шведских бесчинств на русской земле, к оккупации Новгорода и других городов на севере.

После низложения Шуйского Семибоярщина — новое московское правительство — избрала польского королевича Владислава царём. В Москве и Новгороде начали чеканить золотую и серебряную монету от имени царя Владислава Жигимонтовича. Новый царь заочно принял присягу и получил привезённые ему царские регалии. В течение двадцати четырёх лет после этого царём русским официально считался польский королевич, ни разу не побывавший в Москве.

Только в 1634 году по итогам Поляновского мира Владислав Ваза, получив крупную сумму, отказался от титула царя и претензий на русский трон.

Тушинский царёк был предательски убит в Калуге 21 декабря 1610 года начальником своей стражи татаринном Петром Урусовым.

Воодушевлённые грамотами патриарха Гермогена, призывающими освободить страну от врагов, в феврале 1611 года в Нижнем Новгороде собрались отряды, которые потом историки назовут Первым народным ополчением. К ним присоединялись отряды казаков Просовецкого, Заруцкого, отряд думного дворянина Прокопия Ляпунова. Ополчение дошло до Москвы и атаковало башни Белого города и Китай-города. Было взято девять десятых Москвы. Но в Кремле всё-таки держались поляки.

Поляки подбросили казакам грамоты, где утверждали, что Ляпунов пытается уничтожить казачество. 22 июля 1611 года Ляпунов был вызван на казачий круг и там зарублен.

Гетман Ян Пётр Сапега после гибели Лжедмитрия II покаялся перед польским королём. Сигизмунд простил Сапегу и отправил его воевать с ополчением Прокопия Ляпунова, стремящимся освободить русскую землю от поляков, представлявших новопровозглашённого московского царя – королевича Владислава Вазу.

15 августа 1611 года Сапега столкнулся с отрядами Первого ополчения, погубившими своего вождя, штурмом взял Белый город Москвы и вошёл в Кремль. В середине сентября гетман заболел и через месяц, 15 октября 1611 года, в Кремле умер.

Полковник Кристер Абрахамссон Зомме вернулся на родину. В это время шведский король Карл IX вёл подготовку к войне с Данией. Дания решила выступить первой, не дожидаясь нападения шведов.

Итак, Кальмарская война. С её началом в 1611 году Зомме был назначен комендантом Кальмара. На военном совете полковник возразил королю, что пороха всего полтора бочонка, что запасов еды в замке недостаточно, что сесть в осаду – значит погубить всё мирное население. Король пришёл в ярость и прилюдно ответил Зомме пощёчину:

– Выполняйте приказ!

Кристер Зомме отбыл в замок Кальмар и вскоре добровольно сдал его королю Дании. Полковник осмелился направить королю Швеции письмо, обвиняя в случившемся его. Карл IX вознегодовал. Вскоре после получения этого письма король умер.

О дальнейшей жизни Зомме ничего не известно.

События этих страшных лет заставили и русских крестьян, прежде лишь пахавших землю, и служилое сословие, обязанное выполнять приказы воевод, и беспечных казаков, и купечество размышлять о том, о чём они раньше не думали: о судьбе государства. Простые люди учились понимать, что происходит, искали правду, взвешивали её на весах совести и делали свой выбор. Ошибались и вновь всматривались, вслушивались, думали, делали.

В сентябре 1611 года в Нижнем Новгороде зародилось Второе народное ополчение. Земский староста нижегородский Кузьма Минин организовал сбор средств на строение ратных людей. Кузьма Минин, как выборный человек от земства, предложил назвать начальника будущего ополчения. Им стал опытный воевода князь Пожарский.

Ополчение за год усилилось и дошло до Москвы. 5 ноября 1612 года после нескольких кровопролитных сражений поляки, засевшие в Кремле, сдались. Москва была освобождена.

Окольный князь Григорий Борисович Роща Долгоруков с сыном погибли 22 сентября 1612 года в Вологде, когда запорожские казаки литовского воеводы Яна Ходкевича ринулись к целой доселе Вологде, взяли город приступом, людей изрубили, церкви ограбили, город и посады до основания выжгли.

О судьбе Алексея Ивановича Голохвастого известий нет.

Отрок Михаил Фёдорович Романов, скорбный ногами, сын тушинского патриарха Филарета Романова, в 1613 году был венчан на царство. Помнил ли он, как шестилетним мальчиком вместе с матерью жил в селе Клины за приставом Давыдом Васильевичем Жеребцовым? Знал ли, как отец его целовал крест тому, кого история называет Лжедмитрием II и Тушинским вором, как ратовал потом за поставление на царство Вла-

дислава Вазы, сына польского короля Сигизмунда III?

Царствование первого Романова началось с того, что трёхлетний сын Марины Мнишек, Ворёнок, объявленный после смерти Тушинского вора наследником престола, был схвачен вместе с матерью и на Москве повешен.

Пан Александр Юзеф Лисовский успешно воевал под Смоленском, заслужил титул полковника Его Королевского Величества и патент на формирование нового полка. В 1615 году полк лисовчиков (2 тысячи человек) совершил грабительский рейд по территории России от Брянска и Орла до Ржева и Пскова, за что Лисовский был удостоен аудиенции у короля и получил 10 тысяч флоринов на новый разбойничий поход.

Осенью 1616 года пан Лисовский, похваляясь разорить русскую землю, во главе полка выступил из Гомеля к Стародубу. В Комарицкой волости он внезапно упал с коня и умер. Потомков у него не осталось.

Келарь Авраамий Палицын написал «Сказание об осаде Троице-Сергиева монастыря» – с XVII по XIX век известно 226 его списков. По сравнению с другими произведениями древнерусской литературы это исключительно много.

В 1620 году старец Авраамий вернулся в Соловецкий монастырь, откуда начал свой иноческий путь. Там он и скончался в 1626, а может, в 1627 году.

Троице-Сергиев монастырь сильно пострадал от осады. Стены и частично башни просели над вырытыми слухами, были повреждены обстрелами.

В 1618 году армия Речи Посполитой вновь подступила к Троицкому монастырю. В то же время казаки во главе с гетманом Петром Сагайдачным взяли предместья Калуги. В этих условиях в селе Деулино, близ Троицкого монастыря, было заключено Деулинское перемирие, возвращавшее Московское государство в границы XV века, но дававшее измученному народу передышку.

В 1688 году Троицкий монастырь объявлен ставропигиальным, а указом императрицы Елизаветы Петровны от 1742 года монастырю присвоен статус и наименование лавры.

Город Туруханск в низовьях Енисея, основанный воеводой Жеребцовым, не остался одиноком

на этой великой реке. В 1619 году неукротимые в своём стремлении на восток казаки построили выше по течению острог Енисейск. В 1628 году для «новово острожного ставления» стрельцы и казаки пришли на берег реки Качи, впадающей в Енисей, и поставили Красноярск. Продолжалось движение русских встреч солнцу.

Митрий после снятия осады с Троицкого монастыря, возможно, вернулся в сожжённый Углич.

Это единственный из главных героев, которого мне как автору пришлось придумать. И мне так хотелось бы, чтобы он нашёл родной дом, живых родителей и сестру!

Но вероятнее иное: родители убиты, сестра сошла с ума.

Мне бы хотелось, чтобы путь юноши соединился с путём воеводы Жеребцова. Но Давыду Васильеву после снятия осады оставалось жить всего четыре месяца.

Хотелось бы, чтобы Митрий остался предан архимандриту Иоасафу – но Иоасаф пережил Жеребцова всего на два месяца.

И хочется мне, чтобы стал Митрий зодчим, отстраивал разрушенные войной города, возводил храмы.

Долго лежала впусте земля русская. Зарастали поля, обращалось в пустоши возделанное – некому было землю угоить. Кто погиб от рук воровских, кто от голода и болезней помер. В 1617 году был подписан Столбовский мир со шведами, на следующий год – Деулинское перемирие с поляками. Это остановило кровопролитие. Но Москва вынуждена была уступить и шведам, и полякам множество городов, государство вернулось в границы столетней давности.

Есть в Угличе, на холме, Алексеевский монастырь, основанный в XIV веке митрополитом Алексием из рода Бяковых, предком Давыда Васильевича Жеребцова.

В 1628 году в Алексеевском монастыре, где после разрушения города были похоронены тела сотен защитников Углича, воздвигли церковь Успения Божьей Матери – трёхглавую – в честь Святой Троицы, каждая главка – шатром. Зодчий её неизвестен.

В городе зовут эту церковь Дивной.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Словарь

Архимандрит – высшее звание иеромонаха, обычно настоятеля мужского монастыря.

Аспид – 1. Род ядовитой змеи. 2. Злобный, злой человек.

Бабки – нижние части конечности лошади от пястно-путового до пугово-венечного сустава.

Бечева – здесь: кручёная толстая верёвка.

Бражка (брага) – здесь: слабоалкогольный напиток из солода; домашнее пиво.

Бунчук – древко с привязанным конским хвостом, служившее знаком власти у казачьих атаманов, польских гетманов.

Валёк – деревянная пластина с поперечными желобами и ручкой на одном конце для выколачивания (стирки) и прокатывания (глаженья) белья.

Вервь – здесь: фитиль.

Воловня – строение для содержания волов.

Волчья яма – яма с вбитыми в дно заострёнными кверху кольями, замаскированная сверху.

Вор – здесь: государственный преступник.

Всполошной – о колоколе: сигнальный, тот, который бьёт тревогу.

Выход ордынский – налог, дань, которую выплачивали русские земли в XIII–XV веках Золотой Орде.

Гетман – звание командующего армией в Речи Посполитой.

Голик – голый, обтрепавшийся веник.

Голова – здесь: сотенный голова, командующий сотней воинов.

Головицки – чин церковнослужителя, возглавлявшего певчих на крылосе.

Гульбище – здесь: деревянная галерея, проходящая вдоль здания.

Даточный – относящийся к даточным людям – ополчению, составлявшемуся из членов посадской общины.

Дебелый – здесь: дородный.

Дети боярские – сословие, обязанное нести воинскую службу и получавшее за это поместья. Входили в состав поместной конницы. В мирное время служили в качестве государственных чиновников. Не являются детьми бояр.

Дерюга – грубая ткань из льняной пряжи.

Децемвир – член коллегии из десяти человек в Древнем Риме.

Доброхотствовать – желать добра и делать добро.

Домовина – гроб.

Донец – здесь: донской казак.

Доспешный – одетый в доспехи.

Дуля – груша.

Эллины – эллины, древние греки.

Епитимья – вид церковного наказания для мирян.

Ефимок – русское название европейского серебряного талера (иоакимсталера) – монеты весом 28 граммов.

Жалиться – здесь: жаловаться.

Живот – здесь: жизнь.

Жупан – верхняя одежда у польской шляхты, разновидность полукафтана, то есть укороченный по сравнению с долгополым кафтаном. Жупан надевался под другое верхнее платье.

Жолнёр – солдат-пехотинец в польской армии.

Забрало – здесь: сооружение, образующее верхнюю часть крепостной стены, за которым можно укрыться от огня противника.

Замечь (польск.) – метель.

Засека – оборонительное сооружение из деревьев, поваленных крест-накрест или вершинами в сторону противника.

Затинщик – служилый человек, обслуживающий крепостную артиллерию и пищали. От слова тын – ограждение, крепостная стена.

Зелье – здесь: порох.

Злотый – в XVII веке серебряная монета Речи Посполитой.

Зорить – разорять.

Изгон – набег. Взять изгоном – взять набегом, без осады.

Исподнее – нижнее бельё.

Келарь – заведующий монастырским столом, кладовой со съестными припасами и их отпуском в кухню. В больших монастырях келарям давалось два помощника.

Келейник – монах или послушник, являющийся прислужником при архиерее, игумене или старце.

Кираса – нательное защитное снаряжение, состоящее из цельнометаллических грудной и спинной пластин (иногда только из грудной).

Клирик – служитель церкви.

Кнехт – здесь: наёмный солдат.

Колет – мужская короткая приталенная куртка без рукавов, обычно из светлой кожи.

Кол-звезда – Полярная звезда.

Комаринец – житель Комарицкой волости – исторической области на юге Брянской области и в сопредельных районах Орловской и Курской областей по реке Неруссе.

Комель – нижняя часть ствола дерева; здесь: нижняя часть ветки.

Корда – клинковое оружие, переходный вариант между мечом и саблей. Корда имеет больший рубящий эффект, чем меч, и в то же время более приспособлена для колющих ударов, чем сабля.

Кормление – вид пожалования великих и удельных князей своим должностным лицам, по которому кормленщик содержался во время службы за счёт местного населения.

Крица – рыхлая губчатая железная масса, не очищенная от шлаковых включений, получаемая из руды.

Кулеш – жидкая каша, похлёбка, традиционная состоящая из пшённой крупы и сала.

Ландскнехт – наёмный пехотинец.

Латинянин – здесь: католик.

Лисовчик – воин, служащий в отрядах, подчиняющихся Александру Лисовскому.

Литва – здесь: воины Великого княжества Литовского, в которое, кроме литовских и жемайтских земель, в частности, входили Друцкое, Витебское, Минское, Пинское, Туровское, Слуцкое, Брянское, Черниговское, Киевское княжества, Волынь.

Лях – здесь: поляк.

Митра – головной убор священника, твёрдая шапка с круглым верхом.

Мних – монах.

Монаси – монахи.

Мушкет – тяжёлое дульнозарядное ружьё крупного калибра.

Мясной – здесь: цвета мяса.

Наймит – наёмник.

Надолбы – заграждения из брёвен, вбитых в землю.

Намёт – галоп – вид походки лошади.

Насад – речное плоскодонное беспалубное судно с высокими набитыми (насаженными) бортами.

Неможет, немогут – болен, больны. От немочь – болезнь.

Одесную – справа.

Окольничий – второй после боярина думный чин в Русском государстве XV–XVII веков. Окольничий имел право участвовать в заседании Боярской думы.

Опалиться – рассердиться.

Острог – постоянный или временный укрепленный пункт, обнесённый частоколом из заострённых сверху брёвен.

Отчина – наследственное земельное владение.

Охальник – тот, кто ведёт себя непристойно.

Охотник – здесь: человек, который участвует в чём-либо по своей охоте, по доброй воле.

Палаш – рубяще-колющее холодное оружие с широким к концу, прямым и длинным клинком.

Палисад – стена из столбов высотой в несколько метров, врытых вертикально в землю вплотную или на небольшом расстоянии и соединённых горизонтальными брусками.

Пахолок – здесь: слуга.

Паровой – приготовленный на пару.

Парча – тяжёлая ткань из шёлка с узором, выполненная золотыми и серебряными нитями.

Перевераной – здесь: мёд (напиток), переверанный на ягодах.

Перелёт, перемёт – перебежчик.

Пестики (пистики) – здесь: незрелые верхушки побегов полевого хвоща. Ранней весной повсеместно употреблялись в пищу.

Печура – пушечный оборонительный каземат, расположенный в глубине крепостной стены. Имел сходство с печью.

Пешня – тяжёлый лом на деревянной рукоятке для пробивания льда.

Пешцы – пехота, пехотинцы.

Пика – колющее холодное оружие, разновидность длинного копья, состоящее из древка длиной до 5 метров и трёхгранного или четырёхгранного наконечника, рассчитанного на пробивание доспехов. Не предназначено для метания. Держат пику двумя руками.

Пикинёр – воин с пикой.

Пирог-пистишник – пирог с начинкой из пестиков (пистиков).

Пищаль – средне- и длинноствольное огнестрельное оружие.

Подошвенный бой – бойницы нижнего уровня в крепостных стенах и башнях.

Пожня – луг, место покоса.

Полуночник – северный ветер.

Понизовский – находящийся ниже по Волге относительно ряда старинных русских городов: Ярославля, Костромы, Кинешмы и проч.

Пономарь – служитель православной Церкви, обязанный прислуживать при богослужении, а также звонить в колокола.

Пообывать – попривыкнуть.

Посад – населённая территория за пределами монастыря, крепости.

Послушник – в православных мужских монастырях лицо, готовящееся к принятию монашества.

Постельничий – одна из высших придворных должностей. Постельничими обычно назначались представители думных чинов.

Постриг – таинство принятия монашества.

Посул – обещание.

Почивать – спать.

Приказ – здесь: орган системного управления в Русском государстве, ведавший особым родом государственных дел.

Пристав – исполнительный чин на Руси, в обязанности которого включалось сопровождение и выполнение важных государственных поручений.

Прясло – здесь: участок крепостной стены между двумя башнями.

Псовать – ругать бранными словами.

Рака – ковчег с мощами святого, имеющий часто форму гроба.

Разболочься – раздеться.

Расстрига – здесь: Григорий Отрепьев, монах Чудова монастыря, самозванец, выдававший себя за царевича Дмитрия, сына Ивана IV Грозного.

Рассупониться – здесь: развязать пояса, расстегнуть одежду на себе.

Раскатывать (избы) – разбирать по брёвнам.

Рогатка – здесь: орудие пытки в виде застёгивающегося на замок железного ошейника с закреплёнными в нём подвижными длинными шипами. При попытке человека прислониться к сте-

не или лечь шипы приходят в движение и вонзаются в шею.

Рушница – ручная пищаль с фитильным замком. Стреляли из пищали с опоры (сошки).

Самборская печь – здесь: замок Самбор близ Львова (Польское королевство), где в 1604 году в старосты Ежи Мнишека поселился Григорий Отрепьев.

Самопал – здесь: гладкоствольное ружьё с кремнёво-ударным замком.

Свербига – многолетнее травянистое растение семейства Капустные. Корни, листья и молодые стебли съедобны.

Северяк – представитель коренного населения Северной земли.

Седмица – неделя.

Сени – прихожая традиционного русского дома; неотопливаемое нежилое помещение.

Сидельцы – здесь: осаждённые, сидящие в осаде.

Сиречь – то есть.

Скудельница – кувшин, сосуд из глины. От скудель – глина.

Слуги монастырские – приказчики, управляющие монастырскими владениями.

Слухи – вырытые в земле под крепостными башнями и стенами камеры для определения места и направления вражеского подкопа.

Совокупиться – здесь: соединить силы.

Солод – намоченные и пророщенные семена злаков, чаще всего ячменя.

Сотник – командующий сотней воинов.

Спас – здесь: церковный праздник Преображения Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа.

Сполохи – здесь: полярное сияние.

Стерня – нижняя часть стеблей злаков, оставшаяся в земле после уборки урожая.

Стожары – Плеяды.

Сторожа – застава, отряд разведки.

Стрельница – бойница.

Стремянной – придворный чин в Русском государстве, верховный конюх.

Ступа проломная – таран.

Ступица – центральная часть колеса, соединяется посредством спиц с ободом. В центр ступицы вставляют ось.

Судовая рать – пехота, которая передвигается до места боя по рекам на судах.

Сулица – метательное копье с древком до 1,5 метров.

Супостат – противник, враг.

Тать – вор, грабитель.

Тельный – здесь о рыбе: с икрой.

Трясовица – лихорадка.

Тулуп – длинная, не крытая сукном меховая шуба из овчины с высоким воротником, без перехвата в талии.

Тур – в фортификация плетёная корзина, набитая землёй, быстро возводимое полевое укрепление.

Турус – осадная башня, постройка.

Тюфяк – ранний тип огнестрельного оружия, род пушки или гаубицы.

Угоить – обиходить.

Уния – здесь: союз.

Упование – надежда.

Упредить – предупредить.

Устье – здесь: наружный диаметр ствола пушки.

Хоругвь – 1. Знамя с образом Христа, Богородицы или святых. 2. Подразделение в польско-литовском войске, соответствовавшее роте.

Хорунжий – выборный руководитель хоругви (воинского подразделения).

Цугом – запряжкой в две или три пары, гуськом.

Чашник – монах, заведовавший в монастыре напитками и винными погребами.

Челядинец – слуга, человек, принадлежавший к челяди.

Черкесы – здесь: казаки с Дона, вероятно, из района современной станицы Старочеркасская и города Новочеркасска, или из окрестностей современного города Черкассы.

Четвертовать – казнить смертной казнью, при которой тело осуждённого делится на четыре или более частей.

Четверть – мера объёма сыпучих тел. Вероятно, здесь под четвертью подразумевается 3½ пуда зерна ржи, то есть 57, 33 кг. Осьмина – половина четверти.

Четь – мера площади засеянной земли, равная ½ десятины, чуть более 0,5 га. Четь являлась одной из единиц податного налогообложения, использовалась в качестве единицы местного оклада должностных лиц.

Чёрный бор – чрезвычайный налог, собиравшийся великими князьями Московскими в связи с необходимостью платить увеличенный ордынский выход (налог, дань).

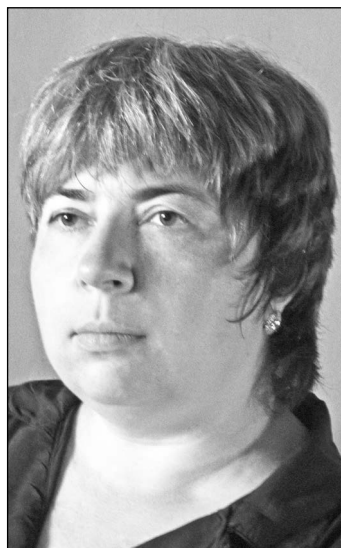
Чулан – подсобное помещение хозяйственного значения.

Шурин – брат жены.

**Елена
ТРУХАН**

СЛОВНО СТРОЧКИ ПОСЛЕДНЕЙ ДЫМОК...

*Поэту Виктору Бокину,
автору сборников
«Ночной брекватер»
и «Замерзающий звук»*

*Отрываются листья, как люди,
И теряются в ворохе будней,
Второпях, на пороге зимы
Штормовыми предупреждениями
И обрывками тишины.*

*Отрываются люди, как листья,
С кожей сморщенной, багрово-лишьей,
Будто жили на свете не мы,
А чужие... В игре афоризмов
От суммы до могильной тюрьмы.*

*Разлетаются люди и листья –
Долговые открытые письма,
Не прочтённые ветром времён.
Слуховыми галлюцинациями
День грядущий опять окаймлён.*

*Растворяются листья, а люди...
Пусть их новое племя рассудит
В память взлётов коснеющих крыл,*

*Где неловкий Пегас с пьедестала
Замерзающий звук уронил.*

*Оголённые дрогнули ветки,
Оставляя зарубки и метки,
Как брекватер ночной одинок.
Вьётся призрачный дым сигаретки,
Словно строчки последней дымок...*

*Я на лестнице ветхой живу:
Короед тронул годы-ступени.
Сны свершаются наяву
По судьбе, недосмотру и лени.*

*Я сижу за калиткой глухой,
Но сквозит через трещины-щели.
И скрипят безутешной тоской
Петли, думы и синие ели.*

*Я давно никуда не спешу.
Всё приемлю бесстрастно и кротко.
Жизнью новую книгу пишу
С замиранием первородки.*

*Я расту на мосту подвесном.
Старый дуб шелестит по соседству.
И мечтается нам об одном –
О поре невозвратного детства.*

100

ТРУХАН Елена Дмитриевна родилась в Новокузнецке. Выпускница филологического факультета Томского государственного университета. Работает в разных жанрах. Публиковалась в кузбасской и центральной периодике. Автор книг: «Зёрна», «Фокстрот листопада», «Эпистолярное наследие Ф. М. Достоевского 1855–1857 годов». Заместитель директора по научной работе в Литературно-мемориальном музее Ф. М. Достоевского (Новокузнецк). Лауреат журнала «Огни Кузбасса» (номинация «Публицистика») за 2018-й и 2023 год. Член Союза писателей России. Живет в Новокузнецке.

БОЛДИНСКАЯ ОСЕНЬ ГЕРОЯ НАШЕГО ВРЕМЕНИ

*Жизнь – рапид. Мы – гончие в забеге.
Будни – чёрно-белое кино.
В папке – недописанный «Онегин».
Тридцать семь мне минуло давно.*

*По бульвару ворох листьев носит.
Чат качает от душевных ран.
Кажется, меня в френд-список вносит
Пушкин_Прирождённый_Дон_Жуан...*

*Офисно-бессмысленная доля!..
Дум тягучих водкой не унять...
Кабы надышаться вольной волей,
Русаков по полю погонять!*

*Зарядить бы тарантас скрипучий,
Заявиться на уездный бал,
Чтобы выпал германновский случай
И об этом гений написал!*

*Новостей давно не жду хороших.
Колочусь в предчувствии беды:
Для Земли – невидимый прохожий,
Для державы – средоточье мзды.*

*В день очередного юбилея
Будет скверну лить на брата брат.
Бесконечной болтовнёй боля,
Порешат: всё Пушкин виноват!*

*...На висках – нечаянная проседь.
Значит, время глупости вершить?
Или это Болдинская осень
Приступила к краешку души?..*

*Бездорожье, безверье, безбрежье...
Змеек игрища в мёрзлых полях.
Безнадёжно утрачена нежность
В жухлых пажитях и ковылях.*

*Беспредельно безмолвье. Безлюдье.
Воем волком утраты тоска.
Кто советовал на перепутьях
Счастья синюю птицу искать?*

*Бестолковость, безрыбье, бездождье
Жёсткой щёткой травмируют нас,
Чтоб смогли и вкусить, и умножить
Новый вдох, первый раз, добрый час.*

*Может кругом пойти голова,
И рассудок внезапно оставить,
Изливаться водою слова,
Только чувства не станут лукавить.*

*Научись им во всём доверять
В час, когда завлекут и помянут.
Или будут сверять, проверять...
Знай, что чувства тебя не обманут.*

*Будут слабо надежды питать,
А идеи – хиреть и паршиветь,
Ноты точно не прозвучать,
Только чувства не смогут сфальшивить.*

*Ускользнёт всё когда-то от нас,
Частью – в Лету бездонную сгинет.
Память сердца возьмёт и предаст.
Только чувства вовек не остынут.*

Александр ХОРУНЖИЙ

СОГЛАСИТЕСЬ, ЭТО УДОБНО

Сергей посмотрел на часы и вздохнул: в переговорной он находился в одиночестве уже больше получаса. Это порядком раздражало, а ведь его личный менеджер, уходя, обронила: «Специалист подойдёт через минуту». Но через минуту никто не появился. Вместо этого пришло оповещение от чат-бота, предлагающего чашку кофе. Сергей отказался. Тогда бот предложил чай. Отвечать Сергей не стал.

Пустая комната действовала угнетающе. Она не была похожа на комнату следователя: её создатели явно думали о комфорте посетителей. Свет не был ярким, не ослеплял, благодаря грамотному и гармоничному расположению светильников были видны все уголки комнаты, тень редко захаживала сюда в гости. Кресла подобраны идеально: достаточно мягкие, чтобы комфортно сидеть продолжительное время, не уставая, но в то же время достаточно твёрдые, чтобы в них нельзя было утонуть, как это обычно бывает. Стол и интерактивный экран, чтобы была возможность проводить презентации с использованием наглядного материала, например, сводной таблицы. Снаружи не доносилось никаких шумов, которые могли бы помешать разговору. Лучше и представить нельзя, но отсюда хотелось поскорее уйти.

Чего делать было категорически нельзя. Раз уж вам пришло приглашение в офис от отдела доштрафного урегулирования, то у вас есть только два выхода: полностью игнорировать его и навлечь на себя всевозможные штрафы, предусмотренные тарифами обслуживания, или прийти на встречу. А раз вы пришли, то, будьте любезны, дождитесь её окончания.

Наконец в переговорную зашёл мужчина в костюме и корпоративном галстуке.

– Добрый день! – улыбнулся он, – Сергей Тимофеевич?

– Да, это я.

– А меня зовут Герман, – мужчина протянул руку, здороваясь. – Скажите, вам известно, зачем вас сюда пригласили?

– Честно говоря, нет, но я догадываюсь, – сказал Сергей.

Герман сел за стол и с неподдельным интересом спросил:

– В таком случае, скажите, Сергей Тимофеевич, почему же вас сюда пригласили?

– Я не продлил подписку, – вздохнул Сергей Тимофеевич.

– Одну или несколько?

– Много. Не помню сколько.

ХОРУНЖИЙ Александр Евгеньевич родился 10.01.1994 года в г. Топки Кемеровской области. Окончил РЭУ им. Г.В. Плеханова. В настоящее время работает в сфере продаж. Писать начал в 15 лет, с 2016-го по 2019 год был членом кемеровской литературной студии «Белый квадрат». Член кемеровских клубов любителей фантастики «Тёплый звездолёт», «Странник» и «Адаптация». Публиковался в журнале «Rhythms&Rhymes» (г. Смоленск), сборниках: «Душевные строки» (г. Липецк), «Завтрашнее» (г. Кемерово), «Волгакон-2020», в поэтическом альманахе [В]рифме «Оставь след...» (г. Белгород). Живет в Кемерове.

Герман положил на стол папку-скоросшиватель с бумагами, открыл её и произнёс:

– Да, Сергей Тимофеевич, вы абсолютно правы, вы здесь именно поэтому. Я хотел бы обсудить с вами состояние ваших подписок на сервисы экосистемы. Начнём, пожалуй, в хронологическом порядке. Первой у вас истекла подписка на СохранТранспорт, и вы не стали её продлять. Скажите, по какой причине?

– Перестал им пользоваться.

– Не пользуетесь транспортом? Ни общественным? Ни такси?

– Да, не пользуюсь. Вообще.

– А как вы передвигаетесь по городу? За город? На собственном транспорте?

Герман задавал вопросы без перерыва.

– Пешком хожу.

– А раньше пользовались? До того, как истекла подписка.

– Раньше пользовался.

– Скажите, Сергей Тимофеевич, с тех пор, как у вас истекла подписка, вы ни разу не воспользовались услугами такси или общественным транспортом?

Сергей задумался, вспоминая.

– Да, было пару раз, – ответил он.

– В таком случае, напомним вам, Сергей Тимофеевич, – Герман засиял, произнося эти слова, – ¹⁰³ что сервис экосистемы СохранТранспорт позволяет отслеживать передвижение общественного транспорта по городу, заказывать такси, бронировать билеты на электрички, организовывать совместные прогулки на велосипедах, скейтбордах, электросамокатах, самокатах, гироскутерах и прочих видах малогабаритных городских средств передвижения. Это существенно экономит ваше время, позволяя вам не ждать бесконечно автобуса на остановке и потратить освободившееся время с пользой. Согласитесь, это удобно?

Сергей согласно кивнул.

– Так же СохранТранспорт, – продолжил Герман, – СохранТранспорт позволяет приобретать билеты на общественный транспорт и заказывать такси со скидкой, что существенно экономит ваши финансы, защищает вас от переплаты на транспортные тарифы, а также экономит средства для других, более приятных покупок. Согласитесь, это выгодно?

– Да, думаю, это выгодно, – выдавил из себя Сергей.

– И всё же вы не продлили подписку, – констатировал Герман. – По какой причине?

– Перестал пользоваться сервисом.

– Но вы же сами подтвердили, что сервис удобен и выгоден, – парировал Герман, – тем более, что вы продолжаете пользоваться общественным транспортом. Так по какой причине не стали продлевать подписку?

Сергей не ответил.

– Хорошо, – кивнул Герман. – Если не хотите, можете, не говорить. Это ваше право. Давайте дальше. Вы сказали, что стали ходить пешком. Следите за здоровьем? И правильно делаете. Меня только удивляет тот факт, что вы отключили сервис СохранШаги. Поделитесь, пожалуйста, по какой причине вы это сделали?

И тут Сергея словно прорвало. Он уже давно хотел с кем-то поделиться новыми ощущениями, своими локальными открытиями, но все знакомые не понимали, о чём он, собственно, говорит, проговаривали в ответ один и тот же текст, словно заученный урок. А семьи у него не было, поэтому доверить свои переживания родственникам Сергей тоже не мог.

А вот сейчас перед ним был человек, готовый его слушать, вникать в каждое слово. Да что там вникать! Ловить! Ловить на лету. Поэтому, приняв более удобное положение, Сергей начал рассказывать.

– Знаете, всё действительно началось с того, что у меня закончилась подписка на Транспорт, – начал он. – У меня банально не хватило денег в том месяце на продление. И я пошёл на работу пешком. Чуть не опоздал, пришёл в офис в самый последний момент.

Потом, уже после работы, заглянул в парк, где ни разу не был. Постоянно мимо него езджу на автобусе, обещая себе когда-нибудь зайти, но всё руки не доходят. А тут! Думаю, почему бы и нет.

Зашёл, в общем. Гуляю по дорожкам, смотрю по сторонам. Красиво! Смеркаться стало. Фонари зажгли. Так классно! И тут звук оповещения: я свой рекорд по количеству шагов за день побил. Всё настроение испортил. И я отключил сервис.

– И зачем вы его отключили?

– Чтобы не мешал, – ответил Сергей. – В тот день я перестал считать шаги и ощутил какую-то лёгкость. Как будто границы исчезли. Их больше нет. Вы когда-нибудь видели ночное небо? Вживую?

– Сергей Тимофеевич, – голос Германа вернул границы на прежние места, – речь сейчас не

обо мне, а о вас. Хорошо, я понял, что оповещение отвлекло вас от прогулки. Но зачем вы отключили сервис? Достаточно было отключить звуковые уведомления. А ведь сервис весьма полезен, он помогает отслеживать не только количество шагов, но и ритм сердцебиения, что позволит на ранних стадиях заметить болезни сердца и предотвратить их развитие, помогает отслеживать наиболее посещаемые места, что позволяет вам вернуться в наиболее памятные места города. В дополнение к этому позволяет построить наиболее оптимальный маршрут прогулки. Согласитесь, это удобно?

Сергей не ответил.

— Хорошо, — продолжил Герман, — если вы наслаждались прогулкой, то почему не воспользовались сервисом СохранДосуг, который позволяет выбирать наиболее комфортный досуг, согласно вашей ситуации. В сервис входит афиша ближайших культурных мероприятий, что позволяет планировать ваш досуг и экономить время на его поиски. Сервис позволяет приобретать билеты в кино, театр, на цирковые представления, аттракционы в парках, в дельфинарии, океанариумы, зоопарки и на прочие культурные мероприятия со скидкой, что существенно экономит бюджет. Полагаю, вы согласны со мной, что это выгодный сервис для вас?

— Я отключил все сервисы тогда.

— Все те, которые можно было отключить, — поправил Герман. — Скажите, вы начали пользоваться сервисами конкурентов?

— Нет, — ответил Сергей, — я вообще больше не пользуюсь сервисами.

— Сергей Тимофеевич, — голос Германа не просто вернул границы на место, но и начал их сужать до размеров комнаты, — вы точно не пользуетесь сервисами конкурентов? Если вы решили перейти, то скажите, мы поймём. В этом случае я помогу вам безболезненно для вас совершить переход.

— Нет, я просто перестал пользоваться сервисами.

— Хорошо, я вас понял.

И Герман замолчал.

Сергей нервно поёрзал на кресле, после чего спросил:

— И что мне будет за отключение сервисов? Штрафы?

— Что? — переспросил Герман. — А, штрафы! Нет, ничего.

— То есть как ничего?

— А вот так: ничего, — улыбнулся Герман, — пока ничего страшного не произошло, Сергей Тимофеевич. На основные сервисы подписка у вас действует. После окончания подписки у вас будет месяц на продление. Если не будете продлевать, то тогда конечно... Скажите, будете продлевать подписку?

— А какие сервисы относятся к основным?

— Практически все те, что вы не отключили, — ответил Герман, — напомним по порядку. Самым основным является СохранДом, в который входят не только все услуги ЖКХ, но сигнализация, защита дома от противоправных действий третьих лиц. Не забывайте про уникальный цифровой ключ от входной двери. Вы же не хотите, чтобы в один не самый прекрасный момент дверь заблокировалась, и вы бы не смогли попасть внутрь?

Вторым основным является СохранРабота — сервис, которой не только позволяет вам подобрать лучшую работу на рынке труда, заменяет давно устаревшие трудовые книжки, хотя изредка и они встречаются, но и является вашим корпоративным пропуском по месту трудоустройства. Вы же не хотите, чтобы пропуск перестал действовать и вас уволили за пропуски?

Мы заметили, что вы несколько дней не ночевали дома. Вы также не были в гостях или в гостинице. Скажите, вы ночевали в парке?

— Нет, — ответил Сергей, — купил палатку. Недалеко от города есть лесные насаждения. Ночевал там.

— Да, есть такие, — кивнул Герман. — Наверняка, вы узнали о них из сервиса СохранОзеленение. Но сейчас не о нём. Ночи в этом месяце холодные, но вы явно не замёрзли, не простудились. Хотя могли, если бы не пользовались сервисом СохранГардероб, который не просто подобрал вам специальную одежду, но также регулировал температуру организма и ваше общее состояние. Чтобы его поддерживать, одежда то нагревалась, то остывала, хотя это и не было заметно.

Но даже если бы вы заболели, то ничего страшного не произошло бы, потому что у вас действует подписка на СохранЗдоровье. Сервис, позволяющий не только оплачивать медицинские услуги, заказывать лекарства, отмечу, что и то и другое со скидками, но и вызвать скорую медицинскую помощь даже в лес, а также включает в себя госпитализацию и амбулаторное лечение.

Кроме всего перечисленного, Сергей Тимофеевич, советую вам обратить внимание на продление подписки на СохранМВД, она у вас заканчивается раньше всех. Если её не продлить, то вы не будете защищены ни от каких противоправных действий со стороны третьих лиц. А возможности сервиса огромны: это и вызов наряда, и регистрация заявлений в органах МВД, и подача исковых заявлений, и полное юридическое сопровождение по любым вопросам, и прочее.

Поэтому, Сергей Тимофеевич, по итогам нашей встречи советую вам продлить подписки на действующие сервисы, настоятельно рекомендую оплатить подписки на сервисы, которыми

вы раньше пользовались, или подобрать аналоги. В этом вам поможет ваш персональный менеджер. В крайнем случае, перейти к конкурентам, но должен сказать, что анализ рынка показал наибольшую эффективность именно наших сервисов. Наши наиболее выгодны и удобны для пользователей. Скажите, будете продлять подписку?

– Да, – кивнул Сергей. – Скажите, а есть те, кто...

– Перестал пользоваться сервисами? Как нашими, так и конкурентов? – закончил за него Герман. – Да, в моей практике такие встречались, но, чисто по-человечески, не советую.

**Ирина
ТЮНИНА**

**ЗОВУТ В НЕБЕСА
ЖУРАВЛИ...**

*Время потянется прахом к праху.
Спросят потомки о сокровенном:
«Как это, жить накануне страха,
В две тысячи двадцать втором,
предвоенном?»*

*Если дорога – длинною лентой,
Если недавно сравнялось двадцать?
Как это, если рассвет брезентов,
И нужно сейчас навсегда прощаться?»*

*Старый солдат и вчерашний школьник –
Встало стеною русское племя
Вместе. Солдатский летит треугольник,
Пересекая пространство и время.*

*«Девушка в шёлковом платье белом»,
Что беззаветно умеет ждать,
Верой от смерти спасти сумела
Целую вечность назад... и опять!
Нам, пострадавшим без вины,
Голос железный скомандовал: «Смирно!»
Люди, забывшие вкус войны!
Мир – вам!*

*В столицу окунувшись с головою,
О Родине своей начнешь печалиться:
Россия не кончается Москвою,
Но кажется порою, что кончается.*

*Кто в нас поверил, тот не уезжал –
Любовь к родной земле казалась вескою,
Но лица наших «добрых» горожан
Становятся все больше деревенскими.*

*Ветшает все – Попробуй! Не позволяй!
Там за высотой брезжит огорожина...
Иголкой под сердцем бьется боль
За тихое страданье малой родины.*

*Бутылкой пива, распчатой,
Октябрь течет через стекло.
Я не приму его печати,
И потому мне тяжело!*

*Не принимаю послабления
В обмен на душу. Тонко лёд.
Я представитель поколенья,
Что из последних сил живёт.*

А воздух нынче пахнет страхом
С горючим привкусом вражды.
Свободы рваная рубаха
Протерлась вдрызг, до наготы.

Посмей сказать в ночи кромешной,
Превозмогая немоту,
Где со святым смешался грешный,
Крича: «Ату его! Ату!»

Кандальной цепью сердце грядет.
Остатних дней болезнь стать.
Господь! Дотянем ли? Дотянем? –
Нам до небес рукой подать.

ШКОЛЬНЫЙ ВАЛЬС

Пора выпускная, июньская
Трубит новобранцам сбор,
На сквер предвоенной юности
Набросив багровый флёр.
И Ванечка с Танею кружатся,
Вчерашнюю форму сменив
На строгий костюм и кружево.
И новый рассвет манит.

Нам прошлое счастье отмерено
И дым фронтовой впереди.
Мы школу возрастили и дерево,
Но сына уже не родить.
В мгновенье бессмертном закружимся
Мы наедине с тобой...
Уходит мой ряженный-суженый
Из школьного вальса – в бой.

Пора выпускная, июньская
Трубит новобранцам сбор,
На сквер предвоенной юности
Багровый набросив флёр.

Поляны ромашками затканы.
Зовут в небеса журавли...
Мы – ангелы, Ваня, мы – ангелы,
Что с бранных полей вознеслись.

Желанье жить – в стогу иголка.
От суеты в глазах пестрит.
Купить билеты в путь задолго,
Пытаясь время убыстрить.

Взирать смиренно и устало,
Едва покинешь стихший дом,
Как за кварталами кварталы –
Растает город за окном.

Долги и тяжбы сбросив разом,
На километры мерить даль.
Глядеть в окно, теряя разум...
Его и потерять не жаль.

Добраться засветло. С мороза
отогреться...
Судьбину русскую в злосчастье не винит –
На край земли спешит жена. И сердце
От звона колокольчика щемит.

Ни суетных балов, ни чувства локтя...
Всё едешь, однозвучный мир создав.
Но роскошь твоего не стоит ногтя.
Одна манит, вечерняя звезда.

Тюремный замок встретит на Тоболье.
Скупой наряд, застиранный до дыр...
Ни гордость, ни корысть – по женской доле
За мужем мчат в продрогшую Сибирь.

75 лет литературной студии «Притомье»

С первого занятия студии «Притомье» в октябре 1979 года прошло 45 лет. Это и для человека – срок существенный, а для литературной студии – случай редчайший. Слишком много совпадений должно произойти для такого долголетия: и преемственность руководителей, и заинтересованность членов литературного объединения, и административная поддержка, возможность и желание. У «Притомья» получилось. Было разное. Хорошее, трудное, горестное. Но студия пережила и «святые девяностые», и нулевые, и десятилетия, и ковид. А СВО дала новый импульс нашему сообществу. Сплотила нас. Студия «Притомье» – активный участник волонтерской организации «Писатели – фронту!». Мы хотим, чтоб к штыку приравняли перо!

Дмитрий Мурзин

АЛЕКСЕЙ БУРКО

*Когда журчат раздумчивые реки,
Когда заря ликующе горит,
Когда природа тешит человека –
Поэт в цвету и лира голосит.*

*Когда ж тревоги леденят сознание,
Когда коварный демон правит бал,
Когда от бед скрежещет мирозданье,
Поэт молчит – как в рот стихов набрал.*

*На вокзалах лежит вековая грусть;
В череде отправок-прибытий
Так непросто найти предначертанный
путь,*

На означенной станции выйти.

*На вокзалах лежит расставаний печать
И туманит красивые лица:
– Обещай, что не будешь меня
вспоминать.
– Обещай, что не будешь мне сниться.*

*Тускнеет старый мир эмалью голубой,
Былинный прошлый век в тумане тает
зыбком,
Там соблюдали честь, гуляли всей гурьбой,
Там дворник пожилой жёг листья в сизой
дымке.*

*Но вот опять перо рыдает и скрипит
О том, что утекло безоблачное лето;
Опавшая листва по-прежнему дымит –
Уверены уже и новые поэты.*

*Как трудно избежать штампованных
лекал –
Всё вроде как всегда, вот только много
лет, как
Пожухлую листву по разовым мешкам
Пакуют мужики в оранжевых жилетках.*

ЮЛИЯ СЫЧЁВА

*Нам время уготовано –
пародия на цирк,
когда в фаворе клоуны,
паяцы да лжецы,*

*кривляются и корчатся
в расчете на кусок,
и юмор ниже пояса,
и в моде матерок.*

*А я хочу по-старому,
пускай с приставкой сов-,
где грустно Енгибарову
и солнечный Попов.*

*Здравствуй, осень золотая!
Золотая, да не та.
Золотой не залатает
Все проблемные места.*

*Разыграет как по нотам
осень партию смеясь!
Облетает позолота.
Остаётся грязь....*

*Девчонка на вокзале
у пыльного окна
с печальными глазами,
растерянна, одна,*

*пальто погоды легче,
кроссовки на ногах,
стоит – ни богу свечка,
ни чёрту кочерга.*

*И сколько ты ни вякай
за двадцать первый век,
"Прощание славянки"
играет в голове.*

СЕРГЕЙ ЧЕРНОПЯТОВ

УЧИТЕЛЬ В РОССИИ, БОЛЬШЕ, ЧЕМ УЧИТЕЛЬ

*Весь район он теперь обнимает
Своим взглядом, а не кабинет.
И не между столами шагает,
Меж прилётами вражьих ракет.
Он проходит, хрустя по стеклянным,
По осколкам на улицу вдов,
Нынче прорву из-за океана
Людоеды прислали стволов,
Что мешают проставить отметки,
Разыскать сквозь пожарища дом.
«Не скрывай «лепестки», бабье лето,
Золотистым своим подолом»
Это в стареньком фильме – «Нет смерти!»
Лётчик крикнул, взрываясь в лугах,
Здесь в опасности первая четверть,
В четырёх до подъезда шагах.*

ПЕРВАЯ СИРЕНА В СЕВАСТОПОЛЕ

*Погружен город мой в сон целебный
Выходной, он такой был недолгий
Тишь, как вдруг Черноморское небо
Разорвало забытой тревогой.*

*От истошного дикого воя
Резко вздрогнула Графская пристань,
И Малахов курган – Старый воин,
И Матросский бульвар – друг туриста.*

*Там, где сердцу от южных сюрпризов,
От восторга в груди было тесно.
Я, гулявший обласканный бризом,
Слушал вальс духового оркестра.*

*А сегодня сирена в три ночи,
Боже, как же она завывает!
О ракетах у радиоточки
Новость в душу больную впускаю.*

*Не пойму, что хотят Нагло-Саксы?
Чтоб Нью-Йорк превратился
в Некрополь?!?*

*Я молюсь! Я рычу сквозь пространство,
Как отец мой: «Не тронь Севастополь»!*

ЕКАТЕРИНА КРАСНОВА

*Готовы в дальний путь стрижи, –
Над городом летают низко.
И потому, что осень близко,
Льют непрерывные дожди.*

*И в небе крики журавлей –
Курлычет на прощанье стая,
И контур клина исчезает
В просторах облачных полей.*

*А мы с тобой, как два чижа, –
Зимуем в северной столице,
И нам – без солнца бледнолицым –
И снег, и дождь принадлежат.*

*Мы на Фонтанке водку пьём,
И Чижик-Пыжик с нами – третьим.
Бушуют ветры лихолетий,
То февралём, то октябрём...*

*Терзает ветер занавески,
Гуляют в доме сквозняки,
И вроде нет причины веской
Для огорчений и тоски.*

*И льётся осени прохлады
То листопадом, то дождём
В окно, смотрящее из сада
В распахнутых дверей проём.*

*С небес в тревожном пересвисте
Доносятся рулады птиц,
Их слушаю, считая листья
Со старых-старых половиц.*

*Как данность принимаю осень,
Как свежий ветер – сквозняки,
Редеют тучи, ярче просинь,
И нет причины для тоски.*

НАДЕЖДА ДУБРОВСКАЯ

ВОЛШЕБНАЯ ВСТРЕЧА

Капельки дождика – светлые ниточки.
Я их пряду у заветной калиточки.
Крутится, вертится веретено,
Знаю, что встретимся мы всё равно.

Спутаю время – неделя с неделей,
Снова увижу бабулю с куделей.
Громко та вскрикнет, глядя в окно,
И тихо уронит веретено...

Убелённый сединами снег,
Затаился до первых проталин.
И как будто больной человек,
Он суров и судьбой опечален.
Мимолётны и тихи мечты,
Заповедны глубокие дали.
До греховной твоей суеты
Тем сугробам есть дело едва ли...

АНДРЕЙ ПЯТАК

РУДНИЧНЫЙ БОР

Люблю погулять по Рудничному бору
С подругою Таней, до самой реки.
Здесь чистит смолой свои лёгкие город,
Вдыхая хвоинки и ветерки.

Все тропки ведут, то к «кресту», то к
обрыву...
И Матушка-Томь смотрит снизу на нас
Правобережных. А сбоку красиво,
Огромною вывеской, слово: «КУЗБАСС».

Мы ходим, болтаем и делаем фото,
Стрекочет «канатка» среди веток сосны.
Из бора домой уходить неохота –
Здесь дух благодати и запах весны.

ДЕТСТВО

Счастье за десять копеек:
Мороженое и кино,
Белый конверт без наклеек,
Как это было давно.

Как это было недавно,
Горсадовская карусель

Разбег набирает плавно,
Жужжа, как сердитый шмель.

Безспросные облепиха,
Ранетки, малина в саду...
«Эй, детство, не мчись так лихо,
Вишь, к бабушке я иду!»

Детство язык показало,
Задав со всех ног стрекача
В поле, где в травах сияло
Красное пузо мяча.

СВИРИСТЕЛИ

Холодабрь рвёт и мечет,
Красный шнобель две недели.
На рябинах птичий трепет,
Делят грозди свиристели,

Саранчой облепили
Снегом занятые ветки,
Пять минут, – глядишь, и взмыли
Хохлолобые в разведку.

От рябины до калины
С аппетитом крокодилым,
Твёрдо держат строй и спины
Свиристелей эскадрильи.

ГАЛИНА ЧЕРВОВА

НАШ НОЯБРЬ

Ноябрь. Земля уже остыла,
Пустынный двор на звуки скуп,
Лишь ветер в нём поёт уныло
Из водостоків старых труб.

В вечернем сумрачном тумане
Урчат вдоль улицы авто,
Спешат домой кемеровчане,
Сердито кутаясь в пальто.

Дворняги к стуже чешут спины,
Являя таинство примет,
И светофорный цвет рябины
Погожим дням даёт запрет.

Всё в этой жизни неизбежно,
Всевластна времени рука:
Порой теплом ласкает нежно,
Порой подбросит холода.

Но в этот раз в плену у чая,
С тобой мы вечером седым,
Ноябрь свой жизненный встречая,
В любовь, укутавшись сидим...

ОТЦУ-ВОИНУ

Отец не вёл рассказов о войне,
Подробностей не слышала ни разу,
Как он курсантом в танковой броне,
Был под Москву направлен по приказу.

Гремели там тяжёлые бои,
И шли на смерть безусые ребята...
Он руки обожжённые свои
Потом от нас, детей, смущённо прятал.

Их экипаж прошёл Орёл и Курск,
И весь фашистский план был перечёркан,
И опьянял Победы горький вкус,
Когда в Берлин вошла тридцатьчетвёрка.

Летела вниз холёных свастик мразь,
Что мир пугала голосом надменным,
И потому я всё же родилась
В том радостном году послевоенном.

А нынче пусть ликует флагов шёлк,
И майский ветер ленточки полощет,
Ведь в этот день бессмертный славный

полк

Опять проходит через нашу площадь.

Чеканя шаг, плечом к бойцу боец,
Идут шеренги, презирая беды.
Там, как живой, шагает мой отец,
Встречая светлый праздник –

День Победы!

ВЛАДИМИР КОНЬКОВ

КЕМЕРОВЧАНИН

Снег, зима! Переобулись
В рык шипованный авто.
Растегнулись звуки улиц,
Словно стильные пальто.

Даже воздух стал моложе
От шикарности колёс.
Возраст свой я сбросил тоже,
Молодит меня мороз!

Я отчаянно отчаян,
Сам завидую себе,
Я во всём кемеровчанин:
В мыслях, шутках и ходьбе!

ХОРАЛЬНАЯ ПРЕЛЮДИЯ

День выглядит сегодня молодцом:
Даль ласкова, игрива и лучиста.
Блин солнца с раскрасневшимся лицом
Спешит на запад с важностью туриста.

Играет Бах. Органная волна
Разносит гулко чувства по квартире.
Я вглядываюсь в небо из окна
И думаю о жизни и о мире.

Поёт орган, мне мысли вороша.
И слышу я под содроганье тела,
Как больно распрямляется душа
И как она в заботах огрубела!

А Бах ведёт прелюдию свою,
Внося в неё катарсиса задачу.
И стыдно мне, когда осознаю,
Как я давно от музыки не плачу.

ТАТЬЯНА КАТРИЧ

БОЛТОВНЯ

Паутинками падает время,
И сплетается прочная сеть,
Невесомое тяжкое бремя
Так мешает нам в вечность смотреть

Бьемся в сумраке нашего мира,
Раз попался, терпи и живи.
Лишь поэта заветная лира
Да златые вериги любви

Скоротать помогают ненастье,
Пережить окаянные дни,
Только ими обещано счастье.
Нам бы лишь избежать болтовни.

Болтовня пустословием губит,
Дела нет, смысла нет у неё.
Наказание сущее людям –
Пустота... И клеймом – вороньё.

БРЕД ВО ВРЕМЯ БЕССОННИЦЫ

*Синий вечер, серый кот,
Может, всё наоборот?
Синий кот и серый вечер,
А из нас никто не вечен.*

*Вечность – это пустота,
Нет там места для кота.
Вечерами он резвится,
Оттого и мне не спится.*

*Ну а если рыжий кот?
Как тогда наоборот?
Синий кот, а рыжий вечер
С рыжей осенью замечен.*

*Девять жизней у кота,
Что ни жизнь, то суета.
Рыжий кот и синий вечер,
Мне покой не обеспечен.*

*Бродят часто мои сны,
Над просторами страны...*

*Ночь с бессонницей привычна,
Повод для стихов отличный,*

*А поэты, как коты,
С вечностью почти на «ты».*

НИКОЛАЙ ИГНАТЬЕВ

*Утро пропахло сиренью,
Лето, тумана настой.
Песнь соловьиною трелью
Льётся, парит над Землёй.*

*Песня любовным приветом
Славит ярила лучи.
Вишня усыпана цветом,
В гнёздах проснулись грачи.*

*Лучики в каждой росинке,
Россыпь в лугах янтаря.
Тянутся к свету травинки.
Утро, проснулась Земля.*

Редколлегия, авторы и друзья журнала «Огни Кузбасса»

Слева направо, стоят: Г. Григоренко, В. Махалов, В. Мазаев, А. Гуковский,
В. Баянов, В. Матвеев; сидят: О. Павловский, А. Волошин, В. Банников,
С. Донбай. 70-е гг.

Слева направо: П. Шмаков, Ю. Могутин, Э. Гольцман, В. Серов, В. Коньков,
В. Крёков, А. Ибрагимов, В. Махалов, С. Донбай, А. Лепчило. 80-е гг.

Заседание редколлегии. Слева направо: С. Павлов, В. Иванов, В. Зубарев, Б. Бурмистров, С. Донбай, В. Крёков, Ю. Лавряшина, В. Мазаев, В. Махалов. Ноябрь 2005 г.

Авторы и друзья журнала напротив редакции, на Советском, 40. Слева направо, стоят: Д. Мурзин, В. Арнаутов, В. Баранов, И. Куралов, В. Соколов, В. Громов, А. Катков; сидят: В. Лопушный, А. Хохлов, С. Донбай, А. Ибрагимов, Б. Бурмистров. Сентябрь 2013.

Обсуждение журнала за 2007 г. Слева направо: В. Соколов, С. Донбай, В. Мазаев. Январь 2008.

Авторы и друзья журнала после губернаторского приёма. Июнь 2012 г.

Представление журнала №5 за 2013 год. Слева направо: А. Катков, С. Донбай, Б. Бурмистров. Ноябрь 2013.

Слева направо, стоят: С. Донбай, В. Иванов, А. Паршуков, Н. Гержидович, Д. Мурзин, Б. Бурмистров, А. Катков; сидят: Л. Гержидович, Т. Махалова, В. Арнаутов, И. Фролова, В. Мазаев. Июль 2008.

Борис БУРМИСТРОВ

МОЁ ПОКОЛЕНИЕ

Здравствуй, племя
Младое, незнакомое...
А.С.Пушкин

Александр Сергеевич посылал приветствие в далёкое будущее, в надежде, что на Руси будут всегда жить поэты.

Я сегодня скажу так: «Здравствуй племя младое, знакомое».

Хочу нынешним молодым поэтам поведать о моём поколении – поколении 70-80-90-х годов. О поколении, давшем Кузбассу, России великолепные, глубокие, настоящие произведения на чистом, русском языке. Вслушайтесь, вдумайтесь в смыслы этих поэтических творений, ставших литературным наследием для вас, молодые.

Ещё в восьмидесятые годы В. П. Астафьев назвал кемеровскую поэтическую школу лучшей в Сибири. Об этом говорил и Юрий Кузнецов. Поэты, которых я хочу сегодня представить, имели глубокое понимание поэзии, владели культурой, основанной на знании классики, литературных традиций. Но главное в их творчестве – образы, которыми они рисовали картины русского мира с его христианской философией.

Конечно, вопрос отцов и детей всегда актуален. Я давно говорю о том, что как минимум каждое столетие должны появляться романы «Отцы и дети» и «Герой нашего времени». С развитием цивилизации люди меняются внешне, молодые устремлены вперёд в поисках новизны, в поисках, так называемого, креатива... Могут меняться и взаимоотношения людей, но извечными должны оставаться накопленные предыдущими поколениями духовные ценности. Должно быть понимание главных жизненных устоев: любви, добра, милосердия, сострадания. Это всё, что сохраняет русский мир. Жаль, что не всегда и не все понимают это. Хотя всем ясно – без знаний о прошлом и уважения к нему не создать достойного будущего. Особенно это проявляется в культуре, литературе.

Чего же хотело в творчестве и в жизни моё поколение? Удивлять и удивляться... и тревожиться,

и волноваться. Где теперь эта тревога, волнение, это ощущение кровных духовных связей многих поколений?

Я не хочу делать каких-то сравнительных анализов, чтобы видеть разницу в принципах творчества поэтов моего поколения и нынешнего. Достаточно вникнуть в смыслы, понять, чем озабочен тот или иной автор. Сегодня, к сожалению, сместились два понятия – литература и литературные подделки. Отсюда и падение вкуса у читателя, особенно молодого поколения.

Важно напомнить: поэзия – это философия, поэзия, если хотите, наука совместного проживания людей на Земле. Послушайте русского поэта Любовь Никонову:

*Меня живо формы знания,
Листая лучших дней мгновения,
Прихлынут к берегу сознания
Цветные волны вдохновения.*

*Осмыслишь отраженья радуги,
Секреты красного, зелёного,
Явленья живописной радости
И духа, всюду растворённого.*

*Постигнешь синее, лиловое...
И, красками обуреваемый,
Вдруг превратится в нечто новое
Знакомый мир неузнаваемый...*

Нужно ли объяснять смысл и глубокое откровение поэта перед распахнутым миром?! Настоящая поэзия должна вызывать трепет, волнение, удивление. Занимаясь творчеством, надо помнить, что мы представляем русскую литературу, русский мир. И это очень нелёгкая работа...

*...Знаю, чувствую эту истому
подступающей тайны земли,
Как щадящую волю к простому
выражению нашей любви.*

*Но и слово, что было вначале,
Выше в мире, которого нет,
Тем пронзительней чувство печали,
Тем прекрасней впадением в свет.*

Вот с этого стихотворения замечательного русского поэта Николая Колмогорова я хочу продолжить разговор о моём поколении.

Как глубоко и как ясно явлены в нём образы, несмотря на большую смысловую нагрузку и на философское обобщение русской жизни...

Творчество Николая высоко оценил выдающийся русский поэт, главный редактор журнала «Наш

современник» Станислав Куняев. Благодаря их дружбе журнал повернулся лицом к нашему региону, многим из нас была открыта дорога для публикаций в журнале. Николай был талантлив во многом. Он прекрасно пел. Бродил по берегам Томи, собирал камушки и делал неповторимые ювелирные поделки. Характер у него, как у многих творческих людей, был непростой, но нас всегда объединяла любовь к поэзии, любовь к жизни – сложной, неповторимой. В предисловии к своей книге он написал: «О сокровенной поре жизни, из которой, собственно, и произошёл как поэт». Как жаль, что Николай так рано ушёл из жизни (всего-то 50 лет). Но за эти годы он сделал столько, что некоторым и за век не сотворить. На памятнике поэту высечены строки:

*Если слово моё поразвеет ветрами,
Если даже и сам я, как дымка, истаю,
Всё равно, неизвестно какими путями
Возвращусь, припаду к горизонту, я знаю!*

Выдающийся русский поэт Юрий Кузнецов говорил о поэзии: «Есть слова, которые унижают человека, и поэтому Слово должно быть возвышенным». И я за то, чтобы литература не опускалась до «плинтуса». Поцелованные Богом поэты моего поколения в атеистическое время творили божественную поэзию. Мы искали и ищем ответы на многие сложные вопросы непредсказуемого бытия нашего.

У нас не было игры слов, как сегодня. Боль, обида, гнев, любовь – всё реально, всё ощутимо, всё чувственно. Радовались не наградам, а публикациям, выходу к читателю и радовались друг за друга. Мы знали себе цену, но без завышенных амбиций и чванства. Да, далеко не идеальным было моё поколение (к слову сказать, сам я не очень люблю слишком «правильных»). Мы спорили, мы ссорились, иногда загуливали, но мы берегли главное – любовь к поэзии, к слову и честное отношение друг к другу.

*...Нам, братьям по судьбе тревожной,
Кто след испить её хотел,
Плутать всю жизнь по бездорожью
и плакать от убогих дел.
Но восхитительно и жгуче
Из выстраданной мной строки,
Прозреет солнцем из-за тучи
Божественная кисть руки.*

Это стихи Виталия Крёкова, поэта, о творчестве которого сказал известный критик Вадим Кожинов, публикуя его подборку стихотворений в 1993 году в газете «День»: «В поэзии Виталия Крёкова нет такого прямого противостояния; она просто воплоща-

ет – решительными и в то же время тонкими штрихами – реальное и вечное русское бытие, ту душу России, которая живёт не только в людях, но и в полях, в деревьях, в скрипнувшей от ветра двери. И, вобрав в себя поэтический мир Виталия Крёкова, обретаешь глубокую уверенность в том, что никто не сможет поломать или хотя бы исказить это сладостное и горькое бытие. Оно, в конечном счёте, отторгнет или перемелет навязываемые ему чуждые отношения и идеи».

Вспоминая о Виталии Крёкове, хочу добавить строчки стихотворения, посвящённые когда-то мне, его мудрое, точное определение сути и назначения поэзии:

*...Но не бросим мы промысел давний.
Не пора, не пора ли, мой друг,
Доходить до молитвы на камне,
До кормленья медведя из рук.*

Мне хочется показать – какая сильная поэзия живёт на нашей земле! И не просто живёт, а помогает жить людям... Кстати, сразу развею мысль о том, что я выбрал только лучшее. Спешу вас заверить, что было очень трудно отобрать тексты для этой публикации, потому как у моих друзей-поэтов трудно найти «проходные» стихи.

*...Так зачем же, рассудок поправ, –
Зазвенит ли обитель лесная,
Зазудит ли селение трав,
Зажурчит ли протока речная, –
Слух сулит откровенья душе,
Замирающий, словно впервые?
Но и этим я счастлив уже,
Голоса различая родные.*

Чудно, необыкновенно, не похоже на других. Это строки Валерия Зубарева.

Вот в чём отличие настоящих поэтов: неподражаемость, свой язык, своё видение мира и никаких шаблонов. Кто-то возразит: форма-то традиционная (сегодня модно, или, как говорят, креативно, писать без рифм, без ритма, даже без смысла). А талант в том, чтобы находить в знакомом, известном новое, незнакомое. Это и есть русская поэзия. И звучит она так. Слушайте моё поколение!..

*Летний вечер
Притихнет зной, как пчёлы в ульях.
Покой задумчивый настанет.
Вновь в тишину вечерних улиц
Выносят свет ладони ставен.
На всплеск ведра во мгле колодца
Собачий лай взлетит ответно,
Цепочкой длинную прольётся*

*От крайних изб до сельсовета.
Блеснёт звезда росой небесной,
Примолкнет речка в дымке белой.
Стволы берёз с холмов окрестных
Струят свой свет во все пределы.*

Русская провинция – это то пространство, в котором жил и творил рабочий парень, большой поэт Виктор Коврижных. Его Родина не какое-то там абстрактное, или, верней, безграничное место, а реальное село Старобачаты, жители которого – его герои, его современники – люд деревенский, честный, правдивый.

Как говорил сам поэт: «Мне повезло, что я родился именно в этом селе, где были все условия для самореализации (ишь какое слово подобрал деревенский хлопец): сама окружающая природа с речкой Бачаткой, хвойными лесами, берёзовыми рощами, наполненными мечтами и свистом птиц. Не захочешь, да станешь поэтом».

Читаю стихи Виктора из книг «После грозы», «Старая кузница» и понимаю: какое-то внутреннее чутьё не даёт ему сбиться с поэтического курса, раз и навсегда выбранного поэтом. Деревня с её старыми легендами и новыми не отпускает от себя. У неё и у поэта обоюдная любовь.

От пространства земного к небесному ведёт нас Тамара Рубцова:

*...Радость с болью сольются контрастно,
Предвещая души Рождество,
Только небо, и ты, и пространство –
С миром горним земное родство.*

Первые встречи с Тамарой Рубцовой проходили с начала 80-х годов в областной литературной студии «Притомье». Я ещё работал на заводе, но начал регулярно посещать студию. Собирались там в основном ребята, но среди них оказались и три молодые женщины: Любовь Никонова, Татьяна Николаева (Карманова) и Тамара Рубцова. Удивительно, но уже тогда в их стихах звучали христианские мотивы, что сближало меня с ними, оттого и родилась у меня в дальнейшем идея создания антологии «Сбор стихов».

*Можжевельник, сизый от росы,
На ладони нежностью исходит.
В небе справедливости Весы
Равновесье медленно находят.
Стынут звёзды ясные Стожар,
Может быть, они меня научат,
Как пройти по лезвию ножа,
Близкого и дальнего не муча...
Как подняться выше всех обид,
Вечность жизни ощутив счастливо,*

*Боже, научи меня любить
Радостно, светло и справедливо.*

С такими чувствами и мыслями жила Тамара в миру. И эти чувства пробуждали свет в детях-сиротах юргинского детского дома, где она создала и многие годы вела детскую литературную студию «Свеча». Человек воцерковлённый, православный, она не могла равнодушно взирать на несправедливость нашего бытия. Однажды Тамара Рубцова рассказала детям своей студии о том, что трое юргинцев пропали без вести в чеченских горах... И дети согласились помолиться за них вместе со своей наставницей. Детская молитва совершила чудо – спасла солдат: их, раненых, нашли в горах.

*Земные люди ведают едва
О том, что небо светлое – живое.
И все произнесённые слова,
Как тьма, и свет, – летят над головою...*

Так размышляет Тамара о слове и творчестве, добавляя: «... страданье – души созиданье!» Грустно? Но русская поэзия в большей степени минорна. Поиски гармонии привели Тamarу Рубцову к главному решению в своей жизни – в 2009 году она приняла монашеский постриг в юргинском храме Рождества Иоанна Предтечи. Она ушла из мира монахиней Марией.

115

Любовь Никонова. Любовь (оттого и имя ей такое дано) была истинно православным человеком, поэтом. Имя её известно всей России. О её стихах очень высоко отзывались многие известные русские поэты и писатели: Станислав Куняев, Валерий Ганичев. Её имя звучало в докладах писательских съездов. Мне посчастливилось быть с ней на первых Православных чтениях, посвящённых Дням славянской письменности и культуры в г. Тобольске. Когда она приезжала из Новокузнецка в Кемерово, всегда заходила ко мне.

Люба, сама доброта, была из семьи глубоко верующих, православных людей. Эту веру она впитала в себя с детства.

*...и свыше нас заставит плакать
В момент святого торжества
Сквозь генетическую память
Идущий образ Божества.
И двинется, слагаясь в строки,
На свет немеркнувший спеша,
В биохимическом потоке
Незамутнённая душа.*

Вслушайтесь, вдумайтесь – какая чистота в чувствах, в мыслях... Как не довериться этим строкам?

Как не раскрыть душу навстречу этим проникновенным словам, в основе которых любовь, добро и милосердие.

И ещё к портретам наших православных девчонок – Татьяна Николаева (Карманова). В 80-х она была Кармановой. Человек удивительной, сложной судьбы. Она приняла святое крещение в 30 лет. Долгие годы Татьяна вместе с дочерью жила в монастыре. Освоила церковное шитьё. «Живопись нитками» – так называла Татьяна свой стиль. Она вышила икону Бориса и Глеба и подарила мне со словами: «С любовью и уважением – тебе на молитвенную память за нас (занимающихся русской литературой), за Россию, Малороссию, Белороссию, за всех славян, у которых один корень – славянская речь. Дай Бог тебе, Борис, и здоровья, и любви, и вдохновения, и долголетия, и долготерпения в любви твоему сердцу – большому сердцу русскому». И это не хвалебное в мой адрес, а наши духовные связи, скрепы. Это наш русский мир:

*...Быть терпимей к тем, кто безголосый,
Кто бескрылый – уважать за труд,
Просто знать, что вечные вопросы
Никого в пути не обойдут.
Поутру раскланиваясь с птицей,
Просто думать, что живу в раю,
И любить, и верить, и светиться
Благодарным чувством к воронью.*

Вслушайтесь, как звучит любовь ко всему сущему на земле. Так думает, так принимает этот мир моё поколение...

«Люди должны оставаться людьми» – вот эпиграф к творчеству Александра Каткова – друга моего и помощника в делах наших писательских. Его твёрдость характера мне, довольно мягкому человеку, добавляла уверенности в правоте. А сколько времени мы, молодые поэты, проводили у него в семейном общении. Это были и дневные, и ночные поэтические семинары. Вот где были уроки поэтического слова, вот где были открытия и новых поэтов, и русских классиков. В одном из посвящённых Александру стихотворений я писал об этом:

*Приют поэтический наш –
Общага, девятый этаж.
Четырнадцать метров квадратных
Делились на званных, незванных...
Какие уж там планировки –
Четырнадцать метров в «катковке».
Стихи до утра не смолкали,*

*Попутно «чайк» попивали...
Гонцов посылали к таксистам,
Спонсировал чаще Бурмистров...*

Дружеская зарисовка в рифму на память. А дальше стихи Александра, я думаю, рождавшиеся в те годы и, возможно, там, на девятом этаже общаги:

*Это родина – синие ставни,
Это родина – ивы внаклон,
Над которыми сирыми стаями
Птицы тянутся в небосклон.
Было вдоволь и песен, и хлеба,
Жизнь взахлёб и беда по плечу.
Но под этим единственным небом
Я от родины мало хочу.
Я хочу, чтоб земля не скудела,
От которой и песня, и хлеб,
Чтобы, делая нужное дело,
Не оглох я и не ослеп.
Я хочу, чтоб река не мелела,
Чтоб пьянил и дурманил чабрец,
Чтобы мама моя не болела
И чтоб сильным остался отец.*

Как он рвал своё сердце, как болел он за Россию, за близких и за русскую нашу речь! И это не банальные слова, почитайте: в каждой строчке его – боль, сострадание и надежда на будущее... доброе и светлое.

116

Валерий Ковшов. Вот ещё один деревенский интеллигент, окончивший Томский государственный университет: он мог любого «срезать», как шукшинский герой. Валера любил свою малую родину – деревню Красный ключ, где и прожил свою жизнь. Любил друзей: шил нам шапки к зиме, угощал мёдом со своей пасеки. А главное – эта любовь проявилась в его замечательных стихах:

*Слава Богу, что мысль не венчается,
Как стихи – тайна мысли проста,
И уходит она и встречается,
Но всегда самозвано чиста.*

И ещё:

*Если родиной память зовётся
О земле, что не кажется тесной,
Пусть она навсегда остаётся
Недопетой единственной песней...*

Валера летом 2008 года вышел из дома по своим хозяйским крестьянским делам... и не успел ещё многого сотворить доброго, нужного – остановилось сердце...

Леонид Гержидович у меня всегда ассоциируется с тайгой, с природой нашей сибирской. У него и дух крепкий, сибирский, и стихи наполнены запахом таёжных лесов – разлапистые, многозначительные. Многие годы он провёл на таёжных заимках. Представить себе, наверное, трудно – быть одному в тайге целыми сезонами. Но говорят же, что поэту нужно одиночество. Оттуда, я думаю, глубокие философские стихи Леонида:

*...В птичьих криках и травах узорных,
В озарения благостный час
Усмотреть изначальные корни,
От рожденья живущие в нас.
Над мирской суетой усмехнуться,
Помолчать у костра в полумгле
И счастливой слезой задохнуться
От любви к этой доброй земле.*

Он любил нас, друзей своих, часто привечал нас в своей Юго-Александровке, поэтический фестиваль с таким названием до сих пор живёт и собирает друзей...

Александр Ибрагимов неординарный и, я бы сказал, загадочный поэт. Он всю жизнь искал своё в поэтическом мире. И в этих исканиях всё больше и больше раскрывался как поэт. Он много сделал для молодых авторов. Долгие годы вёл литературную мастерскую «А3». Талантливый, неповторимый поэт. Его суждения, его взгляд на поэзию были всегда интересны. Рецензию к моей книге «День зимнего солнцестояния» написал именно он, потому что его мнение очень точно совпало с моим видением поэзии и моего пребывания в ней.

*...И как чудо на скудной глине
Отворилось передо мной
Серебристое древо полыни,
Чуть горящее голубизной,
И сквозь изморозь узнавания,
Преломляясь в слезах, возник
Храм-репей, трава без названия,
Муравья изумлённый лик.*

К любому стихотворению Александра Ибрагимова можно ставить эпиграфом строку «Пусть будет каждому любовь...».

Своеобразный, неподражаемый Владимир Ширяев. В нём сочетались серьёзность и ирония. Как он точно отражал состояние человеческого бытия:

*...Во мне любой диктат
Рождал сопротивление.*

*Я с детства не любил диктант,
А только сочинение.*

Или ещё:

*Как и десять лет назад,
В царственном безделии,
Мрачно вороны сидят
На высоком дереве.
Закричу на весь наш сад –
Взмоют без оглядки.
Опустились. Вновь сидят
Но в другом порядке.*

Это ли вам не эзопов язык?

Татьяна Тудегешева – прекрасная шорская поэтесса, училась в Литературном институте им. А. М. Горького, в семинаре выдающегося русского поэта Ю. Кузнецова, который (несмотря на его, в некотором смысле, непринятие женской поэзии) заметил и поддержал талантливую поэтессу.

*Как странно: без тебя, а жизнь не умерла.
И даже реки вспять, спеша, не развернулись,
Всё так же день спешит сменить ночная мгла,
Всё так же о любви поют перепела,
А мы с тобой... Зачем же так простились?
Как странно: ясный день, а в душу грянул гром,
И в сердце сотни молний иглами вонзились.
Смотри: две птицы прочертили небосклон,
Ликуя, растворились в небе голубом,
А мы с тобой... Зачем же мы простились?*

Александр Раевский – это настолько русский поэт и в жизни, и в творчестве, что так мощно и глубоко выражается гармонией между состоянием природы и состоянием души. В его стихах сильна классическая традиция, народно-песенная основа... Я только добавлю: Саша Раевский – это страдающая душа, это душа истинно русского человека. Я рад многие годы дружить с ним. Такая дружба взаимно обогащает и даёт силы в трудные времена.

Наднебесная гора

*Этот сон не выдумал, не вычитал,
Ясно видел: вечный, как любовь,
Крест лучился светом переливчатым
Над вершиной – бело-голубой;
У подножья спали ветры выюжные;
И – кольцом средину охватив –
Серебрились облака жемчужные, –
Хоть разуйся и по ним ходи.
В страшном гроте, выше что находится,
Неземные, светлые лицом,*

*Под святым сияньем Богородицы
Средь других стояли мать с отцом.
Мимо бед земных, к чему-то высшему
Их несла незримая река;
Я их звал – они меня не слышали,
Так и не узнав издалека...*

Иосиф Куралов – талантливый поэт, прекрасный организатор литературных дел в Кузбассе. В конце 80-х Иосифа заметил и благословил выдающийся русский поэт Юрий Кузнецов. «Иосиф Куралов, – писал он, – поэт суровой судьбы. Он родился среди терриконов Прокопьевска. Вместо земли под ногами у него был «серый камень, чёрная зола», а меж тем его душа стремилась к высокому». Недаром в его стихах часто мелькает и сквозит синева...

*Даже то, что становилось паром
И как будто жило наяву,
Подымалось газом и угаром,
Даже дым – отлился в синеву.*

И ещё:

*Засучим наши рукава
И по уму начнём трудиться...
Труба в Пространстве растворится!
Из тверди вырастет трава,
И мы наполним души полднем,
Посмотрим в небосвод и вспомним,
Какого цвета синева.
И тратя силы не по смете,
Посадим сад на белом свете!
И в мир гармония вернётся
Во всей естественной красе!
К нам прикоснётся и проснётся
В цветах, мечтах, в слезах, в росе...*

О Володе Иванове много написано хороших честных рецензий. Он один из первых (из молодых) был принят в СП СССР ещё в 1983 году. О нём писали известные поэты. В.Д.Фёдоров оценил начало творческого пути молодого земляка: «С интересом прочитал, по-моему, книга получилась. В ней уже заметно проглядывает лицо поэта, что в первых книгах случается не часто». Поэт Людмила Щипахина точно подметила: «В.Иванов радует неизбитостью, образностью, остротой поэтического мышления». Добрые слова говорил о Володиных стихах Игорь Киселёв: «Органичное, естественное слияние человека и природы, бесконечное внимание ко всему живому (содержание), задушевность и доверительность интонации (форма) — вот наиболее сильные стороны лирики Владимира Иванова. Что к этому добавить? Только стихи...

*Как токует оглохший глухарь,
И кукушка как славно кукует!..
Даже самый толковый словарь
Так толково про мир не толкует.*

И ещё:

*Зрачком бездонной синевы
Росинка в чашечке живёт,
И чей-то голос из травы
К себе прислушаться зовёт.*

В поэзии главное – выявить суть, выявить особенности миропонимания, и такие очень точные, очень важные картины микро- и макробытия у Владимира Иванова присутствуют во многих стихах.

Сергей Донбай. Мы все годы старались защищать и сберечь русский язык. Мы были в одной упряжке русских поэтов, болеющих за чистоту слов, чувств. Я думаю, то, что мы сделали своим творчеством и поддержкой друзей-поэтов, будет ориентиром для будущих литераторов нашей земли.

*Родной язык в нас снова растревожит
И русскую тоску, и нашу прыть,
От первых потаённых чувств «Быть может...»
И до надежды страстной «может быть!»*

118

*...
Народа нет и не было немного,
И гордость, и смирение на лице
Он выразит: «В начале было Слово...»
«Пусть будет пухом...» – он вздохнёт в конце.
Он узелок на память нам и – затесь,
Он оберег наш и – сторожевой,
Он был и есть, как Бог, без доказательств,
Родной язык – наш промысел живой.*

Сергей Донбай и нынче живёт этим промыслом и продолжает творить.

Владимир Соколов – ещё один поэт моего поколения, ещё одна неповторимая поэтическая вселенная.

*Тишина? Тишины не бывает.
Даже там, где лишь небо вокруг,
Всё объёмлет и всё наполняет
Этот сердце сжимающий звук.
Ты ладонями уши закроешь,
Убежав от людей, от всего,
Но и там этот звук ты уловишь,
Будто сам ты источник его.
То ли в море ломаются льдины,
То ли в твой заскорузлый приют
Докричались киты и дельфины,
Всё надеясь, что тут их поймут.*

До обидного мало пишет Володя, но то, что он делает, – это прекрасно...

Моё поколение! Ребята, я не забываю вас и стараюсь, чтобы вас знали и любили в новые времена. Союз писателей Кузбасса, при поддержке Кузбасского центра искусств, издал пятитомную антологию «Классика земли Кузнецкой» – это память на долгие, долгие годы... В ней собрано немало рецензий, критических статей, биографических данных о поэтах 70–80–90-х годов, известных не только у нас, в Кузбассе, но и в России. Поэтому говорить много об авторах и их творчестве мне нет необходимости: читайте, пусть стихи говорят сами за себя. Думаю, что каждое вошедшее в антологию стихотворение – классика. Многие из них разбираются на цитаты:

В. Иванов: «...и только время выдаёт земное наше пребывание»; В. Зубарев о берёзе: «...вдруг птицу выбросит из кроны, как редкую живую мысль»;

И. Куралов о 90-х годах: «Я из родной страны не уезжал – так почему вокруг страна чужая...»;

Т. Тудегешева: «...потому так священны Томи берега, что в них плещется вечная память народа».

В моём поколении не было сытости (и это связано не с едой, хотя у некоторых были и эти проблемы). Мы всегда испытывали душевный, культурный голод. Неутолимая жажда познания тонкого мира вела нас по жизни... Мы черпали знания из классики русской литературы.

Я не стал бы больше делать какие-то сравнения между поколениями литераторов. Оно всё-таки, на мой взгляд, сегодня, не в пользу начинающих авторов, которые очень амбициозны и могут снова обидеться на меня. Я только за то, чтобы появлялись новые талантливые произведения. Для этого надо работать со словом, любить то, что ты делаешь, напиваться тем, что создали до тебя предыдущие поколения... Чтобы что-то доброе, хорошее подарить другим – обогатиться сами...

Есть библейское выражение: «Жатвы много, а делателей мало».

Жатвы много на нашем литературном поприще... Ведь до нас много посеяно зёрен добра, любви – нужно только культивировать, очищать от ненужных, бездушных «сорняков» Слово русское, чистое и дарить это людям:

*Как больно рождается Слово,
В нём сила бунтует и страсть.*

*Слезой это слово готово
На лист белоснежный упасть.
Как больно рождается Слово,
Минуя безмолвья запрет.
Как больно... но снова и снова
Словам появляться на свет.
Из донных глубин мироздания,
Из памяти вечной, живой –
Слова любованья, страданья
И грусти обычной людской.
...Под сенью небесного крова,
В предутренней, летней тиши
Рождается новое слово
Загадочной русской души.*

В моих стихах Слово появляется как та связующая нить, которая неразрывно соединяет все поколения русского народа. И поэты 70–80–90-х годов, жившие и ныне живущие, не изменяя себе, не изменяют русскому Слову. И дай Бог им ещё много, много достойных творений.

Молодые мои друзья! Ошибка ваша в том, что вы хотите всего и сразу. Так не бывает. Нужно учиться, набираться опыта литературного и человеческого. Любой алмаз требует огранки. Кто-то, наверное, скажет, что ты, мол, сетуешь – время такое нынче, о нём и пишем... Нет, и ещё раз нет. Я уже неоднократно говорил и писал: «Время – это движение мысли». Какие мысли – такое и время. Что касается меня – то я всё время жил и живу тревожно... Вот и сейчас вопрошаю: неужели у русской литературы впереди только великое прошлое? (Евгений Замятин «Наброски к роману»). Конечно, есть замечательные имена следующего поколения. Могу назвать Дмитрия Мурзина, Андрея Правду, Ирину Тюнину, Сергея Дьякова, а дальше... Что дальше? Ведь литература творит время! Какое время нас ждёт?

*Надо выстрадать право –
Называться поэтом.
Пустобрешная слава
Не поможет при этом.
Чтобы снова и снова
Вдаль летела дорога,
Надо вымолить слово
У судьбы и у Бога.*

Всё то, о чём я нынче поведал, – это от моего поколения – молодым талантливым поэтам, ищущим себя в этом мире...

С 13 по 19 мая в Мариуполе прошёл VI Международный мультикультурный фестиваль «Звёзды над Донбассом» организованный Общественной палатой Донецкой Народной Республики при поддержке Президентского фонда культурных инициатив. На фестиваль приехали более 500 прозаиков, поэтов, актеров, музыкантов, принявших участие в более чем 100 мероприятиях. В том числе и в представлении журнала «Огни Кузбасса», которое провела наш автор Ольга Ерёмкина. Сегодня мы хотим напомнить, что нынешний масштабный форум начинался как фестиваль фантастики, и представить вам участников фестиваля, работающих в этом неувядаемом жанре.

МАКСИМ ЧЕРЕПАНОВ И СТАЛ СВЕТ

Алька заметил его сразу, еще издали. Пожилые и дети всегда поднимались на верх холма Саур-Могилы, к памятнику Неизвестному Герою, на курсирующей вверх-вниз гравиплатформе, но этот старик шел пешком. Останавливался, отдыхал, шел снова. Пока не оказался наконец напротив скамейки с Алькой и не сел рядом, слегка покосившись на него, примерно в метре. Ладони, покрытые узором вздувшихся вен, опирались на набалдашник трости, седые волосы развевались на ветру.

Стоял глубокий вечер, но было светло, как белой ночью в Питере. Свет шел от четырёх сияющих белых спиц на горизонте, опускающихся из облаков в энергоприемники. Где-то в вышине космоса, невидимые отсюда, плыли махины солнечных электростанций, СЭЦ, раскинувшие паутины гигантских графеновых линз, концентрирующих свет от Солнца в узкий луч, направленный вниз. Пять километров вокруг энергоприёмника — зона отчуждения, земля иссушена в песок. Далее — зона условных «тропиков», где выращивают бананы и виноград для знаменитых на весь мир и Союз Славянских Республик донбасских вин. Алька знал всё это из учебника и даже ездил на экскурсию с классом. Столб света, на который они смотрели тогда через специальные тёмные очки с обзорной площадки виноградника, на дистанции в несколько километров казался ярче солнца, и даже на таком расстоянии ощущался исходящий от него жар.

Сейчас же лучи СЭЦ освещали памятник Неизвестному Герою, к которому юнармейцы в красных беретах возлагали цветы. Неизвестный Герой, сидевший за приборной доской странного вида, с доброй улыбкой смотрел на них вниз. Алька, украдкой разглядывая старика, поразился сходству его улыбки и выражению лица с памятником.

— Над Саур-Могилой ветер, ветер, — сказал вдруг тот, — и стоят, новёхоньки, кресты...

Алька проследил за его взглядом, туда, где никаких крестов не было, а стояли обелиски Первым Героям, и продолжил стихи древней поэты:

— Человек так хрупок, но не смертен, человек так слаб и так бессмертен, как кусок старинной бересты.

— Листок, — поправил старик, — а так молодец. Я ещё помню время, когда там действительно кресты стояли. Сначала деревянные, потом каменные. В школе тогда учился. Пятый класс?

— Шестой, — отозвался Алька, — а можно спросить?

Старик кивнул утвердительно.

— Вы так много знаете и помните, — продолжил Алька, — можете сказать, а что именно сделал Неизвестный Герой? В учебнике про это... как-то туманно. Остановил вторжение. Но как это мог сделать один человек? Учителя нам не отвечают. Говорят, потом узнаете. Но почему потом?

Старик посмотрел вдаль, прищурившись. Потом кашлянул и ответил:

— Всё очень просто. Двадцать первого июня две тысячи тридцать девятого года...

Двадцать первого июня две тысячи тридцать девятого года оператор первой донбасской СЭЦ «Западная» Алексей Стачинский общался со своей девушкой, находящейся далеко внизу, на Земле. В иллюминатор слева он видел изгиб голубого диска, а прямо перед собой, на дисплее ноутбука — улыбающееся лицо Талки.

— И вот, я ему говорю — как хотите, а я поведу их купаться! Как это — дети в лагере месяц, а купались полтора раза, притом что жара стоит? А он мне — вы за это ответите! А я ему...

Они болтали обо всем на свете, и им не надоедало. С Талкой было интересно и поговорить, и помолчать — и молчание это не давило, оно оставалось лёгким, полным тёплых улыбок, мечтательных взглядов. Алексей слушал про то,

какой диктатор начальник лагеря, какие замечательные у нее мальчишки и девчонки в этом году, как она по нему соскучилась и как его ждёт, и это согревало его, висящего в металлической скорлупке, среди ледяной пустоты, в двухстах километрах над поверхностью Земли.

– А ещё пишут, что эти опять понагнали к границе войска, танки, шагоходы, орудия. Им на кораблях из-за океана понавезли. Говорят, что учения, но конечно, врут, как всегда! Наши военные мрачные все, а дядя Саша говорит, что они не посмеют. А ты что думаешь?

– Маловероятно, – ответил Алексей, – сколько раз уже такое было.

Когда настало время прощаться, он сказал:

– Талка... покажи...

Она потупилась, наматывая на палец светлую прядь.

– Тебе же только неделя осталась, Лёш! Скоро вернешься и сам всё увидишь. И не только увидишь...

Он продолжал смотреть, ни слова ни говоря, и она сдалась. Розовая щеками, медленно растегнула пуговицы белой блузки и развела ее в стороны. Белья на ней не было.

Алексей бессознательно потянулся и уперся пальцами в экран.

– Жду не дождусь, – только и смог выговорить он.

Связь прервалась.

Утром, пока согревался кофе, Алексей заглянул в новости, потом на обзорный экран, показывающий панораму внизу, и глаза его полезли на лоб. Полыхало везде по границе, горели деревни, с внешней стороны ползли колонны пятнистых танков, отсюда кажущиеся микроскопическими и игрушечными, выплёвывая бледные язычки пламени. Он метнулся в Сеть, к европейским новостям. «Реагируя на многочисленные провокации и обстрелы... невозможно более терпеть... миротворческая операция...». На видео из ООН рубил воздух рукой российский президент, рядом хмурился китайский председатель, но их окружали многочисленные лоснящиеся морды, они тянули что-то своё, и внизу ничего не менялось, пожары расползались и уже добрались до Горловки...

Горловка! Там же Талка!

Он набрал номер Талки. Гудки. Он набрал снова. Нет ответа. Он набрал в третий раз.

«Ну же. Ну, ну, ну». Тишина.

«Она может быть просто занята» – уговаривал он себя. Потом вспомнил контакт и набрал Бориса. Тот ответил, хотя и не сразу. Фоном в отдалении грохотала канонада.

– Боря, слава Богу! Слушай, звоню Талке, она не берет. У вас там всё в порядке? Эвакуируетесь?

– Лёш, – голос Бори звучал глухо и как будто очень издалека, – Лёш, прости, но... Талки больше нет.

Остекленевая, он слушал про то, как начались первые прилёты, как Талка собирала детей, и как не досчиталась двоих, видимо, испугались и спрятались, как побежала обратно в корпус за ними, и как весь корпус накрыло.

– Может, она жива? – спросил Алексей шепотом, – вдруг уцелела? Ведь могла уцелеть?

– Нет, Лёш. Это точно. Есть фото.

Космос в иллюминаторе показался особенно чёрным.

– Перешли.

– Лёш, может не надо? Она там очень... не целая.

– Перешли.

Борис переслал. Алексей посмотрел. Один раз. Закрыв глаза.

А когда открыл их, в ушах звучал хрустальный звон и пришла полная ясность, что нужно делать. Оставался ещё один звонок.

Когда ответил женский голос, Алексей сразу понял, что поговорить не получится.

– Сестра Анна, – проговорил он, – мне нужно поговорить с отцом Адрианом.

– Отец Адриан ведет службу, – был ответ, – что-нибудь передать?

– Я наберу позже.

Звон в ушах нарастал. Алексей вводил на пульте команды. Указал свой пароль. Разорвал конверт и указал другой. Выдернул с мясом из задней стенки пульта кабель, про который он не должен был знать, но знал, лишив возможности его дистанционно отключить.

СЭЦ вздрогнула всем корпусом, когда он положил ладони на штурвал, переводя маневрирование с автоматики на ручное управление. Свел луч с платформы энергоприёмника и по единственной возможной траектории, обходя хозяйской и виноградники, повёл его к Горловке.

В детстве во дворе Алексея был мальчик по имени Олег, который в солнечный день обожал играть с лупой, сжигая насекомых. Муравей, попавший в слепяще-белый сужающийся круг, на-

чинал метаться, пытаюсь спастись, пока не застывал небольшим потрескивающим угольком в пылающем кружке миллиметров в пять диаметром.

Нечто подобное сейчас происходило под лучом СЭЦ. Пехотинцы просто сгорали бледными огоньками и исчезали. Танки начинали крутиться на месте, потом вспыхивали и оставались неподвижными чёрными остовами. Шагоходы смешно прыгали, пытаюсь уйти в сторону, потом тоже вспыхивали и оставались лежать на боку, поджав под себя манипуляторы, как околевшие тараканы.

Олега они тогда отлупили и, прежде чем разбить лупу, слегка прижгли пылающей точкой ему руку, чтобы на себе попробовал, каково это. Как он верещал...

А здесь некому меня остановить, подумал Алексей, накрывая лучом очередную группу танков, пытающуюся в панике разъехаться в стороны. В иллюминаторе в паре километров от станции в черноте космоса внезапно расцвел огненный цветок. Не попали, меланхолично подумал он, доворачивая штурвал.

Пульт мерцал сигналами вызова, верещал смартфон. Алексей не отвечал – зачем? О чём говорить, если Талки больше нет? Когда танки закончились, он вспомнил – корабли. Корабли привезли сюда тех, кто убил Талку. И повёл луч к порту. Маленькие смешные игрушечные кораблики пытались разбежаться по воде. Медленно, слишком медленно. Сейчас доведём...

– Сынок, – сказал отец Адриан с большого экрана, обычно показывающего телеметрию станции, – сынок, хватит, остановись. Они поняли.

Только тогда он уронил голову на руки.

– Вот так примерно всё и было, – закончил старик.

Алька потрянул головой и понял, что уже поздно. На вершине Саур-Могилы кроме них и двух странных приближающихся фигур в плащах, никого уже не было.

– А ну-ка, – сказал старик, – беги быстро отсюда.

– Но я...

– Бе-ги, – сказал старик таким голосом, что Алька сразу бросился бежать вниз, оглядываясь.

Когда двое приблизились, старик встал.

– Мы долго тебя искали, – сказал тот, что повыше.

– Ну вот, нашли, – спокойно ответил старик.

– Мой отец был танкистом, – продолжил второй, – а ты сжёг его из космоса, тварь.

– Твой отец пришёл на чужую землю.

– Он пришёл прогнать оккупантов!

– Много болтаете, – сказал старик, – а между тем мальчик, что убежал, довольно сообразительный. У вас мало времени.

– Он прав, Джек, – сказал высокий, – нужно спешить.

Старик шагнул вперёд, замахиваясь тростью. Выстрелы прозвучали негромко и глуховато. Алексей упал навзничь и остался лежать в луже подтекающей тёмной крови.

– Вон они, вон! – кричал мальчишка, ведя за собой мужчин в красных беретах, и они стреляли, целясь по двум убегающим теням, и тени отстреливались в ответ, пытаюсь скрыться в темноте, и всё это уже не имело никакого значения.

Из слепящего света навстречу ему шагнула заплаканная Талка. Они обнялись.

– Так долго, – сказала она, вздыхая, – почему ты так долго.

ПЕРВЫЙ СРЕДИ РАВНЫХ

Американский президент изволила опаздывать.

Денис, сцепив кисти, еще раз обвел взглядом собравшихся за круглым столом. Грузный немец, кося голубым глазом, шептал на ухо французской президентше, та кивала и улыбалась. Китаец погрузился в свой планшет, индиец активно обсуждал что-то с запахнувшимися в оранжевую тогу президентом Африканского союза. На дальнем от Дениса краю кучковались арабы в недавно вошедших в моду серебристых гутрах. Саудит поймал взгляд Дениса и искалительно улыбнулся.

На вчерашних выборах председателя Мирового Совета королевство Аравия отдало свой голос за Джейн Маккейн, президента США, но ситуация сложилась не в ее пользу. Когда Китай и Индия проголосовали за него, Дениса Снегова, председателя Российского Союза, исход стал предрешенным, и даже британский премьер сориентировался на лету и присовокупил свой голос к общему хору. Теперь саудит чувствовал себя неудобно, и Денис вполне разделял его опасения.

Время шло, председатель Мирового совета не проронил ни слова, и разговоры за столом постепенно смолкали, молчание сгущалось и становилось ватным, давящим.

Наконец входная панель скользнула вправо, и американка вошла. Сильно прихрамывая, опираясь на старомодную палку из морёного дуба, Джейн неторопливо проследовала на своё место под взглядами собравшихся. Усевшись, она сцепила руки в замок и, ни слова не говоря, откинулась на спинку кресла.

Что-то, а оттягивать на себя внимание мы умеем, подумал Денис. Выждал несколько секунд и тяжело произнес:

– Вы опоздали.

Пожилая негритянка сделала неопределённый жест руками – дескать, ну так получилось, что уж теперь. Денис прямо смотрел ей в лицо, но ответом была только рассеянная полуулыбка. Взгляда она не отводила, но смотрела ему куда-то в район переносицы.

По долгу службы Денис Снегов очень многое знал о Джейн Маккейн. И девяносто процентов этой информации ему активно не нравилось. Пожилая хромая негритянка-лесбиянка, образ можно было бы счесть анекдотическим, но Денису отлично было известно, какой жестокий и беспощадный аналитический ум скрывается за ее обманчиво-расслабленно блуждающими зрачками. В политике невозможно оставить свои ладони чистыми, но виртуальные руки Джейн были в крови и грязи по самые плечи. И, конечно, Денис предпочел бы не иметь с ней никаких дел.

Но – делай то, что можешь, с тем, что имеешь, там, где ты есть.

– Опоздание – это неуважение к Совету, – обронил он, – и при повторе будет иметь последствия.

Джейн моргнула.

– Я сожалею, – легко произнесла она по-английски. Визор в правом глазу Дениса, как и у всех в зале, отобразил перевод, транслятор механическим женским голосом шепнул его в правое ухо.

Черта лысого ты сожалеешь, подумал Денис. Сожалеешь не больше, чем гаджет, который только что перевел твои слова с местного наречия на общепринятый для общения в мире русский. Но вслух произнес:

– Итак, повестка дня...

Говорили о многом, в основном о повсеместном внедрении минимальных жизненных и обра-

зовательных стандартов, выравнивании планетарного уровня жизни, о переброске ресурсов в Африку, освоении близлежащих планет, развитии лунных городов и обеспечении бесперебойных поставок с Луны гелия-3.

– В настоящий момент поставки лунного гелия-3 на Землю осуществляют шесть гелиевых танкеров. Три наших, один немецкий и два американских, – продолжал Денис, – есть предложение, учитывая высокие энергетические потребности Африки, передавать им треть привозимого гелия.

Немец кивнул. Американка фыркнула.

– У них есть нефть, – протянула она, – пусть жгут.

Денис усмехнулся.

– Чувствую себя очень странно, озвучивая прописные истины, – сказал он, – но при термоядерном синтезе, при вступлении в реакцию одной тонны гелия-3, высвобождается энергия, эквивалентная сгоранию пятнадцати миллионов тонн нефти. Не говоря уже об экологическом и иных аспектах.

– Мы не считаем данное предложение ни целесообразным, ни справедливым, – отрезала Джейн.

– Справедливым? – переспросил Денис, борясь с закипающей внутри яростью, – справедливым...

– Воздух! – страшно заорал Сашка, и они бросились к окопам. Едва Денис успел спрыгнуть вниз, как в палящем африканском небе пронеслись две тени, а потом сверху обрушилась смерть. Мир тряхнуло, Дениса приложило о бруствер и опрокинуло навзничь. О бронестекло шлема шлепнулась и отлетела, оставив размазанный кровавый след, чья-то кисть без двух пальцев. Шатаясь, он встал. В ушах звенело. Разинув в беззвучном крике рты, его товарищи стреляли вслед теням из ручных лучеметов, но расстояние было слишком велико. Денис хотел сказать, что стойте, не тратьте заряд зря, но тут увидел, что осталось от Сашки, и на глаза упала кровавая пелена. Столкнув с ложементов тело наводчика, Денис сел за спаренный зенитный лучемет и крутанулся навстречу двум возвращающимся машинам. Мощность – на максимум. Проклятье, кровь заливает левый глаз. Перекрестье прицела – на пять корпусов вперед. Давайте, чуть поближе...

– Скажите, миссис Маккейн, – ровным голосом произнес он, – а вы считаете справедливой, например, вашу интервенцию в Конго в две тысячи семидесятом?

Джейн приподняла бровь.

– Нашу миротворческую операцию, вы имеете в виду?

Денис посмотрел на свои ладони, с пальцами, согнутыми, словно они всё ещё сжимали гашетку зенитного лучемета, и заставил себя расслабиться. Она знает, что я был там, подумал он. А я знаю, что она знает, и так далее.

– Один великий русский писатель в двадцатом веке сказал, что если ради идеала приходится делать подлости, то цена этому идеалу – дерьмо. Почему вы, американцы, всегда убивали якобы ради мира?

– Позвольте...

– Не позволю, – жестко сказал Денис, – больше не позволю. Никто больше не посмеет напасть на суверенную страну по надуманному поводу. Собственно, и стран скоро не останется как таковых. Никто больше не будет бомбить города и убивать сотни тысяч ни в чем не повинных людей просто потому, что захотелось взять территорию под контроль и качать ресурсы. Никогда больше не будет так, что в одном регионе планеты люди миллионами убивают друг друга и гибнут от голода, а в другом – закапывают еду бульдозерами и выменивают у первых золото за тушенку. Хватит. Детство человечества закончилось.

Джейн улыбалась, но глаза ее излучали ненависть.

– Мистер Снегофф, – нараспев произнесла она по-русски, – конечно, сейчас ваш Союз является монополистом в части владения технологией использования так называемых волновых роботов и диктует всему миру свою волю. Но вы ведь не полагаете, что так будет продолжаться вечно?

Старая лиса права, подумал Денис. Рано или поздно они украдут технологию или сами изобретут ее. И тогда...

– Ничто не вечно, – сказал Денис, – и мне известны ваши усилия в данном направлении. Однако заметьте, что целью наших волновых роботов, которые пять лет назад превратили весь американский оружейный плутоний в стоящих на боевом дежурстве ракетах в свинец, являлся только металл. У нас же есть данные о том, что вы ведете исследования в направлении устойчи-

вых волновых структур, способных разрушать органику.

За столом поднялся ропот. Улыбка Джейн заледенела.

– С возмущением отвергаем это чудовищное обвинение. Какие ваши доказательства?

– Будут доказательства, – пообещал Денис, – но я бы вас предостерег от подобных экспериментов. Видите ли, волновые роботы, разрушающие органику, – это ничуть не менее чудовищно, чем химическое или бактериологическое оружие. Или, скажем, нейтронная бомба. И отношение Мирового Совета к подобным исследованиям совершенно однозначное. Мы будем им противодействовать. Всеми способами.

Члены Совета кивали, даже британец. Маккейн молчала.

– Также на вашем месте, – продолжал Денис, – я воздержался бы от попыток снарядить новые носители плутонием. Технологический прорыв последних лет, реакторы на гелии-3, раз и навсегда победившие энергетический кризис, основание трёх баз на Марсе, бурный рост лунных городов – всё это обусловлено тем, что стало возможным направить военные расходы на науку, космос и социальные нужды. С кем вы собираетесь воевать? Понимаете, вы мыслите архаичными категориями. Давно пора расширить свое сознание до планетарного масштаба.

– Мы отрицаем...

– Иногда я думаю, – перебил ее Денис, – что было бы, если история пошла по другому пути? Если бы в конце двадцатого века вам удалось разрушить Советский Союз, как вы это задумывали, привычно развязать третью мировую, решить за ее счет все свои финансовые вопросы, снова поменять свою тушенку на золото, как во время второй мировой, собрать у себя лучшие умы со всего мира? При одной мысли, если честно, мороз по коже. Но мы тогда выстояли. Выстоим и сейчас. Кто к нам с мечом придет – тот от меча и погибнет. Знаете эту цитату?

Джейн прикрыла глаза.

– Замените «меч» на «волновые роботы» и получите актуальную версию, – устало закончил Денис.

Неожиданно наушник зашептал председателю Мирового Совета в ухо, информация дублировалась в визире крупными красными буквами. Новость была такой силы, что Денис выпрямился в кресле, не совладав с лицом, привлекая всеобщее внимание. Джейн судорожно вцепи-

лась в свою палку, ее правый зрачок метался как бешеный – она тоже явно считывала с визира срочный рапорт.

– Дамы и господа, – изменившимся голосом произнес Денис, – позвольте представить вам чрезвычайного и полномочного посла Галактической Федерации.

Входная панель под воздействием непреодолимой силы обрушилась внутрь помещения, и в зал Совета вплыла, паря над полом, высокая фигура в развевающемся фиолетовом одеянии. Над двумя парами рук, сложенных на груди, красовался крупный череп, покрытый зеленой чешуей. Выделялись огромные чёрные глаза без зрачков.

– Приветствую. Вас. От имени. Галактической. Федерации, – прозвучало в наушниках всех присутствующих, – Мы. Давно. Наблюдаем. За вами. Теперь. У вас. Единое. Планетарное. Руководство. Что делает. Контакт. Возможным. Кто. Старший. С кем. Говорить?

– Со мной, – хрипло сказал Денис Снегов, вставая, – говорить со мной.

г. Челябинск

ВЛАДИМИР СОФИЕНКО

ПОЗЫВНОЙ «АМЕРИКА»

Всплеск. Круг на воде ширился, нарушая хрупкость отражённой реальности. Следом за ним – второй, третий... Белый войлок кучевых облаков, проплывавших в небесной синеве, вдруг исказился, изогнулось и небо, закачалось, как лодочка на волне. Пролетев ещё немного, плоский камушек опять оттолкнулся от поверхности реки, совершил очередной прыжок и, будто споткнувшись, пошёл ко дну. Встревоженная стрекоза, сверкнув крылышками, сорвалась со стебля осоки и умчалась прочь.

Этим мартовским утром, ещё не вобравшим в себя тепло щедрого южного солнца, на улице было особенно свежо, пахло молодой листвой; в прозрачном воздухе, ожившем жужжанием мух и пчёл, витала безотчётная хмельная радость пробудившейся ото сна земли.

– Деда, ты видел? Мой камень три прыжка сделал! А ты так умеешь?

Мальчуган лет семи забежал на веранду, где в кресле-качалке сидел старик, укрытый клетчатым пледом. Мальчик опустил на корточки и ткнулся лицом в колени деда, чем спугнул

большого шмеля, танцующего над красным шерстяным квадратом. Жужжа, шмель барражировал ещё некоторое время над клетчатым полотном, потом улетел. Проводив задумчивым взглядом шмеля, старик посмотрел на мальчугана: морщинистое лицо его посветлело, и сам он, казалось, стал моложе.

– Нет, Егорка, я не могу так, как ты, – улыбнулся дед. Он опустил на рыжую макушку сухонькую, без мизинца ладонь, ласково потрепал непослушные вихры правнука. – Раньше мог, а теперь уже силы не те.

– Раньше – это когда был на войне? – Егорка пытливо уставился на прадеда: тот нахмурился, бескровное лицо вытянулось.

Мальчик любил слушать дедовы рассказы о войне. Из них он знал, что у каждого ополченца был свой позывной. С прадедом плечом к плечу сражались его друзья со странными и даже немного смешными прозвищами. Были среди героев тех историй и «Чапай», и «Ташкент», и «Весёлый». Все они погибли на братоубийственной войне. Вот только прадед не признавался, какой позывной был у него самого – вечно откладывал до другого раза.

Сейчас, затаив дыхание, внук ждал очередную историю.

– Помнишь, ты обещал рассказать, как попал под бомбу, – подсказал Егорка, поглядывая на увечную руку старика.

Втайне мальчик надеялся, что сегодня прадедушка раскроет свой позывной. Он давно для себя решил: когда вырастет, станет военным, как все мужчины в их большой семье, и непременно возьмёт для себя этот позывной.

– Егорка, оставь прадедушку в покое! Сегодня у него трудный и ответственный день! – Из дома на веранду вышла пожилая женщина в белом брючном костюме.

Правильные черты лица её ещё хранили былую красоту, собранные на затылке волосы были аккуратно уложены. Несмотря на строгость костюма, она выглядела празднично: жакет украшал бант из георгиевской ленты и маленький бутон розы.

– Сегодня прадедушку с Днём Освобождения будет поздравлять Президент! – сказала женщина, подходя к креслу-качалке.

От изумления и восторга у мальчугана расширились глаза. Он шмыгнул носом.

– Неужели сам Президент?! Он что, сюда приедет, к нам?! Да, бабушка?

– Нет, к нам не приедет, – улыбнулась она. – Жителей города Миллиона Роз он поздравит по национальной сети. Но первой поздравлю нашего героя я. С праздником тебя, папа! – склонившись к старику, женщина обняла его за шею и поцеловала в щёку.

– Ура! – радостно крикнул Егорка.

Он сбежал со ступенек веранды к речке, схватил увесистый камень и далеко закинул его в воду. Камень громко булькнул, пустил сердитые круги по воде.

– Спасибо, доченька... Спасибо, Лизонька, – отец благодарно коснулся её руки.

– Я так рада, что тебе стало лучше, – сказала она. – К празднику нагладила твой парадный китель. А ещё, пока ты болел, из военкомата передали медаль. Вот гляди, на ней изображён аэропорт.

Лиза вложила в ладонь отца красную велюровую коробочку. Внутри была серебряная медаль. На лицевой стороне её, в верхней части круга, – государственная символика, в центре – очертания руин терминала, диспетчерской вышки и надпись: «Шестьдесят лет со дня Освобождения».

Напрягая глаза, старик внимательно разглядывал детали изображения. Да, всё именно так, как запомнилось ему.

...Мины сыпались на двор монастыря одна за другой. На брусчатке после взрывов оставались круги похожие на те, что расходятся по водной глади, стоит запустить в неё камешком.

– Монастырь, приём! Ответь «девятке»! Монастырь, приём! – шипя, требовала рация.

На полу под крупными кусками штукатурки неподвижно лежал ополченец. Где-то совсем рядом за стеной раздался оглушительный взрыв. Стены трёхэтажного здания вздрогнули. С потолка снова сыпалась штукатурка. Солдат застонал, пошевелился. Ещё один снаряд попал в здание, заскрипели балки перекрытия, заскрежетали оголённой арматурой. Где-то с грохотом обрушилась то ли стена, а может, лестничный пролёт. Сознание вернулось к раненому. Рука его легла на нагрудный карман, повозившись, он всё же вытащил рацию. Непослушные пальцы на ощупь искали кнопку, чтобы ответить. Каждое движение давалось человеку с большим трудом. Казалось, боль заполнила всё тело. Рация настойчиво вызывала монастырь: требовала, кричала, ругалась. Наконец,

пальцы справились: раздался характерный слабый щелчок.

– «Девятка», приём! «Америка» на связи!

Собственный голос, непривычно хриплый, надломленный, показался раненому чужим, будто кто-то другой назвался его позывным. Прикусив губу, чтобы не застонать от боли, ополченец сумел приподняться на руках, затем, чуть двинувшись, привалился спиной к кирпичной кладке стены. Огляделся: он находился в длинном коридоре. Сильно пахло гарью, нос и рот забила едкая пыль. Теперь в положении сидя боль сосредоточилась где-то слева, захватив весь бок и руку. В памяти всплыло то, что случилось до ранения.

Отряд, в котором служил Сергей Березин, он же «Америка», входил в тактическую группу «Суть времени» и нёс боевое дежурство в полуразрушенном монастыре, недалеко от нового терминала аэропорта. «Суть времени» удерживала сам монастырь и посёлок Весёлое. После интенсивных боёв и перехода аэропорта под полный контроль ополченцев наступило перемирие. По крайней мере, так они считали, ведь на перемирие согласилась вражеская сторона, был объявлен день тишины. Многим ополченцам тогда удалось на короткое время вернуться в город Миллиона Роз, навестить свои семьи. На передовой остались нести боевое дежурство лишь небольшие отряды. Именно в тот день противник открыл ураганный огонь по позициям ополченцев, двинулись вражеская бронетехника, пехота. А на пути у них стоял женский монастырь, келья настоятельницы – «двойка» и трёхэтажный монашеский корпус – «трёшка». Здесь отряд из девяти ополченцев и принял бой. Когда от обрушенной башни, кем-то метко прозванной «пеньком», выдвинулась вражеская бронетехника, командир отряда приказал рассредоточиться по корпусу. На втором этаже «Америку» оглушило, и он потерял сознание.

– «Америка», докладывай обстановку, приём! – облегчённо вздохнув, приказала рация.

– У нас перемирие! – ухмыльнулся «Америка». – Удерживаем «трёшку».

Краем глаза он заметил тень: в проёме появился неясная фигура. Враг?! Отложив рацию, не сводя глаз с силуэта, ополченец нащупал воз-

ле себя СВД*, резким движением закинул винтовку на ноги, клацнул затвором.

– Спокойно, Серый, это я – Андрей. У меня рация накрылась. Осколками посеколо, чудом жив остался. Ты как? – Под берцами «Ташкента» хрустел битый кирпич, шоркалась и ломалась обвалившаяся штукатурка.

Березин молча протянул рацию командиру отряда. Тот, окинув Сергея взглядом, присел рядом.

Рация шуршала динамиком. На той стороне снова требовали доложить обстановку.

– Я «Ташкент»! – наконец, командир ответил. – Докладываю! От «пенька» идут два танка и два БМП**. Нас утюжат «Градами»*** и сто двадцатыми. Два «Гнома»**** накрылись, «Утёс»***** разбит прямым попаданием. Осталось лёгкое стрелковое вооружение и «Мухи»*****. Потерь в личном составе нет. Ждём подкрепление. Поддержите огнём. «Девятка», приём!

– Поддержать огнём не можем! Не дайте танкам прорваться в город, держите «трёшку»! Вышлем подкрепление при первой возможности, приём!

– Есть – держать «трёшку»! – Прервав вызов, «Ташкент» на правах командира сунул рацию к себе в карман.

– Слышал, брат? Надо держать «трёшку», а ты развалился тут! – он подмигнул, на чёрном от копоти лице сверкнула белозубая улыбка. «Ташкент» поднял с пола каску и нахлобучил «Америке» на голову. – Сильно тебя? – командир кивнул на окровавленную руку Березина.

– Чем это меня так шарахнуло? – «Америка» тоже разглядывал рану – мизинца как не бывало.

– Танк. Прямое попадание, – мрачно пошутил «Ташкент» и крикнул: – «Весёлый», «Карась», ко мне!

Снова ударила вражеская артиллерия. Здание вздрогнуло, закачалось. В коридор вбежали бойцы.

– Парни, тут Серого зацепило. У кого гемостатик? Обработайте рану.

– ...Папа, просыпайся! – Лиза осторожно по-

трепала по плечу задремавшего на веранде отца. – Медсестра пришла делать укол. Пойдём в дом.

– Да я ведь и не сплю, – старик открыл глаза.

– Не обманывай, – Лиза наклонилась к нему, дотронулась до отцовых ладоней. – У-у, руки совсем холодные! Давай я согрею, – погладила замёрзшие пальцы. – Папа... – начала она, в голосе слышалось некоторое смущение.

– А? Ты хочешь что-то сказать? Ну, говори? – старик заглянул в лицо дочери.

– Так... Ничего особенного, – Лиза пожалала плечами, – просто ты стонал во сне. Я волновалась...

– Привиделось что-то, – нарочито бодро ответил отец. – Говорю же: я прекрасно себя чувствую. – Он ласково смотрел на дочь, пригладил прядь на её голове и спохватился: – А где гости? Лёшку нашего отпустили с заставы? – вспомнил о внуке.

– Гости уже в доме. Просто мы не хотели беспокоить тебя. А Лёша отмарширует на параде и к нам присоединится – никуда не денется. – Потом Лиза добавила о муже: – Жаль, Антона не отпустили: дежурство у него. – Она ещё раз, словно выискивая признаки плохого самочувствия, всмотрелась в лицо отца.

– Да не беспокойся ты. Всё хорошо, – ради шуток старый солдат сделал строгое лицо и покомандирски приказал: – Веди гостей!

– Пап, давай после укола, а? Пойдём в твою комнату, – улыбнулась дочь.

Старик не возражал.

Спустя полчаса Лиза проводила медсестру. К тому времени в доме был накрыт стол, но погода стояла дивная, потому старик попросил начать празднование на свежем воздухе.

Снова началась подготовительная суета. Из роллеты на потолке веранды дочь выдвинула полотно большого сенсорного экрана и настроила трансляцию парада. Затем Лиза вывела на веранду отца, устроила его в любимом кресле, придвинула к нему небольшой стол, на который поставила коробочку с медалью. Ещё на пару минут женщина заскочила в дом и вернулась, неся перед собой парадный китель с орденами и медалями. Следом стали выходить гости: родственники, друзья.

Уже шла трансляция парада. На экране появилась главная площадь города Миллиона Роз с памятником Воину-победителю. Полукругом, обо-

* СВД – снайперская винтовка Драгунова.

** БМП – боевая машина пехоты.

*** «Град» – реактивная система залпового огня (РСЗО).

**** «Гном» – ручной револьверный гранатомёт.

***** «Утёс» – крупнокалиберный пулемёт.

***** «Муха» – реактивная противотанковая граната.

значая границы площади, стояли административные здания с мраморными колоннами, украшенными гирляндами из роз. На парад собралось много горожан. То тут, то там мелькали радостные лица, воздушные шары, государственные флаги. Мимо площади, по прилегающей улице, катила боевая техника, слышался лязг гусениц попеременно со звуками военного марша.

Эти звуки никак не отпускали Березина. К нему подходили гости, поздравляли, чего-то желали, разглядывали новую награду, но он едва слушал людей сквозь тот страшный голос войны. И память вновь подкидывала старику картины из прошлого.

...Гул приближающейся тяжёлой техники, страшный грохот, канонада... Танки подошли слишком близко и в упор обстреливали «трёшку». Они укрылись метрах в сорока, за земляным валом. Время было упущено, и теперь за естественными складками земли ополченцам было не достать вражескую технику даже «мухами».

Артиллерия ополченцев до сих пор молчала. Две бэмпэшки и вражеская пехота, засевшая в «зелёнке», блокировали все подступы к монастырю. Бойцы формирования «Суть времени», спешащие на подмогу к ополченцам, не могли пробиться по обстреливаемой местности. Остальная бригада «Восток», в которую входила «Суть времени», отбивала натиск врага у нового терминала. Наступал переломный момент, и обе стороны понимали это. С позиций врага снова обрушился артобстрел. В полуразвалившейся «трёшке» ждали следующей атаки: ополченцы залегли каждый у своей бойницы. Есть среди них и совсем юные... На вид – вчерашние школяры, студенты. В любое мгновение может оборваться их жизнь. Выдержат ли? Будут ли стоять до конца?

«Ташкент» неплохо знал своих ребят, а некоторых – с самого детства. С «Чапаем» – Юрой Синицыным – даже в садик один ходили. Юрка, белобрысый выпускник филфака, без леденцов – ни шагу. Вот и сейчас он открыл коробочку: разноцветные стекляшки монпасье напоминали о мирной жизни. В школе Юрка читал про героя Гражданской войны Чапаева, настолько впечатлился, что взял себе такой позывной. К тому же и война нынче шла та самая – гражданская... Когда вражеский снаряд попал в здание Краеведческого музея, Юркина мама была на работе – там же, в обрушившемся крыле...

Юрка почувствовал на себе взгляд «Америки» и, улыбнувшись, протянул ребятам коробку с леденцами.

«Весёлый» на передовой тоже не первый день. Его младшую сестрёнку убило миной прямо на школьном дворе. Этот не отступит, сдержанный, угрюмый. После гибели сестры никто не видел, как «Весёлый» улыбается. Его дом тоже накрыло «Градом» в том самом посёлке Весёлое, в нескольких километрах отсюда. Потому и позывной такой – «Весёлый». Никто не знал его настоящего имени. Сам он был молчалив, говорил редко и только по делу.

У дальней бойницы «Америка» – единственный кадровый военный в отряде, снайпер – наносил очередную засечку на прикладе СВД. Такие воины, как он, стоят десяти! Это он, Березин, учил ребят военным хитростям, благодаря ему те выходили из разных передраг живыми. Когда Сергей Березин появился в «Сути времени», к нему отнеслись с недоверием и даже сторонились. На это была причина: выяснилось, что он пришёл с вражеской стороны. Говорили, детство Березин провёл в городе Миллиона Роз, потом родители увезли его в столицу некогда единой страны. Ходили слухи, что родные отказались от него, когда он решил перейти на сторону ополченцев. Со временем сослуживцы стали доверять ему, самому опытному в группе.

Артобстрел пошёл на убыль и вскоре стих. Снаружи долетал дёрганый треск стрелкового оружия из «зелёнки».

– Слушай приказ! – «Ташкент» обвёл бойцов взглядом. – Рассредоточиться по уцелевшим бойницам. Работать, часто меняя позиции, на всех этажах. Пусть думают, что нас здесь целая рота, – командир, заметив недоумение и даже усмешку на лицах бойцов, выдал кислую улыбку: – Ну, или хотя бы взвод. Тогда появится шанс, что пехота из «зелёнки» не попрёт, – выиграем время до подхода наших.

– Командир, всё одно останемся здесь. Чего нам бегать, как тараканам? Не будет подмоги – вся территория перед «трёшкой» как на ладони. – «Ташкент» выхватил взглядом сказавшего это бойца: на усталом лице «Карася» обречённость.

«Неужели конец?..» – пронеслось в голове «Ташкента». Ему показалось, что в следующее мгновение эта мысль пришла всем бойцам.

– Эх, не видать нам Америки! – привычно выдал свою козырную фразу «Америка». – Не хотел я вам говорить... На той стороне однополчане мои из 63-й. Вижу их командира. Сейчас пойдут на нас.

Празднование завершилось, гости разошлись по домам несколько часов назад.

Вечерело. Огненный шар светила клонился на запад. Оно ещё ласкало весенним теплом, но в воздухе угадывалось: вот-вот потянет колючей прохладой.

Старый солдат Сергей Березин наблюдал, как из-за реки, с полей, плывут молочнокисельные рукава тумана. Казалось, время остановило ход, и только туман, искажая реальность, преобразовывал пространство. Скоро он подкрался к залитой электрическим светом веранде.

Старик чувствовал, даже знал: сегодня должно что-то произойти – непременно хорошее, радостное. С таким предчувствием он проснулся утром. Березин был знаком с этим удивительным ощущением с детских лет: оно возникает само собой, как будто из ниоткуда, и не важно, идёт ли за окном серый дождь или сияет весеннее солнце.

– Папа, гости разъехались, надо ложиться спать. Уже холодает. – На веранде раздались шаги дочери Лизы.

– А ты накрой меня пледом. Я ещё побуду немного здесь, – ответил отец.

– Вот так всегда, – шутливо, как ребёнка, его укоряла дочь. – Ещё пять минут – и спать! – затем добавила: – А плед я, конечно, из дома захватила, папочка. Знаю ведь тебя... – она укрыла отца. Лиза пошла в дом, но у самой двери обернулась: – Слышишь, пять минут! – и погрозила пальцем. Она шагнула на порог, но отчего-то задержалась в дверном проёме, опять обернулась: – Папа... Пап, всё хорошо?

В кресле-качалке неподвижно сидел отец.

– Пять минут, – ответил он, стараясь говорить бодро.

Лиза тряхнула головой, будто отделяваясь от дурной мысли, зашла в дом, но снова задержалась, наблюдая за отцом через стеклянную дверь. Размеренное покачивание кресла развеяло в женщине тревогу, и Лиза направилась вглубь дома.

Снова на веранде раздался шум. Или это чьи-то шаги?..

– Время ещё не истекло, – сказал старик, думая, что дочь вернулась.

– Странная штука – время... Правда, Берёза? – ответили ему.

Этот голос с лёгкой картавостью он узнал бы из тысячи других, хоть не слышал его многие десятки лет.

– Мишка, ты живой?.. – Холодный озноб пробежал по телу Березина, когда со двора из пелены тумана на веранду поднялся давний знакомый.

На нём полевая форма старого образца; точно такая же была и у него, Сергея Березина, в довоенное время – лейтенанта 63-й стрелковой.

Мишка, разудалый друг Мишка! Всё тот же открытый взгляд серых глаз, высокий лоб, насмешливая улыбка. Тогда ему было двадцать пять. Время не тронуло его.

– Ты на курсе был самым метким, – сказал Мишка, – я сразу понял, что это была твоя пуля. Знаю, Кешу и Юраса ты уложил в том бою.

В Мишкином голосе не было упрёка, он говорил так, словно они с Берёзой давние друзья и встретились вспомнить минувшее.

Старик кивнул, затем, будто сбрасывая навязчивое прошлое, тряхнул головой. Глаза его с замутнёнными зрачками увлажнились, он посмотрел на друга, подбородок мелко затрясся, но сумел совладать с накатившими эмоциями. Теперь взгляд его стал ясным.

– Как ты догадался, что это именно я? – с вызовом в голосе прервал молчание он.

Мишка прошёл внутрь веранды, встал, прислонившись к перилам, – так, чтобы получше разглядеть постаревшего друга. Туман сгустился. Мишка, как будто играясь, тронул ладонью молочный сгусток – тот чудесным образом рассеялся.

– Мы пытались перехватить ваши переговоры, но до нас дошли лишь пустые обрывки, – Мишка говорил безразлично, как будто не придавал сказанному особого значения. – Когда после Кеши упал Юрас, я почему-то подумал о тебе, потом случайно по рации услышал позывной «Америка». Тогда меня осенило: это ты. Все на курсе знали твою козырную фразу. Даже размечтался, что встретимся с тобой, – Мишка криво усмехнулся, исподлобья посмотрел на старика.

– Но прежде тебе или кому-нибудь другому пришлось бы убить меня, – мрачно ответил Березин.

– Меня всё время мучил вопрос: почему ты перешёл к ополченцам? – равнодушно обронил Мишка.

– Армия не должна стрелять в свой народ! – «Америка» в упор посмотрел на друга и по воле судьбы – врага.

Мишка выдержал тот тяжёлый взгляд. Продолжил:

– И последний вопрос. Ты сразу понял, что в перекрестии прицела я, или это случилось после?

– Сразу. – Березин всегда был честен. – Старик не отвёл глаз от Мишки, сжал синюшные губы. Он знал, каким будет следующий вопрос и, не дожидаясь его, добавил: – Иначе ты убил бы того парня.

– Но он пришёл за нашими жизнями, – Мишка скрестил руки на груди.

– Он пришёл к нам на помощь, – был ответ Березина.

...С новой силой ожила «зелёнка», но теперь пули не устремлялись в проёмы бойниц. Стрельба поднялась неистовая, усилился миномётный обстрел.

– «Америка», глянь, что там происходит! Может, наши на прорыв пошли? – в голосе «Ташкента» тревога и надежда.

Березин прильнул к оптике.

– Это надо видеть, парни!.. – только и смог воскликнуть он.

Ополченцы как один кинулись к амбразурам в стене, через которые контролировали подступы и дорогу, ведущую к монастырю. Да, на это стоило посмотреть даже под шквальным огнём! По брусчатке в полный рост, не кланяясь пулям, не пытаясь увернуться от них, шёл молодой ополченец. Вокруг падали мины, усеивая всё вокруг смертоносным металлом, а неуязвимый солдат берцами вдавливал осколки в крошку разбитого камня. Казалось, невидимый покров спустился на защитника храма с обгоревшего креста на скелете луковки, чернеющей в задымлённом небе.

– Это же «Белка» с увольнительной идёт! – сказал кто-то, и бойцы недоумевающе переглянулись. – Он что, с ума сошёл – убьют же!

Ополченцы, не дожидаясь приказа, ударили со всех стволов по «зелёнке». В ответ часто застучал свинцовый дождь по мешкам с песком у амбразур.

– Пятьдесят два, пятьдесят три... – шептали губы «Америки», отсчитывая каждый шаг «Белки».

Вдруг в «зелёнке» Березин заметил снайпера, залёгшего на изготовку: делал он это суетли-

во, и поэтому, казалось, неумело – будто сам нарочно под выстрел подставлялся. В перекрестие прицела «Америки» попало лицо противника: он сразу узнал своего давнего знакомого. Огонь! Враг, вздрогнув, взглянул в направлении выстрела и как будто узнал того, чья пуля его убила, затем улыбнулся привычно, как другу, и в следующее мгновение умер. «Америка» отпрянул от бойницы, перевернулся на спину, закрыл глаза.

– Чертяка! Что он творит?! Дошёл-таки! – через шум боя услышал Березин.

В этих словах были удивление и радость. На глазах у всех – и с той, и с этой стороны – ополченец совершил чудо! «Белка» сделал невозможное! Врагам он показал неуязвимость, а значит, правда на стороне защитников монастыря, да всего города Миллиона Роз. Своим товарищам он вернул веру в себя, в их правое дело. У обвалившихся ворот монастыря «Белка» принял бой. Его ПКМ* смолк, когда снаряды посыпались один за другим на позицию «Белки». Потом шёл долгий ожесточённый бой. Смертельно раненый «Ташкент» до последнего вздоха руководил защитой «трёшки»: в «зелёнке» догорала подбитая им БМП, когда под завалом стены погиб «Весёлый».

Ближе к полуночи противник, понёсший большие потери в технике и живой силе, отступил. Потом была радость встречи ополченцев со своими. А ещё – за братьев, не чокаясь...

Тело «Чапая» не нашли. В «зелёнке» лежали обгоревшие лоскуты униформы и оплавленная банка монпансье. Их и похоронили рядом с «Белкой», «Ташкентом» и «Весёлым».

Плотный туман проник на открытую веранду.

– Пришло твоё время, «Америка», – Мишка широко улыбнулся и протянул Березину руку.

– «Америки» давно нет. Его не стало много лет назад. Он остался там, в монастыре, где лежат его друзья и ты, Мишка, тоже, – говорил старик.

Вдохнул, будто выдыхая тяжесть прожитых лет, – теперь Березин дышал легко и ровно. Он смотрел на Мишку и знал: ничто не могло разрушить их дружбу. Старик скинул груз прошлого и даже как будто расправил плечи, насколько это было возможно сделать в кресле-качалке. Свобода, лёгкость наполняли его: никаких сожалений, упреков – только радость от встречи.

* ПКМ — пулемёт Калашникова модернизированный

Березин в ответ протянул руку Мишке, и они оба – невесомые – сквозь туман взмыли в небо. Сверху Березин увидел любимый город Миллиона Роз. Чернеющая лента реки отделяла его от терриконов с вышками шахт. Подсвеченные редкими огоньками, они казались сказочными гигантами, охраняющими подступы к городу, а сам он светился огоньками от кафе, ресторанчиков под открытым небом, огромного стадиона в виде чаши, фонарей в парках.

Мишка и Березин ещё раз пролетели над домом, разбуженным тревожными всполохами маячков «Скорой помощи». Во дворе стояли люди с носилками, чемоданчиками, Лиза у ступенек веранды куталась в шаль. Но больше Березина здесь ничто не держало...

Они с Мишкой летели дальше над раскинувшейся степью. Ветреную мартовскую ночь по волшебству сменил солнечный тёплый день. Воздух, наполненный ароматом весенних цветов, стал влажным и солоноватым. Впереди заблестела полоска воды.

– Куда мы, Мишка? – молчание нарушил Березин.

– Туда, где все примирились, Серый, – был ему ответ.

Теперь перед ними раскинулось бескрайнее море, в бухте, окаймлённой золотом песка, плескались люди, одетые в белые одежды.

– Америка! Вот мы и увидели Америку! – закинув голову к небу, кричал «Ташкент».

Рядом с ним был «Чапай» – улыбаясь, он протягивал вверх коробочку с монпансье. Тут же стояли Кеша, Юрас и «Белка» и звали присоединиться к ним.

АНГЕЛ

1

Вадик сложил руки на худеньких коленках так, чтобы они лежали «правильно» — ровно, одна к другой, и отсутствующим взглядом уставился в одну точку. Замерев, он сидел на стуле рядом с белым столом, на котором высилась стопка из пухлых медицинских карточек.

Доктор в тщательно выглаженном белом халате, выбрав нужную, уже в который раз бегло пролистывал пожелтевшие страницы. Именно она, та карточка, приковала к себе всё внимание мальчика. Вадика было привычнее и даже спокойнее, когда вещи лежали строго на своих местах. Прямо сейчас хотелось ему одного:

чтобы медкарта вернулась на своё прежнее место — именно так было, когда он вошёл в кабинет.

Глядя на мальчика со стороны, можно было подумать, что он о чём-то задумался — так глубоко ушёл в себя, что не видит и не слышит ничего вокруг. Ну, или просто уснул — ведь бывает, когда люди спят с открытыми глазами.

На самом деле Вадик не спал, он всё видел и слышал, может, даже получше самого доктора. Мальчик давно заметил, что взрослые — и врачи в этих ослепительно белых халатах, и даже мама — не замечают того, что видит и слышит он сам.

– ...Где же я найду для него дельфинов?! — с горечью вздохнула молодая женщина.

Она с нежностью погладила сына по голове, её пальцы нервно подрагивали. От этого прикосновения Вадика как током ударило, дрожь пробежала по его телу. Это было так неприятно, что он чуть не вскрикнул, но мама, почуяв, что сын сжался от напряжения, сразу отдернула ладонь.

– Сейчас март, совсем скоро лето. Вы поезжайте в Харьков... или в Кры-ым... — доктор как будто хотел продолжить, но осёкся и, смутившись, поправил очки на переносице. — Хотя вот, знаете, в Киеве тоже отличный дельфинарий, — уже увереннее добавил он, глядя куда-то в сторону двери.

В этих словах доктора сквозило равнодушие: посетители уже отняли у него немало времени, отвлекая от важных повседневных дел.

Взгляд Вадика теперь был прикован к длинным ухоженным пальцам доктора, в которых он крутил шариковую ручку, то пристукивая ею по столу, то выкручивая колпачок.

– Да какой там Харьков!.. — с горечью возразила мама. — Там сейчас неизвестно что. Сами видите, что творится... Майданы да беспорядки! До нас ли сейчас дельфинариям!.. — в глазах её читалась растерянность.

Доктор в который раз коротко взглянул в раскрытую карту — уточнил для себя имя-отчество мамы.

– Светлана Борисовна, — он старался говорить мягко, вкрадчиво, — Вадика всего пять лет. А дети с такими нарушениями могут начать говорить и к шести годам, случается, что сразу целыми предложениями.

– Да, я знаю, — тихо ответила она и засобиравшись, понимая, что большего ей уже не скажут.

Светлана Борисовна поблагодарила доктора и вынула из затёртого полиэтиленового пакета коробку конфет. Изобразив лёгкое смущение, он невнятно пробормотал, мол, не надо было, но, кинув взгляд на дверь, шустро отправил коробку в ящик стола. Мысленно ставя для себя точку в решении очередного вопроса на сегодня, доктор закрыл медкарту и положил её верхней в общую стопку.

Вадик с удовлетворением отметил это: теперь всё на месте, как и было.

Наклонившись к нему, мама поймала его взгляд и чётко, тщательно артикулируя и разделяя слова, сказала:

– Вставай, сынок. Нам домой пора.

Доктор всегда старался завершить консультацию на позитивной ноте, а потому ради соблюдения формальностей добавил, когда посетители были уже на пороге:

– Не отчаивайтесь, мамочка. Аутизм — это не заболевание. Многие ещё можно исправить. Следуйте рекомендациям, что я давал ранее.

Светлана обернулась и кивнула.

– Я им следую, – не умея скрыть разочарования, ответила она.

2

Мама Вадика многого не знала. Это неправда, что он не умел говорить. Сын просто любил молчать. Лишние звуки отвлекали его от главного — они мешали ему правильно ориентироваться в пространстве. Вместе со внешними звуками, врывающимися в его мир, что-то важное как будто утрачивалось, терялось, исчезало из поля зрения, лишая его покоя и уверенности.

На самом деле и собеседник у Вадика был. Они познакомились ещё прошлым летом. В тот раз мама отлучилась на кухню, ненадолго оставив его одного в детской. Она знала, что Вадика комфортно в своей комнате: здесь всегда поддерживался строгий порядок — каждая вещь лежала на своём месте, к тому же на стенах висели особые рисунки, которые подсказывали мальчику, для чего нужна та или иная вещь.

Вадик знал, что за оконной рамой есть и другая картина. Как очередной рисунок он воспринимал уличную жизнь. Едва мама вышла из детской, мальчик забрался на стул, а с него — на подоконник, откуда мог часами наблюдать за тем, что происходит на улице. Но больше всего ему нравилось смотреть на клумбы с пышными

розами, разбитые вдоль тротуара. Из своего окна на четвёртом этаже Вадик видел, как иногда за цветами ухаживают люди в жёлтых жилетах, — наверное, они тоже любили розы. Мальчик мечтал, что, когда вырастет, наденет такой же жёлтый жилет и будет поливать эти клумбы.

В городе, где они жили, росло много роз самых разных оттенков. Мама рассказывала Вадике, что их целый миллион, а может, и больше. Но считать сын ещё не умел, так что проверить не мог, хотя и без того было понятно: роз в их городе бессчётное количество. Розами украшали улицы, скверы, парки.

Забравшись на подоконник, Вадик недолго постоял, зачарованно глядя на улицу. Рука его потянулась к оконной ручке. Мальчик надавил на неё и повернул. Оказалось, мама забыла поставить защитную блокировку. Вадик потянул на себя створку окна, впуская в комнату летний зной и запахи улицы. Чтобы получше разглядеть, что внизу, Вадик уселся на подоконнике, свесив ноги наружу. Внизу благоухали розы, двигались фигурки людей, и мальчик с любопытством наклонил голову. В какой-то миг его стало тянуть вниз, он попытался удержаться на подоконнике, неловко двинулся, почувствовал, что теряет под собой опору. Ещё немного — и он бы сорвался с высоты, но вдруг чья-то рука мягко, крепко придержала его. Мальчик обернулся: мамы рядом не было. Его спаситель появился будто из воздуха.

На самом деле он и раньше всегда был рядом, но лишь теперь у Вадика появился дар видеть ангела. Мальчик это знал точно: похожий ангел, только совсем маленький, среди прочих игрушек висел у них на праздничной ёлке прошлой зимой. Мама тогда сказала, что этот ангелочек может выполнить любое желание, и Вадик загадал, чтобы к ним вернулся папа. Мама почти не рассказывала сыну про его отца, она становилась печальной, когда взгляд её падал на портрет, стоявший на трюмо в рамочке. Угол его перечёркивала чёрная лента.

На вид ангелу было столько же лет, сколько Вадике. Он ничем не отличался от обычных мальчишек, каких Вадик встречал на улице: на нём была обыкновенная футболка, шорты и только два белоснежных крыла за спиной отличали его от других ребят.

Теперь ангел сидел рядом с мальчиком на подоконнике и беззаботно болтал босыми ногами — в точности как это любил делать Вадик.

– Ты прилетел исполнить моё желание? – первым спросил его он, обрадованный встречей.

И ангел нисколько не удивился, что тот может говорить.

– Я не могу исполнить твоё желание. Я прилетел, чтобы уберечь тебя, – просто, словно старому знакомому, ответил ангел.

– Значит, я никогда не увижу папу? – Вадик вмиг расстроился. Это было так несправедливо, ведь все сверстники в округе жили с мамами и папами.

– Увидишь, – ободряюще улыбнувшись, ответил Ангел, – только не сейчас.

Дверь в комнату неслышно приоткрылась, мама вошла внутрь. Увидев сына на подоконнике, она, испуганная, подскочила к нему и обняла за плечи. Мама разволновалась так, что и не заметила, что Вадик был не один.

Когда мальчик слез с окна, мама крепко крепко прижала его к себе и заплакала, то и дело вздрагивая всем телом. А незримый ангел сидел напротив и светло улыбался.

Мама сделала всё, чтобы Вадик больше не сумел сам распахнуть окно, но никакие запоры не могли препятствовать ангелу прилетать к Вадиду. Он проникал внутрь через закрытое окно, совсем скоро они с Вадиком стали лучшими друзьями.

Ангел подолгу разговаривал с мальчиком, порой рассказывал об удивительных и даже странных вещах. Например, о далёких прекрасных мирах, откуда он являлся. Там нет места злобе и несправедливости, утверждал ангел. В том мире всегда синее небо, расцвеченное радугой, там всегда с ним его самые близкие – мама, папа, бабушка и дедушка. Ещё ангел сказал, что у него есть старшая сестра, но она почему-то редко приходит к ним. Наверное, потому, что чёрным ангелам нельзя жить в их мире.

– А почему она чёрный ангел, а не белый, как ты и твои родители? – поинтересовался Вадик. Он всегда внимательно слушал своего друга и был рад каждой его истории.

Ангел умолк, его лицо стало задумчивым, наконец он ответил:

– Когда-то здесь, в этом городе, была война. Сестрёнка не вынесла горя и посланных ей испытаний — она лишила себя жизни.

– А что такое война? Ты расскажешь мне про испытания? И как это — лишить себя жи-

зни? – забросал вопросами Вадик и удивился смене настроения своего друга: никогда он не видел ангела таким печальным.

Ангел молчал. Лицо его стало серьёзным, совсем как у взрослых.

– Не сейчас. Ещё не пришло время, но скоро ты обо всём узнаешь, – сказал он и растворился в воздухе.

3

Прошло много месяцев. Ангел не появлялся. Вадик даже волновался, что обидел нового друга своими расспросами. Мальчик не знал, как теперь ему поступить. Если бы мама подсказала, как вернуть друга!.. Но спросить её об этом Вадик не решался.

Тем мартовским днём они возвращались домой после поликлиники, где их консультировал доктор. Высоко в небе, прямо над головой, Вадиду улыбалось яркое солнышко. Казалось, после зимних холодов оно вдохнуло жизнь на улицы города Миллиона роз. На кряжистом тополе о чём-то звонко скандалила стайка воробьёв. Старая ворона, сидящая по соседству, устав слушать их перебранку, сварливо каркнула и, слетев с тополиной ветки, перебралась на соседнее дерево. Улица шумела весенней капелью, шелестом шин, голосами людей. Окна домов сверкали умытыми дождём стёклами, кое-где ещё лежали холмики грязного рыхлого снега.

По дороге ехала уборочная машина, под её «брюхом» вращалась щётка-барабан — она смахивала остатки ледяной крошки на обочину. В воздухе уже чувствовалось весеннее оживление. Ещё немного, вот-вот — и природа задышит полной грудью.

Вадик шёл по улице и радовался погоде, предвкушая настоящее тепло. Он смотрел на высокое небо, улыбался солнцу. И вдруг заметил ангелов. Они появились из ниоткуда, будто по мановению волшебной палочки. Их было неисчислимо много. Встревоженным ульем они неслись над улицей. Их белоснежные крылья, переливаясь в лучах мартовского солнца, мелькали повсюду — они залетали в окна домов, опускались на тротуары. От одной такой стайки отделился ангел Вадика. Мальчик сразу узнал его и был очень рад снова увидеть своего друга. Ангел был чем-то встревожен, он как будто хотел что-то сказать Вадиду.

– Здравствуй, Ангел! – первым выкрикнул мальчик. – Мама, смотри — там ангел!

ВЛАДИСЛАВ РУСАНОВ

ЖИВАЯ ВОДА

Сын хотел, чтобы мама непременно увидела его друга, но вместо этого она схватила Вадика на руки, крепко прижала к себе, заглянула в его лицо и расплакалась:

– Что ты сказал, сынок? – взволнованно шептала она. – Повтори, что ты сказал!!! – уже громче воскликнула мама. – Это ты мой ангел, сынок!

Вокруг творилось что-то странное, невообразимое. Сначала содрогнулся воздух, затем ударило удушливым жаром, следом накрыло пронзительным воющим звуком. Вадик почувствовал, что какая-то сила толкнула маму в спину; ещё секунду она держалась на ногах, затем, не выпуская сына из рук, упала навзничь. В последний момент матери всё же удалось повернуться набок, прикрыв собой Вадика от неведомой злой силы, что отобрала жизнь её самой, а теперь грозит и ему.

Вадик лежал, уткнувшись лицом в грязный снег. Наконец ему удалось чуть повернуть голову, и он увидел, как вздымается кверху земля и чёрные комья вперемежку с кусками асфальта падают на тротуар. Окрестные дома вздрагивали и сыпали разбитым стеклом из окон. Вокруг лежали люди, кровь... Вадик видел, как чья-то злобная невидимая рука легко раскидывает тяжёлые машины, корёжит металл.

С новой силой застучал по асфальту дождь из железных осколков. И ангелы, прикрывая свои крыльями людей, незримо падали на асфальт.

Вадик высвободился из-под тяжести материнского тела и перевернулся на спину: теперь он заметил, что и его накрыл крыльями ангел.

– Что это, ангел?! – пересилив в себе ужас от происходящего, вымолвил Вадик.

– Война! – ответил тот и чуть слышно добавил: – А ты живи! Слышишь, пожалуйста, живи!

Чуть позже взрывы прекратились. Стихло. Казалось, страх, невыносимый, тошнотворный, парализовал улицу оглушённого города Миллиона роз. Наконец в округе стали различимы стоны раненых. На дороге перевернутая уборочная машина беспомощно скрежетала, вращая щёткой.

До этого дня Вадику никогда не было так страшно. Он с трудом поднялся с холодного асфальта. Вокруг зашевелились и другие люди – те, кто выжил. А ангелы, побитые, истерзанные смертоносным металлом, так и остались лежать, распластав крылья.

г. Петрозаводск

Вальдемар Карлович Вайс, глава Донецкого республиканского отделения магов-хранителей, любил прогуливаться по улицам города на рассвете. Жаль, не часто удавалось. Работа магов-хранителей всё больше связана с тёмным временем суток, а если ты половину ночи гонял упырей или суккубов, то к утру уже валишься с ног. Лишь изредка выпадают спокойные дежурства, когда ты просто отвечаешь на звонки, мониторишь ситуацию по республике, отвлекаясь только на кружку крепкого кофе, чтобы не уснуть. Даже остаётся немного времени, чтобы почитать или написать что-то своё, ведь Вальдемар Карлович до событий 2014 года был известным писателем, издавал многотомные эпопеи об эльфах, вампирах и вампирах-эльфах в Москве и Санкт-Петербурге. А что тут такого? Хобби как хобби, не хуже чем у других. И конечно, планируя дефиле по бульвару, нужно учитывать комендантский час. Его ведь никто не отменял. Тут уж или накрываться «вуалью невидимости» или доставать красное удостоверение, разрешающее перемещаться по городу в любое время суток.

В это утро Вайс решил не раздражать патрули комендатуры, а соткал из воздуха и воды прозрачный колпак, отводящий любой взгляд в его сторону. Вышел на крыльцо штаб-квартиры магов на бульваре, поёжился – в апреле ночи ещё холодны – и зашагал в сторону оперного театра, постукивая тростью по ФЭМ-плитке. Хорошо же...

Он не торопясь дошёл до бюста Пушкина, именуемого в народе «головой». Постоял недолго и зашагал обратно. Теперь навстречу ему попадались редкие прохожие. Как правило, счастливые владельцы собак, которых питомцы будили ни свет ни заря и вытаскивали на увлекательные прогулки. Например, полусонная старушка с жизнерадостным рассел-терьером, который метался от скамейки к скамейке, желая пометить весь бульвар, а его хозяйка засыпала на ходу, двигаясь, как гружёная баржа за буксиром.

Вальдемар и сам когда-то любил погулять с собакой. Он улыбнулся весёлому псу и хотел помахать рукой, но вовремя вспомнил, что его никто не видит...

Внезапно из кустов выскочил огромный муравей. Да-да... На первый взгляд самый обычный муравей, только полтора метра в длину. Он бросился к собаке. Щёлкнули мощные жвалы, ломая за долю секунды хребет пса. Терьер даже не взвизгнул. Упал замертво. А насекомое-переросток замерло на секунду, выставив брюшко в позе угрозы, и впившись в старушку фасеточными глазами. За долю мгновения до того, как муравей атаковал, Вайс в длинном выпаде пригвоздил его голову к тротуару. Запустить в трость стихию Огня – приём, отработанный за много лет до автоматизма.

Похоже, хозяйка собаки так и не поняла, что произошло. Подхватив трупик любимца на руки, она со всех ног кинулась прочь.

Маг остался один на один с агонизирующим муравьём.

Насекомое поражало чудовищными размерами. Сразу припомнилась «Плутония» Владимира Обручева и муравьи, укравшие имущество путешественников. Но если у классика фантастики муравьи были вполне материальны, то убитый Вальдемаром шестиногий хищник в течение минуты растаял, не оставив после себя даже лужицы на тротуаре.

Хмыкнув, маг-хранитель вернулся в офис. Чутьё подсказывало, что Донецк находится на пороге очередной дерзкой и масштабной провокации украинских колдунов. Пожалуй, даже и не украинских. Тут ощущался след какой-то из магических школ Западной Европы. Почерк напоминает албанских магжи или «Общества Туле». Хотя и ворлоки, и новые тамплиеры могли устроить похожее колдовство.

Да, русская армия неотвратимо вытесняла врага на правый берег Днепра, освободив Харьков, Сумы и Чернигов, но говорить о победе ещё рановато. Вооружённые силы Украины отчаянно сопротивлялись, а оккультные войска всячески их поддерживали. Работы магам-хранителям хватало.

В своём кабинете Вайс уселся в кресло и задумался. С того дня, как Донецкая Народная Республика стала субъектом федерации России, его обязали обо всех нештатных ситуациях докладывать в Москву, во Всероссийский Совет магов-хранителей. Муравья-убийцу, несомненно, язык не поворачивался назвать обычным происшествием. Но не посчитают ли в столице, что Вальдемар Карлович перетрутился и довёл себя до галлюцинаций? Но инструкция есть ин-

струкция. Вальдемар Вайс всегда был человеком долга. Он включил компьютер, проверил соединение с интернетом и отстучал короткое сообщение. Посидел. Вытащил телефон:

– Анна, доброе утро. Разбудил?

– Нет, я уже проснулась, – ответила заведующая информационно-аналитическим отделом Совет магов-хранителей.

– Точно?

– Точно-точно. На работу собираюсь.

Магичка третьей категории Анна работала в главной библиотеке республики. Ну, а кого ещё назначать в руководство информацией и аналитикой?

– Бери карандаш и бумагу, записывай. Необходимо проанализировать все источники информации...

– Абсолютно все?

– Не перебивай старших! Абсолютно все. От радио- и телеканалов до записей в соцсетях. Меня интересует любое упоминание о нападениях гигантских насекомых. За минувшие пару недель, думаю, будет достаточно.

– Нападениях на кого?

– На людей, на домашних животных... Да хоть на велосипед!

– Принято. А насколько большими должны быть насекомые? Шершень...

– От полуметра в длину и больше. Если шершень будет величиной с курицу, записывай.

– Ого! А так бывает?

– Вот и узнаем заодно – бывает или нет.

– Вайс! Ты в порядке?

– В порядке. Тараканы в моей голове всё ещё крошки-малыши.

– Ну, ладно... Поверю на слово.

Отключив телефон, Вальдемар глянул на монитор компьютера. Там моргал ответ из центра. Моргал – следовательно, имел высшую категорию важности.

«Ничего не предпринимать до приезда эксперта. Эксперт из Санкт-Петербурга прибудет в течение двух суток».

– Ишь ты... – скривился Вайс. – Аж из самого Санкт-Петербурга!

«Ничего не предпринимать» он не собирался. Если городу, за который отвечает маг-хранитель, грозит опасность, то бездействовать, сложа руки, преступно. Иное дело, что достойно противостоять любой опасности можно лишь тогда, когда поймёшь её природу. Откуда взялись гигантские муравьи, пока непонятно.

Половину дня Вайс занимался текучкой – отвечал на письма, звонки, подготовил квитанции для оплаты электричества и воды в штаб-квартире, выслушал жалобы группы учеников, что наставник излишне нагружает их теорией магии и не разрешает практиковаться в условиях, приближенных к боевым. В полдень отзвонился маг второй категории Игорь Волосатый, который зачищал леса Святогорья от многочисленных схронов с зомби. Мертвецы сохраняли неподвижность до тех пор, пока на «маячок», установленный рядом с ними, не приходила команда со Starlink. Находить их в неактивном состоянии было очень сложно, а в активном они разбегались по лесу не хуже тех же муравьёв.

Опять муравьи...

Не является ли это особым знаком?

– Ничего не предпринимать... – пробормотал маг. – Ишь ты...

Зазвонил телефон.

Анна, библиотека.

– Вайс слушает.

– Привет! Ты не поверишь, но есть результат.

– Отчего же не поверю? Запросто поверю.

Излагай.

– Излагаю. 19 апреля жители микрорайона Текстильщик наблюдали гигантскую бабочку. Она покружилась над остановкой «Улица Пинтера», а потом исчезла. Очевидцы решили, что это оптическая иллюзия.

– Интересно. Что-то ещё?

– 25 апреля в мусоропроводе одной из девятиэтажек на улице Щетинина появились гигантские тараканы.

– Насколько гигантские?

– Сантиметров двадцать в длину. Несколько десятков. Они разбежались по лестничным площадкам. Две старушки попали в реанимацию с гипертоническим кризом. Представители ЖКУ заявили, что тараканы, скорее всего, убежали у коллекционера-разини.

– В нашей фауне нет тараканов такого размера.

– ЖКУ это не волнует.

– Согласен. Что-то ещё?

– Самое потрясающее. Позавчера на Театральном проспекте из кучи прошлогодней листвы вынырнула многоножка. Метра три длиной и толщиной в ногу человека. Дворник перерубил её лопатой, после чего многоножка растаяла в воздухе.

– Фамилию дворника выяснила?

– Да. Сейчас сброшу СМС.

Театральный проспект раскинулся всего в одном квартале от штаб-квартиры магов-хранителей. Вайс решительно направился к местным коммунальщикам, рассчитывая поговорить со смелым дворником. Увы, его ждало разочарование. Победитель многоножки ещё позавчера ушёл в запой и рассказать не мог ничего.

Разочарованный Вальдемар почувствовал усталость и, передав смену в штабе магичке Тиане Тесляровой, уехал домой.

Ночью ему снился огромный комар, ломившийся в окно. К счастью прочные кованые решётки удержали чудовище размером с гималайского медведя. Но комар трудился упорно и к тому моменту, как Вальдемар проснулся, почти разогнул прутья.

– Приснится же такая чертовщина, – хмыкнул маг и, уйдя на балкон, два часа курил трубку и размышлял.

После вызвал такси и уехал, но не в штаб, а на окраину Донецка, где у подножия террикона проживал маг-самоучка, не входивший в Совет, который иногда соглашался оказать магам-хранителям кое-какую услугу. Бородатый, в домотканой рубахе до колен, весь увешанный древними амулетами, придуманными ещё до решения князя Владимира крестить Русь. Несложно догадаться, что вместо имени он использовал кличку – Леший.

Леший, увидев Вайса, обрадовался.

– Да осияет твой путь Ярило!

– И тебе поздорову, брат! – Вальдемар приподнял шляпу.

– Заходи в дом! Поговорим.

– Давай на завалинке.

Жил Леший в полуземлянке. Нет, там было сухо, чисто и всегда пахло свежеспеченным хлебом. А как ещё могло быть в жилище одного из самых сильных магов Земли – стихии весьма редкой? Но Вайсу хотелось подышать свежим воздухом. На дубах, окружавших дом Лешего, уже появилась молодая листва.

– Ты можешь просканировать земную кору? – спросил маг-хранитель после традиционного обмена любезностями. – Если да, то на какую глубину?

– Что ищем? – Леший почесал ногу через штанину.

– Любые отклонения от нормы.

– Попробую.

– Результат сообщишь, хорошо?

– Тебе только положительный?
– Любой.
– Хорошо.
– Телефон у тебя есть?
– Покрытие у меня не очень, – вздохнул маг Земли. – А телефон найдётся...

Он вытащил из-за голенища мягких сапог не что-то там, а Xiaomi 14 Pro.

Вайс только улыбнулся, поглаживая в кармане кнопочную «нокию»:

– Красиво жить не запретишь...

Возвращаясь в город, маг внимательно следил за обочинами. И, как оказалось, не зря. Недалеко от Алексеевских ставок из-за деревьев взмыла в небо, трепеща крыльями, стрекоза величиной с беспилотник «Орлан», проплыла над дорогой и скрылась за лесополосой. Вайс покосился на таксиста, но тот сосредоточился на дороге и ничего не заметил. Или хорошо притворился.

На мосту через Кальмиус Вальдемара ждал новый сюрприз. На бетонных плитах, щедро украшенных граффити, небольшая группа рыбаков сутилась вокруг моллюска, который судорожно дёргал розовыми щупальцами, один из которых уже успели обмотать верёвкой. Всё бы ничего, но спирально закрученная раковина была не менее метра в диаметре.

– *Parapuzosia seppenradensis*...* – пробормотал маг-хранитель. – Подумать только! – И крикнул в приоткрытое окно. – Осторожно! Кусается!

И тут зазвонил телефон. Тиана.

– Вайс слушает.

– Шеф, прибыл эксперт из Санкт-Петербурга.

– Быстро. Молодец.

– Спецбортом до Таганрога, – послышался в трубке незнакомый голос. Видимо, магичка включила громкую связь. – А потом с мигалкой по трассе в Донецк.

– Отлично! – Вайс скривился – можно себе позволить, всё-таки не видеосвязь. – Буду через пять минут.

Он любил пунктуальность и через четыре с половиной минуты пожимал руку приехавшему из культурной столицы магу. Причём полминуты Вальдемар потерял, наблюдая с крыльца порхающих над бульваром Пушкина бабочек размером от голубя до беркута.

– Ермолай Андреев, – представился гость. – Доктор палеонтологии. Маг третьей категории.

* Вид вымерших головоногих моллюсков отряда аммонитов. Крупнейший из известных науке.

– Палеонтологии? Разумно! – кивнул Вайс. – Присаживайтесь, коллега. Уже есть версии?

– Окончательных пока нет... – Маг Андреев был немного старше Вальдемара. невысокий, коренастый, седоволосый.

Типичный университетский профессор. Ну, так для аналитики полевой маг-боевик и не нужен. – Есть предположения. Сегодня на трассе у села... Сейчас вспомню... Раздольное, кажется.

– Есть такое.

– Значит, правильно вспомнил. Так вот, на трассе под колёса нашего авто кинулась типичная *Arthropleura*...

– Род ископаемых гигантских двупарноногих многоножек, – прокомментировала Тиана, ужасна гордая своим биологическим образованием.

– Верно! – кивнул Ермолай.

– Тридцать килограммов хитина и мускулов, – добавил Вайс. – К счастью, травоядная.

– Откуда вы знаете? – удивился гость.

– Всю жизнь учу студентов бурить в карбоновых толщах.

– О! Не предполагал.

– Ничего, бывает.

– У вас, конечно же, есть своя гипотеза? – Ермолай вытащил из портфеля толстый блокнот.

– Это трудно назвать гипотезой... – Вальдемар ощутил, как срабатывают «маячки», поставленные на входе. Это начали собираться магички-хранители, кого удалось вызвонить. – Скорее, констатация фактов, основанная на анализе информации и наблюдениях... – В кабинет вошёл Иван Бобряков, маг третьей категории, поздоровался и сел в углу. – ...за природой, – улыбнулся Вайс. Кивнул охотнику на нечисть с позывным Хелсинг, который замер у двери, скрестив руки на груди. – Нас атакует фауна карбона, неизвестно каким образом оживлённая и вырвавшаяся из каменных тисков. Муравьи, многоножки, аммонит... Сегодня я наблюдал полёт меганевры.

– Род вымерших стрекозообразных насекомых, живших в конце каменноугольного периода, – сказала Тиана и ойкнула, испугавшись, что сейчас её отругают за несанкционированное вмешательство, но Вайс ничего не заметил. Или сделал вид, что не заметил.

– Только вопрос, – какова причина этого, – всё ещё открыт, – сказал он.

– Это, несомненно, какая-то разновидность магии, – подтвердил вошедший в кабинет маг Воды, профессор Исаев. – Но какая?

– Я думаю, нужно провести самое глубокое исследование, – заявил питерский эксперт. – Полная геофизика всех районов, где появляется карбоновая фауна. Отбор проб атмосферы и воды на предмет наличия отравляющих веществ. Сканирование μ -поля и ζ -купола, точное определение пиков ψ -градиента, построение α -гистограммы магических возмущений. Подключайте всех сотрудников!

– Так подключайте, – усмехнулся Вайс. – Все перед вами.

– То есть как... – опешил Андреев. – Вы хотите сказать...

– Хочу сказать и говорю: практически весь состав магов-хранителей Донецка перед вами. За исключением тех, кто сейчас на оперативном задании и кто выполняет служебные обязанности, не связанные с работой Совета.

– Через два часа у меня заседание учёного совета, – как бы невзначай, вставил профессор Исаев.

– А у меня четыре лекции подряд завтра, – глядя в окно, добавила Тиана.

– У вас нет штатных сотрудников?

– Ни одного, – опять усмехнулся глава Совета. – Я, кстати, тоже совместитель.

– Волонтёры мы, – коротко бросил Хелсинг.

– Это немыслимо!

– Мы привыкли. Так что, будем α -гистограммы строить?

– Да какое там! – Столичный гость вскочил на ноги. Махнул рукой. – Мне нужно пройтись по городу. На рекогносцировку.

– Не возражаю. Хелсинг и ты, Иван Сергеевич, прикройте коллеге спину.

Названные кивнули и вышли следом за Ермаком Андреевым.

– Что делать-то будем? – обратился Вайс к оставшимся магам. – Геофизики нам не видать, как своих ушей. Хотя есть один момент...

Вальдемар охнул и закусил губу. Когда поставленные тобой охранные заклинания не просто убирают, а стирают в порошок, бывает больно. Иногда очень больно.

– Что? – шагнул к другу Исаев.

Но объяснения не потребовались.

В дверях возникла грузная фигура Лешего. Только маг, настолько овладевший стихией Земли, может нарастить такую оборонительную скорлупу, которая позволяет игнорировать любые магические сюрпризы.

– Ну, ты даёшь, брат, – прохрипел Вайс.

– Извини, торопился.

– Что-то нашёл?

– Кажется, да. На шахте «СоцДонбасс» кто-то переключил насосы с откачки на закачку и гонит в породу какую-то жидкость. От этого чуды-юды всякие и оживают.

– Так как же одна шахта на весь город... – начал было Исаев.

– Разломы, просадки толщи, выработки где-то соприкасаются, – с полуслова понял его недоумение Вальдемар. – Качаешь в одну шахту, разползётся повсюду.

– А что качают? – спросила Тиана.

Леший только плечами пожал.

Ответил снова Вайс:

– Это же ты у нас специалист по живой и мёртвой воде.

– Я только по живой! Сам знаешь!

– По живой, говоришь? По живой, по живой... – Вайс забежал из угла в угол, бормоча: – Да нет, так не работает... Быть того не может... – Вдруг остановился, застыв, как столб, перед Тианой. – Придётся тебе делать мёртвую воду.

– Как же так, шеф?!

– Вот как хочешь. Есть такое слово – «надо». Нам этих «стрекозу и муравья» остановить надо! Вопросы есть?

– Есть! – Теслярова вскочила. – Сроки? Объёмы?

– Сроки – «на вчера», как обычно, ты уж извини. Объёмы – как можно больше.

– Есть шеф. Я в лаборатории.

Магичка умчалась со скоростью курьерского поезда.

Вальдемар повернулся к Исаеву.

– Ты же понимаешь, что без управления стихией Воды нам не обойтись?

– Я это сразу понял, – улыбнулся профессор. – Как только о шахтном водоотливе услышал.

– Вот и хорошо... Значит, сделаем так...

Загудела «нокия» в кармане мага.

– Вайс слушает.

Исаев с тревогой наблюдал, как вытягивается лицо его друга.

Отключив телефон, Вальдемар растерянно проговорил:

– Это Хелсинг звонил. Наш эксперт из Питера атакован муравьями. Крупными. Мельче, чем тот, что я видел. Но больше, чем Titanomirna

lubei*. Сантиметров тридцать в длину. Его отправили по «скорой» в облтравму. Укусы серьёзные. Сильная интоксикация. Иван Бобряков тоже ранен. Возможно, останется без двух пальцев.

– Дела-а-а... – протянул Леший.

– Но с другой стороны, – лицо Вайса приобрело жёсткое выражение. – У нас развязаны руки. Сейчас всё зависит от Тианы. Она должна постараться.

Через два дня зелёный «бусик» волонтера Стаса, который маги-хранители Донецка использовали для недалеких перемещений по городу, вырвался на Макеевское шоссе и лихо свернул направо перед знаком, что город закончился. Через минуту автомобиль припарковался около голубого купола спорткомплекса шахты «Донбасс», которая при СССР называлась «Социалистический Донбасс».

Из «бусика» выбрались маги-хранители. Тиана с двадцатилитровой канистрой «мёртвой» воды. Хелсинг, который настороженно глядел по сторонам, сжимая два пистолета с серебряными пулями. Вайс с Исаевым. В ауре первого клокотал Огонь, а у второго бурлила Вода.

Стас с обрезом остался охранять пути отступления, а маги направились к зданию главной водоотливной установки. Благо, найти схему расположения шахтных подразделений не составило труда. Насосная встретила их тишиной. Двигатели остановлены и обесточены.

– Что и следовало ожидать... – проговорил Вайс – единственный среди магов горный инженер. – Придётся спускаться.

– Подъёмник, кажется, тоже не работает, – заметил Исаев.

– Ножками по лесенке, – подмигнул Вайс.

– Бедные мои колени... – страдальчески вздохнул профессор, но и не подумал отказываться.

Через полчаса они упрямо спускались в недра земли по железным ступенькам лестничного отделения шахтного ствола. Вайс сотворил магический «светлячок», заменивший им лампу-коногонку. Саша Хелсинг отобрал у Тианы канистру. Они бы с радостью оставили магичку на поверхности, но Тиана утверждала, что должна провести несколько манипуляций над «мёртвой» водой перед использованием. Исаев шёл по-

следним. Кряхтел и тяжело опирался на перила, накопив от злости чудовищный по силе заряд магии.

Пятьдесят метров ниже уровня земли.

Сто метров.

На ста двадцати метрах их встретили.

Десяток мелких бесов выскочили из темноты, попытавшись атаковать.

Вайс испепелил тварей, не дав приблизиться.

– Мы близко! – коротко бросил Вальдемар.

В самом деле, через десять метров открылся боковой проход в камеру почти правильной кубической формы. Негромко тархтел двигатель центробежного насоса. Всюду валялись пустые канистры. У трубопровода копошились двое. Один высокий, в пятнистой униформе: потрёпанный натовский мультикам. Второй, в домотканой рубашке, меховой безрукавке и косматой шапке, – явно прикарпатский колдун-мольфар. Как он здесь оказался, Вайс не успел подумать. Пуля Саши Хелсинга отбросила украинского чародея к стене. Военный успел поднять АКС-74У с намотанным на магазин жгутом Эсмарха, но застыл, покрываясь сверкающей корочкой льда. Исаев отработал быстро и надёжно.

Вайс быстро осмотрел установку.

– Они не переключали на нагнетание. Просто вынули клапана, насос перестал качать.

– А как тогда «живая» вода попадала в горизонты? – удивилась Тиана.

– За счёт гидростатического давления. Уровень поднялся, образовался столб. «Живую» воду они просто лили в шахтные воды.

– Не эффективно, – с сомнением проговорил профессор.

– Зато проще некуда. А простота, как говорил Лев Толстой, признак истины.

– Он не по этому поводу... – возразила Тиана.

– Да мне какое дело? – усмехнулся Вайс. – Давай, лей наше снадобье. Время дорого. «Мёртвая» вода нейтрализует «живую» и карбоновая фауна вернётся туда, откуда пришла.

– Сейчас... – магичка раскрыла ладони над канистрой. Её пальцы окутало неяркое свечение. Тиана начала обратный отсчёт. – Пять, четыре, три, два... Давай, Саша!

Хелсинг без труда поднял канистру и вылил её содержимое в чёрный провал шахтного ствола. Откуда-то снизу послышалось бульканье.

– А теперь я! – Исаев прикрыл глаза, сосредоточился. Снизу послышался рёв, напоминаю-

139

* Titanomirra lubei – вид ископаемых гигантских муравьёв. Его окаменелости обнаружены в Европе и Северной Америке, их возраст составил 49,5 млн лет. Считается крупнейшим гигантским муравьём Западного полушария.

щий звук, с которым вода уходит из бачка унитаза, только в тысячу раз сильнее. – Вот так!

Профессор взмахнул кулаком.

– Силён, уважаю... – кивнул Вайс. – Атмосфер триста придавил.

Исаев вытер пот, выступивший на лбу.

– Я старался.

Вальдемар достал из кармана телефон.

– Леший, ты что-то ощущаешь?

Улыбнулся. Убрал «нокию».

– Всё. Дело сделано. Можно выбираться наверх. И я не обещаю вам, что это будет легко. Сто тридцать метров по вертикали без лифта.

Он первый ступил на лестницу и упрямо зашагал вверх, к солнцу и свету.

г. Донецк

ВЕЛТА КИРЯКОВА

РЫЖАЯ ПОБЕДА

Мне снился сон. В нем я только проснулся, умылся холодной водой. Обтер лицо и распахнул окно в сад.

– Маша, – позвал я тихонько. Дочка подбежала. Я поставил ее на подоконник: – Посмотри, какая красота!

Трава только вчера покошена, и аромат зелени пьянит голову. Всюду, куда ни кинь взгляд, – деревья, а на них вишни – с кулак толщиной. Сочные, красные.

– Папа, хочу вишни! – кричит моя Маша.

– Сперва завтрак, – тут подходит жена и уводит ее за стол.

Я собираюсь закрыть окно, но тут слышу гул и вижу в чистом небе точку. Потом еще и еще.

Птицы? Целая стая птиц? Отчего гудят?

И понимаю, что птицы железные. Каждое перо у такой птицы – меч. Сбрасывают они перья-мечи в мой сад, рубят вишню, и красный сок начинает затапливать землю. Я оборачиваюсь к жене и дочери, чтобы крикнуть: «Бегите!», а их нет.

Я бегу во двор искать жену и дочь. А железные птицы уже там. Пьют сок вишен и щелкают косточками. Хочу пройти мимо них, но одна из птиц, самая большая, меня замечает. Крылья растопырила – и ну наступать на меня, как петух. Хочу я сжать кулак и ударить, но чувствую, что нет силы в руке.

– Вот бы мне меч-кладенец, – мелькнула мысль.

А птица железная надо мной смеется:

– Что, Иван, неужели ты думаешь, что можешь победить меня? Мои мечи ковали мастера со всего мира. Смотри – этот из Англии, этот из Италии, этот из США, а этот из Франции. А этот – самый большой – из Германии. Закалили его кровью людской. А ты один. Нет у тебя помощи, и оружия у тебя нет.

Увидел я косу на траве. Схватил ее и рубанул птицу по крылу. Перья-мечи посыпались. Схватил первый попавшийся и давай рубить железных птиц направо-налево. Они меня в ответ лупят. Стерся у меня один меч, поднял я другой, затем третий, а птицы все не кончаются. Прорубаюсь сквозь них, как через железный лес.

И вот я уже не в своем саду и не в лесу, а в городе большом. Все дома разрушены. Птицы сверху разят мечами, а я уворачиваюсь. Укрылся в полуразрушенном доме. Дай, думаю, отдохну. А тут из стен змеи полезли шипучие:

– С-с-с-сдавайся, Иван. Нет никого в мире с-с-с-сильнее этих железных птиц. Если с-с-с-сдашься – пощадят тебя, сделают рабом. Будешь работать на них, как весь мир работает. Тебе дадут краюху хлеба и воды. А по большим праздникам – нальют кружку «Баварского». Они добрые и милостивые господа. С-с-с-сдавайся, Иван.

Схватил я этих змей в кулак и об стену их головами приложил.

– Сами пейте свое «Баварское»! А я на своей земле сам себе хозяином буду.

Клубок змеиный сапогом придавил и вышел на улицу. Вижу – из каждого разрушенного дома люди выходят. Несут в руках кто меч, кто нож, кто косу. И все ко мне идут.

– Что, говорят, нам делать? Не годится наше оружие. Много железных птиц, не справиться.

– Меч-кладенец нам нужен, – отвечаю.

– Где же его взять?

Тут бабушка старенькая отвечает:

– Могу я вам сварить меч-кладенец.

– Да разве мечи варят, бабуся?

– Конечно, – говорит. – Не сложнее, чем борщ. Выкопайте яму да залейте в нее воды.

Вот начали мы все яму копать. Тяжело, сил нет. У кого лопаты, а кто голыми руками копает. Выкопали большую яму, давай воду в нее носить. Ведра дырявые, вода проливается, но носим. Наносили воды доверху.

– Бросайте, – говорит бабка, – туда всё железо, что есть.

– Так мы ж без оружия останемся!

– Бросайте, говорю, – бабка губы поджала.

Бросили мы туда всё, что нашли: и оружие, и ведра дырявые.

Начала бабка вокруг ямы ходить-приговаривать: чуфырь-фуфырь, шагадам-тагадам.

Тут тишина упала такая, что звон в ушах. Вода из ямы ушла, а на дне меч лежит. Сверкает так, что глазам больно.

– Несите, – говорит старуха, – его мне.

Спустился я к мечу – не поднять. Спустился ко мне еще человек, другой – не поднять нам меч. А птицы железные полетели стайей в нашу сторону.

– Быстрее, – старушка торопит.

Спустились все и подняли меч наверх.

– Вложите мне в руку его, – старуха просит.

Вложили меч ей в руку. Она его поднимает. Птицы уже близко. Меч тут расти начал.

– Не удержать мне его, – старушка говорит, – помогите, хватайтесь все за него.

Подхватили мы меч. А рука, которая его держит, вдруг молодеть начала. Смотрим мы на старушку, а она в молодую женщину начала превращаться. Волосы огненно-рыжие, глаза голубые, и тоже растёт, великаншей становится. И мы вместе с ней. Выросли мы до неба, стали огромными богатырями. Тут женщина закричала – и меч наш стал множиться. У всех в руках свой оказался. Птицы ринулись на нас, махнул каждый мечом по разу, и рухнули железные птицы наземь.

Тут я и проснулся. Лежу, пошевелиться не могу.

– Вот ведь странный сон, – думаю.

И понять не могу, где я. Все белое вокруг, кровать железная. А рядом на стульчике девочка уместилась. Тоже вся в белом, халат ей велик, шапочка на нос веснушчатый сползает, прядь рыжая из-под нее выбилась. Сама спит.

– Эй, – говорю, – девочка, ты кто?

Она проснулась:

– Дяденька, вы очнулись? Я сейчас доктора позову.

– Заболел я что ли?

Она не ответила, убежала. Я оглядываться начал. А кругом люди в койках лежат. Кто стонет, кто уже на поправку пошел – сидит, книгу читает. Медсестры туда– сюда снуют. Вот и рыженькая моя подбежала к мужчине, который с раненым разговаривал, что-то прощбетала. И доктор ко мне направился.

А я смотрю на одеяло, которым укрыт, и понимаю, что с одной стороны одеяло проваливается. Потрогал – одна нога есть. Шевелится. А другой нет. Пустота. Тут я все и вспомнил. Как воевал, как ранили, как санитарка тащила меня на себе с поля боя.

Как же я без ноги воевать буду?

Доктор ко мне подошел:

– Как себя чувствуешь, боец?

А как я себя чувствую? Есть хочу. И дальше – фрицев бить:

– Вы не смотрите, что без ноги. Я наловчусь! Вы только отправьте меня обратно. Буду бить фашистов, пока не помру.

Смотрю, а доктор улыбается. На сестру смотрю – она прыснула со смеху.

Потом посерьезнела, глаза распахнула и говорит:

– Нет больше фашистов, дяденька! Победа у нас. Кончилась война!

И доктор подтвердил:

– Подлечим, домой поедешь, солдатик. Долго ты у нас пробыл, пора и честь знать. Победа!

Так вот у меня Победа и запомнилась – рыжей девчонкой-медсестричкой с распахнутыми синими глазами и голосом звонким, переливчатым:

– Победа!

г. Санкт-Петербург

ДМИТРИЙ ЛАЗАРЕВ

КОГДА ПОЕТ ФЛЕЙТА

– Чокнутый ты, Пашка!

– Спасибо на добром слове, Света, – с улыбкой отозвался Павел Камнев, продолжая укладывать вещи в рюкзак. – Я в курсе.

– А взростеть не пробовал?

– Пробовал, но мне не понравилось. Да и зачем? Для моей работы это не нужно.

Светлана хмыкнула:

– Охотник за чудесами!

Павел поднял вверх палец:

– Но-но, я попросил бы! Я специалист по журналистским расследованиям. И, между прочим, за мои статьи неплохо платят.

– Желтая пресса.

– А хоть бы и она. Их деньги ничуть не хуже любых других. И вообще, Света, ну чего ты опять начинаешь? Прямо как жена, ей-богу!

Сказал и сам смутился. Отношения у него с соседкой по лестничной площадке были сугубо платонические, хотя временами ему казалось, что со стороны Светы все не так просто. Попад в свое время под радиоактивный выброс на Фукусиме, она заполучила целый букет болезней, благодаря чему очень комплексовала и считала себя обузой. Павел относился к ней как к сестре и всегда помогал чем мог, а она, сделавшись абсолютной домоседкой, во время многочисленных командировок соседа ухаживала за его котом Мордаунтом и коллекцией кактусов. Камневу нравились их легкие дружеские отношения, а с ее стороны нет-нет да и проскальзывало участие, несколько избыточное для такого формата. Так что шутка насчет жены получилась, мягко говоря, не очень удачной.

– Балбес ты все-таки, – вздохнула Светлана. – Думаешь, сможешь вечно этак вот по миру мотаться в погоне за химерами? Когда-нибудь придется и нормальную работу найти. О тебе же забочусь!

– Когда-нибудь, – беспечно отмахнулся Павел. – До «когда-нибудь» еще дожить надо.

Камнев поймал грустный взгляд Светланы. Она не понимала, почему он каждый раз, как выходил на охотничью тропу, делался сам не свой. Не понимала, что для него это больше, чем просто интересная работа или увлечение. Хм, а что? Пожалуй, даже себе он не мог этого объяснить, где уж там растолковать Свете.

– Куда на этот раз? – со вздохом спросила она.

До деревни Ламбасручей, притаившейся на берегу одного из тысяч заливов северной части Онежского озера, Павел добирался в два приема: из Питера до Петрозаводска поездом, а дальше нанял катер, владелец и рулевой которого Антон Покрыга божился, что по первому звонку моментом примчится и увезет Камнева обратно. Еще б ему не божиться – платил Павел щедро. Для связи Павел предусмотрительно захватил с собой спутниковый телефон – на смарт в местах, подобных Заонежью, надежды было мало.

– Эх, и чего тебя в такую глушь потянуло? – удивлялся Покрыга. – На Онег можно было и посимпатичнее места найти. И поближе... Не, я что, я ничего, деньги твои, охота пуще неволи.

Болтуну Антону собеседник не особо и тре-

бовался. Он сам с успехом и задавал вопросы, и отвечал на них, но видно было, что любопытство его прямо пожирает: Павел на обычного туриста походил мало – те все больше на Кижь да на петроглифы смотреть хотели. Ламбасручей был деревушкой непримечательной, и Антон про него даже толком рассказать ничего не мог. А ведь он тут, по его же словам, частенько экскурсоводом подрабатывал, потому как и места знал, и местные байки с легендами.

– А ты про целителя тамошнего слышал что-нибудь? – чуть подбросил дровишек в топку Антонова любопытства Павел.

– Шамана, что ли? – мигом отреагировал тот.

– Может, и шамана, – с сомнением отозвался Камнев.

Сведения, толкнувшие его на эту экспедицию, были довольно-таки туманными и противоречивыми. Поступили они от Дмитрия Есаулова, хорошего приятеля Павла и большого фаната Карелии, которую он исходил уже вдоль и поперек, но продолжал сюда ездить, как он сам выразился, «за эманациями». Последние годы он со своей командой с энтузиазмом обследовал онежские шхеры. Дошла очередь и до Ламбасручья. В окрестностях деревеньки группа Дмитрия провела несколько дней, и за это время в деревне произошло два случая чудесного исцеления, насколько он понял, – запущенного бронхита и сильной травмы ноги. Местные про исцеления говорили с неохотой, а потому, что там случилось на самом деле, можно было только гадать. А фактов было всего два – больные встали на ноги, внезапно и без видимых причин.

– Если по чесноку, настоящих шаманов, тех, что всерьез замораживаются единением с природой, почитанием духов стихий и культом предков – можно сказать, и нет. Ну разве что парочка на все Заонежье найдется. Все, что есть, – либо дань традициям, либо развлекуха для туристов.

– А те, которых парочка? – поинтересовался Павел.

– Не, ну ты ж понимаешь, что «всерьез замораживались» – это про веру, а не про реальную силу. Нешто ты всерьез думаешь, что кто-то из них наложением рук лечит?

– Ладно, – нисколько не смутившись, продолжил Камнев, – а как насчет места Силы?

Антон хмыкнул:

– Это типа Радкольского идола, что ли? Так вроде нету у Ламбасручья ничего подобного. Такие места здесь давно все на карандаше.

– Что возвращает нас к людям. Может, у кого-то способности пробудились?

Покрыга хохотнул:

– Давай Расскажи мне байки из «Битвы экстрасенсов» про то, как в кого-то молния ударила, а кто-то клиническую смерть пережил, и потом началось...

– Не веришь в такое?

– Ты бы тоже не верил, если б каждый день туристов сказками да легендами кормил.

– А в места Силы, значит, веришь...

– Ну не то чтобы... Скорее, в пока не познанные явления. А человек... Чего в нем непознанного? – Антон махнул рукой. – Не, я фантастику читаю. Про колдунов всяких в том числе. Но это книжки, а реальность – совсем другая штука. В ней чудес не бывает.

Тут Павел мог бы с ним поспорить, но ему сейчас не полемика требовалась, а информация. А ее, похоже, у Покрыги больше не было.

– Погоди, ты про целителя ведь не просто так спрашиваешь? – спохватился Антон. – Что, случаи были? Прямо вот как факты? Не слухи?

– В том-то и дело, что факты, – задумчиво ответил Павел. – Самые что ни на есть. Иначе бы я не приехал.

И тут случилось чудо: проводник замолчал, причем капитально – почти до самого конечного пункта их пути.

В Ламбасручье ничего особо придумывать про цель своего приезда Павел не стал: писатель, решивший собрать материал для книги и как следует пропитаться атмосферой карельской глубинки. Местные не проявили ни особого недоверия, ни какого бы то ни было радушия – ну, хочешь, так живи, нам-то что за дело. О постое Павел договорился с пожилой женщиной – Софьей Кузьминичной, чей дом располагался на северной окраине деревушки. С его стороны – деньги и кое-какая помощь по хозяйству, с ее – место для ночевки и кормежка.

Поклол хозяйке дрова, принес воды, пообедать картошкой с укропом, запил молоком и свободен. Сперва он решил осмотреться. Деревенька была небольшая – чтобы пройти из конца в конец, меньше получаса требовалось. С трех сторон ее обступал приболоченный лес, с четвертой – озеро, на котором виднелось пять совсем мелких островов и один большой. Насколько Павлу было известно по тщательно изучен-

ным спутниковым снимкам, все они были необитаемы. Но на всякий случай туда стоило бы заглянуть. Павел прикинул, что до мелких можно и вплавь добраться, сунув сверток с одеждой и обувью в непромокаемый мешок, а вот до большого лодка нужна. Надо будет, кстати, узнать, у кого тут можно взять ее напрокат.

А вообще, местный пейзаж навевал покой и умиротворение: легкая рябь по воде, свежий ветерок, слегка шумящие сосны, березы и ели, проплывающие в вышине косматые обрывки облаков... Тишина, время от времени нарушаемая криками чаек над озером. Даже комары и прочий гнус, словно проявив снисхождение к приезжему, не особо донимали. Прямо хоть впадай в созерцательность и сиди тут целый день. Камнев поймал себя на мысли, что здесь хорошо разгружать нервы от интенсивной жизни в мегаполисе, и место для отпуска очень даже подходящее... дня на три-четыре, а потом он тут с тоски взвояет.

– Что, мил-человек, на острова наши заглядываешься?

Внезапно послышавшийся сзади скрипучий старческий голос заставил Павла вздрогнуть и обернуться. Перед ним стоял невысокий, сморщенный, седой как лунь старичок с жиденькой бороденкой и смотрел на приезжего с легким прищуром. Не сказать чтоб добрым или с хитрецой – скорее, просто оценивающим.

– Заглядываюсь, – признался Камнев. – Интересно смотрятся. Думаю вот навестить.

– Лучше не надо.

– А что так? – с улыбкой поинтересовался Павел. – Место нехорошее? Нечисть водится? Или медведи?

Старичок никак не отреагировал на шутку – не улыбнулся и не обиделся.

– Медведей там нет, врать не буду. Да и откуда им на островах-то взяться? Что же до нечисти... Ты вот шутишь, мил-человек, а зря. Не стоит с такими вещами-то.

– Вы серьезно?

– Ты писатель, я слышал? – ответил встречным вопросом старичок. – Мистику, поди, какую-нибудь пишешь?

– С чего вы взяли?

– Так ведь давненько уже на свете живу и кое-что в людях понимаю. В такие места, как наше, за другим и не ездят. Духов всем подавая саамских, легенды местные, нечисть ту же. Заонежье оно... как это говорится... располагает к такому... Ну что, прав я?

Камнев улыбнулся и развел руками.

– В точку попали, дедушка... Кстати, как вас звать-то? Я вот Павел, – он протянул руку.

Старик смотрел на него несколько секунд все с тем же оценивающим прищуром, а потом пожал руку с неожиданной для такого сухонького тела силой.

– Петр Ильич я... А ты, стало быть, легендами интересуешься али иным чем?

– Ни от легенд, ни от баек не откажусь. Мне бы место это узнать получше. Если вы что расскажете, очень благодарен буду. Вот хотя бы про острова.

– Может, и расскажу... – чуть пожевав губы, произнес старик. – В другой раз... А на острова не езди. Особенно на Миж – большой который. Нечего тебе там делать.

Петр Ильич развернулся, собираясь уходить.

– Почему?! – взмолился Камнев. – Хоть это скажите! Если там святыня какая-то, я ж ничего трогать не буду, посмотрю только!

– Да какая святыня... Человек там. Нехороший. Станный. От людей сбежал, домишко себе в лесу изладил и живет... В общем, мозги у него не на месте. – Тут старик желчно усмехнулся. – А вот с ружьем он ладно управляется.

С этими словами он бодрой, хоть и слегка шаркающей походкой двинулся прочь по улице, оставив Павла в полном недоумении, но с разгоревшимся любопытством.

На следующий день Софье Кузьминичне потребовалась помощь на огороде, так что время до обеда у Камнева оказалось загружено хозяйственными работами. Он взялся с охотой: Софья Кузьминична относилась к нему хорошо, хоть и не отличалась особой общительностью. Но Павел рассчитывал в ходе огородных работ развести хозяйку на разговоры о местных чудесах и легендах. Однако его ждало разочарование. «Легенды пусть сказывают те, кому делать нечего. А у меня работы много», – таков был ответ Софьи Кузьминичны. Тему островов она тоже не поддержала, проворчав: «Ты бы не отвлекался, иначе, того и гляди, мне вместо сорняков всю петрушку повыдергаешь». В общем, в плане информации вышел сплошной облом. Зато наградой за труд Павлу стала безумно вкусная грибная похлебка, которой зверски проголодавшийся охотник за чудесами умял аж две большие тарелки.

После обеда Камнев сначала прогулялся вдоль берега, надеясь повстречать Петра Ильича и вновь завести разговор на тему местного мистического колорита, но старик не показывался. Тогда Павел решил-таки сплавить на группу мелких островов, избрав для посещения самый крупный из них, который на картах значился как Мудр.

Сказано – сделано. Сунув одежду и обувь в непромокаемый мешок, Павел зашел в прохладную, но вполне терпимую воду и поплыл. В полном несоответствии со своей фамилией плавал Камнев хорошо, так что до острова Мудр добрался довольно быстро. Но когда пришло время выбираться на берег, нога его поехала по илистому дну, и он с размаху, во весь рост шлепнулся в воду.

Тут же откуда-то слева, из кустов, послышался залиvistый, словно звон серебряного колокольчика, девичий смех. Павел замер, стоя на четвереньках в воде, а по спине его вдруг пробежала волна озноба. В голову первым делом стукнула вроде бы и дикая, но вполне естественная для этого места и обстоятельств мысль: «русалка!». Почему-то на этом пустом и поросшем лесом островке среди вод, да после туманных намеков и предостережений Петра Ильича мавка и тому подобная водяная нечисть казалась более уместной, чем просто девица из того же Ламбасручья.

Впрочем, Камнев тут же овладел собой: тоже мне, охотник за чудесами, разрушитель мифов – женского смеха испугался!

– Здравствуйте! – твердым голосом произнес он, поднимаясь. – Рад, что вас повеселила моя неловкость. Может, покажетесь? Меня, кстати, Павел зовут.

– А я знаю, – из кустов вышла среднего роста, очень симпатичная и чуть курносая ладная шатенка, одетая в сарафан и босая. Она, не стесняясь, мерила оценивающим взглядом фигуру Камнева от плеч до пяток, а в глазах блестели искорки недавнего смеха. – Про вас, господин писатель, полдеревни уже второй день судачит. Поплавать решили?

– Да вот, захотелось островки ваши обследовать. Из чистой любознательности. – Павел ответил незнакомке столь же откровенным взглядом. – А можно узнать ваше имя... неизвестная русалка?

Девица тряхнула пышными волосами и звонко рассмеялась.

– Арина, – представилась она и, снова не выказывая ни малейшего стеснения, вздернула сарафан выше колен, демонстрируя стройные, но довольно мускулистые ноги. – И как вам мой хвост, господин писатель?

– Очень симпатичный, Арина, – Камнев отвел взгляд от ее ног, ощутив, как запылали уши, и рассердился на себя: как мальчишка, ей-богу. – А вы-то что делаете на этом островке? Не меня же поджидаете?

Шатенка чуть склонила голову и с любопытством глянула ему прямо в глаза.

– Не-е-ет, господин писатель, – по имени она его упорно не называла. – Ваше появление здесь – это приятный сюрприз. В дополнение к черничнику, которым здесь все заросло. – Арина показала большой мешок, набитый темно-синими ягодами. – Такого изобилия в окрестных лесах нет, а на острова мало кто плавает.

– Интересно, почему? – повернул Павел. – Боятся?

– Чего сразу – бояться? – удивилась Арина. Показалось или нет, что в глазах ее при этом какая-то тень мелькнула? – Просто лодки сюда гонять не хотят – коряжника много. А заплыв с одеждой над головой ради черники... большинству кажется, что оно того не стоит. – Она снова тряхнула головой. – А мне даже нравится. Не-
большое приключение. Так-то у нас тут скучновато. Думаю, вы меня понимаете.

– О да! – Большие карие глаза Арины притягивали взгляд Павла, и слова куда-то терялись. Он чувствовал себя неловко, стоя в воде и держа в руках мешок с одеждой.

Девушка опять залилась звонким смехом.

– Вот что, вылезайте-ка на берег, единомышленник! Простудитесь еще, чего доброго – ветерок нынче свежий.

Тут Павел и впрямь ощутил, что покрывается гусиной кожей. Два осторожных шага по скользкому илу – и все, осталось только вылезти на высокий берег. Павел глянул вокруг, за что бы схватиться. Арина протянула руку.

– Смелее, единомышленник, я крепкая!

Он схватил ее за руку и оттолкнулся от дна. Рывок – и вот они оба стоят на берегу, едва ли не в объятиях друг друга, причем Арина не спешит отстраняться.

– Да вы, я гляжу, совсем замерзли, господин писатель, – с дразнящими нотками в голосе произнесла она. – Пожалуй, следует одеться.

Поняв по растерянности в глазах Камнева,

что после такого начала он ожидал несколько иного продолжения, Арина снова рассмеялась, сделала шаг назад и отвернулась, с преувеличенным вниманием разглядывая что-то в зарослях.

– Одевайтесь, не буду вас смущать.

Камнев наскоро обтерся полотенцем, которое прихватил с собой в том же непромокаемом мешке, потом живо натянул одежду и кроссовки.

– Готовы? – девушка обернулась. – Ну тогда пойдете, покажу вам черничник. Проголодались, небось, после заплыва-то.

– Скажите, Арина, а что не так с этими островами? – спросил Павел, когда голод немного отступил, а губы и язык его сделались темно-синими от ягодного сока.

– А с чего вы решили, будто с ними что-то не так?

– Ну, Петр Ильич не советовал мне сюда соваться.

– А, Петр Ильич... – Арина задумчиво изучала траву у себя под ногами, медленно водя по ней босой ступней. – Ну, он, наверное, больше про Миж говорил. Там один чокнутый живет...

– И почему же чокнутый? – осторожно поинтересовался Павел.

Арина пожала плечами, помолчала немного и неохотно сказала:

– Людей сторонится. Нервный. Чуть что – за ружье хватается. Нас, всю деревню, обвиняет в чем-то... Да ну его! – Она сердито дернула плечом. – Не хочу о нем говорить.

– Вообще-то, Петр Ильич и про эти острова тоже намекал. Туманно так, непонятно. Я когда нечисть упомянул, он ничего не ответил. Только посоветовал с этим не шутить... Тут есть что-то странное, да?

– Да ладно, чего тут странного? – судя по легкому напряжению в голосе, тема девушке не нравилась. – Вы, писатели, любите придумывать всякое... Ну есть местная легенда, что здесь, на островах, саамские духи на летнее солнцестояние празднества устраивают. Ну так это же сказки... А Петр Ильич, он старый уже. Он ко всему такому серьезно относится. Серьезнее, чем надо. Так что вы его меньше слушайте... если, конечно, вам правда нужна, а не фантазии – чтобы мистики побольше напустить...

– Правда, конечно. А то я уже столько домыслов слышал и странных историй... Вот, на-

пример, про чудесные исцеления, которые у вас тут недавно случились...

Арина замерла.

– А это вы от кого слышали?

Камнев развел руками.

– Ну, у вас секреты, и у меня тоже. Может, обменяемся?

– Да чем же? – она плечами пожала. – Странного вам надо, чудесного... Говоришь вам, что у нас тут этого нет, все скучно, – вы не верите. Зачем тогда спрашивать? По-моему, так самый странный здесь вы, господин писатель. Впрочем, я только рада – хоть какое-то разнообразие в нашей глуши. Только я на ваши вопросы ответить не могу. Так, чтобы вам ответ понравился. Вы мне лучше скажите: что вам за охота в старых легендах копать, всякую муть древнюю исследовать? Почему бы не писать... ну, скажем, про любовь? Это уж всяко приятнее. Разве не так, господин писатель? – Она искоса бросила на Камнева лукавый взгляд и чуть улыбнулась.

– А почему вы меня по имени не зовете, Арина?

Ее глаза чуть блеснули.

– А вам бы этого хотелось?

– Вообще-то, да.

– Ну, если так...

Она сделала к нему шаг, другой, оказалась совсем рядом, глянула снизу вверх, и Павел ощутил ее теплое дыхание на своем подбородке. Уши его снова вспыхнули, и пульс участился. Их взгляды встретились, и Камнев понял, что сейчас произойдет, за мгновение до...

– Ты губы испачкал, – тихо-тихо прошептала Арина.

– Паша, нам пора.

Открывать глаза не хотелось. Совсем. Теплые солнечные лучи, прикосновение шелковистой кожи Арины, ее локоны, щекочущие его обнаженную грудь, сплетение пальцев их рук... Блаженство, которое хотелось заскринить и сохранить навечно...

– Правда?

– Да, вечернее уже. Меня потеряют.

Павел вздохнул и открыл глаза. Ее лицо совсем рядом. Губы улыбались, но глаза были серьезны. Он попытался ее поцеловать, но девушка уперлась ладонями ему в грудь и со смехом отстранилась:

– Легче, легче, господин писатель! Нам еще

обратно плыть. Сдюжишь ли после наших упражнений?

– Ты во мне сомневаешься? – Павел показательно напряг бицепс.

– Крут, крут! – Арина вывернулась из его объятий, вскочила на ноги, взяла свой сарафан и мешок с черникой. – Вставай, нам нужно быть в деревне засветло.

– Ладно.

Он поднялся и отыскал свою одежду, отброшенную в сторону в порыве страсти. Любовное приключение вышло стремительным и внезапным, и Павел сам еще не решил, как к нему относиться. Нет, все было чудесно, просто его не оставляло ощущение, что порыв, бросивший Арину в его объятия, как-то очень уж совпал с моментом, когда он начал задавать самые неудобные вопросы. Нет, может, конечно, у него паранойя, девушке просто захотелось приключения с писателем из Питера, и вовсе она его не отвлекала...

– Паша, не тормози!

– Иду-иду!

Берег... Солнечная дорожка была уже не золотистой, а почти багряной, а темная с прозеленью вода казалась почти черной...

– Ну что, наперегонки? – Арина толкнула его локтем в бок. – Спорим, я тебя сделаю?

– А на что? – восторженно Павел.

Лукавый смехок.

– На желание.

– Идет!

Девушка побежала вперед, держа сарафан и чернику над головой. Все произошло неожиданно: скользнула нога по илу, несколько махов руками в тщетной попытке удержаться и падение вправо – прямо на торчащую из воды острую корягу. Крик ужаса Павла и крик боли Арины слились в один.

– Боже, Арина, держись! Давай свой сарафан, я оторву подол и перевяжу тебя, а потом поплывем к деревне. Я тебя дотащу.

– Не... дотащишь... Слишком... далеко... Я... не выдержу.

– Тогда поплыву за помощью.

Улыбка, больше похожая на гримасу, выступившая на губах кровь, полные боли глаза...

– Ты же... знаешь, что я... умру раньше... чем...

– Тогда я... А, ч-ч-черт, телефон в деревне остался!

Ужас, паника и отчаяние накрывали Камнева штормовыми волнами.

– Но должен же быть выход! Я не могу тебя...

– Он есть... Плыдем вон туда... – слабый жест вправо, в сторону еще двух мелких островов. – Где... тень от тех сосен... Видишь? Тут недалеко... Доплывем.

У Павла голова шла кругом: что за бред?!

– Доплывем, и?! Что дальше? Там «скорая» материализуется? Прямо посреди воды?

– Оставишь... меня там... положишь на спину.

– И?!

– Уплывай... Как можно скорее...

– Нет-нет-нет! Я тебя не брошу!

– Чем дольше мы... спорим... Тем меньше у меня... шансов... Верь мне... умоляю...

Слабое пожатие ее пальцев. Кровавые пузыри на губах.

И мысль. Внезапная, как снайперская пуля в голову. Чудесные исцеления! Если это не миф, значит...

Более он уже не рассуждал, осторожно взял ее сзади под мышки и поплыл, сопровождаемый кровавым следом на воде.

Силы утекали быстро. Невозможность работать руками, дополнительная тяжесть, постепенно остывающая вода... и мечущиеся в панике сумбурные мысли.

– Все...

– Что?! Это здесь?

– Да... Положи меня... на спину... и уплывай...

– Но...

– Иначе... он не придет...

Да кто «он»?! Вопрос бился в голове отбойным молотком, но не задавать же его сейчас! «Верь мне, умоляю». Ладно, поверим.

Плыть прочь и каким-то образом отделаться от мысли, что оставил умирать женщину, с которой только что занимался любовью. Плыть и не оглядываться, потому что тогда может не хватить сил на то, чтобы сделать еще хотя бы гребок.

Стало холодать. Павел плыл кролем, чтобы мышцы не стыли в воде, которая становилась все холоднее. Да, Камнев умел терпеть холод, закалялся, принимал ледяной душ, моржевал. Но плыть далековато и... Черт, а как же она там?

Павел обернулся и оцепенел – протоку между островами стремительно затягивала желтоватая мгла непроглядного тумана... А потом из

нее послышался высокий звук. Мелодичный и в то же время пронзительный... будто кто-то в этом тумане играл на флейте. Играл странную мелодию, полную печали, тоски и в то же время надежды. На глаза Павла навернулись слезы, цепенеющее от холода тело пронзила болезненная дрожь, а следом накатил волна такого необоримого ужаса, что руки и ноги Камнева заработали просто на запредельных оборотах. Дальнейшего он почти не запомнил. И когда, полужамерзший, на подгибающихся ногах, выбрался на берег недалеко от деревни, адреналиновый допинг перестал действовать, и тьма погасила его сознание.

– Да ты, мил человек, я гляжу, прямо в рубашке родился! – скрипучий голос Петра Ильича был первым, что услышал Павел, очнувшись. – Чудо, что живой. А ведь я тебя предупреждал.

Камнев лежал на своей кровати в доме Софьи Кузьминичны, укутанный до горла одеялом. В горнице кроме него и старика никого не было. Хозяйка, небось, хлопотала где-то по хозяйству – притащенный домой полуживым постоялец – не повод отлынивать от работы.

– Как же... предупреждали, – ответ Камнева прервался натужным кашлем. – Намеки только...

– У кого мозги есть, тому достаточно! – отрезал старик.

– Как Арина?

Петр Ильич, полоснул его хмурым взглядом.

– Жива, – неохотно проронил он, – и здорова. Но не твоими молитвами.

Павел аж поперхнулся.

– Я, вообще-то...

– Что? – перебил старик. – Спас ее? Да кабы не ты, с ней и вовсе ничего не случилось бы. Ты тут пришлый, чужак, не знаешь ничего, а нос свой везде суешь. У нас такого не любят. – Петр Ильич пожевал губы. – Про Арину забудь. Встречи с ней не ищи. И вообще, уезжай отсюда, да поскорее. На Мудр за твоими вещичками сплавали уже. Оклемаешься немного – и в Питер своей обратно... Нечего нам тут лихо будить.

– Что... это было? Там, на воде, в тумане... Я вроде как флейту слышал.

– Не твоего ума дело! – рассердился старик. – Сказано тебе – не лезь! – Он поднялся и поставил на тумбу рядом с кроватью накрытую платком кружку. – Выпей вот отвару, чтоб не раз-

болеться. Чем скорее ты отсюда уедешь, тем лучше будет всем. Тебе в том числе.

Петр Ильич пошел на выход, но в дверях обернулся.

– И вот еще что: народ вопросами своими не мутит – не скажут тебе ничего.

Дверь хлопнула.

Павел не разболелся – крепкий, закаленный организм помог справиться с последствиями переохлаждения. На следующий день к вечеру он чувствовал себя уже вполне сносно и ждал, что его вот-вот вежливо или не очень попросят убраться. Впрочем, он уж и сам не очень-то хотел оставаться – какой смысл? Говорить с ним никто не хотел, местные косились мрачно да глаза отводили. Даже Софья Кузьминична с ним едва пару слов говорила, и только по необходимости. Арину Камнев увидел лишь раз, издали. Выглядела она здоровой, но при виде него тут же поспешила свернуть в переулок.

До этого Павла просто напрягал всеобщий бойкот, а тут уж он разозлился. Так, значит? Нос воротим? Да что он сделал-то такого?! Особенно Арине. Может, ей, конечно, строго-настрого запретили с ним общаться... Тоже, нашли преступника-святоотца! Возникло острое желание поговорить с «чокнутым» на острове Миж. Он в чем-то селян винил? Так может, были основания? И такой ли уж он чокнутый? Конечно, фиг Павлу здесь кто лодку даст, чтобы на Миж сплавить. Скорее, веслом по голове отоварят, судя по взглядам. Ну да ладно, он и сам обойдется. Хотят, чтобы его тут не было? Как угодно.

Камнев достал спутниковый телефон.

– Антон, привет. Это Паша. Мне твоя помощь нужна.

К острову Миж причалили на всякий случай с противоположной от деревни стороны, чтобы гусей не дразнить. Антон согласился подождать, хотя и неизвестно было, насколько затянутся поиски «чокнутого» и разговор с ним. В конце концов, остров был больше всей деревни раз в пять и покрыт лесом. Ну и боязно было, что греха таить. Чокнутый одиночка с ружьем – тот еще образ. Но Павлу требовались ответы, а к кому и обращаться изгою, как не к другому такому же?

Он быстро добрался до нескольких заброшенных домиков в центре острова. Теперь оста-

лось определить, куда именно «в лес» – на юг или на север? А потом Павел взглянул на озеро и все понял. Группа из пяти островов и точка посередине между ними – то самое место, куда он совсем недавно тащил по воде умирающую Арину. Место чудесного исцеления. На юг – это дальше от него, оттуда даже места этого не увидеть. А вот север – самое оно. Причем вряд ли далеко. Судя по навигатору, на восточном берегу вскоре будет небольшая прогалина, как раз напротив нужной точки. Если что – идеальное место для наблюдения. Значит, на север. Придя к такому выводу, Павел решительно углубился в лес. Отшагать он успел лишь четверть часа, когда...

– Занятно, значит, кто-то все же решил отыскать сумасшедшего? – произнес мужской голос.

Камнев обернулся и замер. Невысокий рыжий бородач стоял между двух елей и направлял на незваного гостя ствол своего дробовика.

– Я знал, что рано или поздно это случится, – рыжий бородач, которого звали Виктором, задумчиво сидел на пеньке возле своей хижины, а ружье его хоть и не направленное уже на Павла, находилось в пределах досягаемости, чтобы он легко мог его схватить. – Они не смогут вечно хранить это в тайне.

– Что именно? Чудесные исцеления? Аномальный лечебный туман? Духов?

В последнем слове Камнева проскользнула легкая ирония, и Виктор усмехнулся:

– Скептики... Вот такие, как вы, и губят созданий тонкого мира.

– Вы хотите сказать, что они существуют?

– А как вы сами себе объясните странный желтый туман, звуки флейты, чудесным образом затягивающиеся страшные раны? Впрочем, не надо. Вы сейчас начнете изощряться в псевдонаучных гипотезах, так это все чушь. Духи существуют. Правда, мало где. Это энергетические создания, которые живут только за счет веры людской. А с верой нынче напряженно. Я не про официальные религии, если что. Про веру в чудеса, духов, их магическую силу. Оазисов подобной веры на Земле осталось совсем немного. И духи стремятся туда. Пан нашел свое пристанище здесь.

– Пойдите, Пан? Это же греческий пастуший бог. Он не обладал целительскими способностями.

– Не придирайтесь. Я не знаю настоящего имени этого духа. А Пан тоже играл на флейте. Поэтому местного туманного музыканта я называю Паном. Коротко и звучно. Вы против?

Павел пожал плечами.

– Да ради бога. То есть вы хотите сказать, что этот Пан творит тут чудеса исцеления, а местные за это подкармливают его своей верой?

– Именно так. Но есть нюанс. Я уже пятнадцать лет занимаюсь изучением законов Тонкого мира и что усвоил твердо – так это принцип компенсации. Необходимо равновесие. Да, чудеса случаются, но все имеет свою цену. Светлое воздействие духа-чудотворца равновесие нарушает, что неизменно способствует возникновению темного анти-начала, которое будет творить сопоставимое зло. Если Пан исцеляет и спасает жизни, то анти-Пан будет нести болезни и смерть. А сельчане об этом забыли. Они узнали, что посередине протоки между пятью мелкими островами находится проход в тонкий мир, и стали возить туда на лодках всех своих подряд, грубо говоря, на любой чих. Это глупо. Чем чаще использовать силу Пана, тем скорее появится его темный антипод... Я пытался объяснить это местным, но они объявили меня сумасшедшим и чуть не побили. – Виктор в сердцах сплюнул. – Идиоты! Самовозникший темный дух – это не игрушки. Он может переборщить с компенсацией, и тогда... Что вы скажете, к примеру, если неведомая зараза выкосит половину населения Петрозаводска? Или неведомо откуда взявшийся ураган сравнивает Медвежьегорск с землей? А ведь это вполне реальная перспектива! Думаете, почему никому нельзя присутствовать, когда Пан лечит своей музыкой? Не потому, что целебная магия рассеется, нет. Темному духу нужно тело, чтобы воплотиться. И лишний свидетель – первый кандидат.

Глядя на фанатичный блеск глаз Виктора, Павел начал понимать, почему местные называют его чокнутым. Его слова звучали временами просто дико, и даже если они были правдой, поверить мешала преувеличенная горячность рыжего отшельника. А в сочетании с прислоненным к пеньку дробовиком все это вызывало ощутимый холодок между лопаток, и в голове начала настойчиво пульсировать мысль: «Пора валить!». Где истина, где золотая середина во всем этом безумии? Жесткий старик и его ручная дробовня, нашедшая себе карманного целителя, и явно неуравновешенный «ученый», пророча-

щий локальный апокалипсис... А между ними – неведомое нечто, играющее в тумане на флейте, и он, Павел Камнев, охотник за чудесами... Нужно предпринять нечто радикальное, что поможет, наконец, разобраться во всем этом хитросплетении сводящих с ума непоняток. И через секунду Павел сообразил, что именно.

– Я вас понял, – произнес он, медленно поднимаясь и стараясь держать руки на виду. – Но мы же с этим ничего не можем поделать, так?

Виктор горько усмехнулся:

– Ну вот и вы тоже.

– Что?

– Сочли меня сумасшедшим и решили сбегать. Впрочем, чего я ждал от скептика? Но мой вам совет: не хотите мне помогать – сами не копайтесь в этом. Уезжайте как можно скорее. Когда сельчане допрыгаются до проблем, тут будет опасно.

– А как же вы?

– Я? Я ученый, пусть большинство моих коллег и считает меня шарлатаном. Но это тема моей жизни. Тут все близится к финалу, и я его ни за что не пропущу. Даже если он будет последним, что я увижу.

Несколько секунд Павел смотрел на него, ощущая просыпающееся уважение к этому одержимому типу, готовому на все ради своей идеи.

– Что ж, как знаете, – тихо сказал Камнев. – Прощайте.

Отвернулся и двинулся прочь.

И только уже оказавшись в катере, рядом с изнывающим от нетерпения и любопытства Антоном Покрыгой, он взялся за спутниковый телефон.

– Алло, Света, привет... Как сама, как Мордаунт? ... Отлично! Слушай, у меня к тебе дело на миллион. Ты можешь приехать в Петрозаводск?

На сей раз катер Антона пристал к узкой косе, копьём врезающейся в воды Онего южнее острова Миж, уже почти в полной темноте. Над озером воцарилась облачная ночь. Павел вышел на берег сам и помог выйти порядком измотанной долгой дорогой Светлане. Между собой они уже все обговорили в Петрозаводске. Позади были и удивленные возгласы, и обвинения в сумасшествии, Павел в убедительности превзошел сам себя, и наступил этап принятия.

Покрыгу они оставили на западном берегу, а сами перебрались на восточный, где Павел принялся надувать резиновую одноместку, купленную нынче же утром в Петрозаводске. Тесновато, конечно, но по грузоподъемности двоих выдержит, тем более основательно исхудавшая последнее время Светлана весила немного. Главное – до точки добраться.

– Ты уверен? – в неведомо какой уж по счету раз прошептала Светлана.

Глупый вопрос. Как тут можно быть уверенным? Весь его план – чистейшая авантюра. Но уж ее-то недуг, пожирающий организм пятый год, всяко должен привлечь внимание духа. Нужно только тихо, неслышной тенью проскользнуть мимо спящей деревни и мрачного берега Миж, на котором, возможно, несет бессонный дозор Виктор со своим дробовиком, а там... Свете уж точно терять нечего. А ему, Павлу? А жителям Ламбасручья и всех окрестностей, если, паче чаяния, одержимый «ученый» окажется прав? Впрочем, на последний случай у Павла все же имелся план. Не самый лучший, но какой уж есть.

– Все будет хорошо, Света, – едва слышно ответил Камнев, затыкая пробкой клапан надутой лодки. – Ну, ни пуха нам, ни пера!

– К черту!

– Эй, далеко ли намылились?

От прозвучавшего в ночи голоса у Камнева аж зубы заныли. Из тени нависшей над водой ели выступила фигура Виктора. Даже в темноте можно было различить огненный цвет его шевелюры... и дробовик в руке.

– А ну, к берегу, а то продырявлю!

Не приходилось сомневаться, что этот угрозу исполнит, рука не дрогнет.

Скривившись, Павел повернул лодку к острову Миж. Близковато они к нему пошли все же.

– А я ведь знал, «скептик», что ты сюда вернешься, – в голосе бородача звучало что-то вроде мрачного торжества. – Таким, как ты, на все плавать, кроме своих интересов! Выходите, ну! Оба! Думаешь, я ничего не понимаю, да? Тебе же дух нужен, а не исцеление. Она, – бородач мотнул головой в сторону Светланы, – только приманка. Ты в деревню не просто так ездил – проверял, что воздействие накопилось, что вот-вот наступит компенсационная реакция. А твоё тело – вот оно, только подставляй темному духу!

Сила, могущество – вот что всегда нужно людям! И это никогда не изменится!

– Вы ошибаетесь, – устало произнес Камнев. – Эта женщина – моя подруга, и она тяжело больна. Может, от еще одного раза ничего и не слу...

– Хватит! Ни одному твоему слову не верю! Идите! – он мотнул ружьем влево. – Если только...

Какая-то ночная птица выбрала именно этот момент, чтобы испустить громкий крик. Бородач вздрогнул, на мгновение дернув ствол в сторону, и Павел бросился на него. Секунду спустя они уже катались по земле, вырывая друг у друга оружие. Павлу помогла коряга, в которую бородач врезался плечом и взвыл от боли, ослабив хватку. Рывок – и ружье в руках Камнева, а затем удар приклада в лоб вырубил рыжего отшельника.

– Ты в порядке? – тревожно спросила Светлана.

– В полном. Помоги мне привязать его к дереву. Он не должен нам помешать...

«И если возникший темный дух выберет его, так тоже будет лучше...»

– Паш?

– Да?

– А то, что он говорил, про... ну, что тебе дух нужен, а... – Ее голос дрогнул.

Павел замер, словно его по щеке ударили.

– И ты ему поверила? – деревянным голосом спросил он.

Пару секунд Светлана смотрела ему в глаза, потом замотала головой.

– Нет, конечно, нет, – и взялась за конец веревки.

Светлана все же сильно устала. Стало быть, план «Б». Павел разделся до трусов, спрятал сверток с одеждой в кустах и сел на весла. Туда он Свету довезет и вплавь вернется, а там уж... если Пан исцелит ее, обратно она и сама выгребет...

Тишина, нарушаемая только плеском весел... Природа замерла, словно предвкушая то, что должно произойти через несколько минут – грести уже недалеко... Вот, кажется, здесь. Примерно равное расстояние до Мудра и других мелких островов...

– Все, – он осторожно и нежно сжал дрожащие пальцы Светланы. – Дальше ты сама. Глав-

ное – ничего не бойся. Все будет хорошо, я с тобой.

Она только кивнула и отвернулась. Может быть, чтобы Павел не видел страха или слез в ее глазах. Камнев тихо, почти без всплеска, ушел в воду и поплыл кролем обратно к острову Миж.

На сей раз Павел не успел замерзнуть – вода только начала стынуть, когда он достиг берега. Вышел, оглянулся. Там, между островами, озеро заволакивала желтоватая мгла... Уфф, Пан среагировал! Слава богу! А потом послышалась тихая и печальная мелодия флейты. Эти звуки нагоняли тоску, что рвала его душу на части, а время от времени накатывали волны страха, одна другой сильнее. Чтобы отвлечься, Павел принялся энергично растирать полотенцем, одеваться, затем проверил, как там Виктор. Рыжий отшельник до сих пор не пришел в сознание. Павел даже испугался, не слишком ли сильно его долбанул... Но вскоре ему стало не до того. Мелодия флейты становилась все печальнее и пронзительнее. Сердце Павла словно схватила ледяная когтистая лапа, и, охваченный внезапным страхом, он полез в рюкзак за охотничьим ножом.

Мелодия звучала и звучала, и Павлу казалось, она никогда не кончится. Камнев судорожно сжал нож, затем медленно поднял его и поднес острием к своему горлу. Если отшельник прав, и темный дух... Павел надеялся, что у него будет мгновение, чтобы умертвить себя, не выпускать в мир зло, которое сегодняшний ритуал исцеления может вызвать к жизни... Себя или Виктора, если вдруг он поймет, что темный дух выбрал другое тело-носитель...

Мелодия наполнилась тоской и болью, но постепенно в ней пробуждалась и надежда, и это, похоже, означало, что процесс исцеления входит в решающую фазу, и напряжение тоже достигло пика. Зашевелился и застонал позади Виктор...

Павел повернулся и посмотрел ему в глаза, гадая, как определить, завладел отшельником темный дух или нет... А если им самим? Сможет ли он надавить на нож, или промедлит пару секунд, и этого хватит духу, чтобы взять над ним власть?

Павел и Виктор напряженно смотрели друг на друга, не решаясь говорить: звучащая с воды мелодия была альфой и омегой, все остальные звуки при ней представлялись лишними, а в воз-

духе душным облаком висел страх, будто парализовавший обоих мужчин...

Когда мелодия закончилась, Павлу показалось, что он оглох. Какое-то время он растерянно оглядывался по сторонам, не в силах поверить, что можно уже разжать почти сведенные на рукояти ножа пальцы, что все прошло, и не надо никого убивать. Виктор ошибся, и этот сеанс исцеления еще не вызвал темного антипода.

Павел повернулся к воде и до боли в глазах стал всматриваться в темноту, туда, где постепенно рассеивалась желтая мгла тонкого мира. И вот из тумана черным призраком вынырнул неуклюжий силуэт надувной лодки, и послышался плеск весел. Света!

И тут Павла отпустило. Радость и невероятное облегчение накатили волной. Он упал на колени, выронив нож, и следил за приближающейся лодкой затуманившимся от выступивших слез взглядом.

Антон Покрыга сидел в катере и улыбался. Просто так. Время от времени он обводил взглядом окрестности, пустынную воду на западе, узкую, поросшую лесом косу на востоке, потом поднимал свои руки и смотрел на них так, словно видел в первый раз. Опускал. Снова улыбался. Смотрел на ноги. Топал ими. Его переполняла радость. Нет, скорее, восторг. Вот оно, значит, как вышло. Надо же. От улыбки начали ныть щеки, но Покрыга продолжал растягивать губы до невозможности широко. Он щелкнул пальцами. Раз, другой. И нечто появилось в его правой руке.

Антон чуть склонил голову, разглядывая полученный предмет. Флейта, тонкая, изящная. И черная, как ночь. Он поднес было ее к губам, хотел сыграть, но остановился. Нет. Не здесь, не сейчас и не так. Его мелодия прольется в этот мир, и она будет такова, что ее стоит подождать. Совсем немного, но подождать. Там, на юго-западе, большое поселение, много людей. Он, пожалуй, сыграет там. Им понравится, ведь он так хорошо играет... Что? С чего он взял, если еще ни разу не брал в руки флейту? Ну просто знает.

Флейта в его руках – настоящее чудо. И то, что он здесь, в этом сильном теле, – тоже чудо. Чудеса случаются. Правда, у всего есть своя цена. Антон Покрыга снова заулыбался.

Литературный альманах Республики Коми «Белый бор»

Литературный альманах Республики Коми «Белый бор» издаётся с 1995 года. Решение об его выпуске было принято на писательском съезде Республики Коми в 1994 году. Для нового издания было найдено удачное название – «Белый бор». Оно символизирует не только северную природу, но и душевную статью северян – внешнюю суровость и сердечность, скромность и философскую глубину, щедрость и ранимость. Уже в первом номере альманаха составителями было заявлено, что «Белый бор» – это издание всерьёз и надолго, что оно будет совершенствоваться, чтобы выдержать «экзамен на самой взыскательной полке личных и общественных библиотек». Этого творческого вектора составители альманаха постоянно придерживаются.

В нём собираются лучшие стихи, повести, рассказы, очерки, пьесы авторов из разных городов и сёл Республики Коми. Составители издания постоянно следят за литературным процессом региона, многим авторам помогают дорасти до первых серьёзных публикаций, проводят строгий творческий конкурс произведений. В альманахе представляются произведения как широко известных поэтов и прозаиков, так и молодых авторов. Есть и лирика, и философия, и ирония, и сентиментальность, и многое другое, а в целом это интересная литература, дающая возможность представить современную жизнь, её душевные поиски и ответы на вызовы времени.

Количество авторов в альманахе постоянно немного растёт, что выполняет одну из задач издания – представлять литературу Республики Коми, все её поиски и значимые тенденции. Однако увеличение авторов не снижает высокую творческую планку альманаха. Это происходит благодаря работе с перспективными авторами Союза писателей Республики Коми, являющегося инициатором издания, и непосредственно составителей «Белого бора».

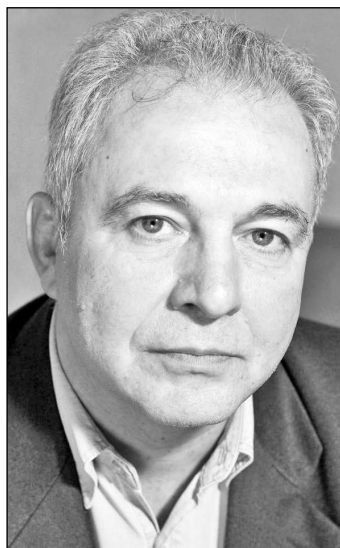
С 2007 года, кроме традиционных рубрик «Поэзия» и «Проза», составители предусмотрели в альманахе рубрики: «Поэзия молодых», «Проза молодых», «Мозаика», «Переводы», «Из архива», «Наши гости». Это расширило возможности издания. На его страницах появились переводы лучших произведений, написанных на коми языке, проза и стихи литераторов Москвы, Санкт-Петербурга, Екатеринбурга, Петрозаводска и других городов страны, писателей, проявивших себя на российском уровне, лауреатов различных премий, таких как Глеб Горбовский, Геннадий Иванов, Елена Пиетиляйнен, Геннадий Красников, Андрей Щупов, Светлана Лаврова, Ольга Колпакова, Владимир Силкин и другие.

Составители альманаха – Елена Габова (проза) и Андрей Попов (поэзия). В 2013 году «Белый бор» удостоен премии Правительства РК в области литературы имени И.А. Куратова. С 2011 года альманах выходит ежегодно.

**Андрей
ПОПОВ**

ЖИЗНЬ ПОДХОДИТ К НАЧАЛУ

Приуныли дороги – пустились вразнос.
Только вечная осень тебе не к лицу,
Потому что до смерти ещё не дорос.
Не ворчи каждый раз – жизнь подходит
к концу.

Жизнь подходит к началу, как к сердцу
вопрос – 153
Почему ждёшь любви на путях непогод?
Потому что до смерти ещё не дорос.
А она, как любовь, до тебя дорастет.

И коснется небесная влага чела,
И подумаешь, в небо вникая,
Что летит через поле шальная пчела
Или, может быть, пуля шальная.

Будет дождь. Прижимается память
к земле,
Птицы, словно обиды, уснули.
Только дождь не мешает упрямой пчеле,
А тем более маленькой пуле.

До каких я не смог прикоснуться высот
До сих пор в середине июля?

И подумаешь, целится прямо в висок,
Хорошо бы пчела, а не пуля.

Уступай дорогу дуракам.
Японская пословица

Не смотри на встречных свысока.
Никого не задевай. Не трогай.
Уступай дорогу дуракам,
Пусть они идут своей дорогой.

Пусть шагают до любой звезды.
Хоть куда. Окажется в итоге,
Как и прежде, только две беды –
Это дураки и их дороги.

Очки поищи у себя на лбу,
Ведро поищи в колоде,
А в сердце своем находи судьбу,
Если она там найдётся,

Если она не банальный сюжет,
Не просто знак зодиака.
Но если судьбы в твоём сердце нет,
Видать, не судьба, однако.

ПОПОВ Андрей Гельевич родился в 1959 году в Воркуте. Окончил Сыктывкарский государственный университет, филологический факультет. Автор нескольких сборников стихотворений. Лауреат Южно-Уральской литературной премии, международной премии С. Есенина «О, Русь, взмахни крылами», премии Н. Тряпкина «Неизбывный вертоград», Всероссийской Арктической литературной премии имени В.С. Маслова, премии «Ладога» имени А.Прокофьева. Стихи переводились на венгерский, болгарский, немецкий языки. Член Союза писателей России. Живёт в Сыктывкаре.

Жизнь идёт чередом.
Действует власть строго –
И все больше шлагбаумов и вахтёров.
Фарисеи готовятся к встрече Бога,
Он с проверкой веры должен прийти скоро.

Подготовиться надо. Отбить поклоны.
И грехи заглушить монастырским хлебом.
Соблюсти все заповеди, все законы –
Все до буквы, до пресыщения небом.

Бог придёт – и скоро, вдохнёт
атмосферу –
Войн, анафем, болезней, свечей, соборов.
Но найдёт ли тогда на земле Он веру?!
А не только шлагбаумы и вахтёров.

Такая чудная погода,
Что хоть по кладбищу гуляй!
Какое множество народа
Лежит, молчит. И входит в рай.

Хотя не все. Кого-то стражи
Не пустят, кто-то не войдёт –
От райских врат иным покажут
Неумолимый поворот.

А ты идёшь сосновым лесом,
Тропой среди могильных плит...
Молчат ассессор и профессор,
Советник тайный и бандит.

Идёшь, один не понимая
Среди уснувших вечным сном,
До рая или мимо рая
Твои пути погожим днём.

Боже, как я состарюсь, на склоне лет,
Удержи от уверенности пустой,
Что на каждый вопрос дать обязан ответ,
Что молчать не могу, словно Лев Толстой.

И закрой уста, если сладко мне вдруг
Станет перечислять по сто раз на дню
Каждый новый хронический свой недуг,
Словно это в кафе дорогом меню.
Ты молчание мудрости приумножь,
Дай поверить отчетливей в Страшный
суд,

Но не дай мне поверить, что люди – ложь,
Даже если они моей смерти ждут.

Дай мне в немощи силу являть порой,
Дай, чтоб в ближних я видел талант

и свет,

Но помыслить не мог, что мой путь

святой,

Боже, как я состарюсь, на склоне лет...

Не считать бы годы и утраты,
Ни о чем в душе своей не споря,
Лишь смотреть спокойно на закаты
В домике на берегу у моря.

И надеждам никаким не веря,
Никого вокруг не замечая,
Наблюдать, как волны точат берег,
Сидя в старом кресле с чашкой чая.

Наблюдать, как ветер гонит к югу
Грусть и память, и рыбацьи шхуны.
И погладить кошку, как подругу
Вечной жизни, на прибрежных дюнах.

Надежда
МИРОШНИЧЕНКО

НАС РАЗУЧИЛИ ПЛАКАТЬ И ЖАЛЕТЬ...

Алексею Крестинину

Господи, что эти русские делают
с сердцем,
Словом владея, как кистью, а то и резцом.
Лишь прикоснутся, и день окончательно
серый
Блещет хрусталью, а то и полощет
свинцом. 155
Только мгновенье от радости и до печали.
Вы замечали из павловсков или тарус
Или напротив, я знаю, и вы замечали
В сердце уставшем сквозь гнев
просыпается Русь.
Что эти русские в землю влюбились, как
в небо,
Ходят наощупь по сумраку и по воде.
Дайте мне весла, а к вёслам подайте
мне невод
Звёзды собрать, а то сгинут, неведомо где.
Вот и теперь, я не знаю, с какого испуга
В полночи полной любые напасти
не в счёт.
По небу – росписью имя то Бога, то друга.
Что эти русские сделают с сердцем ещё?!

ВЫБОР

Как можно русским русского предать—
Иди в капкан под окрики: «Иди».
Когда бессильны и отец, и мать,
Коль сколько б ни просили: «Не ходи»!
У русских всё всерьёз, не напоказ.
И с нашей верой в чудо и в добро
Уже в который раз столкнули нас
Все, кто во лжи всегда плодили зло.
И снова те, кто справа, вышли в бой
За Родину, за правды стыд и честь.
Все заплатили русой головой,
Но с двух сторон. И стало так, как есть.
Те, кто во лжи погибли... Как им там,
В аду, где каждый каждому чужой?
А нашим здесь спокойно по холмам
Своих могил, но выигравшим бой.
Спокойно им лежать в земле родной,
Что русскою зовётся испокон.
Что дарит им в ночи вечерний звон.
Что приняла последний их поклон,
Своих героев, дитяток своих,
Кто Щит России даже в смертный миг.

НАДЕЖДА Александровна Мирошниченко родилась в Москве. С детства живёт в Сыктывкаре, где окончила школу и Коми государственный педагогический институт. Секретарь правления Союза писателей России. Автор 11 сборников стихотворений: «Русское сердце», «Трудная книга», «Белая сотня», «О любви» и др. Лауреат Государственной премии Республики Коми им. И. А. Куратова в области литературы, еженедельника «Литературная Россия» – за публицистические статьи, премии Союза писателей России и Республики Саха (Якутия) «Северная звезда», Большой литературной премии России, Международной премии «Имперская культура» им. Э. Володина, Международной премии Славянской Академии литературы и живописи «Серебряное перо». Народный поэт Республики Коми.

Я говорила, ты недоговаривал.
Вот и запутался текст.
Ты сэкономил и не разбазаривал
Нового времени квест.
А на лугу и черёмухи около
Щёлкал-свистал соловей.
И подлетало к черёмухе облако
И наклонялось над ней.

Что же мне делать с душой непутёвою.
Ей ли поставлю в вину
Страсть очаровывать и околдовывать,
Что не под силу уму.
Эту прозрачную и говорящую,
Что исподволь на Руси
Столько родного с тобою творящую,
Словно ты на небеси.
А соловей всё свистал и подсвистывал.
Что доказать он хотел
Этой мелодией, помыслом чистою?
Но, отсвистав, улетел.

На войне покажется: жили в раю.
На войне покажется ласковой смерть.
Но когда напали на землю твою,
Всё уже неважно, что будет там впредь.
На войне не выжить надо, а жить,
Чтобы смерть боялась тебя найти.
Мирной жизни прошлые этажи
Кажутся высотками на пути.
Только нам не верится: как они там,
Где война. И воины – не из книг.
А глядишь, по своим жизнь да смерть
местам.

Всё в веках рассчитано – на двоих.
У войны безжалостный аппетит,
Коль она на золоте и крови.
Там и воздух, словно вода, кипит.
А вода, как пар, над землёй стоит.
Но вернутся воины-то с войны
Посмотреть,
а что здесь сделали мы?

Петру Алёшкину

Нас разучили плакать и жалеть,
А это значит, что любовь ослабла.
Она была в веках нам крепкой ведь.
А это больше, чем почёт и слава.
Нас научили вовремя молчать.
А это значит – разучили драться.
И ни за что всерьёз не отвечать.
И только за самих себя бояться.
Не будем же во всём себя винить.
О н и, конечно, больше виноваты.
Но что и кто сумел в нас преломить,
Что мы теперь другие, чем когда-то.
Но вот война – и этот же народ
Взял вещмешки – и на передовую.
И, умирая, вновь идёт вперёд
И, побеждая, плачет и ликует.

Памяти Анатолия Федулова

Не майся зря, ты всё равно не сможешь
Забуть того, кто всех тебе дороже.
Неважно, это радость или боль,
Но ты догадкой сердце не неволь.
Она такая – русская душа,
Сама поймёт, в чём дело, не спеша.

Не майся зря и не проси совета.
Ну, разве что, у Нового Завета.
Но до него ты дорасти изволь.
А раньше сердце мукой не неволь.
Она такая – русская душа.
А впрочем, может, тем и хороша.
Забуть того, кто всех тебе дороже,
Не майся зря: ты всё равно не сможешь.

Когда понятно нам уже:
Все войны только из-за денег,
Тогда на смертном рубеже
Зачем Сальери нам и Гений?
И в мрачных замыслах эпох
Все люди – только прах на ветер.
Зачем страдает юный Вертер?
Тогда зачем нас создал Бог?!

Алёна
ШОМЫСОВА

НИКОГО МОЙ СОН НЕ ЗАДЕВАЕТ

РЕЧЬ

Речь земная вышла из воды –
первою капелью прозвучала,
над землёю от первоначала
вобрала небесные следы.

Речь земная вышла из земли –
меж камнями корни отыскала,
и тогда растения и скалы
имена живые обрели.

Речь земная вышла из дерев,
шелестя несметною листвою –
вот многоголосье лесовое
и заговорило нараспев.

В ней одной железо и огонь,
человек и знак, зима и лето –
всё, чего среди земного света
музыкой и словом ни затронь.

ЗЕМЛЯ

В облака схоронена пока
до поры до времени иного,
иногда проглядывает снова
древняя земля издалека.

Чудь на ней по-прежнему живёт,
веря своему труду и Богу.
Катится за нею понемногу
счастья колесо за годом год.

Праздники у них наперечёт
с тренью-бренью звонкою и трелью,
а как время истечёт веселью –
словно камень реку пресечёт...

Я под крики чаек у воды
день за днём по их пути ступаю,
но дорогу ветер засыпает,
волнами стираются следы.

СОН

Никого мой сон не задевает,
Я не говорю о нём нигде.
Людям всё равно, как затевают
Лёгкий танец тени на воде.

Да по-настоящему, быть может,
Я и просыпаться не хочу.
Если душу музыка встревожит –
Птицей невесоמוю лечу.

А глаза навстречу приоткрою
Яростному свету из окна –

Пёрышком повиснет надо мною
Дымка недосмотренного сна.

И не отступает, и витеет –
Мол, бери обратно, вот он я...
Да не успеваю – снова тает,
словно тонет рыба чешуя.

А была бы я лебедем –
улетела бы вдаль от боли:
в ней душою живой горю,
как деревья в огне лесном.
Уронила с небес платок,
напивавшийся горькой соли –
утирается пусть лицо
продувным ветровым сукном.

Что за лето у нас теперь –
не теплее зимы студёной.
И пускай ледяной бурей
проводит до снежной мглы,
сердце выточит желобок,
чтобы вытек настоль болёный,
так из пихты или сосны
вытекает желток смолы.

Пусть рисует мороз иголкой
острой душу мою и тело,
я у леса перетяну
новой силой любить и жить...
А была бы я лебедем –
вдаль отсюда бы улетела
обратить в мимолётный сон
всё, чего не переменить.

МАЛЕНЬКИЙ ПРИНЦ

Пристань у деревни, запах лета...
Но и в самой лёгкой голове
облачно тропкой самолёта
детство истекает в синеве.

Не ухватишь ягодой лесною,
на лугу не выловишь сачком.
Вырвалось проворной стрекозой,
было, улетело – и молчком...

Мне дверями прежними обратно
ненадолго надо бы слетать –
передумать всё, что непонятно,
жизненный клубок перематать.

Не перелетит живая птица
через комарьё и вороньё,
кроме разве Маленького принца,
что не знал про взрослое враньё.

На какой остался он планете?
Где прижился – в городе? В селе?
Множество путей на белом свете –
все не перебродишь по земле.

Нынче утром, раскрутя вертушку,
наудачу, на кого пошлёт,
я за ним отправила игрушку –
деревянный папин самолёт.

А вернулся он без пассажира –
только шарфик алый за стеклом...
Как пожар от щепки, на полмира
осень запылала над селом.

И, хоть на причале, как вначале,
в небе зарева полоса,
не дверные петли зазвучали –
жалобные птичьи голоса...

ГАРМОНЬ

Расщепляясь напополам,
откликается: пик-пилик...
Так полено под топором
издаёт мимолётный вскрик.

Пальцы ловкие в ход пойдут,
кнопки мелкие шевеля –
и мелодии побегут,
словно юркие соболя.

Полной грудью поёт гармонь,
веселит летовой зенит.
И в отцовских глазах июнь
колокольчиками звенит...

Перевод с коми Андрея Расторгуева

Елена
АФАНАСЬЕВА

ПТИЦА

1.

Раннее утро. Уже не усну.
Птица опять прилетала к окну.
Странная птица...
Напрасно глядишь –
Ветер полёта оставила лишь.

Хлопнули крылья.
Качнулся кипрей.
С ближнего леса иль с дальних полей
Птица ко мне постучалась в окно,
Птица оставила слова зерно.

Сколько охотников слышали взмах
Крыльев её!
Но напрасно в лесах
Птицу ловили. Скажи, почему
Вновь её тянет к окну моему?

И объясни мне, откуда черты
Мне так знакомы её высоты?
Где её видела? В детстве? Во сне?
Снова она прилетает ко мне.

Кротко глядит в мой домашний покой,
Чтобы душа извелась немотой.
И, собираясь в обратный полёт,
Эхо оставит, а сердце возьмёт.

И начинаю из трав и ручьёв
Я понимать и себя, и любовь,
Друга, дорогу, звезду, холода,
Время, крылатой бываю когда!..

2.

Завтра проснусь – будет кругом тишина.
Выпадет утром снег на уличный шум.
Птица должна прилететь. И поспешу
Я рассмотреть следы её из окна.

Не прилетала... Только напрасно взгляд
Ищет хотя бы еле заметный след.
Сердце моё рвётся от этого «нет»,
Прочь отсюда – куда-нибудь наугад.

Слышала я легенду, людей молву:
Есть среди тайных троп и крутых дорог
Путь, на котором видишь жизнь, как
пророк,
Старцы его называли по-коми «ву».

Ву - это мост, ведущий через века,
Птица его скрывает размахом крыл,
Путник к нему идёт из последних сил,
Даже когда мелеет сам, как река.

159

АФАНАСЬЕВА Елена Евгеньевна родилась в селе Важгорт Удорского района Республики Коми. Окончила Сыктывкарский государственный университет. Стихи публиковались в журналах: «Арт», «Юность», «Наш современник», «Север», «Подъём», «Южный Урал», «Начало века», альманахе «Белый бор». Автор нескольких книг стихов и прозы. Член Союза писателей России. Живёт в Сыктывкаре.

Я уже никогда не стану другой.
 Птицы не будет – жить без неё смогу.
 Я стебелёк найду в осеннем снегу,
 Былинку с тонкой, как у птицы, ногой.

В воду поставлю, с ней о «ву» разговор
 Буду вести. И приоткрою окно.
 Стук я услышу. Будет ещё темно.
 Но, торопясь, сбегу я в пустынный двор.

Видю, что прилетала – примяла снег!
 В раму стучала, чтобы светлела мгла,
 Чтобы я снова завтра её ждала.
 Завтра ждала. И годы. И целый век.

3.

Вглядывалась душа в лунную ночь устало,
 Спать не могла –

Я надежды свои теряла.
 И прилетела вдруг птица и смотрит,
 словно
 Трепет мой видит – и взгляд у неё
 бездонный.
 Я лишь спросила – Зачем прилетаешь
 снова?
 – Знаю, ты ищешь колодец святого слова.
 – Где он, скажи? По каким отыскать
 приметам?
 Как мне его найти? Жизни хватит на это?
 – Между землёю и небом ищи, – в верховьях
 Речки таёжной, но только ищи любовью.
 – Как мне воды набрать, чтобы душе
 напиться?
 – Сердцем черпни своим...
 И улетела птица.

Переводы с коми Андрея Попова

Петр СТОЛПОВСКИЙ ДЯТЕЛ ДЯДЯ

Этим летом решил банькой встать на подворье своём дачном. Домишко-то немудрёный я в первое же лето сколотил, а с банькой сильно припозднился. Северному человеку скучно без баньки, право слово.

Ну, запасся брёвнами, взялся за топор. День-другой помахал им, и такой, знаешь, пыл меня пробрал, аж зуд по рукам запохаживал – прямо как в молодые леты. Солнышко ещё не прозевается, ещё оно нежится в перине поречного тумана, а уж я щепу с бревна сгоняю. Без подмоги колочусь, самосильно. Только бы поясница не подвела, чтоб ей... Плотников-то, видишь, не по карману нанимать. Да и на кой они мне, ежели у самого руки из потребного места растут.

Работа эта, по правде сказать, душевного свойства – баньку-то рубить. Огладишь ладонями каженное брёвнышко, выныачишь его, жёлоб топором вострым выберешь да тепло рук своих передашь деревине, – вот тогда банька тёплой задастся, с этакой особенной духмяностью, с уютом, за который у нас на севере и зовут её матушкой. Люди телеса свои охаживают знойным веничком, покряхтывают да приговаривают: в баньке-де паришься – век не старишься.

Солнышко ещё не прозевалось, а уж я, поё-

живаясь от утренней прохлады, поднимаюсь на помост. Беру долото, киянку увесистую и начинаю долбить пазы для нагелей, коими венец к венцу крепят. Слева – соседские наделы с домиками, справа – лес. Крайний я, стало быть, в нашем дачном братстве, и это мне по душе, потому как не могу без леса. Он непременно рядышком быть должен.

Кончив один паз, громко говорю:

– Эй, Дядя, где ты там? Пора бы, да!

Это я знакомому дятлу. Его рабочее место – на высоченной матёрой сосне, что метрах в двадцати от моего участка. Захворала старая, под корой лютый короед завёлся, а дятел всё лето как бы врачует её. Так повелось, что за работу мы с дятлом вместе принимаемся, спозаранку. Дупло у него, видать, поблизости – здешний, значит, Дядя. Стоит мне взяться за долото, глядь – и он летит. У него, брат, тоже подходящее долото, поди не хуже моего.

«Что это он нынче? – думаю себе, на сосну поглядываю. – Второй уж паз кончаю...»

Стучу дальше. Из-под долота вылетает мелкая щепка. Их, щепок, целая гора набирается после рубки бани, года на два, пожалуй, печной растопки хватит.

161

СТОЛПОВСКИЙ Петр Митрофанович родился в 1943 году в городе Ачинске Красноярского края, в эвакуации. Детство провел в Воронежской области. Некоторое время жил в Новокузнецке, работал в газете «Кузнецкий рабочий», учился в Новокузнецком пединституте, откуда перевелся в Коми государственный педагогический институт. С 1973 г. живет в Сыктывкаре. Автор нескольких книг прозы. Переводчик на русский язык произведений коми писателей, коми фольклора. Лауреат первой премии Всероссийского конкурса на лучшее художественное произведение для детей и юношества, премии Правительства Республики Коми в области литературы имени И.А. Куратова. Член Союза писателей России. Народный писатель Республики Коми. Живёт в Сыктывкаре.

А дятла всё нет. Уж не случилось ли что с пернатым лекарем?

И вдруг: тук-тук-тук!

Ну, слава Богу, прилетел.

— Здорово живёшь, Дядя!— говорю ему.— Разоспался, должно, в дупле своём.

Тот поглядел в мою сторону, покрутил головой в красной шапочке. Дескать, чего беспокоиться — подумаешь, на каких-нибудь пять минут опоздал.

Дядя — птица строгая, работающая. Крикливых ворон, как мне кажется, считает кончеными бездельниками, терпеть их не может.

Вот три тётки-вороны грузно опустились на верхушки соседних елей и такой противный грай подняли, что и работа не мила. Дядя тоже не выдержал, сорвался с сосны — и к ним! Тётки от него врассыпную! Машут запылённо серыми крыльями своими, будто тряпками, в страхе озираются — как бы не долбанул сзади железным долотом. А тот шуганул бездельниц — и уже снова на стволе: тук-тук-тук! тук-тук-тук!

— Одобряю,— говорю я Дяде.— А то уши от их карка закладывает.

Так мы день за днём в и соседствуем с ним в работе. Стоит мне спугнуть утреннюю тишину топорным стуком, дятел Дядя тут как тут. Поработает часик и полетит к другому дереву. Их у него немало по всему лесу — хворых дерев, которым помощь надобна.

Слышу, калитка скрипнула — мне её за калиной не видать. Веня по дорожке топает.

— Честь труду, сосед!

— Труд-то честь, это верно,— отвечаю недовольно.— А ты, я погляжу, никак не нагуляешься.

Конечно, негоже так гостя встречать, но уж больно надоел мне этот шалопут, прости господи. Мужик ещё сорока нет, руки-ноги на месте, а он третий год нигде не работает. Летом на даче околачивается, зимой, небось, в диване ямину углубляет задом своим ленивым. Так вот и сидит на жениной шее, бесстыжий, какой-то свой принцип дурацкий блюдет. Иной день на виду у дачников важно этак прошагает по проезду с ружьём на плече — на охоту, мол, подался, материал для чучел надобен. Деловой, как же! Только вот с добычей его никто не видел. Разве что ворону шибёт да из неё чучело сладит, авось за бутылку косорыловки кто возьмёт.

— Я тебе, Веня, могу адресок дать, на стройку возьмут.

— Семёныч, ты же знаешь мой принцип,— кри-

вится Веня, будто у него кутные зубы заломило. — Я власти кланяться не буду.

— А тебя и не зовут кланяться. Засучай рукава да вкалывай, как все добрые люди. Дятел вон и тот своё дело знает.

Он бы, может, послал меня куда подальше, но нет, не пошлёт — обход у него каждодневный. Всех дачников в округе обходит: у того пяток сигарет стрельнёт, у другого глотком пива, либо ста граммами разживётся, у третьего сколько-то рубликов выцыганит. Вот и приходится ему терпеть мои нотации.

Веня внимательно поглядел на дятла, хмыкнул:

— Мне, Семёныч, не стройка нужна. Я редкий специалист, не шалай-валяй. Таких, как я, чучельников, по всему, может, северу раз-два и обчёлся. А они, гады, по боку меня.

Бог с ним, с чучельником этим, — дал я ему десятку от своей убогой пенсии. А то не отвяжется, будет час канючить, «власть» костерить. Какая уж тогда работа? Лучше сразу от него откупиться.

На другой день проснулся спозаранку, умылся, чайку выпил. Только сапоги натянул, слышу — тук-тук-тук! Дядя барабанит.

Надо же, опередил меня, шельмец этакий! Вышел на крылечко, а он с верхотуры на меня поглядывает, и кажется мне, будто глаз в усмешке прищурил: что, мол, плотник, разоспался в дупле своём?

— Ладно, Дядя, нынче твоя взяла, — посмеиваюсь.

Взялись за дело. Он долбит, и я долблю. Как-то даже в лад у нас получается. Дружно, оно не грузно — верно старые люди говорят.

После обеда пришлось в город мне ехать за скобами — четырех штук не хватило. Да и гвоздей-двухсотки прикупить не мешает. Вернулся на другое утро, снова взялся за работу. Дяди на сосне нету. Значит, не стал меня ждать, отбарабанил своё спозаранку и улетел по лесным делам. Может, подумал про меня: вконец, мол, обленился плотник, прогуливать начал. Ничего, мы ещё поглядим, кто кого — завтра до солнца за работу примусь.

Но на следующий день я его не дождался. Тюкая топором, то и дело поглядывал в сторону материнской сосны — Дяди нет как нет. Может, всего короёда вывел и больше ему нечего выдалбливать на этом дереве?

Дядя и на другое утро не появился, и на треть-

Загрустил я, по правде сказать. Будто напарника лишился, и теперь не с кем даже словом перекинуться. А тут ещё, как в насмешку, на эту сосну тётки-вороны повадились садиться. Вот уж бабы-то базарные! И час, и другой сидят, глотки свои лужёные дерут. А каркают-то как отвратно! Один раз даже не выдержал: плюнул в сердцах и ушёл в домишко чай пить. Пью чай, сам думаю: чего ж ему со мной не работалось? Вроде, в ладу жили, ничем я Дядю не обидел, обхождение у нас с ним самое что ни есть уважительное. Не то уж дятлица какая в соседний лес сманила?.. Нет, не похоже – серьёзный он мужик, дятел Дядя.

Смешно сказать, но как-то не заладилась у меня работа без Дяди. То скобу не так присобачил, потом битых полчаса вытаскивал из бревна да переделывал. То по пальцу себе киянкой шандарахнул – ноготь враз побурел. Правый банный угол отвесом проверил – и тут невезение: кривизну проворонил... Это всё по рассеянности. Я ведь одним глазом на долото, а другим – на сосну.

На пятый день понял: не прилетит больше Дядя. В другие леса, поди, переметнулся. Грешным делом пенять ему стал за это.

А банька худо-бедно до последнего венца поднялась, скоро стропила ставить.

Под вечер слышу: за калиной снова калитка скрипнула. Принципиальный лодырь Веня шлёпает, рот до ушей. В руках у него полиэтиленовый пакет. Небось у дачников чем-то разжился.

– Честь труду! Не бойся, Семёныч, ничего я у тебя не попрошу.

– А и попросишь, так не дам, – говорю ему ммуро.

Не обижается Веня – он давно обидчивость на попрошайничество сменил.

– Потому и не попрошу, – говорит, – что не дашь. У меня, Семёныч, кой-чего есть для тебя. Купи, недорого отдам.

И выпрастывает из пакета чучело. Не то опять ворона?

Я как разглядел, что он из пакета вытащил, так у меня и сердце упало: Дядя...

ОКО НА ЛАДОНИ

Тому случаю уж сорок с лишним лет, а око нет-нет да всплывёт в памяти. Оно либо висит в воздухе само по себе, либо лежит на полу под столом. И смотрит на меня. Неотрывно, пылливо смотрит, словно ждёт от меня какого-то призна-

ния. Прямо душу наизнанку выворачивает глаз этот немигающий.

«Сто раз тебе объяснял, и снова скажу: не виноват я! – в сердцах говорю ему. Про себя говорю, нутряным как бы голосом: – Не я дурацкие традиции выдумываю. Если хочешь знать, я за всю жизнь ни одной традиции не придумал. Так что прощай и больше не являйся».

Око нехотя таяло в воздухе, растворялось, а я начинал ломать голову: чего, спрашивается, пристало ко мне? Чертовщина какая-то, блажь навязчивая. Вычеркнуть из памяти – и вся недолга. А то выходит, что я сам с собой дурака валяю.

Хорошо это или плохо, но мне кажется, что стоит рассказать о том давнем случае. Для этого надо вернуться в то время, когда великая наша держава была искренне заражена идеей борьбы за счастье всех людей на планете.

Журналистские пути-дороги привели меня, молодого, лёгкого на подъём, в казахстанские степи, где во всю возможную ширь развернулась целинная эпопея. Быстроногие сайгаки, джейраны вовремя чесанули подальше от этой страсти. Труднее было сусликам, суркам-байбакам и прочим тушканчикам.

Путь мой лежал в глубину обширного казахстанского мелкосопочника, в уделы знаменитого совхоза, в котором директорствовал пожилой мужик с редкостной крестьянской хваткой. И надои у него, и привесы, зерновые да корнеплоды – всё выше всяких похвал. На скотном дворе содержался живой символ совхоза – бык по имени Апрель. Весу в нём больше тонны. Спина у этого быка такая просторная, что ложись на неё загорать – не сверзишься. При этой своей могучести Апрель спокоен до состояния флегматика. А кольцо в носу всё же имеет. На вопрос – «зачем», зоотехник Анюшкин, длинный как жердь, отвечал философски:

– Жизнь, она ведь не только у людей непредсказуема, у быка тоже, знаете ли, будь здоров. Положим, случись Апрелю мозгами пошатнуться – всё вокруг в щепки разнесёт. А кольцо в носу и его, и нас бережёт.

Заполнил я свой блокнот цифирью со словами разными. Пора назад двигаться. Но тут прикатила чёрная партийная «Волга». Выпрастывается из неё шофёр, парень важный. Ему на меня показывают. Подходит: так и так, товарищ первый секретарь райкома Атабай Атабекович просит в гости.

– Не могу, – отвечаю, – пора мне возвращаться.

– Плохо, – качает головой райкомовский шофёр. – Очень плохо.

– Почему плохо, да ещё очень?

– Обидится товарищ Атабай Атабекович. А это очень плохо.

Тут в разговор встречается глубокомысленный зоотехник Анюшкин:

– Сказать по чести, Жамбыл прав: тут вариантов нет. Советую почтить первого секретаря. Это всегда способствует.

Я никогда не умел перечить философам, поэтому махнул рукой:

– Ладно, Жамбыл, поехали в гости к товарищу...

– Атабаю Атабековичу.

– Ничего, по дороге выучу.

Поспели аккурат к началу мероприятия, которое проходило в столовой районного значения. Уже расселась за бесконечным столом районная знать, уже нацелились в бесконечность расчелённые коньячные дула, а возбуждённый Атабай Атабекович озаглавил застолье подведением итогов борьбы за что-то очень важное для района. За это почтенное собрание успело хрюкнуть по рюмке пятизвёздочного.

Меня усадили рядом с молодым человеком, который оказался старше меня лет на пять.

– Алексей, – представился он. – Это ты из областной газеты? А я из управления сельского хозяйства.

Сбоку от нас зашушукались:

– Атабай Атабекович знак подал. Сейчас Махамбет вынесет! Смотрите!

Дверь из кухни медленно открылась. На пороге стоял некто. Я невольно вздрогнул. Некто держал на уровне своих плеч огромный поднос с жареной бараньей головой, которая таранилась на публику двумя сердитыми глазами. Получалось, что эта голова сидит на плечах человека. Зрелище, скажу вам, для обладателей надёжных нервов.

– Коронный номер уважаемого Махамбета, – крикнул кто-то, и грянули аплодисменты.

Плотный, крепко сбитый повар поставил поднос перед хозяином торжества.

– Молодец, Махамбет! – вскричал возбуждённый товарищ Атабай Атабекович. – Никто во всей республике не умеет так жарить баранью голову! Это наш, районный секрет. Махамбет даже мне, первому секретарю райкома, не го-

ворит этот важный секрет. И правильно делает, товарищи!

Гром аплодисментов! Растроганный Махамбет кланялся, прижимая руку к сердцу.

– Сейчас начнётся! – шепнул Алексей из управления. – Будь спокоен, как тумбочка.

Кланяющийся Махамбет задом открыл дверь и исчез в кухне.

– Природа, товарищи, лучше нас знает арифметику! – возвестил Атабай Атабекович, возбуждение которого всё усиливалось. – У барана два глаза! У нас, за этим скромным столом, два почётных гостя из области. Поприветствуем их!

– Встаём, – шепнул Алексей из управления.

Мы встали под аплодисменты и раскланялись на оба конца стола.

– Мы уважаем старинные традиции, – продолжал Атабай Атабекович. – Глаза барана – угощение для почётных гостей.

Он протянул назад ладонь, и некто вложил в неё огромный кухонный нож. С ловкостью фокусника хозяин застолья изъясил из головы глаз и, держа его на ладони, двинулся к нам.

– Положено открывать рот, – с грустью шепнул Алексей из управления.

– Это вам, уважаемый Алексей Иванович, за то, что вы любите наш знаменитый район!

С этими словами Атабай Атабекович вложил глаз в открытый рот Алексея. Видя, чего стоило ему проглотить бараний глаз, я подумал, что так у меня ни за что не получится и конфуз будет обеспечен.

Блеснул нож – и на ладони второй глаз. Эта ладонь надвигается на меня неотвратимо, как судьба! И уважаемый Атабай Атабекович говорит о том, что я, выдающийся журналист, тоже люблю этот знаменитый район! Что делать?

Видя, что мой рот закрыт, товарищ первый секретарь с недоумением замер надо мной.

– Можно сначала поддержать его в руке? – робко спросил я.

Пауза. Сбой ритуала.

– Желание гостя – закон для хозяина! – твёрдо изрёк хозяин, и глаз лёг в мою ладонь.

Публика с любопытством смотрела на меня. Я с подлой улыбкой обвёл взглядом обитателей стола, открыл рот и вложил в него это всевидящее баранье око. Стол зааплодировал!

– Молодец! – наклонился ко мне Алексей из управления. – Мне первый раз тоже трудно было.

Благодарно кивая в ответ на аплодисменты, я опустил руку под стол, и бараний глаз из рука-

ва пиджака шлёпнулся на пол. Он смотрел на меня оттуда, как мне показалось, с ненавистью, даже с отвращением.

Тем временем хозяин отхватывал ножом ломтики от жареной головы и одаривал ими гостей – строго по ранжиру, по заслугам.

А глаз всё пялился на меня. Носком ботинка я пытался отфутболить его дальше, но глаз переворачивался и продолжал жечь меня взглядом.

Не выдержав, я встал и подошел к хозяину.

– Атабай Атабекович, должен просить у вас прощения – мой поезд через пятьдесят минут.

– Жамбыл отвезёт вас. Счастливого пути!

Вот и вся история. С тех пор, когда я слышу о новой традиции, всегда спрашиваю:

– А глотать ничего не надо?

Татьяна ГОРОХОВА

КРАСАВИЦЫ, ПОЭТЕССЫ, АКТИВИСТКИ...

Отклик на книгу стихов Александры Коржовой
«Надышаться ветром»

(Саратов, ООО «Амирит», 2023. – 48 с.)

Весной, едва проклюнувшись из земли, желтые солнышки первоцветов стремятся успеть «надышаться ветром». Как это важно – стремиться и успеть! А если за этим последует «куда» и «зачем» – то человек способен шагнуть за горизонт, и если захочет, то сможет дотянуться до радуги.

После прочтения сборника стихов можно сказать, что Александра Коржова знает, куда идет и зачем, и в этом движении ей «каждая секунда дорога». Она пытается «поймать мгновение за хвостик» и выразить поэтическим языком всю гамму чувств, которую испытывает человек в самую прекрасную пору жизни. Каждый миг узнавания и познания мира окрашен сочным цветом, каждая секунда бытия имеет свой неповторимый звук и аромат. Вот как об этом говорит Александра: «В мыльном шаре радуга-дуга, / И она, как будто по спирали, / Тянется в космические дали». Свои координаты в этом мире на данный момент Александра обозначила так: «я точка в системе земной». И пусть она пока «птичка из мятой бумаги», но поэтическая душа рвется вверх, в небо, где можно свободно парить, как настоящая птица, ведь у нее «крылья стрижиные». И это есть ответ на собственный вопрос «Душа моя с крыльями или без?»

Рано или поздно подросшие птенцы, встав на крыло, улетают из родительского гнезда. Так и человек, «оставив свой страх и домашний спокойный уют», однажды «отправится в путь по тропинке к вершине горы» или может пойти по иному пути, «пока еще выбор дают». «Размышлизмы» в стихах Александры имеют оптимистичный оттенок, и это несмотря на то, что ночь «черней черничного сока» или «чернее зрачка волчицы», а «крик хищной птицы в небесах» сковывает душу. Но страхи неизбежно пройдут, время сотрет неудачи и потери. А сейчас для счастья надо всего-то «под дождем дурочить-

ся!» и пытаться находить «солнценосных людей, / у которых свет из-под ресниц».

Есть в сборнике два стихотворения, где говорится о виниловых пластинках, время которых давно ушло. Но все же, если «опустить иглу на диск», можно услышать «хриплый голос – как стон души». Эти старые пластинки, как машина времени, могут переместить в детство, поэтому они дороги Александры. И хоть «память, словно дымок, горчит», но это только от невозможности повернуть время вспять. В какой-то момент «виниловые пластинки, письма, игрушки» помогут «тебе согреться», но при одном условии – если будешь их бережно хранить и «смаживать пылинки» со старой коробки. Тонкую ниточку памяти легко порвать, а чтобы этого не случилось, нужно иметь чуткую душу, горячее сердце и большое желание беречь родимое гнездо.

Чистой, воздушно-прозрачной атмосферой наполнены строчки стихов дебютного сборника Александры Коржовой. Недаром слова «ветер» и «небо» часто встречаются в них. Вот только сердце у Александры – «воин без опыта». А посему однажды возникает вопрос: «Кто подрезал крылья и прервал полет?» К сожалению, так бывает, ведь жизнь – это не «поле боя в клетку», тем более, если ты «хрупкая веточка гипсофила». И хоть можешь обойтись «без воды, без тепла и ласки», но без нежности – нет. На языке цветов гипсофила символизирует чистосердечие, искренность, доброту и чистоту помыслов, а в Великобритании ее называют «дыханием ребенка». Как мне кажется, образ именно этого цветка точно передает поэтическое дыхание сборника.

Хрупка не только цветочная веточка, но и «следы на первом снегу», оттого и «зыбок пунктирный узор на полотнах снегов». И Александра Коржова задумывается: как не «исчезнуть бесследно?», ведь она хотела бы «Остаться хоть отзвуком тихих несмелых шагов...»

Отклик на книгу стихов Оксаны Роковой
«Слушая сердцебиение дома»

(Кемерово, Кузбасский центр искусств,
2024. – 46 с.)

Песня, ставшая «визитной карточкой» певицы Ларисы Долиной, вспомнилась сразу же после прочтения дебютного поэтического сборника Оксаны Роковой. Авторы музыки и стихов Руслан Горобец и Михаил Танич вряд ли предполагали, что песня «Погода в доме», впервые прозвучавшая в декабре 1996 года, превратится в гимн семейных отношений или в гимн семейного счастья. Помните строчку из припева песни: «Главней всего погода в доме, а все другое суета»? В названии сборника Роковой слово «дом», как и в песне, является главным, и Оксана «следит за его сердцебиением», стараясь не допустить аритмии, повышения или понижения давления. Она зна-

ет переданный мамой секрет, дающий стопроцентный результат, для того чтобы атмосфера в доме была нормальной.

Слово «дом», которое можно встретить почти во всех стихах Оксаны Роковой, включает множество смыслов, начиная от маленького мирка и заканчивая планетарным домом и целой вселенной. Для Оксаны, как и для любого человека, нет ничего важнее в жизни, чем теплый, надежный дом, где тебя понимают, любят и ждут, где обогреют, утешат, укроют от всех печалей и невзгод. Ведь недаром родились у нее такие строчки: *«Домик, деревце, а рядом речка, / чтоб себя немного заземлить»* или *«Верни меня. Замедли. Приземли»*. И выбранная для обложки картина художницы М. Буровой с изображением разных миров, в каждый из которых можно войти через распахнутые двери подъезда, дополняет и оттеняет название книги теплым, мягким светом, льющим из окон многоквартирного дома.

Юлия Сычева в предисловии отметила в стихах Оксаны Роковой «обилие глаголов как символов действия». И это действительно так. Глаголы придают динамичность стихам, постоянно меняя сюжетную картинку. Например, в каждом из шести четверостиший одного стихотворения содержится от двух до четырех глаголов: «иду», «стою», «выйти», «обнаружить», «покормить», «почирикать», «гляжу», «замыкаюсь», «ищет», «летит», «пролетает», «жужжит», «лечить», «прорастает», «опадает». Хорошо ли, плохо ли насыщать строчки большим количеством слов, меняющих действие того или иного героя в стихотворении, есть вопрос вопросов. Как пишут литературные критики, стихи легче запомнятся детьми, когда в них много глаголов. А вот работа глаголов в стихах для взрослых – в каждом случае индивидуальна. Ярким доказательством являются стихи Оксаны Роковой, где пара строк – это одна из смысловых составляющих полноценного законченного акта маленькой пьесы или большого спектакля. И это неизбежно, ведь она видит мир глазами режиссера.

Оксана Рокова смело отправилась в плавание на своем первом кораблике по океану поэзии, и пока еще *«штурвал бумажный обретает твердость, / и волей духа строится каркас»*.

Отклик на книгу стихов Ирины Надириной «Дышите жабрами»

(Саратов, ООО «Амирит», 2024. – 64 с.)

В первой книге, как гласит аннотация, в стихах дебютного сборника отражены самые разные темы, что волнуют автора, и в них можно услышать голос общества и современности.

Сборник стихов «Дышите жабрами» – вторая книга Ирины Надириной. В него вошли стихи из первой книги стихов «Снегоотточие», написанные с

2013 года по 2020 год и новые, написанные за последние несколько лет. Стихи второй книги имеют менее агрессивный характер, нежели в первой, а хулиганистая и порой достаточно грубовато-напористая игра с ассоциативными образами и попыткой образования новых слов и словосочетаний сглаживается углубленным взглядом внутрь себя и размышлениями о смысле жизни. Новая книга имеет совершенно другую интонацию, ритм и начинается со слов: *«Дай прикинуть и прикипеть – / я начну по-другому петь»*. Прошло всего каких-то десять лет творчества, а «путь к себе» оказался «не близкий». И вопросов стало еще больше, чем ответов: *«На рубеже мы стоим отныне. / Только часы спешат»*.

Ключевым словом в творчестве Ирины Надириной, как мне кажется, является «снег», а с ним неизбежно связан «холод» с легко рифмуемым словом «голод». Зимой нужно топить печь и чистить двор от снега и от этого никуда не деться и *«снег нельзя приспособить для нужд»*. И как точно подмечено: *«В Сибири снег – молитва, символ веры»*, как, собственно, и для всей России. Недаром в творчестве русских поэтов снег является символом нашей страны.

А вот еще: *«Ты знаешь, как тут пахнет снегом?»* Эта строчка из стихотворения Ирины Надириной практически повторяет название автобиографической повести Людмилы Чех «Запах черного снега», где рассказывается о жизни в еще одном кузбасском шахтерском городе – Киселевске. Людям, живущим в зеленых солнечно-цветущих городах, невозможно понять, как это можно *«замараться о снег, стать чернее небесной сажи»*.

Образ снега – многозначный образ, его нельзя истолковать однозначно. Под снегом подразумевается какая-то вечная сила и бесконечная мудрость. Ирина Надирина верит *«в снег, как верят в имена»*, и потому *«открытая ладонь – это храм для снега»*. Для нее снег – это *«пыльца, слетевшая с крыльев ангелов»*, поэтому в минуты отчаяния и боли поэт обращается к снегу за помощью: *«остуди огонь, укроти огонь, помоги...»* Или, например, снег способен даже стать доктором, который *«прописал покой»*.

В русской пейзажной лирике снег является важным мотивом, но у Ирины Надириной найти стихи со снежными пейзажами сложно, разве что эти строчки: *«Снег в ноябре объемлет тишину. / Снег в ноябре растет корнями в землю <...> Под снегом листья превратятся в прах»*. Нет в ее арсенале и стихов, где слово «снег» имеет разные интерпретации, если не считать такой строки: *«Сплетаются снежинки-теломеры»*. У нее все гораздо жестче, и даже в отношениях с противоположным полом сплошная суровая реальность: *«В смиренной рубашке снег и сон <...> А дома в рюкзаке все тот же снег», «Я в твоей жизни – матовый снег под сажей», «Знаешь, хотелось бы белого снега. Не кровотошь»*. Хотя нет, есть строчка,

понятная всем сибирякам, когда с цветущей черемухи ветер сдувает лепестки: *«для нас в мае падал пушистый, прозрачный снег»*. И еще строка, где после долгой зимы приходит весна, а с ней пробуждается надежда на жизнь: *«Снег растаял, а значит, весна, на старт!»*

В стихах Ирины Надировой много щемящей грусти, печали, размышлений о скоротечности жизни, и через образ снега ей удается передать душевные страдания от происходящих в том или ином времени событий: *«у нас забрали хлеб и сыр – подменят завтра снег», «остается лишь плюнуть на все – с белым снегом остыть»*. И дыхание ледящего снега-сава-на ощущается почти во всех стихах Ирины Надировой: *«Что нам пугаться погоста, снега?»*, *«Думаю – в снег мне лечь-то как, чтобы не на ветру?»*

Сложное, причудливое название «Снегоотточие» удивительным образом определяет суть содержания первой книги Ирины Надировой. Не только карандаш можно отточить лезвием, но, оказывается, и

сибирский снег способен, как зернистая наждачная бумага, отшлифовать человека, отчего тот становится стойким к невзгодам, сильным духом. И еще он становится поэтом. Название второй книги дано автором по одноименному стихотворению «Дышите жабрами», в котором говорится о противоречии современной жизни. А в какие времена их не было? Человек с обостренным чувством совести, ищущий справедливости, всегда задыхался в несовершенном мире, точно так же, как Ихтиандр не смог бы жить в грязной воде. Стихотворение заканчивается такими словами: *«Научите меня дышать»*. Разве можно этому научить? А если из материального мира перейти в метафизический, то смысл слов «дышите жабрами», вероятно, можно прочесть как необходимость возврата к тому состоянию человека, когда он еще не утратил данную природой способность, был чист и не имел грехов.

Татьяна Горохова,
г. Топки

12 июля Д. Филиппенко, О. Рокова и Я. Орехова приняли участие в шоу «Утро на троих» на радио «Кузбасс FM».

17 июля в доме-интернате для престарелых в д. Журавлёво прошло представление журнала «Огни Кузбасса», посвящённое 75-летию издания. Перед жителями дома выступили поэт Д. Мурзин и литературовед Т. Горохова.

18 июля в с. Ельцовка Алтайского края в музее памяти Е. Ф. Савиновой прошла творческая встреча с поэтом Д. Филиппенко.

19 июля в центральной библиотеке Юрги прошло представление журнала «Огни Кузбасса», посвящённое 75-летию издания. Во встрече приняли участие юргинские писатели Т. Твердохлебова, Н. Сенн, А. Рулёва. Вел мероприятие поэт Д. Мурзин.

21 июля в центральной библиотеке г. Белово прошло представление журнала-юбилея «Огни Кузбасса». Встречу вела Т. Маркинова.

25–28 июля состоялся Большой книжный фестиваль в Бийске. Кузбасс представляли Д. Мурзин и А. Мухарев. Д. Мурзин вместе с Ю. Татаренко и А. Маркиной провел круглый стол о проблемах толстых журналов и представил свою книгу – победителя премии «Гипертекст» «Расходные материалы». А. Мухарев представил альманах «Фантастика 42».

25 июля в центральной библиотеке г. Калтан прошло представление журнала «Огни Кузбасса», посвящённое 75-летию издания. Встречу вела А. Коржова.

26–28 июля Я. Орехова приняла участие в Фестивале молодого многонационального искусства «Таврида.АРТ».

27 июля состоялся литературный фестиваль «Юго-Александровский родник-2024» имени Л. Гержидовича. Хозяйка Н. Гержидович традиционно открыла фестиваль пирогами со щавелем и родниковой водой. В конкурсе декламации стихотворений Л. Гержидовича первое место досталось К. Бильман, второе – Д. Филиппенко, третье – Ю. Сычевой. Праздник продолжился представлением журнала-юбилея «Огни Кузбасса». В конкурсе авторских стихотворений победила О. Рокова, второе и третье места у В. Гуляева и Ю. Михайлова. Со-

трудники библиотеки им. Л. Гержидовича устроили для гостей фестиваля литературный «Гержидович-квест» по творчеству и биографии поэта.

Ещё одна библиотека Кузбасса стала именной. Библиотеке-филиалу поселка Щегловский Централизованной библиотечной системы Кемеровского муниципального округа присвоено имя кузбасского поэта Анатолия Иленко.

Н. Дубровская и А. Савченко вошли в короткий список поэтической премии для детских поэтов им. Э.Д. Гольцмана.

В рамках проектов Кемеровского регионального отделения Союза писателей России и Совета молодых литераторов Кузбасса вышли выпуски «Значение слова» с Н. Дубровской (Кемерово), В. Куприяновым (Москва) и «Литература. Разговор за кружкой чая» с С. Улановой.

Т. Ильдиминова с рассказом «Инопланетянин» стала дипломантом Международного литературного Волошинского конкурса в номинации журнала «Формаслов».

Книги Т. Ильдимировой «За горизонтом» и М. Сычевой «Солнце в силках» вошли в каталог «100 новых книг для детей», изданный Центральной городской детской библиотекой им. А.П. Гайдара (г. Москва)/

Книга Т. Ильдимировой «За горизонтом» номинирована журналом «Огни Кузбасса» на Национальную премию в области литературы для детей и подростков и вошла в длинный список (полуфинал); вошла в длинный список Всероссийской литературной «Премии Читателя», составленный из книг отечественных писателей, изданных в 2023 году и чаще всего запрашиваемых читателями в библиотеках.

2 августа в д. Марьевка Яйского района прошли традиционные Федоровские чтения, в которых приняли участие члены Союза писателей России Е. Трухан, М. Брюзгина (Эйдер), Е. Краснова, Н. Дубровская, лауреат журнала «Огни Кузбасса» Т. Горохова и литературный активист Э. Вистерман. На праздник приехали литературные студии из Анжеро-Судженска, Топок, Кемерово, пгт. Ижморского, Яи. В Марьевском литературном музее прошел круглый стол с участием сотрудников именных библиотек Кузбасса.

3 августа в пгт. Краснобродский прошёл VII открытый фестиваль-конкурс поэзии «Свежий ветер». Писатели Н. Глушкова, Е. Тюшина и А. Поселенов в составе жюри оценивали стихи участников литературных студий в номинациях «Гражданско-патриотическая, пейзажная лирика», «Сатира и юмор», «Стихи для детей».

4 августа в Кемерове состоялся I городской литературный фестиваль «Мысли» (организатор КАО «Азот»), на котором О. Рокова представила свою дебютную книгу «Слушая сердцебиение дома», А. Коржова познакомила слушателей с книгой «Надышаться ветром», Т. Ильдиминова рассказала о сюжетах и героях книги «За горизонтом», Я. Орехова представила пьесу «Человечки». В работе фестиваля приняло участие кемеровское издательство «Лаборатория воображения».

5–14 августа Н. Мурзина работала с подростками в качестве руководителя поэтической мастерской в Алтайском краевом профильном лагере «Бардовская песня» и провела творческий вечер для детей и преподавателей.

9–12 августа в Липецке поэты Д. Мурзин и Д. Филиппенко приняли участие в литературном фестивале им. А.И. Левитова. Они выступили с чтением стихов, руководили семинарами. Д. Мурзин представил участникам и гостям фестиваля журнал «Огни Кузбасса».

24 августа поэт Д. Мурзин выступил на литературно-музыкальной встрече на писательских дачах в поселке Комарово «Зелёный шатёр».

30–31 августа в Кемерово на площадках кузбасского фестиваля «Книжная площадь» был проведён «Книжный клуб Совета молодых литераторов Кузбасса», прошли творческие встречи с членами Союза писателей России: О. Роковой, Я. Ореховой, А. Коржовой, О. Солодовниковой, И. Надировой, Д. Филиппенко, Т. Ильдиминовой, И. Фроловой, семейными парами писателей А. Правдой и В. Лавриной, Н. и Д. Мурзины. Состоялся юбилейный вечер журнала «Огни Кузбасса». В работе фестиваля приняли участие кузбасские издательства «Лаборатория воображения» (Кемерово) и «Союз писателей» (Новокузнецк). Ярким событием фестиваля стал поэтический турнир «Недуэль», в котором участвовали 22 поэта из Орла, Пскова, Махачкалы, Междуреченска, Белово, Тисуля, Бачатского, Санкт-Петербурга и Кемерова. Победителей определили зрители и члены жюри. Первое мес-

то заняла А. Деркач-Полищук (Междуреченск), второе – В. Шагиахметов (Кемерово), третье – Александр Командин (Кемерово). Приз зрительских симпатий – В. Коньков (Кемерово).

В рамках проектов Кемеровского регионального отделения Союза писателей России и Совета молодых литераторов Кузбасса вышли выпуски «Значение слова» с Е. Черниковым (Каменск-Уральский), А. Белоусовой (Омск) и «Литеаратура. Разговор за кружкой чая» с А. Королёвым (Кемерово).

3 сентября в Мариинске подвели итоги литературного конкурса «Литераторы земли сибирской», где в номинации «поэзия 14-35 лет» первое место заняла А. Деркач-Полищук (Междуреченск), в номинации «проза» третье место О. Рокова (Берёзовский).

5–8 сентября Я. Орехова приняла участие во Всероссийской конференции литературных критиков и литературоведов «Большой стиль» (Москва).

9–15 сентября 2024 года в Санкт-Петербурге прошёл литературный фестиваль им. А. А. Ахматовой «Тайны ремесла». В литературной дискуссии «Война и мир: духовная и гражданская миссия русской литературы» принял участие поэт Д. Мурзин

12 сентября в центральной библиотеке пгт Яя прошло представление журнала «Огни Кузбасса». Встречу провёл и. о. главного редактора Д. Мурзин.

14 сентября поэт Д. Мурзин побывал на Международном фестивале «Книжная Сибирь» (Новосибирск). Он принял участие в творческой встрече «Мы здесь живём» и круглом столе «Тренды в современной литературе: следовать или задавать», представил свою книгу «Расходные материалы», рассказал о журнале «Огни Кузбасса».

18 сентября в библиотеке им В. Федорова прошёл вечер памяти В. Куропатова, посвященный 85-летию со дня рождения писателя. О жизни и творчестве известного кузбасского прозаика и журналиста рассказали дочь писателя Е. Трофимова, Г. Шалакин, Г. Карпова, зав. отделом «Музей книги» В. Лаврушкина. Участниками встречи стали студенты Сибирского политехнического техникума.

26 сентября в библиотеке имени Р. Рождественского (г. Омск) состоялась встреча «Непростая литература для простых подростков», на которой были представлены книги Ю. Лаврашиной «На девятый день» и Т. Ильдимировой «За горизонтом», посвященные пожару в ТЦ «Зимняя вишня». После представления книг и их обсуждения для школьников – участников встречи также проведен тренинг по правилам пожарной безопасности.

27–30 сентября Т. Ильдимирова и Д. Филиппенко приняли участие в качестве руководителей литературных семинаров в литературном фестивале «Капитан Грэй» (Мурманск).

В рамках проектов Кемеровского регионального отделения Союза писателей России и Совета молодых литераторов Кузбасса вышли выпуски «Значение слова» с В. Арнаутовым (Кемерово), И. Виноградовым (Мурманск), Ю. Татаренко (Новосибирск) и «Литература. Разговор за кружкой чая» с Д. Воденниковым (Москва).

НАШИ ПУБЛИКАЦИИ

Альманах «Земляки» (Нижний Новгород) №1(36) напечатал стихи **А. Коржовой**.

Журнал «Сибирские огни» (Новосибирск) №6 опубликовал подборку рассказов **А. Королёва** из цикла «Короткометражки».

Журнал «Южный маяк» (Краснодар) № 3 (13) опубликовал подборку стихотворений **Ю. Сычевой**.

Журнал «Нижний Новгород» №2 (55) напечатал стихи **А. Коржовой**.

Альманах «Белый бор» (Сыктывкар) за 2024 г. опубликовал подборки стихов **С. Донбая, Ю. Сычёвой, Н. и Д. Мурзиных** и рассказ **А. Королёва** «За день до зимы».

Журнал «Дальний Восток» (Хабаровск) №4 напечатал подборку стихотворений **Д. Филиппенко** «И получается портрет».

Журнал «Веретено» (Калининград) №13 напечатал стихи **А. Коржовой**.

ИЗДАНЫ КНИГИ

Сычева Ю. Семейные ценности. – Саратов: Амирит, 2024. – 104 с.

Игнатъев Н. Тайна долины золотых богов. Роман-фэнтези. – Кемерово: Кузбасский центр искусств, 2024. – 280 с.

Надирова И. Дышите жабрами. – Саратов: Амирит, 2024. – 64 с.

ДОРОГИЕ ЧИТАТЕЛИ!

Журнал «Огни Кузбасса» проводит курс на расширение творческих связей с писателями, а также с журналами других регионов России:

«Наш современник» (Москва),
«Родная Ладога» (Санкт-Петербург),
«Сибирские огни» (Новосибирск),
«День и ночь» (Красноярск),
«Врата Сибири» (Тюмень),
«Алтай» (Барнаул),
«Бийский вестник» (Бийск),
«Дальний Восток» (Хабаровск),
«Сибирь» (Иркутск),
«Начало века» (Томск),
«Сихотэ-Алинь» (Владивосток),
«Литературный меридиан» (Приморский край, г. Арсеньев),
«Подъем» (Воронеж),
«Север» (Петрозаводск),
«Енисей» (Красноярск),
«Природа Алтая» (Барнаул),
«Гостиный двор» (Оренбург),
«Роман-журнал. XXI век» (Москва),
«Бельские просторы» (Уфа),
«Русское эхо» (Самара).

По отдельности тиражи наших журналов небольшие, но, если их сложить, сумма света, который они несут, будет значительной.

Наше издание распространяется в библиотеках и учебных заведениях Кузбасса, высылается авторам журнала, в редакции вышеперечисленных журналов и литературных газет, а также подписчикам.

Редакция журнала принимает рукописи, отпечатанные на компьютере через полтора интервала (12–14-й кегль), с обязательным приложением флешки с набором текста в любом формате. Вместе с текстом просим присылать краткую биографическую справку, данные паспорта, ИНН и номер страхового свидетельства.

Редакция знакомится с рукописями авторов, не вступая в переписку. Рукописи не рецензируются и не возвращаются. За достоверность фактов несут ответственность авторы статей. Их мнения могут не совпадать с мнением редакции.

Наш электронный адрес: sp_kuzbass@mail.ru.

Наш сайт: <https://ognikuzbassakci.ru>.

Журнал «Огни Кузбасса»
Главный редактор **Д. В. Мурзин**
№ 5. Дата выхода в свет: 12.12.2024
Индекс 12234
Тираж 1600 экз.

Формат 60×84%. Бумага офсетная № 1. Гарнитура «Arial».

Печать офсетная. Усл. печ. л. 20,0 + 0,5 л. цв. вкл. Уч.-изд. л. 20,0. Заказ № 166. Цена свободная

Адрес редакции: 650000, Кемеровская область – Кузбасс, г. Кемерово, пр. Советский, д. 40. Тел. 8 (3842) 36-85-14.

Адрес издателя ГАУК «Кузбасский центр искусств»: 650000, Кемеровская область – Кузбасс, г. Кемерово, ул. Дзержинского, д. 6. Тел. 8 (3842) 75-04-88.

Адрес типографии ООО «Принта»: 650055, Кемеровская область – Кузбасс, г. Кемерово, ул. Пролетарская, д. 9.

Журнал «Огни Кузбасса» зарегистрирован Управлением Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций по Кемеровской области.

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ТУ42-00877 от 10 марта 2017 г.

Учредитель (соучредители) (адрес): Государственное автономное учреждение культуры «Кузбасский центр искусств» (650000, Кемеровская область – Кузбасс, г. Кемерово, ул. Дзержинского, д. 6),

Кемеровское областное отделение «Союз писателей Кузбасса» Общероссийской общественной организации «Союз писателей России» (650000, Кемеровская область – Кузбасс, г. Кемерово, пр. Советский, д. 40)

Корректор **Е. Л. Ясинская**
Верстка: **Ю. В. Гапонова**

Вручение поэту А. Пятаку
премии им. В. Баянова

Представление журнала «Огни Кузбасса»
в центральной библиотеке пгт Яя.

Первый региональный литературно-краеведческий фестиваль
имени М. А. Небогатова. Гурьевск. 10 октября.

ДОРОГИЕ ЧИТАТЕЛИ!

Подписку на журнал «Огни Кузбасса»
можно оформить
через ООО «Урал-Пресс Кузбасс»
по телефону 8 (3842) 58-70-37

Приобрести журнал можно в редакции
по адресу: пр-т Советский, 40